

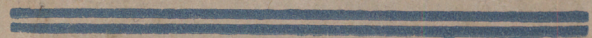
Н О В Ы Й
М И Р

12

Н О В Ы Й М И Р

1949

12

1949

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXV

№ 12

Декабрь 1949 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЖДЮ НАРОДОВ И. В. СТАЛИНУ
в день его семидесятилетия

Стр.

Стихи поэтов шестнадцати Советских республик и стран народной демократии

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ — Имя — знамя	3
С. МАРШАК — Памятная страница	6
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ — Великое имя. Перевел с украинского Мих. Матусовский	8
АРКАДИЙ КУЛЕШОВ — Слово о вожде народов. Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского	9
МИРМУХСИН — Сестра вождя. Перевел с узбекского Семен Гудзенко	14
АБУ САРСЕНБАЕВ — Свет в пустыне. Перевел с казахского Илья Сельвинский	15
С. ЧИКОВАНИ — В Погсаде. Перевел с грузинского Н. Забо- лоцкий	17
СУЛЕЙМАН РУСТАМ — Ученик Сталина. Перевел с азербайджан- ского Павел Панченко	19
ВЛ. МОЗУРЮНАС — С именем вождя. Перевел с литовского Д. Самойлов	23
ЛИВИУ ДЕЛЯНУ — Всенародная любовь. Вольный перевод с мол- давского Ник. Сидоренко	24
АНДРИС ВЕЯН — Латгальский колхозник — Сталину. Перевел с латышского В. Журавлев	25
ААЛЫ ТОКОМБАЕВ — Сталину. Вольный перевод с киргизского Юрия Яковлева	26
МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ — Солнце мира. Перевел с таджикского Владимир Державин	27
ГЕВОРК ЭМИН — Ему я верен неизменно... Перевела с армянского Вера Звягинцева	28
КАРА СЕЙТЛИЕВ — Источник побед. Перевел с туркменского А. Тарковский	30
МАРТ РАУД — Почетная вахта. Перевела с эстонского Вера Звя- гинцева	32
Т. ГУТАРИ — Я голосую за Сталина. Перевел с финского Леонид Хаустов	33
Албания АЛЕКС ЧАЧИ — Сталин с нами. Перевел с албанского Д. Самойлов	34
Болгария ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ — На рассвете. Перевел с болгарского Лев Озеров	37

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
Венгрия РЕТКЕШ АРПАД — Красная звезда. Перевел с венгерского Л. Мартынов	38
Корея КИМ ДЕ ГЮ — Приветствие Сталину. Перевел с корейского В. Журавлев	38
Румыния ГЕОРГИЙ МАЙОРЕСКУ — Москва моя! Перевел с румынского Александр Гевелинг	39
Чехословакия ОЛЬДРЖИХ ЗЕМЕК — Великий друг. Перевел с чешского Семен Гудзенко	40
—	
ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ — Незабываемый 1919-й. Пьеса	41
И. ГОРЕЛИК — Сталинский лауреат. Документальная повесть	102
ПУБЛИЦИСТИКА	
АННА КАРАВАЕВА — О самом дорогом человеке. Заметки писателя	175
Дневники. Воспоминания. Документы	
ПЕРЕПИСКА СТАХАНОВЦЕВ	192
Очерки наших дней	
ГЕННАДИЙ ФИШ — Превращение видов	209
Книжное обозрение	
<i>Литература и искусство</i>	
Борис Агапов. Сила нравственного идеала большевиков. — Полковник Н. Денисов. Герой сталинских маршрутов. — Ярослав Смеляков. Дорога к счастью. — Полковник М. Толченев. Книга, разоблачающая поджигате- лей войны.	233
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ. Октябрь-ноябрь 1949 года	243
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» за 1949 год	247

—

Утро нашей Родины.

С картины лауреата Сталинской премии Ф. Шурпина.

ВОЖДЮ НАРОДОВ И. В. СТАЛИНУ

В ДЕНЬ ЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Стихи поэтов шестнадцати Советских республик и стран народной демократии

★ ★ ★

ИМЯ — ЗНАМЯ

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

★

СТАЛИН!

Снова,
 снова
 и снова,
в разных концах
 обширной земли,
от наших границ
 вблизи и вдали,
слышится
 это ясное слово.
Китайский рабочий,
 яванский повстанец,
французский шахтер,
 батрак итальянец,
негр в Алабаме,
 воин в Вьетнаме,
несут это имя,
 как факел,
 как знамя.
Я в жизни объехал
 много стран.
Англию видел,
 знаю Иран,

был в Скандинавии, в Альпах.
 И всюду,
 где трудно живется
 рабочему люду,
 слово СТАЛИН,
 как дружбы начало,
 на всех языках
 сердечно звучало.

Его,
 на закате жизни короткой,
 в тревожной и душной
 иранской ночи,
 шептали,
 сжигаемые чахоткой,
 маленькие ткачи.

В стране,
 где песни звучат, как рыданье,
 толпой бандитов
 зажаты в кольцо,
 то слово
 нефтяники в Абадане
 бросали
 своим убийцам в лицо.

Шахтеры
 в шотландском городе Глазго
 вложили в него
 надежду и ласку.

И тысячи лондонцев
 в светлом зале
 навстречу этому слову
 вставали.

В Варшаве,
 в Констанце,
 в Пеште —
 везде,
 где счастье труда
 осенило людей,
 над морем голов,
 над людскими колоннами,
 знаменами,
 песнями окрыленными,
 над звоном оркестров
 слова выросли:

Нех жие Сталин!
 Трайаска Сталин!
 Елиен Сталин!

Мы знаем —
 в мире опять неспокойно.
 Торговцы смертью
 планируют войны.

Но, разливаясь
 все шире и шире,
 движенье за мир
 разрастается в мире.

И знают люди
 в каждой стране:
СТАЛИН —
 это не быть войне!
СТАЛИН —
 это свободно жить!
СТАЛИН —
 это социализм творить!
И потому
 в просторах земли,
над Вислой,
 над Гангом,
 вблизи и вдали,
на разных наречьях,
 снова
 и снова,
слышится
 твердое, ясное слово —
 СТАЛИН!

ПАМЯТНАЯ СТРАНИЦА

С. МАРШАК

★

Хочу я внуку рассказать о том,
Что бережно в душе моей хранится.
Рассказ начну я с памятной страницы.
В Большом дворце Кремлевском был прием.

В те дни, когда летучие ракеты
Нам озаряли сумерки весной,
Когда салют и гром — глашатай лета —
Гремели, чередуясь, над страной;

Когда войска — народ вооруженный, —
По площади широкой проходя,
Бросали с бою взятые знамена
Перед трибуной славного вождя;

Когда шагали по Москве солдаты,
Еще недавно бравшие Берлин, —
И пожилой гвардеец седоватый,
И — рядом с ним — двадцатилетний сын, —

В те дни и твоему случилось деду
Бродить в толпе народной по Москве,
А вечером — на первом торжестве —
С творцом победы праздновать победу.

Такой счастливый, долгожданный час
Бывает в нашей жизни только раз,
И если был, — то кажется нам сказкой.

Под звон часов пришли мы к башне Спасской.
Под звон, который знает вся земля,
Вошли в ворота старого Кремля.

Шагая по асфальтовой панели,
Мы огибали белые дома.
Шаги веков — казалось нам — звенели
Здесь, на чершине древнего холма.

Мы думали, прервав свои беседы,
Что за одним из окон здесь живет
Тот, чья рука ведет родной народ
Высокими дорогами победы

Что здесь в былые дни работал Ленин,
Писал декреты, планы создавал.

Вот и дворец. Широкие ступени —
И входим мы в Георгиевский зал.

Меж белых стен, где памятные доски
Еще храняг преданья старины,
Проходят Василевский, Рокоссовский,
Толбухин, Конев — только что с войны.

Проходят боевые сталинградцы,
Герои Черноморья и Днепра...
Вокруг столов сверкающих садятся
Те, кто в землянках жил еще вчера.

И вдруг опять в огромном светлом зале,
Порывом крыленные одним,
Все поднялись. Вошел товарищ Сталин,
И Молотов и Ворошилов с ним.

Катясь подобно рокоту морскому,
Рукоплесканья потрясали зал.
Но вот он встал — такой нам всем знакомый,—
Держа в руке наполненный бокал.

Он встал под шум торжественный привета,
Наш полководец мира и войны,
Тот, на кого во всех краях планеты
С надеждою глаза обращены.

И сохранились в памяти навеки
Его неторопливые слова
О рядовом герое торжества —
Простом и незаметном человеке.

И сам он был так бесконечно прост —
Народный вождь, военачальник, зодчий.
И вспомнился его давнишний гост
В Батуме — в тесной комнатке рабочей.

В кругу друзей встречал он Новый год
И, у окна синеего стоя,
Сказал он: — Выходит солнце молодое.
Настанет день — для нас оно взойдет! —

Оно взошло с востока величаво
И не померкнет в небе никогда
Над той страной, где воинская слава
Стоит на страже мира и труда!

ВЕЛИКОЕ ИМЯ

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

★

Пройди по свежей борозде
Просторами родными,
Где люди славятся в труде
Победами своими, —
И ты повсюду и везде
Его услышишь имя.

Где правда в руки меч берет
И песня кривды спета,
Где за свободу встал народ —
В любой частице света,
У всех долгот, у всех широт
Услышишь имя это.

Его портрет — во всех краях,
Где люди к миру рвутся,
Его слова — во всех сердцах,
Что для народа бьются,
Что презирают ложь и страх
И гнету не сдаются...

Над Ильичем в последний раз,
Холодною зимою,
Он присягнул в прощальный час
Присягою святою
И, помня Ленинский наказ,
Повел нас за собою.

В любом ударе молотка,
В любой бороздке поля,
В труде кипучем, как река,
На фабрике и в школе —
Великого большевика
Мечта, порыв и воля.

*Перевел с украинского
Мих. Матусовский.*

СЛОВО О ВОЖДЕ НАРОДОВ

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

★

Сегодня мой стол рабочий
Столом не могу я назвать.
Сегодня — это трибуна,
С которой мне выступать.

Пусть летит мое слово
За горы, за океан.
Я к вам его обращаю,
Трудящиеся всех стран.

Я — металлист, электрик,
Колхозный комбайнер я.
Я — гражданин советский.
О Сталине речь моя.

Лети, мое слово, в Софию,
В Прагу, в Пекин, в Шанхай.
Из рупора рвись, мое слово,
На площадях громыхай.

Лети и туда, где неволя
Ютится в подвалах сырых,
Где люди ни неба, ни солнца
Не видят из окон своих.

Лети, мое слово, в подвалы,
В промозглую темь бункеров,
Хоть там и не слышен сегодня
Торжественный гул рупоров.

Там примут тебя и без рупора
Батрак, рудокоп иль кузнец,
Настроив на волны советские
Приемники братских сердец.

Они загорятся весельем
При встрече с могучей волной,
Что соединила сердца их
С моею отчизной родной.

Тем людям, что солнца не видели,
Так дорог наш солнечный дом!
Они товарища Сталина
Своим называют вождем.

★ ★

Когда отправляется юноша
В дорогу по жизни своей,
Себе выбирает он по сердцу
Наставников и друзей.

Вот так и товарищ Сталин
В дни юности выбрал себе
Наставников мудрых и верных
Друзей по великой борьбе.

Бессмертная правда Ленина
К нему из России шла.
Ей горная цепь Кавказская
Дорогу закрыть не могла,
Если бы даже не горной —
Жандармскою цепью была.

Не раз ему школьной скамьею
Тюремная койка была.

Он видел ржавые прутья
Решеток железных, глухих —
Школ для революционеров
Не строили раньше без них.

Узнал он остроги, этапы,
Пургу, туруханский снег —
Шесть раз побывал он в ссылке,
Пять раз совершал он побег.

Да, все он узнал... И в семнадцатом
Плечом к плечу с Ильичем,
Он стал революции мастером,
Творцом ее и вождем.

★ ★

Матрос и красногвардеец,
Солдат революции я.
О битве великой за волю,
О Сталине речь моя.

* *
*

Колумб, проведя корабли свои
Сквозь океанский шквал,
Открыл когда-то Америку
И Новым светом назвал.

Свет новый, открытый Колумбом,
Зовется старым, друзья,
С тех пор, когда залп с «Авроры»
Услышали все края.

Народ наш своей революцией
Тогда, в океане бед,
Открыл для народов мира
Поистине новый свет.

* *
*

Уже коммунизм по Европе
В те дни не как призрак блуждал,
Уже с баррикады рабочей
Он миру свой стяг показал.

Уже с баррикады рабочей
Октябрьскою светлой порой
Не призраком он — революцией
Предстал перед всею землей.

Уже сквозь фронты гражданской
Пронес он свой стяг боевой,
Народы в Союзе братском
Надежно сплотив с Москвой.

Уже коммунизм по Европе
Блуждал не как призрак тогда —
Уже он народы России
Из тьмы выводил навсегда.

* *
*

Я — часовой на границе,
Кузнец, землелашец я.
Минута молчанья, товарищ,
Склоните знамена, друзья...

В тот день, как не стало Ленина,
Как битву покинул стратег,
Застыла земля, занесенная
Снегами до самых стрех.

Покинул он битву?.. Неправда!
Он битву не покидал.
Свое боевое наследство
Он Сталину передал.

Одну шестую планеты,
Выванную из цепей,
Ему передал он, чтоб Сталин
Дал счастье планете всей.

Нет, битву Ильич не покинул,
Вовеки он не умрет —
Его боевое наследство
Без усталости множит народ.

В армии коммунистов
Мы облик его узнаем —
Глаза, что прищурены мудро
Под ясным высоким лбом.

Его незабвенный голос,
Величье простых его слов
Запечатлели страницы
Бессмертных его томов.

Живет он в своем наследстве,
В делах народа всего
И в том, что земля свершает
Свой путь по законам его.

Живет он в своем наследнике —
Вожде трудовых людей.
Живет он в Сталине.
Сталин —
Ленин сегодняшних дней.

* *
*

Партия, словно армия,
Неутомима в борьбе.
Походов тяжесть, как армия,
Несет она на себе.

У партии, как у армии,
Дисциплина — закон.
У партии есть полководец,
Ведет ее в битву он.

Армия коммунистов
Спаянностью сильна.
Со дня своего основания
В борьбе и походах она.

Шагает она бесстрашная
За полководцем своим,
Ветрами дорог пропахшая
И дымом пороховым.

Идет — народа защитница,
Основа его основ,
Честь его, меч его, правда его —
Партия большевиков.

* *
*

Не зная свободной минуты,
Весною, летом, зимой,
Мы не с днепровской стихией
Вели героический бой.

И аммоналом взрывая
Пласты промерзшей земли,
Вздымая леса новостроек,
Мы бой не с природой вели.

Добытым огнем электрическим
И силой машинной, стальной
С земли родной окончательно
Мы старый сметали строй.

И тьму разгоняя светом,
Слал в помощь Трактороград
Крестьянам трактор за трактором,
Как за снарядом снаряд.

Я помню, как трактор тот первый
Пронесся у наших берез,
Как дедовскую полоску
Плугами взорвал и понес.

Понес ее вместе с межою,
С полыни седой бородой,
Чтоб сотни таких же полосок
Единою сделать землей.

Понес, чтобы в поле бескрайном
Бескрайное жито росло,
Чтоб старому строю дорогу
Оно преградило в село.

Чтоб к счастью дорогою новой,
Единой дорогою шли
Рабочие фабрик, заводов
С рабочими поля, земли.

* *
*

Я — тракторист, учитель,
Шахтер и строитель я.
О битве великой за счастье,
О Сталине речь моя.

Когда-нибудь вам приходилось
Подумать на тропах лесных
О том человеке, что первым
Прокладывал некогда их?

Он шел сквозь чащобу дремучую
Упрямой дорогой своей,
Он шел, топором обрубая
Преграду из темных ветвей.

Прокладывать к счастью дорогу
Неизмеримо трудней.
Ее сквозь преграды враждебные
Ведут миллионы людей.

Тем людям слышны ежедневно
Угрозы заклятых врагов.
У них на пути вместо пуши —
Лес пушек, чащоба штыков.

Враги норовят ежечасно
Дорогу их кровью залить.
Не выиграв битвы жестокой,
Путь к счастью нельзя проложить.

Такую дорогу прокладывал,
Все дальше идя что ни год,
Со Сталиным вместе народ наш,
Двухсотмиллионный народ.

* *
*

Вы думали, верно, о нашей,
О трудной дороге, друзья,
В те дни, когда враг ворвался
В родимые наши края.

Когда он обрушил на мирные
Дымки людских очагов
Дым темный пожаров зловещих,
Лес темный штыков и стволов.

Когда он залил пулеметным
Огнем и кровью людской
Хлеба, что дорогу к счастью
Густой обступали стеной.

* *
*

Неволя людская и воля
Столкнулись в те грозные дни.
Дороги свои, словно сабли,
Скрестили в сраженье они.

Под небом багровым дороги,
Блестая, врезаются в даль.
Одна об одну они бьются,
Как сталь о враждебную сталь.

Трясется земля от ударов,
Грохочет клинок о клинок.
Селения рушатся наземь,
Как ратники, сбитые с ног.

Вдоль гулких дорог, что
скрестились,
Под пеплом лежат города.
Какой из дорог в запустенье
Травой зарасти навсегда?

Неволя людская иль воля
Падет, обессилев в бою,
И больше с травы не поднимет
Гремящую саблю свою?

* *
*

Я — моторист, механик,
Танкист, самоходчик я.
О нашей победе великой,
О Сталине речь моя.

Он с Площади Красной бесстрашно
На фронт, что гремел под Москвой,
Полки посылал боевые
Простертой на Запад рукой.

Когда же приблизился к Волге
Сраженья жестокого гром,
Он принял решение:
свой город
Над Волгой поставить щитом.

Держали тот щит солдаты
И знали: ни шагу назад!
Не зря ведь начертано было
На грозном щите:
СТАЛИНГРАД.

Ни бомбы фашистские — с неба,
Ни рурские танки — с земли,
Ни тысячи вражьих снарядов
Щит этот пробить не могли.

.....

Тогда еще Сталин предвидел
Боев сталинградских исход,
Когда он путем пятилеток
По-ленински вел нас вперед.

Тогда еще мы заслонили
Стальным сталинградским щитом
От смерти — детей своих малых,
От пламени — отчий свой дом.

Тогда еще нам довелось
От гибели злой уберечь
Народы, которых фашисты
Хотели в Майданеке сжечь.

.....
Вот так он предвидит сегодня
Грядущих сражений исход.

* *
*

Со Сталиным к счастью дорогу
Прокладывает народ.

И письма от миллионов
Летят к вождю, как привет,
Как знак любви всенародной,
Читает их целый свет.

Не просто привет сердечный
По проводам полетел.
Мы шлем ему телеграммы
За подписью наших дел.

С торжественной телеграммой
Мы входим в почтовый дом.
Мы пишем на праздничном бланке
Червонным карандашом.

Пусть буквы на этом бланке
Знаменами станут в строй,
Знаменами, под которыми
Сплотился народ трудовой.

Земель обездоленных люди,
Хотелось и вам бы, друзья,
Приветствовать так... Но в неволе
Приветствовать так нельзя...

Земель обездоленных люди,
Мы вас понимаем без слов!
Пишите привет свой знаменами
На площадях городов.

Пусть ваши знамена, как буквы,
Сольются в горячий привет.
Пусть ваше посланье могучее
Увидит, услышит весь свет.

Идите, рабочие люди,
За счастье свое воевать,
И Сталину большего счастья
Не сможете вы пожелать.

Сражаясь за лучшую долю,
Пишите привет боевой.
И знайте — он будет услышан
Великим вождем и Москвой.

* *
*

Сегодня стол мой — трибуна,
С которой мне выступать.
Земель обездоленных люди,
Я к вам обращаюсь опять.

Сегодня солдат наш вчерашний
Стоит за рабочим станком,
Сидит самоходчик на тракторе,
Танкист на комбайне своем.

Хоть вражеских армий фашистских
Закончили мы разгром,
Но битва с капитализмом
Не завершилась на том.

Сегодня она — в сражение
Трудящихся мира за мир.
Проходит линия фронта
Через Париж и Каир.

Проходит она океаном,
Идет по Нью-Йорку она,

Откуда свободе и миру
Опять угрожает война.

Оружьем и долларом снова
Бряцают палач и банкир.

Нам старая эта угроза
Знакома, как старый их мир.

Друзья! Не достаточно ль пролили
Они нашей крови и слез?!
Наш мир не пора ли избавить
От них и их подлых угроз?!

Я этим вопросом закончить
Свое обращение хочу.
Товарищи! Вместе со Сталиным
Боритесь по Ильичу.

Чтоб правда, врагов побеждая,
Вот так же дойти к вам смогла,
Как нынче она до Китая
Дорогой победы дошла.

*Авторизованный перевод с белорусского
Якова Хелемского*

СЕСТРА ВОЖДЯ

МИРМУХСИН

★

В тяжелой раме золотой
На полстены — картина.
Приходит к ней старик седой,
И мать приводит сына.

Не пожалел художник сил,
На краски не скупился.
Тому, что он изобразил,
Узбекистан дивился.

Нарисовал дехканку он
В президиуме съезда.
И все узнали Таджикион:
— Эх, хороша невеста!

Стоит.
Косички заплела.
Ну, прямо как живая!
Улыбка девичья светла.
Косынка — голубая.

Цветы,
 цветы,
 цветы вокруг.
И на трибуне Сталин.
Приветствовать его, мой друг,
Все делегаты встали.

Мираб¹,
 дехканин,
 агроном

¹ Мираб — колхозник, ведающий распределением воды арыков.

Ему рукоплескали.
Как будто прокатился гром
В Большом Кремлевском зале.

Стоит и наша Таджихон —
Вождя призывы слышит.
Сестрой назвал дехканку он.
Об этом «Правда» пишет.

...Прошли года.
И седина
Посеребрила косы.
Но не ушла ее весна.
Не увядают розы!

На ней тот самый, голубой
Платок, что на картине.
Ее колхоз передовой
Известен всей долине.

И земли у «Большевика»
Без края, без границы.
И вспять повернута река,
Чтоб хлопок мог напиться.

И трактора идут, гудя,
Полями на рассвете.
И Таджихон —
Сестра вождя —
Вздет подруг к Победе!

*Перевел с узбекского
Семен Гудзенко.*

СВЕТ В ПУСТЫНЕ

АБУ САРСЕНБАЕВ

★

Пустыня.
Песок да небо на свете.
Мир
Горизонтом зажат в кольцо.
Только дышит
горячий
ветер,
Пламенем обжигая лицо.
Веет ветер.
Куда?
Откуда?
Песчаный смерч
заметает пути.
Дюны встают горбами верблюда.
Тут не пройти.
Пески кочуют. Пески наступают.
Сыпучкой.
Наплывами.
Зыбью полос.
Лишь кое-где
солонцы сверкают
Седыми пятнами
засохших слез.
Обиженный край.
Не чирикнет
пичуга.
Не скрасит
унынья
даже бурьян.
Лето? Зима ли? Сменяют друг друга
Самум песчаный и снежный буран.
За ямами дюны.
За дюнами ямы.
Над ними — за веком век...

Москва.
Кремль.
Из траурной рамы
Пристально в мир глядит человек.
А за столом
другой,
помоложе,

Над картой
плечи
склонил,
И зоркий глаз, на орлиный похожий,
Оглядывал край — Косшагыл.
Чуть-чуть дымится короткая трубка.
Порою вспыхнет. Порой засипит.
За темным окном —
московская крупка.
Спит столица.
Но вождь не спит.
Вот он берет
цветной
карандаш,
Острый,
как мысль полководца.
Пред ним
змеится
горный кряж,
Дорога
к низинам вьется.
Вот степи пошли.
Вот пустыня пошла,
Мертвый покой Косшагыла,
«Проклятые земли», исчадие зла,
Где вместо жилья —
могилы.
Бьют куранты на башне Кремля.
Бледнеет небо востока.
Привольно
дышит
родная
земля
От Минска
до Владивостока.
Лишь тут,
в Косшагыле,
царствует смерть.
Самум
летит
многоверстный.

Но карандаш
на крутящийся смерч
Наносит
алые
звезды.

Песок да небо.
Пустыня.
Но разве пустыня она?
Обычно
под жгучей
синью —
Безжизненная тишина.
А здесь?
Рассвет еще дымчато-сер...
Но говор, но шум!
Как все незнакомо...
— Кто этот юноша?
— Инженер!
— А тот, пожилой?
— Секретарь райкома.
— А этот? Видите? Златокудрый?
— В кепке?
— Да.
— Парторг из Москвы.

Сталинский план,
прозорливый,
мудрый,
Вышел из карты
за ткань канвы
И лег
на дюны,
на зыбуны,
На эти пески тугие
Плацдармами
большевистской
войны
С великой
желтой
стихией.
Бураны воют, как прежде выли,
Как прежде, кочуют отары пыли,
Но в дюлах
уже
озера горят,
Радугой черной блистая,
Как будто воде подарила наряд
Большая
павлинья
стая.

Звонит колокольчик
на шее
верблюда.
В пустыню вступил караван.
За желтой грудой желтая груды —
Встает за барханом бархан...
И вдруг...
Не мираж ли это плывет?
О, нет! Караванщик зорек —
Он ясно видит:
могучий флот
Стоит
на черных
озерах!
Он слышит:
люди, волнуясь, кричат,
В отъезд собираясь как будто...
Но то —
нефтяные
вышки
торчат,
Но то —
озера
мазута,
Но то —
бурильщиков шумный народ,
Гордясь
трудовою
силой,
Свою
большую
работу
ведет
В зыбучих песках Косшагыла.
В пустыне, где вечно плясали
метели,
Где смерчи кружились,
самумы свистели.
Где вечно тянулись дорогой тоски
Одни пески да пески,—
Там,
побеждая
стихии,
По замыслу большевика —
Вдруг
засияли
огни золотые
И путь осветили
народу
в века!
*Перевел с казахского
Илья Сельвинский.*

В ПОТСДАМЕ

С. ЧИКОВАНИ

★

Я посмотрел с моста на улицы Потсдама,
Где Фридрих кончил жизнь, пьянея от войны.
Дворец и озеро, и парков панорама
Мне были с высоты отчетливо видны.
Как мирно над водой теперь белеет парус!
В лесу ль затих огонь, иль в этой глубине?
Мне в выраженье волн почудилась усталость —
Гнездом затихших бурь они казались мне.

И долго я смотрел на тихие аллеи...
Был славный год, когда наперекор врагу
Великий Сталин наш, за Родину болея,
Задумчиво стоял на этом берегу.
Он полчища врагов преодолел, могучий,
Он бурю укротил на рубеже эпох,
Он душу мирную — залог эпохи лучшей —
Вдохнул в решения Совета Четырех.

Уж снова к западу от озера ложились
Ночные сумерки... Но, презирая тьму,
Кормило мирных дней держал он, и стремились
Все помыслы Вождя к народу своему.
Он в доме этом жил, где парк шумит зеленый,
Где по утрам лежит серебряный туман,
Он здесь гулял в саду, и поднимали кроны
Над головой его чинара и платан.

Когда герой-солдат, страдая от ранений,
Спешил на Родину, где все цвело окрест,
Под купами берез искал он мирной тени
И слушал Сталина из этих дальних мест.
Когда рабочие для пятилетки новой
Обдумывали свой первоначальный план —
Любой из них стоял как мира страж суровый
И слушал Сталина из этих дальних стран.

Плывет осенний лист по озеру Потсдама,
Вечерняя заря над городом встает.

Враждебный гул войны и глухо, и упрямо
Американский здесь пронесит самолет.
Он хочет поразить младенца в колыбели,
Он хочет повернуть историю назад..
Но нет! В июньский день не будет вновь метели —
В борьбе за общий мир народы победят!
Вот голубь вдалеке над озером взлетает,
И парус шелестит над пеленою вод,
И взор мой пристальный окрестность обнимает,
Где жил наш мудрый Вождь в тот незабвенный
год.

То, что сказал он здесь, — все остается в силе,
Весь мир помолодел, почуяв новый путь.
И если только шум американских крыльев
Глухой удар войны обрушит где-нибудь, —
Народы всей земли всей яростью своею,
Всею силою своих миллионных голосов
Сумеют оборвать кровавую затею, —
Им дорог Сталинский животворящий зов.

Перевел с грузинского
Н. Заблочный.

УЧЕНИК СТАЛИНА

СУЛЕЙМАН РУСТАМ

★

Я у моря гуляю с мальчуганом родным,
Знамя детское вьется, полыхает над ним.

Машет сын мой ручонкой — и трепещет сильней
Знамя мира и счастья, знамя будущих дней.

Сердце мальчика бьется, это счастье цена.
Он вопросами щедро засыпает меня.

Мы по городу нефти держим с мальчиком шаг.
Мой Баку — первой бури на Востоке очаг.

Сын мой памятник видит, и подходит, и встал,
И глядит изумленно на гранит и металл.

— Папа, кто это, папа?
— Мальчик, это Ханлар!

Дай-ка лучше стихами расскажу я о нем,
Сближу в сердце и в песне Прошлый с Будущим
днем.

Шел Ханлар против гнета, сил своих не щадя,
Был питомцем и другом он родного Вождя.

Голос бедных селений с детства он понимал,
Слово правды рабочей он, как штык, поднимал.

Ухом к сердцу народа с юных лет он приник
И народа любимцем
стал, Вождя ученик.

Он за Кобой, за Кобой шел всегда и во всем,
Зная: в мир коммунизма мы планету ведем.

Благородный, учиться он у Мудрого рад —
И бросается в битву, как герой, как солдат!

Вся в борьбе, вся в грядущем у Ханлара душа,
Стачке, схватке, сраженью говорит он: Яшá!¹

¹ Яшá — да здравствует.

Он горит настоящим большевистским огнем:
От величия Кобы что-то чувствуется в нем.

Ясность утра, отвага есть в глазах у него,
Отблеск алого стяга есть в глазах у него.

И такая в нем вера в правоты торжество,
Что ни ссылка на север милых сердцу его,

Ни шпионская слежка, ни угроза штыком,
Ни жандармские плети — он и с ними знаком! —

Ни кровавые пятна на тюремной стене —
Не страшны ему вовсе! Нет, он тверже вдвойне!

Дом всемирной свободы, человеческих прав
Строит он, в основание первым камнем отдав

Большевистское сердце... Строит он и поет.
Но увы! Совершилось... Плакал в горе народ...

Черной ночью однажды на морском берегу —
Я об этом спокойно говорить не могу! —

За Ханларом следили. И напали. И он
Рухнул наземь, родимый... Нет, он не был сражен!

Здесь он кем-то из наших найден был поутру.
Он сказал: — Я не умер... я вовек не умру...

Искрой весть о злодействе город нефти зажгла —
И пожар забастовок охватил промысла!

Так пожар за пожаром, за ударом удар —
Мстил за сына мой город, непреклонен и яр.

Пусть Ханлар бездыханен — верность жизни храня,
Стал он дивной частицей солнца нашего дня.

Сон его охраняя — сон бессмертного свят, —
В карауле почетном вместе с Кобой стоят

Мешади Азизбеков, Фиолетов Иван,
Шаумян и безмолвный от печали и ран

Мой народ непокорный...
Спит любимец наш, спит...
А гудки сиротливо стонут, плачут навзрыд.

Траур Биби-Эйбата. Тишина. Тишина.
Налетевшего ветра песня тоже грустна.

Даже малые дети знали имя борца.
Гроб его пронесли сквозь людские сердца.

Говорило молчанье: — Душу к бою готовь!
Смерть за смерть — наша мера!

Боль за боль!
Кровь за кровь!

Обернулся оружием этот гроб — и вперед,
Пробивая дорогу, вел к победе народ.

Взвили флаги печали на судах моряки.
Тучи в небе сгустились — тяжелы, широки.

Эти грозные тучи не из глаз ли людей?
О, как страшен мой город в лютой муке своей!

Чтобы Кобу родного от врагов уберечь,
У рабочего люда глаз отточен, как меч...

На лице Кобы строгом — все, что скрыто в груди:
Буря скорби и гнева. Он идет впереди.

Так разлука с питомцем для него тяжела,
Что горюю на плечи и на душу легла...

Боль утраты крепчает, словно ветер, — и вдруг
Зазвучала над бухтой песня мужества, друг,

И ее подхватили, и шумит, как приборь,
Песнь о славных, кто жертвой пал в борьбе
роковой.

Вера в близость победы мудрой верой его,
Все глядели на Кобу, на Вождя своего.

Шел за Кобой любимым
на врагов,
на господ
Героический, сильный, непреклонный народ!

Сын мой!
В этой могиле
спит народный герой,
Это море знакомо с той ненастной порой.

Эти горы видали, как, не согнут бедой,
Над могилой Ханлара Сталин встал молодой.

Это небо слыхало, да и Родина вся,
Как великою клятвой он тогда поклялся:

Знамя Ленина свято над землю нести,
Никогда не сгибаться с ним в победном пути!..

Города и селенья — вся родная страна,
Повторив эту клятву, ей осталась верна.
Был к последнему бою каждый сердцем готов,
Сталин вел их к победе, к счастью вольных годов.

Сталин — партии воля, Сталин — недругам страх,
С революцией слился он в правдивых сердцах.

★ ★
★

С той кровавой години много минуло лет,
Но не стерся в народе друга Сталина след.

Верным сыном Отчизны мы навеки горды.
Он трудов своих видит золотые плоды.

Труд его превратился
в песню,
в камень,
в металл:
Здесь он улицей чудной, там он городом стал.

Славен он на советской, на свободной земле,
И всегда о Ханларе помнит Сталин в Кремле.

Перевел с азербайджанского
Павел Панченко.

С ИМЕНЕМ ВОЖДЯ

ВЛ. МОЗУРЮНАС

★

Тридцать девятый. Забастовка.
Реакция идет на нас.
Но вновь подпольная листовка
Зовет к борьбе рабочий класс.

Подвал. Свеча во тьме подвала
Качает тени по стенам...
Здесь слово Сталина звучало,
Пути указывая нам.

Глухая ночь плыла снаружи.
Слова борьбы запрещены.
И только лязгало оружие
Среди тюремной тишины.

Литва звенела кандалами,
Закованная на века.
Литву за круглыми столами
Распродавали с молотка.

Но в глубине крошечной ночи
Глаза горели у людей,
Когда в подвале встал рабочий,
Сказав, что близок светлый день.

Он видел приближенье срока.
Руками стены разводя,
Он говорил про свет с Востока,
Про путь великого вождя.

И вождь глядел на нас
с портрета —
И будто поредела мгла,
И будто бы лучами света
Душа освещена была.

И мы пошли тогда на приступ,
Срывая тяжкий груз оков,
Услышав в слове коммуниста
Зов партии большевиков.

Пусть славит гордая отчизна
В пылу свободного труда
Путь Сталина, путь коммунизма,
Которым мы пошли тогда.

*Перевел с литовского
Д. Самойлов.*

ВСЕНАРОДНАЯ ЛЮБОВЬ

ЛИВИУ ДЕЛЯНУ

★

Когда ты видишь: в домах золотой
Металл клокочет, озарив Урал,
Знай — это только капля силы той,
Что Вождь отчизне и народу дал.

И если в Дагестане сад цветет,
Идет в Донбассе уголь на-гора,
А в Заполярье зреет первый плод,
От стужи сбережен дымком костра;

И если, радуя казаха взгляд,
В степи сверкает хлопок серебром,
И если виноградарь стал богат
В Молдавии, над голубым Днестром, —

Знай, радость изобилия и свет,
И песни счастья на путях побед —
Со Сталиным мы это обрели.

Живи, Учитель, много-много лет,
Любовью всенародною согрет,
Воспет на сотнях языков земли!

Вольный перевод с молдавского
Ник. Сидоренко.

ЛАТГАЛЬСКИЙ КОЛХОЗНИК — СТАЛИНУ

АНДРИС ВЕЯН

★

За то,
Что, сбросив беды с батрака,
Меня ты крепко на ноги поставил,
За то, что землю дал мне на века, —
Благодарю тебя, товарищ Сталин!

За то,
Что, нас сплотивши навсегда,
Велешь крестьян ты в солнечные дали,
За радость коллективного труда —
Благодарю тебя я, мудрый Сталин!

За то,
Что на пригорке светлый дом
Поднялся вместо дедовских развалин,
За яблони, что расцвели кругом, —
Благодарю тебя, великий Сталин!

За то,
Что сыновей моих шоссе
Уводит в школу счастья от окраин,
За коммунизма негасимый свет —
Благодарю тебя, любимый Сталин!

*Перевел с латышского
В. Журавлев.*

СТАЛИНУ

ААЛЫ ТОҚОМБАЕВ

★

Встают леса зелеными рядами,
Текут арыки по пескам, журча,
И это значит:

 поднял ты над нами
Развернутое знамя Ильича.

Пускай враги,
 оружием сверкая,
Грозят народам огненной войной,
Но гимн труду гремит, не умолкая,
По всей стране,
 на целый шар земной.

Горды своим величием и ростом,
Навстречу наступающим векам,
Товарищ Сталин,
 по кремлевским звездам
Идут народы,
 как по маякам!

Ты смелостью сердца наполнил наши.
С тобою, вождь, народы поднялись.
И жизнь турбин, и жизнь просторных пашен
С твоею жизнью навсегда слились.

Для всех людей мечта твоя открыта.
Она окрепла,
 словно сталь, в борьбе.
И как железо тянется к магниту —
Сердца народов
 тянутся к тебе.

Тебе цветы в долинах собирают,
И чтоб тебя прославить на века,
Слова любви народы выбирают
Из лучших слов
 родного языка.

Чтоб коммунизму ярче разгореться,
Пылает сердце горячо в Кремле.
И знаем мы —
 с ударом каждым сердца
Все больше счастья
 на родной земле.

*Вольный перевод с киргизского
Юрия Яковлева.*

СОЛНЦЕ МИРА

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

★

Отец любимый,
Сталин наш великий,
Привет Вам —
Утреннему солнцу Мира!
Поклон глубокий Вам
От всей страны таджиков —
От Каратага, Вахша и Памира.

Привет сыновний
От земли счастливой,
От края,
Сказочно преображенного,
Вам в пояс кланяются
Горделивые
Вершины Таджа,
Вечно оснеженного.

Наш край издревле звали
«Мира кровлей»,
Но с этой кровли
Мир нам был не виден.
Под вражьей плетью,
Обливаясь кровью,
Конца не ведали мы
Бедам и обидам.

Отец! Вы нашу жизнь,
Как солнце, озарили,
Вы нам к свободе,
К счастью путь открыли!

Как небо светит нам
Планетами и звездами,

Как ниву ливнем
Орошают тучи —
Так вечно край родной
Пребудет в нами созданной
Красе и силе —
Мощным и цветущим.

И повторяем мы
Название Памира
С глубоким новым смыслом:
Крыша мира!

То правда! Нам теперь
Всё во вселенной зримо
Под солнцем
Справедливости и мира,
Под Вашим солнцем,
Сталин наш любимый!

И как в волшебном зеркале
огромном,
Мы видим все:
Над Индией светает,
Бушует Ганг в разливе неумном,
Синеет даль свободного Китая.

И выше гор
Над всей землей безмерной,
Светилом человеческих стремлений
Сияет миру Ваш могучий гений,
Как горы наши вечные,
Бессмертный!

*Перевел с таджикского
Владимир Державин.*

ЕМУ Я ВЕРЕН НЕИЗМЕННО...

ГЕВОРК ЭМИН

★

Как счастлив я сегодня утром
Тем, что живу, трудясь, мечтая,
В советском государстве мудром;
Что я в Москве, где золотая
Заря горит над миром ясно,
Повсюду тянутся к ней всходы;
Я счастлив, что упорно, страстно
Стремятся к миру все народы.

Во мне, со мной моя отчизна,
Моя Армения родная
Идет к высотам коммунизма.
Я счастлив, чувствуя и зная,
Что мы уже в его преддверье
На крутизне высокой, гордой,
Что вижу свет его теперь я
Над мощной Сталинской когортой.

А более всего я счастлив,
Что Сталин радостен сегодня,
Что миновали дни ненастья,
Травой повянув прошлогодней,
Что в Сталинской улыбке отчей
И для меня есть ласки доля,
Он — моего сознанья зодчий,
Ему не причинил я боли.

Ему я верен неизменно,
Хочу, чтоб не был он печален.
Где б ни был я — со мной бессменно
Одна лишь мысль: что скажет

Сталин?

Я в каждом, самом скромном деле
Стремился быть прямым и чистым,
Как будто на меня глядели
Его глаза, светясь лучисто.

Пока живу я в этом мире,
Не позабуду дня июля,
Когда услышал я в эфире
Слова, что жизнь в меня вдохнули.

Он говорил нам: «братья, сестры»,
С таким доверьем, так сердечно...
Мне что-то грудь пронзило остро —
Тот миг я буду помнить вечно!

Я был в бою неутомимым,
Тот голос шел за мною следом,
Любимый стал вдвойне любимым,
И он привел меня к победам.
Но лишь тогда мы стали юны
И поняли, что мир вернулся,
Когда вот с этой же трибуны
Он весело нам улыбнулся.

Родной отец мой в трудной доле
Мог думать лишь о кровном сыне,
Но мудрой сталинскою волей
Все дети счастливы отныне.
20-й год — мой край усталый
Из мрака к свету вывел Сталин.
Сказал: «во что бы то ни стало!» —
И мы навек свободны стали!

Живя одной великой целью —
Любовью к людям беспредельной,
Он над моею колыбелью
Увидел ятаган смертельный —
И смерть отвел от изголовья,
И дал мне хлеб, и кров, и знанья...
Какой горячею любовью
Я отдарю его даянья?!

Я рос, чтоб стать его солдатом,
Его учеником достойным,
И опытом его богатым
Возвысить дух свой беспокойный,
Чтоб Вождь смотрел без укоризны,
Знал, как его мечта близка мне.
...Я счастлив: в здание коммунизма
Уверенно кладем мы камни!

Сегодня я — поэт счастливый —
С душой, открытой нараспашку,
Стою, смотрю нетерпеливо...
Он улыбнулся, снял фуражку,
Он машет доброю рукою,
И каждый думает: не мне ли?
И вдруг мне грудь прожгло тоскою:
Как эти пряди поседали!

Как много, как безмерно много
Он пережил и сделал в жизни!
И приказал себе я строго:
Ты будешь так служить отчизне,
Чтоб больше ни одной морщины

И ни единой белой пряди
Не принесла ему кручина,
Лишь радость искрилась во взгляде!

Чтоб годы шли, как мы — рядами,
А он стоял таким же точно
Перед моими сыновьями,
Чтоб счастье мира было прочно,
Чтоб коммунизм даря народам
В наследие тысячелетьям —
Как и сейчас, под синим сводом,
Он улыбался нашим детям.

*Перевела с армянского
Вера Звягинцева.*

ИСТОЧНИК ПОБЕД

КАРА СЕЙТЛИЕВ

★

Громя селенья, в тучах пыли
Орда летела за ордой,
И длился непрерывный бой,
И кровью деда исходили,
Благословляя край родной.

Степей нещедрая природа
Немилостива к ним была,
И стала жребием народа
Лука верблюжьего седла,

И на кочевьях полусонных
Не дольше дня горел очаг,
И слезы горя у влюбленных
Не высыхали на очах,

И увядали слишком рано
Едва расцветшие мечты,
Как под дыханием хазана¹
Печальной осени цветы.

На небе траурные гучи
Клубились пред лицом светил,
Но в грозный век народ могучий
Оружья чести не сложил.

Рубились насмерть наши деды.
Шли дни, сменялся годом год;
Шла жизнь, сменялся родом род,
И солнце дальше победы
Уже забрезжило в ночи.

Рубились насмерть наши деды.
Сверкали вольности мечи.

Зардело ленинское знамя,
Подобно пламенной заре,
Зардело сталинское знамя;
Ряды смыкались за рядами,
Россия встала в Октябре.

Под красным знаменем свободы
Великий начался поход,
И русский доблестный народ
Вольнолюбивые народы
Возглавил и повел вперед.

И нам два мудреца, два солнца
Открыли светозарный путь,
И нам два мудреца, два солнца
Согрели светом счастья грудь.

Минула черная година,
И узы братства воедино
Соединили племена.
И сердце и язык — свободны,
И поле, и цветник — свободны,
Свободна отчая страна.

Под этим ярким небосводом
Не умолкал напев труда.
Пастух недавний стал ученым,
В степях возникли города,
В пустыни хлынула вода.

И жизнь моя, моя отрада —
Бессмертным солнцем осяян,
Прекрасней розового сада
Расцвел и мой Туркменистан.

Но взвился ураган ревучий,
Восстала против света — тьма,
И солнце обступили тучи,
И на весну пошла зима.

Чтоб дать отпор врагам кровавым,
Под гул орудий грозовой
Повел народ дорогой славы
Великий Сталин за собой.

Мы путь победы пролагали
За пядью пядь, за шагом шаг,
И, дрогнув, заметался враг
В сплошном кольце огня и стали.

¹ Хазан — резкий осенний ветер.

В тылу для фронта стар и млад
Трудились, рук не покладая,
Пока врага гнала назад
К Берлину армия стальная.

И разноцветный водомёт
Всю землю озарил сверкая.
Победу праздновал народ,
И засияло солнце мая,
И вновь, как роза молодая,
Земля советская цветет.

Вас, послужившие отчизне,
Народа верные сыны,
Вас, павшие во имя жизни
На грозном поприще войны —

Вас нет, но в памяти народной
Не гаснут ваши имена,
И чтит ваш подвиг благородный
Освобожденная страна.

Что смерть?! Нет смерти для героя,
Он только входит нам в сердца,
И блещет молнией живою
В стихе свободного певца.

Опять над розой благовонной
Крылами плещет соловей,
И смотрит юноша влюбленный
В глаза избранницы своей,
И снова зеленеют нивы,
И снова слышен смех счастливый
В садах играющих детей...

Хвала тебе, наш вождь любимый,
Источник пламенный побед!
Хвала тебе, наш вождь любимый,
Ты вывел мой народ родимый
Из непроглядной тьмы на свет.
Ты — ум и сердце государства,
Где ни печали, ни коварству,
Ни угнетению места нет.

Мы твердо помним, твердо знаем,
Что ты и партия — одно.
Тобою и над нашим краем
Светило счастья зажжено.

*Перевел с туркменского
А. Тарковский.*

ПОЧЕТНАЯ ВАХТА

МАРТ РАУД

★

Мерно шагая, сменяются воины
На карауле Кремлевском,
Вахты у Спасских ворот удостоены
Светлою ночью московской.

Здесь, под пятью знаменитыми
звездами,
В нашей великой столице,
Славы оружие юношам роздано —
Сталинский мир здесь хранится.

Время проходит. На пост, по обычаю,
Молча становится смена,
Кто б ни стоял здесь — отчизны
величие
В каждом живет неизменно.

Юные братья, какие мечтания
Греют сердца боевые?
Только ли ветра ночного дыхание —
Слышите вы, часовые?

Нет, на посту говорит с вами
родина
Ласковыми голосами,
Помнится все вам, что создано,
пройдено,
Все, что вы сделали сами!

С вами здесь пажити ваши
родимые,
Горное великолепье,
Море, тайга и селенья любимые,
Тихие звезды над степью...

С вами друзья: сталевары,
проходчики,
Те, чье величье — работа,
С вами — в боях побеждавшие
летчики,

Мужественная пехота.

Помнятся домики вам невысокие,
Песни ликующей встречи
В селах родных, и другие — далекие,
На незнакомом наречье.

Многое в добрую память вмещается:
Волга, и Неман, и Терек,
Сосны качаются, волны вздымаются,
Брызгая пеной на берег...

Звезды кремлевские пятиугольные
Светят над всею страной,
Оберегают просторы привольные,
Все достоянье родное.

Именно здесь и мечты всенародные
Силу найдут и опору,
Все человеческое и благородное
Здесь открывается взору.

Понято это сердце миллионами:
Слышат далекие дали,
Вместе с курантов полночными
звонами

Многомилльонное —
СТАЛИН!

*Перевела с эстонского
Вера Звягинцева.*

Я ГОЛОСУЮ ЗА СТАЛИНА

Т. ГУТАРИ

★

За Сталина отдал я свой бюллетень —
Мне право такое дано.
Высокое счастье Карельской земли
Народом ему вручено.
Ему, кто в Карелию солнце принес,
Сверкающее огнем,
Чье имя в могучих лесах звенит
В озерном краю моем.
Ему, кто к победе народы привел,
Чья слава войдет в века,
Кто прям и по-ленински неколебим,
Чья воля, как сталь, крепка.
Ему, кто в завтрашний день глядит,
Победами окрылен.
Ему, кто народам моей страны
Вручил Основной Закон.
Ему, кто народы моей страны
В единую слил семью,
Чей голос, зовущий всегда вперед,
Услышишь в любом краю.

Я знаю: в Карелии все, как один,
Отдали ему голоса:
И те, кто работает на полях,
И те, кто рубит леса.
Свои голоса отдавая ему,
Мы завтрашний день куем,
И этого дня золотые лучи
Сверкают в краю моем.
Кто подал за Сталина
свой бюллетень,
Счастливую строит жизнь.
И сердце мое голосует всегда
За Сталина, за коммунизм!

*Перевел с финского
Леонид Хаустов.*

СТАЛИН С НАМИ

АЛЕКС ЧАЧИ

Албания

★

1

— Сталин... —
Сухими устами
Шептали,
Прятали в сердце навечно
Самое человеческое
Имя —
Сталин,
Великий Сталин!

Клинки сверкали.
И караулы
Ночей не спали.

Но слово разрядами грозowymi
Летело над тюрьмами и часовыми.
И всюду звучало
Высокое имя —
Сталин.
Да здоровствует Сталин!

Слышат рабочие:
Слово звенит,
Сердце от слова становится
смелым.

И тюремную ночью,
Словно гранит,
Стояли рабочие
Перед расстрелом.

А ночь глуха,
В ней страх и холод.
Но вот над нами,
Как светлый день,
Взмывает знамя,
Где серп и молот.
Сталин — знамя простых людей.

— Сталин... —
Крестьянин,
Беем обиженный,
Обобранный начисто,
Утешает семью.
И душою кричит
Во мгле своей хижины:
— Сталин, дай нам отвагу свою!

И я, бедняк,
Не знавший удачи,
Имя Сталина
В сердце прячу.

С тобою, Сталин,
Пойдут поколения
Рабочего люда,
Простых людей
Под знаменем Партии,
Под знаменем Ленина
Широким простором
Твоих путей.

Когда над миром
Войны встали,
Слова твои
До нас дошли:
Тебе клялись мы,
Великий Сталин,
Смести тиранов
С лица земли.

2

До нас докатилась
Война, как вода.
Фашистская нас
Затопила орда.
Но в мире, который
Войною вспенен,

Алые звезды
Над нами встали —
Звезды, которые
Поднял Ленин,
Звезды, которые
Поднял Сталин.

Седьмого апреля¹
Убита была
Улыбка детей.
Ночью весенней
Шли мы, босые,
И кровь текла.
— Где она, где же
Дорога спасенья?

Разрушен дом.
Опустел очаг.
Но в нем огонь
Не совсем зачах.

В тот день дождливый,²
В то утро раннее
К свободе призыв
Услыхала Албания.

И слово вставало,
Сильное, вольное:
— И у нас есть партия!
— Партия есть!
— Партия Сталина!

Летела, как молния,
По всей стране
О партии весть.

Фашистская свора
Страхом ужалена.
Мечутся все,
Потерявшие честь.
— Есть у народа
Партия Сталина.
Не трогать народа!
Партия есть!

И сталинским словом,
Свободным и чистым,
Рожденный средь бури
И мятежа,

¹ 7 апреля 1939 года — день оккупации
Албании фашистскими войсками.

² 8 ноября 1941 года — день основания
компартии Албании.

Явился герой,
Беспошадный к фашистам,
Явился товарищ
Энвер Ходжа.

И встала Албания
Тверже, чем сталь.
Сражались рабочие.
Бились крестьяне.

И с именем Сталина
Умер Кемаль.¹
И люди за партией
Шли на восстанье.

Дсм разорен,
Опустел очаг.
Но светит огонь
В партизанских ночах.
Пахарь бросает свой старый плуг.
Страх и тревога у беев в очах.

И юноши в руки
Сружью просят.
И старые книги
Бросив за партами,
С патронами рядом
В походе носят
«Вопросы ленинизма» —
Книгу партии.

Весна в нашем крае —
Кровь на проталинах.

Народ наступает
С верою в Сталина.

Москва красноезвездная!
Слышим твой голос!
Партию слышат
Север и Юг.
С партией вместе
Отчизна боролась,
К счастью тянулась
Миллионами рук.

Кремль нам сияет
Звездой путеводной,
Светом, не знавшим
Препоны и преград.

¹ Кемаль Стафа — народный герой Алба-
нии.

И вот, преисполненный
Силы народной,
Город победы —
Встал Сталинград.

По зову Сталина,
По слову Ленина
Сражались народные
Богатыри.
О подвигах слышат
Родные селения
Девóлы, Лябэрии и Томорí.

И небо над нами
Блестит голубое.
Оружье стальное
Готово к бою.

Из грязи и бедности,
Смерти и боли
Вздывается гнев наш,
Подобно прибою.

Вставай, поднимайся,
Отчизна родная!
Поведай нам повесть
Боев и атак.
Поведай о том,
Как, страха не зная,
Шли трое отважных
На вражеский танк.

Когда-нибудь люди
Счастливого племени,
Сойдясь к огоньку,
Под напевы дождя
Услышат легенды
О Сталинском времени,
О силе, рожденной
Из слова Вождя.

Мы малыми были —
Сильными стали мы
Под знаменем партии,
Знаменем Сталина.

За партию бились
Бойцы-ветераны,
Прославив навек
Баррикады Тираны.

Великие дни!
Из огня и восстания,
Где кровь уносилась

Потоками рек,
На пепел пожараиц,
На камни Албании
Новый, свободный
Взошел человек.

Свобода шагает
Простором путей.
И вновь оживает
Улыбка детей.

Вы видите, звезды!
Руины оскалены,
Развалины плят
Беззубую пасть.
Но здесь создавали мы
С именем Сталина
Республику нашу —
Народную власть.

Над вражьем станом,
Над волчьим воем
Могучий, грозный
Встал народ.

Мы наш, мы новый
Мир построим
С тобою, Сталин,
С тобой!
И вот...

Проснулась заря,
Свои крылья подьемля,
И новые люди
Взглянули на землю.

Море бушует,
Как гром в декабре.
Новый туннель
Пролегает в горе.

Ночи как будто
Светлее стали.
Сердце уносится
В дальние дали.

Двигутся люди
Из гор и долин.
Верой исполнен
Народ-исполин.
Падают горы,
Когда мы велим,
Стелется поле,
Когда мы хотим.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

РЕТКЕШ АРПАД

Венгрия

★

О, звезда Свободы, тяжело нам было
В ночь, когда на небо ты не восходила!
Под ярмом фашистским слепли мы от боли.
Мы тогда не знали, что такое воля.

Плеть господ по спинам люто нас хлестала,
Кровь и пот струились с наших лиц усталых.
Скорбно жизнь влачилась в хижинах окраин,
Будто бы пиявка, кровь сосал хозяин.

Мы тонули в муке, голоде и мраке.
Нас пинали, били, будто мы — собаки.
И казалось, вовсе не было спасенья,
Неоткуда было ждать освобожденья.

Но они настали — пламенные годы,
Встала на Востоке ты, заря Свободы.
И в сиянье звездном, и в лучах рассвета
Встала нам на помощь ты, Страна Советов.

Подала нам руку, свет дала нам новый,
Помогла нам сбросить тяжкие оковы.
Мощно загремела над страной спасенной
Песнь-гроза: «Вставай, проклятьем заклейменный...»

И вперед, и дальше, в будущие годы,
Путь нам указала ты, звезда Свободы,
В мир, где нет неволи, скорби, притеснений,
В мир, где жизнь людская — всего драгоценней!

Сталин! Дал ты землю хлеборобам венграм,
Ты принес рабочим хлеб большой и верный!
Кнут не угрожает нашему народу!
Нашему народу Сталин дал свободу!

*Перевел с венгерского
Л. Мартынов.*

★

ПРИВЕТСТВИЕ СТАЛИНУ

КИМ ДЕ ГЮ

Корея

★

На Север плывут облака,
Со всех собираясь сторон,
На Север и думы мои
Уходят в безбрежные сини.
Сегодня я, Север, тебе
Земной посылаю поклон,
Приветствуя скромным стихом
Огромное солнце России.

Приветствую, Сталин, тебя,
И в имени светлом твоём
Приветствую счастье мое,
Надежды мои и желанья.
Не ты ль, полководец веков,
Ведя нас победным путем,
Шлешь ленинской правды лучи
Во все уголки мирозданья?

Не ты ли нас, словно отец,
Уводишь от бед и невзгод,
Не ты ли народам несешь
Желанный покой и свободу?
Не ты ли неправду господ,
Жестоких и алчных господ
В пророческом слове своем
Выводишь на чистую воду?..

Великий учитель и вождь,
Ты вызволил нашу страну,
И знамя Отчизны теперь
Над нами свободное реет.
В горах, где народ вымирал,
Зеленую жизни волну
Ты поднял своею рукой
Над камнями древней Корен.

И там, где твой взор побывал,
В полях изобилье встает,
И горные реки хлебам
Достаточно влаги приносят.
Великое имя твое

Повсюду не только народ,
Земля вся, и все на Земле
С любовью сейчас произносят.

И, стоя на страже своих
В боях завоеванных прав,
Великою правдой твоей,
Как ласковым солнцем, согреты,
Спокойствие в мире храня,
Народы свободных держав
Свой путь совершают в веках
Вокруг тебя, словно планеты.

На Север плывут облака,
Со всех собираясь сторон,
На Север и думы мои
Уходят в безбрежные сини.
Сегодня я, Сталин, тебе
Земной посылаю поклон,
Приветствуя скромным стихом
Огромное солнце России.

*Перевел с корейского
В. Журавлев.*

★

МОСКВА МОЯ!

ГЕОРГИЙ МАЙОРЕСКУ

Румыния

★

За нами — пограничная черта,
А перед нами — маленький вокзал.
— Мечта моя,
Ты — явь, а не мечта! —
Я сам себе взволнованно сказал.
Страна побед!
Не верится самим:
Мы только в книгах о тебе читали —
И вдруг сейчас на той земле стоим,
Которую ведет Великий Сталин!..

Пусть ветры не угонятся за нами:
Москва и Сталин
Ждут нас впереди!..
Сияющими, жадными глазами
На родину рассвета мы глядим:
Волнистые колхозные поля,
Гигантских новостроек чудеса,
А в Киеве — седые купола,
А возле Брянска — древние леса.
А за окном на каждом перегоне
Клокочет жизнь в цветении своем,
И мы смеемся радостно в вагоне
И песни — только русские поем.
Сам проводник нам басом подпевает;
И в такт его кивает голова,

Колеса под вагоном выбивают:

— Москва моя,
Москва моя,
Москва!..

...Огни Москвы в ночи переливались,
Чуть слышно шелестели тополя.
Мы молча восхищенно любовались
Торжественным созвездием Кремля,
Чей свет по всей земле распространялся,
И согревал,
И волновал сердца.
И все казалось:
Сталин улыбался
В одном из окон
Светлого дворца.
Товарищи!
Мы счастливы идти
С открытыми, горящими сердцами
По Сталинскому верному пути,
Равняя шаг на Ленинское знамя.
И мы мечтаем:
Вот промчалось время,
Нас поезд вновь в Румынию привез,
И дарим мы свободному народу
Частицу света
От Кремлевских звезд.

*Перевел с румынского
Александр Гевелинг.*

★

ВЕЛИКИЙ ДРУГ

ОЛЬДРЖИХ ЗЕМЕК

Чехословакия

★

Дыханьем роз благоухает Гори
Под легкою платановой листвою.
Здесь трусы не рождаются! Здесь
бури
Бушуют над громадой снеговой.

Тебе земля святая на рожденье
Подарок небывалый поднесла:
И сердца доброго бессмертное
горенье,
И силу горного могучего орла.

Когда смеялся фюрер бесноватый,
Когда за Днепр, за Дон прошли
враги,
Когда к Москве рвались его
солдаты,
Когда слышали Волга их шаги,
Когда мы дома были каторжане,
Когда терзал нас без пощады зверь,
Когда кончили ненависть пражане,—
Нам имя друга говорило:
Верь!

*Перевел с чешского
Семен Гудзенко.*

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й

Пьеса в 3-х актах, с прологом и эпилогом

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

★

Действующие лица:

В. И. Ленин
И. В. Сталин
Воронов, член Революционного Военного Совета
Шибатов, уполномоченный Особого отдела Балтфлота
Комиссар округа
Член Военного Совета Армии
Потапов
Иванченков } путиловские рабочие
Данилова }
Командир 1-го экспедиционного отряда Балтфлота
Командир 2-го экспедиционного отряда Балтфлота
Командир Петроградского морского отряда Балтфлота
Комиссар эсминца «Гавриил»
Комиссар линкора «Андрей Первозванный»
Командир линкора «Петропавловск»
Командир стрелкового полка
Командир броневое отряда
Командир бронепоезда № 52
Летчик воздушного дивизиона Балтфлота
Молодой матрос Потапов
Секретарь товарища Ленина
Секретарь товарища Сталина
Секретарь члена Революционного Военного Совета
Женищина, жена командира
Перебежчик с форта Красная Горка
Командир бригады, бывший генерал Николаев
Командант форта «Обручев»
Взводный 1-го экспедиционного отряда
Перебежчик
Связист
1-й военный моряк
2-й военный моряк
3-й военный моряк
Полковник Н. Н. Буткевич, начальник артиллерии Кронштадта
Мадам Буткевич, его жена
Леля, их дочь
Капитан 1-го ранга Александр Рыбалтовский, начальник штаба Кронштадтской базы
Адъютант полковника Буткевича
Генерал Родзянко, командующий вооруженными силами Северо-Запада России
Зейдлиц, начальник штаба Родзянко
Неклюдов, командир форта Красная Горка
Полковник Вадбольский
Дэкс } английские шпионы
Эгер }
Горничная у Буткевичей
Капельмейстер Мешков
Военврач штаба Родзянко

Адъютант генерала Родзянко	} конвоиры в штабе генерала Родзянко
Старший конвоец унтер-офицер Жабоедов	
Конвоец, молодой солдат	
Мистер Боб	
Управдом	
Подполковник Остен-Сакен	
Барон Фитингоф	
Старичок	
Предводитель дворянства	
1-й делегат	
2-й делегат	
Земский деятель	
Старый минер	
Гости у мадам Буткевич	
Красноармейцы, матросы, солдаты.	

Действие происходит в 1919 году в Москве, Петрограде, Кронштадте и на фронте.

Пролог

Май, 1919-й год. Кремлевский кабинет В. И. Ленина. В окна падают слепящие лучи солнца. Ленин сидит за бумагами. Входит женщина-секретарь.

Секретарь. Вы вызывали товарища Сталина. Он пришел.

Ленин. Просите, просите, я ждал.

Секретарь выходит. Через короткий промежуток времени в кабинет входит И. В. Сталин. Ленин поднимается ему навстречу. Они здороваются.

Ленин. Очень, очень хотел вас видеть, товарищ Сталин. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Сюда. Опять на фронтах назревает нечто крупное... Мне кажется, что Республика снова попадает в опасное положение. Я хотел вам сказать о том, что меня беспокоит, и уже не первый день. Мы ведь с вами откровенны до конца, не так ли?

Сталин (все еще стоит). Безусловно так, Владимир Ильич. Я говорю то, что думаю, хотя порой это, может, некоторым и не нравится.

Ленин. Вот я и хотел бы сказать нечто, что не понравится нашему Реввоенсовету Республики и, может быть, еще кое-кому... Присаживайтесь, пожалуйста... (Товарищ Сталин садится). Итак... Убеждаюсь все больше, что наш Реввоенсовет работает плохо... О сосредоточении сил Колчака он предупредил поздно, недопустимо поздно... Колчак по очереди бил 3-ю, потом 2-ю, потом 5-ю армии. А нас «успокаивали»... Что получилось — известно... Сейчас повторяется такая же история с Деникиным — и боюсь, что может повториться подобное же под Питером...

Сталин. Совершенно разделяю ваши опасения.

Ленин. Реввоенсовет успокаивает. Повидимому, метод, привычка — успокаивать и успокаивать. Плохая тактика. «Игра в спокойствие»...

Сталин. Которое каждый раз сменяется истериками Троцкого...

Ленин. А на деле застой, почти развал. Ставят негодных военных руководителей.

Сталин. Или поощряют болтунов или заведомых предателей..

Ленин. Такая практика к добру не ведет. Вот и неуспехи, нас бьют... Смотрите (показывает по карте). На юге неуспехи. Деникин прорвал фронт... А в ЦК присылают обещания, схемы, рисуночки — о противнике забывают. Главком так и сообщает: «Война на юге принимает оборот, неблагоприятный для нас. Свою задачу Украинский фронт решить не может за отсутствием войск»...

Сталин. Что он сообщает о Северо-западном фронте, о Питере?

Ленин. Он даже не упоминает о Питере. Говорит лишь, что формирования Западного фронта оказались никуда не годными.

Сталин. По-моему, не войска оказались негодными, а автор этого сообщения, главком...

Ленин. Я уверен, что этой весной Антанта опять начнет натиск. Они хотят дать нам «последний бой», наступить нам на горло... Уже распространяются слухи о походе четырнадцати держав. Гм, четырнадцати? Посмотрим... подсчитаем... Англия, США, Франция, Италия, Япония, Греция, Югославия, Чехословакия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия плюс Колчак и Деникия... Да... подсчет точный. Очевидно, это совершенно ясно обдуманый и решенный в Париже или Лондоне шаг. Это — инспирации, замыслы Черчилля. А эти наши «деятели» в такие дни шлют схемы, рисуночки, обещания!.. Но сами себя и опровергают: этот фронт не может, этот не в состоянии... Что бы я хотел особо отметить — противник все упорнее действует изнутри: огромные заговоры, — я уже говорил Дзержинскому, — усилились действия иностранных агентов, усилились кулацкие восстания, участились взрывы на железных дорогах... В Петрограде была сделана попытка взорвать водопровод... Вдобавок голод... Бедствия Питера, действительно, велики... Сыпняк... Вот мне пишут путиловцы (протягивает письмо рабочих).

Сталин (быстро пробегает его). Смело и правильно пишут. Я знаю некоторых из авторов письма.

Ленин. Надо все перестраивать по-военному. А нас успокаивают или обещают, что дела будут еще хуже... Чорт знает что!.. В Питере — скопища бывшего офицерства, бывших собственников, переходы через границу... Кто там наблюдает за порядком?! В военном деле все эти упущения преступны, губельны. Схемы, рисуночки... Мосты, водокачки на воздух взлетают, а они рисуют. Или жалуются, что отдали уже все силы и ничего больше дать не могут. Это Питер-то? Сидят там... (Махнул рукой). Иосиф Виссарионович, если надо будет, на два, три, четыре месяца закроем все учреждения, всё не безусловно необходимое, проведем массовые мобилизации коммунистов, рабочих, но людей на фронт дадим. Противника отбросим.

Сталин (встав). Полностью согласен с этими предложениями. Я хотел бы добавить о делах Петрограда.

Ленин. Да, да... Глаз спускать с Петрограда нельзя. Город этот не может быть сдан ни в коем случае.

Сталин. Тамашнее руководство не понимает или не хочет понимать этого... Белогвардейский Северо-западный корпус под английским прикрытием с моря нанес несколько ударов, и в Петрограде растерянно, даже панически «отреагировали»: дали «директиву» об эвакуации города... (Ленин насторожился). Это еще не все: дали вторую «директиву» — о потоплении кораблей Балтийского флота.

Ленин. Это преступление!.. (Вызывает секретаря. Она входит). Прошу прощения. (Секретарю) Пишите. (Диктует) Петроград. Смольный. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны предлагает дать исчерпывающий ответ: по каким соображениям было решено эвакуировать некоторые заводы Петрограда и окрестностей. Кем и почему было дано распоряжение о потоплении судов. . Всё.

Секретарь. Подпись ваша?

Ленин. Да... Отправить вие всякой очереди... (Секретарь уходит). Такие удельные князья: хочу — уезжаю, хочу — отступаю, хочу — топлю флот... Существует ли для них ЦК, существует ли правительство?.. С уделами покончим. Эти настроения надо раздавить — и решительно...

И тут мы рассчитываем на вас, товарищ Сталин... Вы знаете дела Петрограда...

Сталин. В меру возможности, Владимир Ильич.

Ленин. Я просил бы вас изложить ваши соображения о Питере и о военной и политической обстановке на Петроградском фронте, с вашей точки зрения.

Сталин (подходя к карте). Противник думает окружить Петроград... Вероятные направления ударов: с Озерного участка — заход с востока; с Карельского перешейка — удар с севера, накоротке, до города каких-нибудь тридцать километров; Нарвский участок — удар с запада, на Гатчину, Красное село, Тосно. Цель: перерезать Октябрьскую железную дорогу. С моря возможны английские удары по Кронштадту, десанты... Затем возможен удар от Пскова на Дно—Бологое... Наиболее опасным я считаю Нарвский участок... Северо-западный белогвардейский корпус, поддержанный с моря английской эскадрой и белоэстонцами, начал наступление четыре дня тому назад...

Ленин. Иосиф Виссарионович, я вызвал вас, чтобы от имени ЦК просить отправиться на Петроградский фронт.

Сталин. Я готов выполнить поручение партии.

Ленин. Одну минуту. (Вызывает вновь секретаря) Нужно заготовить мандат для товарища Сталина.

Секретарь. Да... Я записываю, Владимир Ильич.

Ленин. На бланке Совета Народных Комиссаров. «17 мая 1919 года. Совет Рабоче-Крестьянской обороны командует члена своего, члена Центрального Комитета Российской коммунистической партии, члена Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Иосифа Виссарионовича Сталина в Петроград... (Пауза.) ...и в другие районы западного фронта...» (Сепаратно, к Сталину) Там части как будто никуда не годные... (Снова диктует) «...для принятия всех необходимых экстренных мер в связи с создавшимся на западном фронте положением...» Так... Это еще не все... «Все распоряжения товарища Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе западного фронта». Так... И это не все... Надо подкрепить ваш опыт Царицына и Перми... «Товарищу Сталину предоставляется право действовать именем Совета Обороны, отстранять и предавать суду Военно-революционного трибунала всех виновных должностных лиц... Есть у вас, товарищ Сталин, какие-нибудь дополнения?»

Сталин. Нет, документ исчерпывающий.

Ленин (секретарю). Перепечатайте сейчас же — и мне на подпись.

Секретарь. Сейчас перепечатаю и принесу, Владимир Ильич. (Уходит).

Ленин. Ну, теперь мы с вами будем «их» успокаивать. Мы им покажем рисуночек и покажем нашу схему...

Сталин. Я бы хотел, Владимир Ильич, затронуть некоторые практические вопросы...

Ленин. Не теряя ни минуты?..

Сталин. Да. Вот этот автор кислых сообщений — я говорю о главкоме — тоже хочет вывести Балтийский флот из строя. Он не рискует топить Балтийский флот сразу, как это хочет сделать Зиновьев... Он предлагает превратить линкоры и крейсера в пловучие форты... Их будут таскать буксиры...

Ленин. То есть, как? Это же значит лишить флот подвижности, оперативности... Идеяка, простите, архиглупая...

Сталин. Значит, считаем, что Балтийский флот остается в качестве действующего флота. Уверен, что матросы Балтийского флота сумают себя показать как революционная сила. Балтийский флот может оказаться очень нужным...

Ленин. Согласен. Флот не раз помогал партии и еще поможет. Да, кстати, учтите и тактику врага, приемы этого Черчилля: авантюризм, налеты, отчаянные предприятия, сеяние паники... Внушите Питеру: бдительность, доведенная до высших пределов. Принимайте любые меры. Лучше посадить или расстрелять сотни изменников, чем позволить белым перепороть, перебить десятки тысяч трудящихся...

Сталин. И еще одно предложение.

Ленин. Я слушаю.

Сталин. Вы дали 2 мая указание за вашей подписью о введении в Петрограде осадного положения и ряда мер... Я не уверен, что тамошнее руководство довело это до масс... Я предлагаю поэтому обратиться от имени ЦК к петроградскому пролетариату.

Ленин. Отличное предложение... Не будем терять времени. Запишем... (Записывает) «К рабочим и всем трудящимся Петрограда. Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики».

Сталин. «Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало»...

Ленин. «Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии, и первый одержал решающую победу. Питерские рабочие, не жалея сил, отдавали десятки тысяч борцов на все фронты. Теперь вся Советская Россия должна придти на помощь Петрограду»... Так?

Сталин. Скажу по секрету, Владимир Ильич, что думаю обойтись без присылки резервов. За счет внутренних сил Петрограда... Я уверен, что это возможно. Отвлекать внимание других фронтов, просить помощи не намерен.

Ленин. Ну, хорошо... действуйте, как вы считаете полезным. Оставим этот текст в качестве основы... Затем обсудим на Политбюро, и не позже, чем через три дня, текст будет опубликован.

Секретарь вносит готовый мандат.

Ленин (подписав мандат). Вручаю вам... И как ни тяжело положение, уверен: выдержим, устоим; народ у нас чудесный... Одолеем... останется позади эта гражданская война, откроется главное: мирное строительство. Как оно привлекает! Мы хотим его, ждем его... Посвятим ему все свои усилия, всю свою жизнь. Вам еще сорока нет, вы молоды, Иосиф Виссарионович, еще многое увидите... Ну, пожелаю успеха. Помните — противник опасный, душить умеет, душит до конца. А Черчилль — это старый колониальный каратель.

Сталин. С врагами будем действовать по-вражески... Это мы их додушим, и до конца.

Ленин. Да, минутку: пожалуйста, передайте привет морякам Балт-флота и бойцам и командирам Петроградского фронта.

Сталин. Передам обязательно. До свиданья!

Ленин. Всего вам доброго. (Крепкое рукопожатие). И прошу вас: по делу обращайтесь ко мне в любую минуту, в любой обстановке...

Первый акт

Картина первая

КВАРТИРА НА СЕРГИЕВСКОЙ

Петроград. Великолепная квартира Буткевичей на Сергиевской улице. Большая ампириная гостиная. Легкие колонны. Изящная обстановка. Рояль.

Звонок. Пробегают миловидная горничная. Она пропускает в гостиную двух посетителей.

Дэкс. Лиза, мадам еще не вернулась?

Лиза. Должна быть вот-вот — как всегда, к шести.

Дэкс. Нас и просили к шести.

Часы где-то бьют шесть. Звонит телефон. Горничная подходит.

Горничная. Слушаю... Их еще нет. Приходят со службы в шесть. (Смотрит на посетителей) Нет, к ним никто не заходил. Пожалуйста. Передам...

Дэкс. Кто звонил?

Горничная. Из посольства...

Дэкс. Какого?

Горничная. Не сказался...

Дэкс. Ну, мы подождем мадам... Идите, Лиза.

Горничная. Может, вам подать что-нибудь?

Дэкс. Спасибо. Чего-нибудь холодного, Лиза.

Горничная уходит.

Спутник Дэкса. Итак, я в салоне мадам Буткевич?

Дэкс. Сэр, вы в салоне мадам Буткевич.

Спутник. Кто она и откуда?

Дэкс. Это лихая, своеобразная дама. Она завербована мною в 1914 году — пять лет тому назад. Ее муж — полковник береговой артиллерии. Она освещала нам русекий Балтийский флот, затем ей поручали и более крупные дела. У нее был и сохраняется салон. Здесь, сэр, бывали и великие князья, и министры, и деятели Думы, и наш посол — сэр Бьюкэнэн, и представители армии и флота. Здесь бывал — затем — Керенский...

Спутник. Обширные связи...

Дэкс. В 1917 году — по обстоятельствам — я устроил ее машинисткой в Смольном, в учетном отделе.

Спутник. Превосходная позиция. У меня ряд конкретных вопросов именно по этому отделу...

Дэкс. Уверен, что мадам сделает для вас все необходимое... Как прошла ваша поездка из Лондона?

Спутник. Превосходно. Штилевые погоды, я первый раз наблюдал эти северные белые ночи... Но что же она не идет?

Дэкс. Возможно, несколько запаздывает...

Горничная вносит на подносе хрустальный графин и два бокала.

Горничная. Пожалуйста. Морс.

Дэкс. Лиза, вы гений...

Горничная, вспыхнув, уходит.

Дэкс. Русский клюквенный морс, со льда...

Спутник. А, «русская клюква»?.. Любопытно...

Дэкс. Сэр, я был бы очень благодарен, если бы вы сообщили информацию, которая ориентирует меня и моих сотрудников в обстановке.

Спутник. Я привез письма военного министра м-ра Уинстона Черчилля к нашим руководящим деятелям в Петрограде. Морс великолепен. Вы можете быть в курсе дел. (Дэкс слегка поклонился.) Задумана необычная и смелейшая операция. Черчилль неутомим.

Дэкс. Русские насторожены, сэр. Из документов, которые раздобыла мадам Буткевич, ясно, что еще в апреле Ленин дал ряд приказов, касающихся Петрограда, в частности по линии ЧК...

Спутник. Почему нет этой мадам? Время идет...

Дэкс. Не понимаю, что могло ее задержать.

Спутник. Прошу, продолжайте о Ленине и его приказах.

Дэкс. Город на осадном положении...

Спутник. Это сильно затруднило мне перейти границу Финляндии и добраться до Петрограда.

Дэкс. В город прибыл народный комиссар, уполномоченный Совета Оборона Сталин.

Спутник. Какова его роль?

Дэкс. Это ближайший единомышленник Ленина, его друг и помощник. В декабре 1917 года, когда Ленин уходил в отпуск, Сталин был назначен председателем Совета Народных Комиссаров, то есть премьером. Через год примерно, когда был создан Совет Оборона, в связи с расширением, как говорят русские, интервенции, Сталин был назначен заместителем председателя. Председатель — Ленин.

Спутник. И вы придаете особое значение приезду Сталина в Петроград?

Дэкс. Безусловно.

Спутник. All right! Обдумаем и этот вопрос, и это препятствие. Но при всей подозрительности и настороженности русского руководства — они и не подозревают, что готовится... Слушайте внимательнее... Мистер Черчилль указал...

Звонок телефона. Оба настороженно повернулись.

Горничная (подходит, берет трубку). Слушаю... Ольги Симеоновны дома нет. Когда будет? Должна быть скоро. Приносили ли пакет? Нет, никого не было... Еще позвоните? А как передать? Хорошо. (Вешает трубку, уходит.)

Спутник. Видно, что дама деловая... Но куда она пропала!.. Дэкс, это меня беспокоит...

Дэкс. Меня тоже начинает беспокоить. Что же могло случиться?

Спутник. Я продолжаю... Мистер Черчилль дал сигнал: действовать. Созданный русскими деловыми кругами «Национальный центр» — вы тут много помогли, Дэкс, — готов к выступлению. Сеть «Национального центра» охватила сотни людей.

Дэкс. Тут ценную помощь оказала мадам Буткевич. Ее муж сейчас — начальник артиллерии Кронштадта.

Спутник. О, отлично! Так вот, главные черты плана Черчилля: Северо-западная армия генерала Родзянко ведет удар на Петроград, передовые части генерала подойдут не сегодня-завтра к Красной Горке... Мне сообщил об этом наш резидент в Гельсингфорсе. Следующий шаг, Дэкс, — восстание на Красной Горке. Там есть наш человек: поручик Николай Неклюдов; затем — по нашему плану — произойдет восстание в Кронштадте, затем — шах и мат: мы в Петрограде. Понятна вам идея плана?

Дэкс. Я подумаю и скажу вам через несколько минут. Но почему ее нет?

Спутник. Черчилль рассчитал все. О, это голова! Он имеет великолепный опыт. Индия, Куба, Судан, война с бурами, война с Германией... Черчилль отлично осведомлен о делах России. «Национальный центр» — он получает по меньшей мере 50.000 фунтов стерлингов ежемесячно — сообщает: «Петроград отдадут легко. Войска сражаться не будут»... Действительно, к белым перешло за последние дни несколько полков. Это ваша работа?

Дэкс. Это работа полковника Буткевича, сделанная по моим инструкциям.

Спутник. Следите дальше. Черчилль учел одно из последних донесений «центра»: «Двигайтесь вперед во что бы то ни стало — чем стремительнее, тем лучше... Мы готовы к восстанию внутри города»...

Дэкс. Да, здесь есть значительные кадры.

Спутник. Тогда всю операцию, может быть, удастся провести в несколько дней. Это будет пилюля в горло большевиков... Нет, я действительно встревожен... где ваша Буткевич?

Дэкс. Я теперь отвечу, сэр, на некоторые затронутые вами вопросы. Мое мнение о плане и вообще о делах в России. Сэр, Россия — страна сюрпризов, страна неограниченных возможностей. Может быть, кстати, какой-нибудь сюрприз выпал и на долю мадам Буткевич, и нам надо быть осторожнее. Полезно помнить опыт последнего года: сколько планов уже сорвалось. У большевиков дьявольское умение выходить из самых невероятных затруднений.

Спутник. Каким образом?

Дэкс. Путем напряженнейшей борьбы, организаторских и агитационных усилий и феноменальной энергии. Ленин — необыкновенный интеллект, он непреклонен и дальновиден. Он за полтора месяца до сообщенного вами плана мистера Черчилля указал на опасность. Сталин уже на месте. Он мастер крупных операций. Нужно считаться с ним, с его мерами.

Звонок. Оба встревоженно привстали. Горничная идет открывать.

Дэкс. Лиза, дома никого нет. Не впускать.

Горничная кивнула. Слышно, как открылась дверь, хлопнула. Кто-то, очевидно, пришел.

Горничная (вошла). Это барышня.

Леля (входя). Здравствуйте, Польш.

Дэкс. Леля, позвольте познакомить вас с моим другом...

Леля. Буткевич... Леля...

Спутник. Эгар.

Леля. Я на минутку пройду к себе. Извините...

Эгар сделал молчаливо-вопросительный знак в сторону ушедшей.

Дэкс. Ее дочь... Уже помогает мадам. Служит в штабе Петроградского фронта.

Эгар. Тоже отличная позиция.

Дэкс. Да. Засекреченная машинистка-стенографистка.

Эгар. Что значит «засекреченная»?

Дэкс. Допущенная к секретной переписке.

Эгар. All right! Вернемся к делу. Значит, у вас сомнения насчет нашего плана?

Дэкс. Нет, сэр, но я хотел бы предупредить вас официально. Вы первый раз в России. Я в ней родился, мой отец владел шахтами в Донском бассейне: м-р Стаффорд Дэкс из Дайтона. Образование я получил, конечно, в Англии. В Оксфорде. Затем был направлен снова в Россию.

Эгар. Когда?

Дэкс. В начале мировой войны. Я ставил британскую разведку в Петрограде. Я не покинул поста, когда после революции весь состав британского посольства распылился...

Эгар. Досадный случай.

Дэкс. Я уже говорил, что Россия — страна необычайных возможностей. Здесь возможно даже распыление британского посольства. Продолжу. Я был покинут, потерял все связи, но я прокормил себя: я был красноармейцем, матросом... Я был механиком. Недавно я внушил Зиновьеву идею полного ремонта всех автомашин и мотоциклов. Он благословил эту идею. Сейчас Петроград и фронт лишены мототранспорта. Я устроил разборку всех моторов, перемешал их и разбросал по десяткам складов и мастерских... Всё превращено в ржавый лом. Полагаю, сэр, что это наиболее крупная и толковая диверсия, сделанная одним человеком и в нужный момент.

Эгар. Это интересно, Поль. Продолжайте, совершенно откровенно. Я рад знакомству с вами.

Дэкс. Я же внушил Зиновьеву идею потопления Балтийского флота. Уже дело готовилось, но сорвалось из-за вмешательства Москвы. Прощу, сэр, прощения, но мне хотелось бы еще рассказать вам о России...

Эгар. Я слушаю, слушаю.

Дэкс. Может быть, я зайду в исторические детали, еще раз прошу прощения. Но мне хотелось бы, чтобы вы ясно представили себе суть русского противодействия. Идя в операцию, полезно предвидеть ее ход... Итак, о традиции человеческого бытия. Что выпадает на долю смертного? Страдание, греховность, искупление, смирение... И основа основ бытия: человек обречен на постоянную войну. Воюют все против всех. Каждый под своим знаменем: «я», «мне», «мое»... Повсеместный крик о себе... Всемирный стан неутомимых эгоистов... Так вот — Россия первая кончает с этим. Она ищет путь не для эгоистической личности, а для всех, для масс. В России заявили о человеческом достоинстве каждого. О том, что человек от рождения добр, хорош... что его калечат лишь внешние социальные условия. А раз так — условия должны быть изменены... Уродство мира, полагают большевики, излечимо, исправимо.

Эгар. Любопытно. О чем они еще заявили?

Дэкс. У них, скажем объективно, феноменально смелая концепция. Она рушит старые, косные, мистические представления о несправивости мира, о зле... Советская Россия верит в человека. «Человек — это звучит гордо». Он выше всех, он — основа основ мироздания, явление небывалое... Они, большевики, раскрыли перспективы, разбудили в массах силы, чувство достоинства, дерзания, мечтания. Вот в этом, сэр, их огромная наступательная сила... а их более 150 миллионов... Они уверены, что способны на всё, всё решат, преодолеют... Они уверены, что их поймут, поддержат, что правда, большая правда этого мира, на их стороне. И это охватило всю страну, это пожар душ. В большевизме сконцентрирована вся тоска человеческая, все недовольство, все чаяния, ожидания, надежды...

Эгар. Когда я был молод, Дэкс, я тоже старался показать начальству, что я постиг душу того или иного народа. Я тоже блистал знаниями... Могу вам сказать: «браво»... Вы искренни и убедительны. Это высокий класс для разведчика. Представляю себе, как вы обрабатываете

русских. Но к делу. Итак: армия Родзянко доходит до Красной Горки, мы вызываем на флоте восстание... Затем поднимаем Петроград, затем британская эскадра приходит в Неву. План ясный и смелый. Британский план.

Дэкс. Вот на случай прихода нашей эскадры мне и нужна Буткевич. Но за каждый разговор она требует денег...

Эгар. Я поговорю с ней и уплачу, если так нужно... Меня интересует коммунистическая организация...

Дэкс. Понимаю. Это важно, сэр. Но я просто в тревоге: где эта мадам Буткевич? Не исчезла ли она?

Эгар. Не схватили ли ее? Я чувствую, что попадаю в какой-то неизвестный, опасный, любопытный мир.

Дэкс. Желая вам, сэр, ориентироваться в этом любопытном мире и остаться целым...

Эгар. Могу ответить пожеланием того же...

Звонок. Горничная бежит открывать: «Это, наверное, мадам!» Входит м-м Буткевич. Оба англичанина встают.

Дэкс. Мадам, позвольте представить вам моего друга, капитана 2-го ранга мистера Эгара. Он очень интересуется вашей блестящей деятельностью и хотел бы побеседовать с вами...

М-м Буткевич. Капитан 2-го ранга — это подполковник? Буткевич, Ольга Симеоновна. Жена полковника... Господа, какие новости! Армия Родзянко блестяще наступает... Она уже в 70 верстах от нас. Господа, это «канун»! И Англия нам помогает... Почему я задержалась? Масса работы... Здесь теперь Сталин. Проводится мобилизация коммунистов. Уйма дел... Лиза! Что тут пьют? Боже, морс! Бутылку коньяку! Эти дамские рюмки оставьте мужчинам, мне принесите мужской бокал... Лиза, подождите... К коньяку принесите мне перцу... Присаживайтесь, джентльмены... Ну, кто же так пьет? Ну, ничего, мы это сейчас поправим... Поль, можно говорить все?

Дэкс. Ну, что за вопрос!

М-м Буткевич. Еще вопрос: это — приватная беседа, за рюмкой, или деловая беседа, которая по-деловому и оплачивается? М-р Эгар?

Эгар. Беседа закончится вознаграждением.

М-м Буткевич. Вот это я ценю.

Горничная приносит бокалы и перец.

М-м Буткевич (налив себе солидный бокал). Так, теперь чуть-чуть перчику. Вам тоже? (Мужчины испуганно отстраняются). Не хотите, как хотите... Ваше здоровье, джентльмены! (Лихо выпила).

Эгар. Могли бы вы мне сообщить некоторые сведения о Петрограде?

М-м Буткевич. Могла бы. Я коренная уроженка Петербурга — терпеть не могу этого названия «Петроград» — и знаю в столице многих. Кто и что вас интересует? Выпьем?.. (Наливает снова) Здоровье Родзянко!

Эгар. Что вы можете сказать о коменданте Красной Горки Неклюдове?

М-м Буткевич. Ну, боже!.. Nicolas Неклюдов — милый юноша, я его помню еще кадетиком... Поручик, связанный с нами. Он горячий, энергичный, но, учтите, неврастеник. А почему вы спрашиваете о нем? В связи с Красной Горкой? (Оба англичанина молчат). Ага, конспирация... Молчу...

Эгар. Каковы настроения в петербургских деловых кругах?

М-м Буткевич. Мы очень долго вас ждали... Работа шла раздроб-

ленно. Выступления носили случайный, эпизодический характер. Теперь, благодаря м-ру Дэксу и его шефам (улыбка Эгару), созданся центр. Петербург!.. Надеюсь, вы понимаете его значение. Отсюда мы развернем борьбу за великую Россию. Выпьем! (Чокается, пьет).

Эгар пьет.

М-м Буткевич. Мы терпеливо собираем бывшее офицерство, юнкеров, гардемаринов, бывших полицейских, военное чиновничество, наконец добровольцев. Мы ждем лишь сигнала... Погибнуть от ЧК мы всегда успеем, но раньше надо сделать все возможное, чтобы погибнуть со спокойной совестью. Не так ли, Поль? Выпьем!..

Дэкс. Гибнуть вообще не надо.

Эгар. Разделяю: гибнуть не надо; гибнут неумелые... Что вы можете сообщить мне о г-не Родзянко?

М-м Буткевич. Он был в царской армии подполковником. Сделал в последнее время блестящую карьеру. Племянник известного Родзянко, председателя государственной Думы. Исчез куда-то в 18-м году, по слухам, в свое имение, под Ригой, потом появился вновь, сделал визит на английскую эскадру. Ну, это вам известно...

Эгар. Каковы его лозунги?

М-м Буткевич. «Армия приводится к присяге царю и русскому государству»... Выпьем! (Чокается, пьет).

Эгар. Перейдем к Петрограду.

М-м Буткевич. Перейдем. Но, боже, вы трезвы, как девочки!

Эгар. Прежде всего о коммунистах города.

М-м Буткевич (хлопнув Эгара по плечу). О'кэй!.. Сразу виден деловой мужчина... Отвечу. Записывайте: в городе десять районов. (Эгар делает пометки). К данному времени в партийной организации 7.000 человек. Процент мужчин—83, женщин—17. Классовый состав—абсолютное преобладание рабочих. Эти семь тысяч способны поднять город. Дисциплина особая. Они все сведены сейчас в боевые отряды, по районам. Их лестно аттестует сам Ленин. Когда вы проходите мимо районных комитетов, вы слышите непрерывный треск винтовочных затворов. Эти люди обучаются. Это будут тысячи большевистских офицеров... Ах, господа, все это надо видеть, пережить, понять... А эти мальчишки — комсомол: «Только через наши трупы проклятые интервенты и белые войдут в город»... Еще коньяку?

Эгар. Мадам, не помешает ли это нам?

М-м Буткевич. Х-ха!.. (Пьет).

Эгар. А вы могли бы, мадам, дать полный список коммунистов Петрограда? Вы говорили что их 7.000?

М-м Буткевич. Могла бы... Даже с краткими характеристиками.

Эгар. И адресами?

М-м Буткевич. Ага, будете «брать из кроваток»? «А что ты делал с 17-го года?»... Да, и адреса. Сэр, это будет стоить 15.000 рублей в царской валюте или 1.500 фунтов стерлингов в британской. Предпочитаю наличными.

Эгар. Гарантии?

М-м Буткевич. Мое имя!..

Дэкс. Почему же это выходит — за 7.000 коммунистов 15.000 рублей?

М-м Буткевич. Мм... Сейчас прикину... По 2 рубля 15 копеек.

Эгар. Вы особо будете сообщать нам и о Сталине. (Вручает пачку банкнот) Здесь 1.500 фунтов стерлингов.

М-м Буткевич (аккуратно пересчитывает). Счет точен. За особые сообщения вы уплатите особо... Они будут у нас в руках!

Картина вторая

ВАГОН СТАЛИНА

Поезд товарища Сталина на путях Балтийского вокзала в Петрограде. Хорошо оборудованный для штабной работы вагон. Зеркальные широкие окна, светлые занавески. Столы, карты, столик с пишущей машинкой, рабочий стол. Поздний час.

Секретарь. Товарищ Сталин, не сделаете ли перерыв? Пропустили обед и ужин.

Сталин. Нет. Кто там на очереди?

Секретарь. Вызванный вами член Военного Совета Армии прибыл.

Сталин. Пусть входит.

Секретарь вышел. Через некоторое время входит член Военного Совета Армии. Он неопрятно одет, взлохмачен, в пенсне. Держится нервно. Сразу начинает болтливо-резко.

Член Военного Совета. Вы вызвали?.. Понимаю. Хотите знать о настроениях в нашей армии? Настроения плохие. А в чем дело? Пополнений нет. Те, что поступают, плохо обучены. Части измотаны боями, наполовину больные... Нет сил привести их в порядок...

Сталин. У кого именно нет сил?

Член Военного Совета. Ну, у нас, в Петрограде...

Сталин. Что вы еще можете сообщить?

Член Военного Совета. Что могу еще? Я могу сообщить о полной невозможности не только наступать, но и обороняться... Не можем поручиться за судьбу Петрограда...

Сталин. Кто не может поручиться?

Член Военного Совета. Ну, те, о которых я говорю... Усталые, измотанные люди... Все равнодушны, нет порядка,жимают плечами, ничего не знают... Лень, отсутствие ответственности...

Сталин (повысив тон). Кстати, об отсутствии ответственности. Это в вашей армии был организован переход 3-го пехотного полка на сторону белых?

Член Военного Совета (растерянно). Такой случай, действительно, был...

Сталин. Вам было — за несколько месяцев — указано на ненадежность полка, на его чуждый состав и необходимость расформировать этот полк?

Молчание.

Сталин. Можете ли вы назвать такое отношение к директивам — партийным отношением? Переход полка к белым повлек гибель комиссарского, партийного состава.

Молчание.

Сталин. Не ясно ли, откуда исходит беспорядок, лень, отсутствие ответственности и — как следствие всего этого — поражение на фронте?..

Молчание.

Сталин (секретарю). Препроводите арестованного в Военный Трибунал.

Член Военного Совета (вскочив). Вы не знаете, кем подписан мой мандат! (Выхватывает мандат и кладет на стол).

Сталин (не глядя на мандат). Не будет принято во внимание. (Отбрасывает бумажку).

Член Военного Совета (беря бумажку). Но я тогда сам обращусь к Зиновьеву!

Сталин. Вы ни к кому не обратитесь. Вы будете давать показания следователю — по делу о преступном отношении к своим служебным обязанностям, о пособничестве изменникам...

Член Военного Совета. Этого не было!

Сталин. Нет, это было... и вы объясните Трибуналу, почему вы и подобные вам «деятели» «не могут поручиться за судьбу Петрограда»...

Секретарь твердо, уверенно снимает с члена Военного Совета пояс с кобурой. Член Военного Совета стоит растерянно, без яояса, протирает пенсне.

Сталин (с коротким жестом). Увести...

Секретарь выводит арестованного.

Сталин. Следующего... Военного комиссара Петроградского округа.

Секретарь не откликнулся.

Сталин (встал, подошел к двери). Комиссара округа.

Входит комиссар округа, раздобревший, в коже, в ремнях, со значком. Он несколько встревожен. Он уже вспотел от волнения. Он видел, как был выведен член Военного Совета Армии.

Комиссар. По вашему вызову прибыл, товарищ Уполномоченный Совета Обороны.

Вошел секретарь.

Секретарь. Арестованного члена Военного Совета Армии отправил под конвоем в Трибунал.

Сталин (кивнул и обратился к комиссару). Сообщите о численности войск округа и фронта.

Комиссар (робея). На сегодняшний день на довольствии в частях округа, включая фронт... (заглянул в записную книжку)... числится 192.529 человек и 25.064 лошади.

Сталин. Лошадей пока оставим... Займемся людьми и их деятельностью. Вы сообщили о числе едоков — меня интересует реальное число бойцов... Вы представляете себе ясно, что для обороны Петрограда первостепенное значение имеют действующие бойцы?

Комиссар молчит.

Сталин. Я еще раз спрашиваю о числе бойцов.

Комиссар. Что-то около 50 тысяч.

Сталин. Скажите — вы комиссар или «что-то около»? В функции комиссара входит знание дела, людей, фактов, обстоятельств.

Комиссар. Как-то из памяти вылетели цифровые данные...

Сталин. Как раз тогда, когда назрел кризис обороны Питера? Плохая, неделовая у вас память... Скажите, как у вас в Петроградском округе обстоит дело со всеобщим военным обучением?

Комиссар (вытирая пот, заглядывает в записную книжку). Одну минутку... С апреля месяца привлечено 30.210 лиц, подлежащих отбытию воинского обучения...

Сталин. Так. Привлечено к отбытию... и что же?

Комиссар. Но в силу ряда объективных причин обучение приостановлено.

Сталин. Какие это «объективные причины»?

Комиссар. Наступление белых.

Сталин. Значит, тогда, когда Красной Армии особо нужны обученные резервы, — у вас обучение этих резервов «объективно» прекращено?

Комиссар. Мы думали...

Сталин. Что вы думали?

Комиссар. Может быть, ежедневное военное обучение вызовет недовольство населения...

Сталин. Недовольство населения России вы, действительно, вызовете — тем, что не заботитесь об обороне Петрограда...

Комиссар. Я не знаю...

Сталин. Вы должны знать... Продолжим, однако, беседу. Как ведется работа в уездах и волостях, среди крестьянства?

Комиссар. Усилилось дезертирство...

Сталин. Что вы предприняли?

Комиссар. Отпечатал обращение, провел также концерты-митинги.

Сталин. И что дальше?

Комиссар. Произошли кулацкие восстания.

Сталин. Следовательно, в результате ваших обращений и концертов-митингов произошли восстания?... Так надо понимать?

Комиссар. Не совсем так... Я выразился не точно... Я хотел сказать...

Сталин (не дослушав). Сами были на местах? Беседовали с крестьянским активом? Беседовали с призванными?

Комиссар. Нет.

Сталин. Что мешало?

Комиссар. Перегружен...

Сталин. Чем? Обращениями и концертами-митингами?..

Комиссар молчит.

Сталин (секретарю). Заготовите приказ о снятии комиссара.

Секретарь. Есть. Прибыли товарищи из Чрезвычайной тройки Московско-Нарвского района, путиловцы.

Сталин. А, отлично... Просите. (Бывшему комиссару) Не задерживаю больше. Будете привлечены к партийной ответственности.

Бывший комиссар выходит. В ту же минуту входят трое путиловцев.
Сталин шагнул им навстречу.

Сталин. Здравствуйте, здравствуйте, товарищи... А мы знакомы, товарищ Потапов, вспоминаете?

Потапов. Ну, как же, товарищ Сталин, и Сибирь, ссылку помню, и как встречались на VI съезде партии. (На Иванченкова) Делегат от Московско-Нарвского района...

Сталин. Помню и вас, помню, товарищ...

Иванченков. Иванченков...

Сталин. Иванченков, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов.

Иванченков. Запсмилили, товарищ Сталин...

Сталин. Дельные выступления имею привычку запоминать.

Потапов (на Данилову). А это товарищ Данилова. В 1917-м была секретным курьером Ленина.

Сталин. Помню... (Здоровается с Даниловой).

Иванченков. Накопилось, товарищ Сталин!.. Поэтому и потревожили вас...

Сталин. Накопилось?.. Это вы писали товарищу Ленину о безобразиях в системе обороны Питера?

Данилова. Мы писали.

Сталин. Присаживайтесь, друзья.

Потапов. Люди мы штатские, но поговорить хотим о делах военных. Работаем в Чрезвычайной тройке, и видеть, и слышать по обороне много приходится. Писали Владимиру Ильичу. Теперь с вами хотели бы поделиться... Не нравится нам многое: зачем эвакуируют Петроград?

Сталин. Владимир Ильич дал телеграфное указание об отмене эвакуации.

Потапов. Владимир Ильич дал указание, а другие уже действуют в обход. Создана техническая комиссия по парализации промышленности и транспорта Петрограда.

Сталин. Комиссия по парализации?

Потапов. Да... И инструкцию отпечатали. Дескать, в условиях маневренной гражданской войны противник может — может, обратите внимание! — овладеть той или иной местностью Советской России, — понимай, и Петроградом... Возможность чего и требует-де подготовить промышленность и транспорт Петрограда к быстрой парализации, дабы белые не смогли ею воспользоваться, а мы — при возвращении — быстро бы могли все наладить...

Сталин. Придумано хитро.

Иванченков. И уже действуют. К парализации уже подготовлено 246 предприятий. Все по группам: А, Б, В... Аккуратненько посадят нас на мель...

Данилова (протягивая бумагу). А мы на мель не хотим! Вот мнение Путиловского, Ижорского и других заводов, принято на собраниях: «Всякую эвакуацию прекратить, дабы не вводить дезорганизации в среду рабочего класса, а также в работу по выпуску военной продукции». Правильно, товарищ Сталин?

Сталин. Мы парализуем эту комиссию по парализации.

Потапов. Свернуть им шею... Мы напрягаем все силы, даем боевую технику, а нам предлагают бросить город? Сдачу готовят. Кто разрешил им? Нас спросили?.. ЦК точно пишет: «Питера не сдавать». (Указывает на вынужденное обращение ЦК).

Иванченков. А почему штаб 7-й армии переехал в Новгород? Питер обороняется, в Питере и будьте...

Сталин. Правильно.

Потапов. Я еще добавлю. Что же это за оборона получается? Вот из Петроградского комитета обороны, где председателем Зиновьев: «Возможен десант на Васильевский остров... При вынужденном отходе обороняющимся частям отходить по Николаевскому и Дворцовому мостам». Это не оборона, товарищ Сталин, это похуже... Десант на Васильевский остров?.. А где же тогда Балтийский флот и Кронштадт? На что их держим? Сыновей туда дали... И почему это надо настраивать население на «отход по мостам»?.. Мы в Октябре наступали по этим мостам...

Сталин. И хорошо наступали...

Иванченков. Еще не всё, товарищ Сталин. Я — снова об эвакуации. Я бы эвакуировал из Питера всю контрреволюционную буржуазию... Она действует, выжидает, шпионит... Городской водопровод хотели взорвать. Вот это был бы паралич... И еще, из личных наблю-

дений: почему иностранные машины с флажками ездят повсюду и наблюдают все наши оборонные работы?.. Зачем иностранцам такая свобода в осажденном городе?

Данилова. Разрешите и мне добавить? Чувствуется рука врагов... С чего неудачи в мае начались, товарищ Сталин? Измена на ряде участков.

Сталин. Расследование идет. Виновные понесут наказание.

Данилова. И еще хотела бы сказать, товарищ Сталин. Не думайте, что о себе хлопочем: мол, наш, особенный Петроград. За коммунизм бьемся, за него сердце болит...

Иванченков. Ты товарища Сталина не агитируй...

Сталин. Не нужно прерывать... Каждый трудящийся должен иметь право свободно высказать свои мысли, свои соображения... (Думая вслух) Со временем это правило будет, полагаю, наряду с другими, внесено в Конституцию нашей страны... Продолжайте, пожалуйста, товарищ Данилова.

Данилова. Спасибо... Вот я хочу сказать, как мы жили... В поте работает человек, а его оскорбляют, считают за раба, существо без души. Если он недоволен—избивают, гноят его в тюрьмах, стреляют в него... А женская доля какая была!.. Вспомнить страшно... А теперь лезут англичане. Нет, хватит, господа хорошие!.. Теперь мы к свету вышли и прав своих не уступим, не отдадим... Святое дело затоптать хотят, Россию опять в грязь?.. Нет, немыслимо, назад возврата не будет... Не пойдет русский народ обратно: во тьму, во мрак, к городovým, к кабаде, к нищенству и сиротству... Страшно и подумать об этом, товарищ Сталин...

Сталин. Вы правы, товарищ Данилова... (Пауза). Не сомневаюсь ни на минуту в силах рабочего класса, всего трудового народа. Все препятствия одолеем, и какие бы враги ни встретились на пути, — мы одержим верх...

Потапов. Надежда на вас, товарищ Сталин: озаботьтесь о городе, о защите... Что заводу передать?

Сталин. Поделюсь своими соображениями. Силы у нас достаточные, безусловно. Надо их лишь правильно использовать. Что у врагов? Из всех наблюдений и проверок ясно одно: действиями врагов руководит какая-то группа, некий «центр», вдохновляемый из-за границы. Какая перед нами задача? Раскрыть этот «центр» и раздавить. Сумеет ли мы это сделать и этим защитить Петроград? Полагаю, что питерский рабочий класс сумеет это сделать. Можете не сомневаться в том, что пассивная, отступательная, пораженческая практика будет пресечена. Благодарю вас за полезную беседу. (Жмет руки делегатам).

Потапов. Вам спасибо — за прием, за беседу, за ясные слова.

Сталин. Было бы полезно, чтобы вы, ваша группа побывала на фронте и в Кронштадте, побеседовала бы с бойцами. Понаблюдала бы. Этим вы поможете делу.

Потапов. Будет выполнено, товарищ Сталин.

Секретарь (входя). Вызванный вами начальник артиллерии Кронштадта Буткевич прибыл.

Сталин дружески прощается с путниковыми. Входит Буткевич — плотный, пожилой бывший офицер с моржовыми усами. Сталин кивком указывает ему место.

Сталин. Доложите об обстановке на фортах.

Буткевич. Слушаюсь... Как раз захватил все необходимые документы. Вот копия последнего рапорта комиссара Кронштадтской морской

базы, поданная Петроградскому Комитету Обороны... Здесь излагаются результаты обследования всех фортов.

Сталин. Каковы же эти результаты?

Буткевич. Вот, например, о Красной Горке... «Охрана на должной высоте, техническая часть в полной исправности». 12-дюймовая батарея, 10-дюймовые батареи меньшего калибра, электростанция, радиостанция и прочее... Сплошной круговой оборонительный пояс. «Артиллерийский огонь может быть открыт по истечении 10 минут, а дежурной батареей в любую минуту»... «Настроение как комсостава, так и команды вполне удовлетворительное. На Красную Горку можно положиться, как на вполне надежную опору. Признаков, наталкивающих на подозрение в измене, не наблюдалось нигде»...

Сталин. Это выводы комиссии. А ваши личные?

Буткевич. Я только технический специалист. В функции политические не разрешаю себе углубляться.

Сталин. Отвечайте прямо.

Буткевич. Присоединяюсь к выводам комиссии... Полагаюсь на ее авторитет.

Сталин. А как вы объясните три попытки взрыва Красной Горки?

Буткевич. А-а... об этом... Слушаюсь. Велось следствие. Установлена одна попытка дать ток в минный кабель, затем попытка злоумышленников обратиться к минному погребу и, наконец, третий случай: удар молнии в погреба 10-дюймовой батареи и одной 6-дюймовой. Погреба взорвались...

Сталин. Громоотводы «случайно» отказали... Как вы расцениваете такое накопление «случаев»?

Буткевич. Я, право, не знаю... Несомненно, тут есть злой умысел... Мы оговорили это в одном параграфе.

Сталин. Ага, «оговорили»? Итак, в одних параграфах виновата природа, в других — «злоумышленники»?.. В политике такая двойная бухгалтерия к добру не приводит, а мы занимаемся именно политикой — политикой России. Имеете что-либо сообщить еще?

Буткевич. В основном я доложил все...

Сталин. На этом пока закончим. Сообщение ваше не может считаться удовлетворительным.

Буткевич поклонился, вышел. Секретарь вручил товарищу Сталину сводку и сказал: «Неблагоприятные сведения» Сталин прочел сводку, задумался глубоко... Медленно заходил по вагону.

Сталин (делая телефонный вызов). Военный Совет Балтийского флота. Товарищ Воронцов? Говорит Сталин. Здравствуйте... Читали сводку? Да... Авангарды белых в 7—8 километрах от Красной Горки. Балтфлот приведите в немедленную готовность. Проследите сами за положением на фортах. Там не всё благополучно с кадрами. Неудовлетворительное впечатление о начальнике артиллерии. Не внушает доверия. Обращение ЦК о Петрограде доведите до масс. Петроград сдан не будет... Что? Пытаются прорваться, напугать... Никогда, никому не удавалось испугать большевиков — и не удастся, какие бы комбинации они там ни придумывали. А вот мы их действительно заставим испугаться (Пристукнул рукой по столу).

Картина третья

В ШТАБЕ РОДЗЯНКО

Штаб командующего белой Северо-западной армией генерал-майора Родзянко. Дом в одном из имений Петроградской губернии. Ковры, старинное оружие и портреты. На охране стоят два конвойца личной сотни генерала. Они в кубанках, башлыках, наброшенных на плечи, гимнастерках с нарукавными черными нашивками: череп и скрещенные кости; у пояса кинжалы, револьверы, шашки. Старший из конвойцев — в галифе, обшитых кожей, и высоких охотничьих сапогах. Вид — явно нерегулярный.

Конвоец. Два месяца, третий жалованья не дают — армия, служба... Знал бы...

Старший конвоец. В Питере дадут николаевскими и от англичан премия — фунтами.

Конвоец. У них на вес дают? Фунтами?.. Вот здорово! А сколько до Питера осталось?

Старший конвоец. Генерал идет смело... 75 верст осталось. На несколько дней работы. В Питере хозяевами будем: там чего хочешь напечатать — и николаевских, и керенок...

Конвоец. Говорят, и свои печатать будут, «родзянки». С орлами...

Старший конвоец. Не болтай много — генерал услышит, беда будет... Отвечай еще за тебя.

Конвоец (озираясь). А большевики, говорят, клятву дали: «Помрем — в Питер не пустим». Ох, резня будет... И чего нас сюда понесло, дядя Иван?

Старший конвоец. Боишься? А я на всю жизнь от страха излечился. Мне хоть в ад, хоть сам дьявол.

Конвоец. Ну?.. А как излечился?

Старший конвоец. Излечился. стакан человеческой крови выпил без закуски — и все сняло.

Конвоец. Действует? А чью кровь-то пил?

Старший конвоец. Пил, послал господь... А твое какое дело, чью? Чего-то ты сегодня разболтался, парень?

Конвоец. Не, я молчу, дядя Иван.

Старший конвоец. Кому дядя Иван, а тебе господин унтер-офицер Жабоедов.

Конвоец. Виноват...

Молчание. В кабинет входит генерал Родзянко. Потирает руки, смотрит на конвойцев, на стол.

Родзянко. Так, так, идем, идем... (В дверь) Попросите ко мне начальника штаба!

За дверью: «Полковника Зейдлица к командующему! Полковника Зейдлица!» Торопясь, входит Зейдлиц.

Родзянко. Садитесь, Зейдлиц. Докладывайте, что там у вас подготовлено по Петербургу.

Зейдлиц (с немецким акцентом). Приказ по Петрограду, то есть по Петербургу, номер первый... Следует дата: некоего июня 1919 года. «Приказывается: 1) Каждый должен немедленно заявить коменданту города о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, равно о светском служащем, живущем в городе».

Родзянко. Так.

Зейдлиц. «2) Всем домовладельцам немедленно дать сведения о всех коммунистах и комиссарах».

Родзянко. И неблагонадежных элементах.

Зейдлиц. «И неблагонадежных элементах, проживающих в доме. 3) Всякий, знающий какой-либо советский склад и оставленное советское имущество, должен заявить об этом коменданту или сдать на сборный пункт»... Укажем адрес: может быть, Гостинный двор... «4) При проходе войск никому окон не открывать и у окон не стоять... 5) Всякое оружие — холодное и огнестрельное — сдать в 24-часовой срок. За несдачу расстрел владельца оружия».

Родзянко. И ответственного за дом лица.

Зейдлиц. Записал. «6) Движение по Петрограду разрешается до...»

Родзянко. Пяти часов вечера. Дальше.

Зейдлиц. «7) Всему населению обменять советские удостоверения у коменданта города»...

Родзянко. Устройте давку и очереди. У районных комендантов.

Зейдлиц. Ваше превосходительство, неудобно оставлять советские «районы», лучше восстановить старые «участки».

Родзянко. Согласен. Быть по сему.

Зейдлиц. Как приятно звучат эти старинные понятия и слова! заново воскресаем, ваше превосходительство!.. «8) Восстанавливается свободная частная торговля всеми товарами и продуктами».

Родзянко. Откроются Пассаж, Елисейев, Бурэ...

Зейдлиц. «9) Восстанавливаются все прежние названия улиц, площадей, зданий и прочее, согласно наименованиям, бывшим до большевистского переворота».

Родзянко. «10) За нарушение какого-либо из этих пунктов — смертная казнь через повешение».

Зейдлиц. Я добавил бы, так сказать, несколько бодрых перспектив для населения.

Родзянко. «11) Благонадежной части населения можно продолжать свою работу»... гм... «в ожидании прибывающего в ближайшем будущем для него продовольствия».

Зейдлиц. А оно будет?

Родзянко. Англичане обещали.

Зейдлиц. О подписи. Как разрешите именовать вас, ваше превосходительство?

Родзянко. Обыкновенно.

Зейдлиц. Ваше превосходительство!.. Сам народ найдет формулу необыкновенную, достойную... И союзники поддержат. Надо полагать, вы будете Верховным правителем России...

Родзянко. Гм... Спасибо, Зейдлиц. Не забуду ваших услуг. Отпечатайте несколько десятков тысяч экземпляров этого приказа. Надо его заслать в Петербург, в нашу сеть. Дату поставим в нужный момент. Писарей подготовить для этого. Идите. Благодарю. (Зейдлиц уходит. Родзянко к конвойцам) Ну, молодцы, скоро и в Питере?..

Старший конвоец (рывает). Так точно, ваше превосходительство!

Вбегает Зейдлиц.

Зейдлиц. Ваше превосходительство! Победа, радиограмма. Красная Горка восстала и примкнула к нам.

Родзянко. Дайте... (Читает радиограмму). Это Неклюдов. Прекрасно, Зейдлиц, мы на пороге столицы России... Еще шаг — и мы там. Зейдлиц, поздравьте Неклюдова... что бы ему дать?

Зейдлиц. Орден святого Георгия...

Родзянко. Нежидов — поручик? (Думает). Надо произвести в полковники... Человек открыл ворота Петербурга, это чего-то стоит.

Зейдлиц. Он слишком молод.

Родзянко. Это не поеха. Да, и сейчас же пишите — прямо Кронштадту — надо не терять ни минуты. Пишите: «Кронштадт. Наша армия на порог Петрограда. За нами идет эскадра с десантом. На фронтах сдвоятся без боя. Красная Горка с нами. Не губите своих жизней и приготовьтесь к сдаче». Поймут?

Зейдлиц. Полагаю, поймут.

Родзянко. Зейдлиц, нужно как можно скорее двинуть наши авангарды на соединение с Красной Горкой. Покажите, где сейчас передовые части.

Зейдлиц (развернув карту). В 7—8 километрах от форта стоит Островский полк. В резерве — Ингерманландский полк, из финских добровольцев.

Родзянко. Двигайте их... Английская эскадра, наша армия, финские добровольцы — все шире антибольшевистская коалиция. Это действует на советских...

Зейдлиц. Предупредить считаю долгом, что на берегу нашей части могут попасть под губительный огонь красного Балтфлота.

Родзянко. Зейдлиц, об этом красном флоте мы уже подумали. Обеспечена его пассивность, парализация. Советский главнокомандующий дал приказ превратить боевые корабли в плавающие батареи. Они — в лучшем случае — будут ползать на буксирах недалеко от Кронштадта. Зейдлиц, приводите в исполнение план.

Зейдлиц. Я все же опасаясь, ваше превосходительство...

Родзянко. Довольно опасений!.. Мы осуществляем — и с успехом — огромный план. Он одобрен Черчиллем — военным министром Англии. Ко мне должен прибыть его представитель — капитан 2-го ранга Эгар — для личного контакта и согласования действий. Англичане прислали эскадире адмирала Коуэна.

Зейдлиц. Да, у Бюркэ видны дымы их кораблей...

Родзянко. Это не случайность. Это — реальные силы для выполнения плана. Если мы владеем сегодня берегом, Красной Горкой, а завтра — Кронштадтом, и с нами английская эскадра, — то...

Зейдлиц. То все же мы можем натолкнуться на сопротивление. У большевиков резервы. В Петрограде до 80 тысяч.

Родзянко. Подумали и об этом, Зейдлиц. Обучение этих резервов остановлено. Нашли одного слабоголового комиссара, обработали. Меньше сомнений, никаких сомнений, Зейдлиц! Ведь вы написали приказ № 1 по Петербургу?

Зейдлиц. Так точно, я.

Родзянко. Значит, верите, что Петербург будет наш?

Зейдлиц. Надо полагать, ваше превосходительство, но...

Родзянко. Опять «но»?

Зейдлиц. Я опасаясь техники красных, петербургская промышленность...

Родзянко. Подумали и о ней, Зейдлиц. Она уже парализуется.

Зейдлиц. О, тогда... Но чрезвычайные меры обороны, прибытие Сталина...

Родзянко. Будут приняты меры противодействия.

Зейдлиц. Я, ваше превосходительство, воспитан на правилах штабного учета, осторожности и осмотрительности.

Родзянко. Больше веры и огня, Зейдлиц! Операция начата и идет стлично... С нами англо-саксонские союзники. Они одели нашу армию,

накормили, дали оружие. Это крупное вложение средств, а англичане капиталовложений даром не делают. Черчилль практичен и дальновиден. У него огромный военный опыт: он карал восставших индусов — и они были поставлены на колени. Он наводил порядки на Кубе. — и мятежники были брошены на колени. Он ломал буров — и они тоже стали на колени. Он — сторонник решительных операций. Он нам в мать... Успех будет на нашей стороне.

Зейдлиц. Дай бог!..

Родзянко. Наконец, наши десять тысяч в подполье Петербурга. Они ждут часа... Внезапное выступление, молниеносный удар по узловым пунктам города, ликвидация красных — их списки заготовлены — и вы понимаете, что мы — победители?.. Зейдлиц, хватит предостережений и опасений!.. Докладывайте об удачах, успехах.

Зейдлиц. Слушаюсь. Есть одна добрая весть. Был налет наших партизан. Они взяли ночью командира 3-й бригады 19-й советской стрелковой дивизии. Бывший генерал Николаев.

Родзянко. Давайте его сюда! (К конвойцу) Жабоедов, приведи его, но смотри — не трогать!..

Старший конвоец. Так точно, ваше превосходительство. Обойтись аккуратно. (Быстро выходит).

Родзянко. Значит, мы наступаем...

Зейдлиц. Так точно, сегодня наступаем...

Родзянко. И завтра будем наступать!

Зейдлиц. Я доложил реальную обстановку.

Конвоец вводит пленного. Это сухощавый, загорелый человек лет 55, открытое, красивое лицо, седые усы и борода клинышком. Опрятно одет.

Родзянко. А-а... вот... Вы стоите перед командующим вооруженными силами Северо-запада России генерал-майором Родзянко.

Пленный. Я такого не знаю. Я помню, что в старой армии был подполковник Родзянко, который в начале 18-го года дезертировал из части и отсиживался где-то в имении под Ригой.

Родзянко. Отказываетесь признавать?

Пленный. Я признаю 2-й Всероссийский съезд Советов, я признаю законное, избранное народом правительство — Совет Народных Комиссаров; я признаю главу его, Ленина, российского гражданина, окончившего Петербургский университет, юриста, автора исторических и социально-экономических трудов...

Родзянко. Что — сам из этой проклятой породы очкастых интеллигентов? Хватит о Ленине. Что же, ты не знаешь, что в России есть верховный правитель адмирал Колчак?

Пленный. Я не признаю дважды дезертиров: бывшего адмирала Колчака, бывшего генерал-лейтенанта Деникина, бывшего генерала Карла Маннергейма, бывшего военного чиновника Семена Петлюру и других...

Родзянко. Дважды дезертиров?! С ума сошел!

Пленный. В здравом уме и твердой памяти. Они — все эти Колчаки — сбежали из старой армии и старого флота. Раз. Они затем не явились по призыву советского правительства в военкоматы, когда была объявлена офицерская мобилизация. Два...

Родзянко. А ты явился?

Пленный. По зову Родины, во имя России, нашей, народной, встал в ряды Красной Армии. А ты из Риги побежал к англичанам, Колчак — к американцам... Копеечники, перебежчики, предатели России.

Родзянко. Замолчать!!

Пленный. Почему молчать? Разговор начат... (Приблизился к

Родзянко. Конвойцы настороже). Протестую против подлых действий — меня взяли обманом... Вы переодели красноармейцами своих бандитов...

Родзянко. Разговор кончен. Либо вымолишь службой у нас прощение, либо...

Пленный. Таких «либо» для советского гражданина не бывает. До конца служу народу и советской власти.

Родзянко. Жабоедов, взяты! Подвесь на ближайшем суку.

Старший конвоец. Слушаю, ваше превосходительство! (Грубо вытаскивает пленного из комнаты).

Пленный (в дверях). И запомни ты, дезертир, английская шлюха! Петрограда вам как своих ушей не видать.

Входит адъютант.

Адъютант. Ваше превосходительство, делегация городских и земских деятелей просит принять ее.

Родзянко. Делегация?.. Земских деятелей?.. Что за керенщина? Кто пустил эту сволочь? И в такую минуту, когда решается главное...

Адъютант. Там предводитель дворянства и еще ряд приличных господ.

Входит группа так называемых общественных деятелей.

Первый. Ваше превосходительство, позволяем себе обратиться к вам от имени здоровых общественных слоев, принести сердечные поздравления по поводу побед доблестной армии, руководимой...

Родзянко. Да, идем вперед. Но к делу, к делу, господа! У меня идут важные операции. Решается судьба Петрограда, России.

Второй. Ваше превосходительство... Фонарные столбы, увешанные людьми, обыски, аресты, вымогательства, приказы, восстанавливающие помещиков, расстрелы, тюрьмы, переполненные бог весть за что сидящими людьми, полное упразднение юстиции — все это тревожит нас...

Родзянко. Мм... Меня это тоже беспокоит. Я сторонник высокой юстиции. Передайте это населению. Я сделаю все, чтобы юстиция была восстановлена в России в полном объеме.

Один из делегатов. А как, ваше превосходительство, насчет земли?

Родзянко. Я на стороне тех, кто работает на земле. Я и сам в известном роде от земли... И давно интересуюсь аграрным вопросом... Без справедливого решения аграрного вопроса в России вообще ничего не будет.

Один из делегатов. А как, отец родной, решаешь-то о земле?

Родзянко. Как решаю? Русский мужик здоров душой и телом, и он давно уже думает о земле... Надо считаться с этим.

Голос из делегации. Правильно, батюшка, правильно...

Родзянко. Но торопиться, обидеть тех, кто владеет землей, обидеть грубым насилием, захватом мы не можем. Это противоречит нашей совести, христианской морали.

Голос из делегации. О земле-то как решат?

Родзянко. Мм... решит будущее народное собрание... Наш долг — охранить его от опасностей, вредной агитации и прочего и направить на здоровый путь... Исходя, конечно, из принципов уважения к праву... Больше ничего не имею сообщить, господа... Крайне занят, чрезвычайно занят. На фронте — важнейшие события. Пришла английская эскадра. К нам присоединился форт Красная Горка, можно ожидать присоединения Кронштадта. Это решит дело — и мы будем в Петербурге.

Глава делегации (неуверенно). Пожелаем; ваше превосходительство, успеха...

Делегация уходит, Родзянко остается один.

Родзянко (к конвойцам). Идите, я буду занят. (Конвойцы вышли). Пристали с землей!.. А этот тип смеет еще о повешенных! Эсер или меньшевик. Самого повесить надо (Пауза). Нет, этот Зейдлиц не по мне. Он «привык к осмотрительности», он опасается!.. Х-ха... Бухгалтер немецкий — считает каждый штык у большевиков... Резервы... Ничего, я собью их резервы! Наступать... (Слышны звуки марша. Родзянко вслушивается). Да, да, наступать! Они меня поняли, музыканты... Полковника Вадбольского ко мне, затем Мешкова!

В кабинет входит полковник Вадбольский, рослый строевик.

Вадбольский. По вашему вызову явился, ваше превосходительство.

Родзянко. Прошу присаживаться, полковник. Вы помните наши долгие беседы о Петербурге?..

Вадбольский. Так точно.

Родзянко. Отправляйтесь туда... Вы свяжетесь с «Национальным центром»... Сообщите им об обстановке. Детализировать не надо. Наступаем и уже в 70 верстах от города. Я приказываю, чтобы кадры в Петербурге были приведены в полную боевую готовность. В подходящий момент они должны выступить. Может быть, это будет связано с общим восстанием Кронштадта, может быть, с операциями английской эскадры, может быть, с появлением наших авангардов в предместьях города. А может быть — между нами — выступление в Петербурге и поможет нам... Вы знаете, в чем дело?

Вадбольский. Так точно.

Родзянко. Поезжайте. Действуйте. Надо взорвать мосты на Николаевской железной дороге и на Северной, чтобы большевики не могли подвезти резервы... Особое внимание захвату ЧЖ, телефона, телеграфа... Ну, детали вы укажете им сами. Общее руководство выступлением — за вами. С богом, полковник. (Рукопожатие и троекратный поцелуй. Вадбольский вышел).

Капельмейстер (спешно входя). Зауряд-прапорщик Мешков по вашему приказанию явился, ваше превосходительство!

Родзянко. Здравствуй, Мешков.

Капельмейстер. Здравия желаем, ваше превосходительство.

Родзянко. Ты, голубчик, что играл в 17-м году?

Капельмейстер. Что требовалось, ваше превосходительство!

Родзянко. Что требовалось?.. Тоже, наверное, шлялся с красным бантом и дирижировал до пота «Марсельезой»...

Капельмейстер. Виноват, как приказывало начальство...

Родзянко. Ты этот случай из жизни выкинь навсегда. Опять придется играть... Гвардейские императорские марши помнишь?

Капельмейстер. Так точно, ваше превосходительство. (Начинает наигрывать на губах марши).

Родзянко (вторя). Правильно...

Капельмейстер. Понимаю, ваше превосходительство, на случай вступления в столицу. Уже репертую... Ваше превосходительство, *дозвольте* от искренней души: что исполнять в высшем торжественном случае?

Родзянко. А ты что, голубчик, забыл?

Капельмейстер. Никак нет, ваше превосходительство. (Запел «Боже, царя храни»).

Родзянко. Ну, иди, иди, голубчик... Репетируй... Или как ты говоришь: репертуй. Ну, репертуй, репертуй!.. (Родзянко остался один). Боже, царя храни... (Поглядел куда-то вверх). И не сохранил?.. Нехорошо, конфуз... Увезли в Екатеринбург, расстреляли и... А хорошо будет: «Пал Петербург. С утра в столицу России вступили части генерала Родзянко»...

Слышны звуки марша.

Картина четвертая

ЗАГОВОРОЩИКИ В КРОНШТАДТЕ

Служебный кабинет начальника артиллерии Кронштадта Буткевича. Тяжеловесность во всем убранстве: безвкусная бронза, большие вазы, красный бархат, картины, морские узоры, модели парусников.

Буткевич. Адъютант, вы сами говорили с Красной Горкой?

Адъютант. Так точно, товарищ начальник. Как только узнал о событии, кинулся к телефону, стал спрашивать.

Буткевич. И что же?

Адъютант. Ну, там ребята-телефонисты свои, узнали... «Привет, товарищ адъютант, у нас, говорят, полундра»...

Буткевич. Именно полундра.

Адъютант. Успели сообщить следующее. Еще 12-го июня белые по-дошли на 7—8 верст к форту. Партколлектив заметил подозрительность поведения коменданта Неклюдова и его свиты.

Буткевич. Свиты?

Адъютант. Так точно. У него на подбор: Гримм, Делль, Брунес, Арнольд...

Буткевич. Что вы хотите сказать?

Адъютант. Русские командиры из иностранных.

Буткевич. Пустяки. Продолжайте.

Адъютант. Партколлектив устроил собрание. Неклюдов туда послал своего холуя — денщика. Недавно втесался в партию... Обсудило собрание меры. Приняли правильное решение — сместить Неклюдова и всех этих Гриммов-Арнольдов... Холуй доложил. Неклюдов ночью поднял роту пулеметчиков. Подобрана специально — кулацкое отродье... Неклюдов им и говорит: «Мы окружены белыми. Петроград, Кронштадт сдались, идет английская эскадра. Конец войне. Обезоруживать коммунистов!» — и началось... А пулеметчики там — любимчики Неклюдова. Они коммунистов и забрали.

Буткевич. Дальше!..

Адъютант. Дальше шум в трубке, телефониста взяли за горлянку... Я подул, подул в трубку, кто-то ответил: «доболтаешься, красная рожа, до петли»...

Буткевич. А вы?

Адъютант. Я, конечно, ответил. Они помолчали, поперхнулись и трубку хлопнули. Разрыв дипломатических отношений...

Буткевич. Ну, идите. (Адъютант вышел).

Стук в дверь. **Буткевич.** «Да!». Входит начальник штаба Кронштадтской морской базы Александр Рыбалтовский.

Рыбалтовский. Точно в 20.00, как вы просили. Добрый вечер, господин полковник.

Буткевич. Здравия желаю, господин капитан 1-го ранга.

Рыбалтовский. Ну-с, ваш первый шаг блестящ. Красная Горка — это просто пилюля! Поздравляю.

Буткевич (замахал руками). Не говорите, не говорите, просто сгладите. Посмотрим еще, как пойдет...

Рыбалтовский. Пойдет отлично. Везде ошеломление и растерянность...

Буткевич. Не везде, не везде, Александр Аполлонович. Боюсь, что нас возьмут на подозрение.

Рыбалтовский. Не может быть!

Буткевич. Может... Я был вызван к Сталину. Ну, пережил труднейшие минуты. Он заявил, что не удовлетворен моим докладом и что «двойная бухгалтерия в политике к добру не приводит»... Ну, а что у вас?

Рыбалтовский. Мне было приказано открыть огонь линейных кораблей по Красной Горке. Я приказал стрелять из гавани. Это безвредно: недолеты.

Звонок.

Буткевич. Начальник штаба морской базы здесь, на совещании. Передаю трубку. Вас, товарищ Рыбалтовский, из Военного Совета.

Рыбалтовский. Слушаю... Так точно, товарищ член Военного Совета. Как? Линкоры вывести... (Поглядел на Буткевича). Кто приказал? Сталин? Есть. (Повесил трубку). Да, видимо, начали проверять. Сталин. Теперь форт пострадает.

Буткевич. Я говорил! Не везде растерянность, дорогой... Ага, забеспокоились, дорогой?..

Рыбалтовский. Весьма неприятное и неожиданное осложнение.

Входит адъютант.

Адъютант. Просит разрешения войти уполномоченный Особого отдела товарищ Шибаев.

Буткевич. Кто?

Адъютант. Уполномоченный Особого отдела Шибаев.

Буткевич. Мы заняты.

Входит уполномоченный Особого отдела Балтфлота Шибаев.

Шибаев. Уполномоченный Особого отдела Балтийского флота военный моряк Шибаев. (Сухие полупоклоны). Мне поручено расследование дела на Красной Горке. Имею некоторые вопросы.

Буткевич. А я эти вопросы буду докладывать Военному Совету. С вами, молодой человек, у меня на эту тему нет охоты беседовать. Можете быть свободным. У нас совещание.

Шибаев. Вынужден пока подчиниться. Побеседуем в другой раз. (Вышел).

Буткевич. Видали?.. Уже ходят. Я продумал дела: я подам «центру» сигнал, что мы идем к опасности. Я не хочу напрасных жертв.

Рыбалтовский. Вы не хотите отвечать? Вы пятитесь в момент, когда решается все...

Буткевич. Нет, я предупреждаю. Вот, слышите — идут на подавление. По приказанию Сталина.

За окнами оркестр. Твердый шаг воинской части. Морской отряд направляется на фронт. Стук в дверь. Оба затихают. **Буткевич.** «Да!» Входит **Дэкс**, одетый матросом. Обмен приветствиями.

Буткевич. Наконец-то! Вас так долго не было.

Дэкс. Дела. Вот письмо от вашей супруги и дочери.

Буткевич. О, спасибо, спасибо!.. Они здоровы?

Дэкс. В цветущем состоянии обе... Дома выпили за ваше здоровье и успехи.

Буткевич (задумался). А это, знаете, я ее приучил. Молодость, грехи... Началось с ликерной рюмочки.

Дэкс. Теперь она свободно оперирует стаканами. Сообщаю новости: британская эскадра в Биоркэ. Части генерала Родзянко в 7—8 километрах от Красной Горки. Форт поднял мятеж и присоединился к белым. Ультиматум Кронштадту передан...

Буткевич. Несколько запоздалые сведения. Ультиматум уже послан товарищами ко всем чертям. Линейные корабли открыли огонь по форту. Двинуты морские отряды на подавление...

Дэкс. Поэтому я и прибыл сюда, господин полковник. «Национальный центр» приказывает поднимать, не медля, форты Кронштадта, парализовать огонь Балтийского флота, наносить удары один за другим.

Рыбалтовский. Пока парализовали мои приказы.

Буткевич. Удары следуют стремительно, именно один за другим со стороны большевиков. Я уже сообщил об этом господину капитану 1-го ранга (кивнул на Рыбалтовского). По-моему, за нами начато наблюдение.

Дэкс. С этим надо считаться...

Буткевич. Что дальше? Опасность подошла вплотную.

Дэкс. Что дальше? Следующий шаг «центра»: завтра в Петрограде будет собран весь командный состав нашей организации. Мы накануне выступления в Петрограде. (Властно) От вас, господин полковник, ждут действий в Кронштадте. На меры Сталина отвечайте контрмерами.

Буткевич. Да, да... Я только предупреждаю... По долгу службы, советует внимательно прислушаться к его сообщениям. Именно прислушаться... Да, вот и все, что я имею. А приказ будет выполнен точно, в срок. Немедленно... Я даю указание своей сети на форты. Начнем с «Обручева», там превосходные и абсолютно надежные мои люди. (Берет трубку). Город? Дайте «службу». Служба, дайте «Обручев»... «Обручев», алло!.. Коменданта форта. Кто просит? Начальник артиллерии, быстрее. (Пауза). Родион Николаевич, как существуете? Я, я, Буткевич... Здравия желаю. Загораете на летнем солнышке и смотрите на море... Завидую, завидую... Так вот в чем дело, комендант... Вы помните приказ № 0013?.. Твердо помните?.. Я не ставлю под сомнение, я извещаю вас: приводите в действие. Да. Точно. Без изменений. Спасибо. Кончаю. (Положил трубку).

Дэкс. Что он ответил?

Буткевич. «Обручев» начнет восстание. Это значит — Кронштадт примкнет к Красной Горке.

Дэкс. А к ним завтра примкнет Петроград. Прибыл из Лондона сам Эгар.

Звонок телефона. Буткевич берет трубку.

Буткевич. Начальник артиллерии слушает. Да... Слушаю... Передавайте. (К Дэксу и Рыбалтовскому, шопотом) Петроград говорит. Да, это я, Леля... (Собеседникам) Это дочь. Сообщение... Да, да... Да... (Выслушав, внезапно схватывается за сердце и сползает на кресле).

Дэкс (подхватывает трубку). Начальник артиллерии слушает. Не понял. Повторите, громко и не торопясь. Так, так... В Ораниенбаум — в штаб береговой группы войск направляется... Кто? Товарищ Сталин... Прибытие поезда завтра, 14 июня... (Переглядывает). Понял. Всё... (Вешает трубку).

Рыбалтовский. Прибывает сам?

Дэкс. Боюсь, не выйдет ли полковник из строя...

Буткевич (медленно поднимаясь). Это так неожиданно. Сам едет. Знаете, сердце... Но ничего, ничего, я опять в порядке...

Дэкс. Отлично. Пишите, я передам в Питере через нашу радиостанцию.

Буткевич. Что вы хотите?

Дэкс. «Красная Горка точка Дать завтра 14 июня течение всего дня и вечера огонь району вокзала Ораниенбаума».

Буткевич пишет.

Рыбалтовский. Почему только вокзалу, а если где-нибудь в стороне?

Дэкс. Верно. «Вокзала и прилежащих кварталов». Подпись?

Буткевич. Горка меня знает под шифром «Шестнадцатый».

Дэкс. «Шестнадцатый»... Будет передано к полуночи. Ну, под Петроградом сделаны первые ходы. Завтра ожидайте острой схватки.

Второй акт

Картина пятая

СОВЕЩАНИЕ В ОРАНИЕНБАУМЕ

Угловая комната первого этажа на даче в Ораниенбауме. Здесь железнодорожный штаб. Рядом шлюпочный канал, пристани и портовая железнодорожная ветка. Слышны гудки, сирены, команды, грохот работ у пристани, лягз буферов и сцеплений.

Совещание старших начальников Балтийского флота и береговой группы войск. Собрано до тридцати человек. Раскрылась дверь. Вошел товарищ Сталин. Командующий береговой группой: «Встать, смирно!» Сталин здоровается с командирами. Отчетливо звучит строевой ответ: «Здрасс...»

Сталин. Прошу садиться... (встав у стола). Совещание старших начальников Балтийского флота и береговой группы войск прошу считать открытым. Товарищи, раньше чем перейти к обсуждению оперативных дел, я хотел бы передать вам, представители Балтийского флота и Петроградского фронта, привет от Владимира Ильича Ленина.

Все встали, аплодисменты.

Сталин. Рассмотрим военную обстановку. Противник стремится к Петрограду. Все данные говорят за то, что силы противника на Петроградском фронте невелики. Но противник стремится добиться успеха не столько собственными силами, сколько силами агентуры в нашем тылу... Существует достаточное количество обиженных бывших людей, буржуа и помещиков, которые ждали и ждут удобного момента для удара в тыл нашим войскам. Вот на эти силы и рассчитывают генерал-майор Родзянко и его покровители. Противник рассчитывал занять Красную Горку — ключ Кронштадта, поднять восстание на фортах, обстрелять Петроград и, объединив свое наступление с переполохом в нашем лагере, окружить и занять Питер — очаг пролетарской Революции. Расчеты противника частично оправдались. Это требует от нас быстрых и энергичных мер противодействия. Агентура врага, рассчитывающая на новые предприятия, должна быть парализована и отведена в более спокойные места. Достаточные силы у нас есть. Нескольких слов о Балтийском флоте. Нельзя не приветствовать, что Балтийский флот, считавшийся погибшим, возрождается самым действительным образом. Это признают не только друзья, но и противники. Англичане уже испытали удары

Действующего отряда Балтийского флота—линейных кораблей и эсминцев в первую очередь. Из строя выведен ряд кораблей противника, и надо думать, это лишь начало. Отрадно, что балтийские матросы нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота.

Считаю долгом сказать, что наличными силами мы можем отстоять Петроград от каких бы то ни было покушений... Наша задача вернуть форт Красная Горка... Красная Армия под Петроградом должна победить.

Прошу товарищей высказываться: о состоянии частей, их настроении, об оперативных и политических соображениях, которые у вас сложились к данному моменту. Излагайте свои соображения возможно откровеннее и короче.

Воронов. По старой традиции начнем с младших?

Сталин. Хорошо, пусть будет по старой традиции...

Перегляд командиров и начальников. Некоторая пауза.

Воронов. Что ж, командиры морских отрядов, вам начинать.

Командир 1-го экспедиционного отряда. Есть. Наш 1-й экспедиционный отряд, товарищ Сталин, сформировался в течение одиннадцати часов. Проверял людей сам... В отряде 800 штыков. Все матросы специалисты: машинисты, турбинисты, электрики и прочие. По этому случаю уже шептуны и разлагатели Кронштадта пустили слух: отряд ненадежный, полевого боя не знает. А мы поэтою немедленно деремся у Таменгонта. А как вы думаете, товарищи, если человек знает турбину, динамомашину, сам рабочий—неужели ему не овладеть трехлинейкой и лопатой?.. И сообщаю, что на практике показали себя и уже опрокинули мятежников... Действительно, попали под обстрел. Некоторые разбежались... У них нижняя челюсть дребезжит. Таких я немедленно убрал: позорить отряд не позволю. А общее мнение отряда—и партколлектива, и всех военных моряков: разобьем мятежников, вообще врагов, капиталистов, как в песне.

Сталин. Что значит «как в песне»?

Командир 1-го экспедиционного отряда. «До основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Я кончил.

Сталин улыбнулся и подал знак следующему командиру.

Командир 2-го экспедиционного отряда. Второй экспедиционный морской отряд... Когда мы получили этот ультиматум Красной Горки, прочли на общем собрании, поднялись все... шумят: «Еще каждая, извините, белая сволочь революционному Кронштадту будет ультиматум посылать?! А карман шире держать не хочешь?.. Брать мятежников цап-царап, за горло—и на дно!.. Смерть капиталу, да здравствует советская власть!» Да... Отряд уже действует. Помощника моего убило—военный моряк Левачов был... Во главе 2-й роты... Взял окопы... Вечная ему память... Товарищ Сталин! Моряки были борцами за власть крестьян и рабочих—и останутся честные и терпеливые и докажут... Ждем только приказа.

Сталин делает знак следующему командиру.

Командир Петроградского морского отряда. Добавить от Петроградского морского отряда ничего не могу. Все сказано (сел).

Внезапное падение тяжелого снаряда поблизости. Шуршат осколки. Звон стекла

Чья-то реплика: «Направление с Красной Горки...» Пауза.

Сталин. Будем продолжать... Надеюсь, что у мятежников тут нет корректировщиков. Хотя гарантии нет... Итак, кто следующий? Корабли Действующего отряда Балтфлота. Эсминцы, начинайте.

Комиссар эсминца «Гавриил». Я с эсминца «Гавриил». Товарищ Сталин правильно отметил про дух балтийских матросов. 4 июня мы вышли к Копорскому заливу — линкор «Петропавловск», «Азарт» и мы. Отогнали три английских эсминца. Идем... В 17 часов 37 минут смотрим — две торпеды по нашему эсминцу... Боевая тревога! И из воды рубка английской подводной лодки — в 5 кабельтовых, 500 сажнях. Комендор Богов по ней ныряющим. Огромный столб черного цвета так и взвился... Готова лодка, будь здоров! Водоворот сильный — и с огромной силой выходил из затонувшей лодки воздух, пена так и бурлила. Да, еще хочу добавить. В команде разговоры: среди начальства есть такие, которые спят и во сне видят возвращение своего старинного друга — старого режима... Просьба обратить внимание на проверку этого дела. «Гавриил» к выходу в море готов.

Вдали, глуше, чем в первый раз, грохот снаряда. Чья-то реплика: «В сторону вокзала бьют». Сталин смотрит на следующего.

Комиссар линкора «Андрей Первозванный». Линкор «Андрей Первозванный» в непрерывной готовности. Команда раздражена обстрелом с Красной Горки. Надо разгромить так, чтобы не горка была, а блин. Просим разрешения.

Сталин смотрит на следующего командира.

Сталин. Слово имеет командир линейного корабля «Петропавловск».

Снова глухой разрыв. Реплика: «Да, по вокзалу».

Командир линкора «Петропавловск». Я начал бы с претензий.

Сталин. Говорите, товарищ командир, какие и к кому претензии. Говорите то, что думаете.

Командир. Передаю свое мнение и команды линкора «Петропавловск». Мы не хотим, чтобы наш линкор превращали в «плавающую батарею». А такое решение нам стало известно. Директива главкома была... Пора бы знать, что мы — русские линейные корабли... Таскать нас буксирным способом?! Я командир корабля 1-го ранга, служил в старом флоте, и не первый год. Я не сплавщик плотов на буксире... Очевидно, хотят повести линкоры малым ходом — на буксирах — в качестве мишени для англичан или Красной Горки?..

Сталин. Эта так называемая «директива» отменена.

Командир. Приношу вам, товарищ Сталин, благодарность от имени линейных кораблей. Мы в часовой готовности и готовы к морскому бою и бою с берегом. Флот существует для боя... В этом смысл нашей службы, жизни. Мы готовы к встрече с любым противником, включая и эскадру английского адмирала Коуэна. Я особо ценю сказанные здесь слова о русской морской традиции... Она жива. Я кончил.

Сталин. От частей армии, от ударной группы?

Встает командир, молодой краснознаменец.

Командир стрелкового полка. 4-й стрелковый полк трехбатальонного состава, с пулеметной командой и командой конных разведчиков. Всего 1.500 штыков. Обмундированием и продовольствием обеспечены. Партколлектив 100 человек. Общее собрание проведено. К бою готовы. Резолюцию прилагаю.

Еще один глухой разрыв

Сталин. Кто следующий?

Командир броневого отряда. Бронемшины отряда к бою изготовлены. Горючее на неделю операций получено...

Реплика: «Ты что — неделю возиться хочешь?»

Командир. Нет, я хочу неделю гнать беляков, прижать к эстонской границе и искупать в Нарове. Понятно?

Сталин. Вот — правильный ответ. Следующий?

Командир бронепоезда № 52. Бронепоезд № 52, Сормовский — к наступлению готов. Все приемки закончены.

Сталин. Летчики...

Летчик. Ораниенбаумский воздушный дивизион изготовлен. Вся материальная часть в порядке, опробована. Можем взять полный запас бомб и металлических стрел. И если надо, листовок. Личный состав ждет боевого приказа. И просили передать вам, товарищ Сталин, спасибо за отмену эвакуации... Если бы эвакуация, мы бы остались без материальной части. Петроградский авиазавод все-таки нужное количество новых самолетов дает.

Сталин. Производство самолетов еще будем увеличивать... Авиация — государственно важное дело. Итак, осталось выслушать начальника артиллерии и начальника штаба Кронштадтской базы. (К Воронову) Затем вы.

Воронов. Есть.

Буткевич. 25 мая сего года я ознакомился с рапортом комиссии, обследовавшей Красную Горку. «Охрана форта на должной высоте, техническая часть в полной исправности, огонь может быть открыт в 10—15 минут»...

Сталин. Против кого, это вас не заинтересовало?

Буткевич. В комиссии были партийные товарищи, я положился на их авторитет.

Сталин. Мы проверим этих партийных товарищей, обстоятельно проверим.

Буткевич. Они же писали: «Настроение форта вполне удовлетворительное. Крепость на форт может положиться, как на вполне надежную опору. Признаков, наталкивающих на подозрения, не наблюдалось нигде». Я прислушивался и также полагался на форт.

Сталин. Самооправданием заниматься поздно. Надо задавить измену.

Буткевич. Да, но положено пятно на честных специалистов.

Сталин. Чем реально сейчас можете помочь?

Буткевич. Мы мобилизовали все силы...

Сталин. Какие же?

Буткевич. Я отдал два Кронштадтских крепостных полка.

Сталин. Которые целиком перешли к белым...

Буткевич. Плохая воспитательная работа, плохой контроль. Я докладывал Военному Совету...

Сталин. Чем можете помочь сейчас?

Буткевич. Так сразу очень трудно ответить.

Сталин. Ну, а все-таки?

Буткевич. Форты Кронштадта не рассчитаны на обстрел Красной Горки.

Сталин. Значит, ничем не можете помочь?

Буткевич. Я начал расчеты для форта «Риф»...

Сталин. Нам нужны не теоретические расчеты, а дело, практика. Вы слушали, как выступали товарищи?

Буткевич. Я представлю расчеты...

Сталин. Неконкретные, пустые предложения. Послушаем начальника штаба Кронштадтской базы.

Рыбалтовский. Я внимательно слушал выступления товарищей, особенно с кораблей. И должен сделать некоторые выводы. Теоретические, научные положения, утвердившиеся во всех флотах мира — подчеркиваю это, — осуждают атаку приморских крепостей флотом. За последние 55 лет не было ни одного примера удачных атак. А прошло много войн: итало-австрийская, франко-прусская, русско-турецкая, испано-американская, японо-китайская, русско-японская, наконец — мировая война... Все они показали безуспешность операций кораблей против берега. Последний пример — провал атаки британским флотом фортов Дарданелл...

Красная Горка — очень сильный форт, крепость. Наши корабли проглядываются и с финского берега. Противник видит даже разводку паров. Далее. Весь район действий наших линкоров простреливается с финского берега. Посылая линкоры против Красной Горки, мы ставим их между двух огней: и с Красной Горки, и с финского берега... Это не все... Научный анализ должен быть полным. Противник на путях наших линкоров держит свои подводные лодки. Вы слышали сообщение об этом...

Голос. Да, одну английскую лодочку отправили на дно лихо.

Рыбалтовский. Я считаю, что предложения о посыле линейных кораблей и крейсера «Олег» с научной военно-морской точки зрения неприемлемы. Более того — опасны... Эти пылкие антинаучные предложения могут обречь Балтийский флот на гибель. Считаю своим служебным долгом поставить совещание, равно и Советское правительство в известность об этом. Добавлю, что интенсивный огонь приведет к тому, что через день-два стрельбы орудия будут изношены, или, как говорят специалисты, «расстреляны», и Балтийский флот окажется не в состоянии встретить английскую эскадру, выжидающую в Биорке...

Воронов. Что же вы предлагаете?

Рыбалтовский. Методическую атаку с суши.

Командир «Петропавловска». А противник в это время будет обстреливать Кронштадт и пассивно стоящие корабли?.. Вы хотите превратить нас даже не в буксирные батареи, а просто в мишени?

Сталин. Слово имеет член Революционного Военного Совета Балтийского флота товарищ Воронов.

Воронов. Я коротко. Целиком поддерживаю взгляды и предложения товарищей с кораблей. Надо действовать всеми видами огня, надо, не теряя времени, расстрепать политико-моральное состояние мятежников... Не буду далее распространяться, так как полагаю, что решающие выводы даст нам лично товарищ Сталин.

Сталин (поднялся). Как могло случиться, что фронт, недавно стоявший под Нарвой, откатился почти к Петрограду? Как могло случиться, что некоторые наши части сдались противнику или подняли мятеж? Очевидно, объяснение может быть одно: не было твердого командования, части комплектовались без политического отбора, тылы были засорены. Наконец, не велось минимальной политической работы. Она заменялась разговорами об эвакуации Петрограда и о потоплении Балтийского флота.

Как и почему происходили отступления?

Документы расследований показывают следующее:

В решительную минуту на боевом участке появляется обыкновенно какой-нибудь наймит-белогвардеец. Этот негодяй начинает кричать: «Вас обошли, сдавайтесь, а то всех перебьем». Бывает и так, что среди советских войск находится паршивая овца, которая хочет перепортить

все стадо. Бывает так, что некоторые иуды-предатели идут в Красную Армию для того, чтобы в решительную минуту предать ее.

К сведению собравшихся начальников и командиров. Семьи всех перешедших на сторону белых немедленно будут арестованы, где бы они ни находились. Земля у таких изменников будет немедленно отбираться безвозвратно. Все имущество изменников — конфисковаться. Изменникам пощады не будет. По всей Республике отдан приказ расстреливать их на месте.

Политическая работа должна быть поставлена со всей энергией. До солдат Красной Армии должна быть доведена основная идея: вы защищаете свою землю, вы защищаете родную рабоче-крестьянскую Россию. Белые хотят вернуть царя, рабство. Белогвардейцы подкуплены английской, французской, немецкой и финской буржуазией, врагами рабоче-крестьянской России. Белых надо истребить всех до единого. Без этого мира не будет. Кто сделает хотя бы один шаг в сторону белых — тому смерть на месте.

Нет сомнения, что мы справимся с этой задачей.

Перехожу к вопросам оперативным.

Нам тут в научной, академической форме пытались доказать, что на войне могут убить и что, мол, высший научный вывод: держаться в сторонке... Нам тут пытались привить теоретические положения, основанные на опыте иностранных флотов. Полезнее было бы вспомнить, как корабли России обрушивались на крепости и брали их штурмом... Достаточно назвать штурм Корфу, Чесменский бой и Синопский... Для военно-морской науки было бы полезно изучить и свежий опыт нашей гражданской войны. Я имею в виду смелые и удачные действия наших флотилий, не раз обрушивавшихся против укрепленных баз противника. Высказанные здесь академические взгляды не могут быть приняты. Отрадно было слышать выступления непосредственных практиков с кораблей, людей дела, для которых честь и достоинство России стоят выше иностранных «теорий».

Заключаю. Исходя из реальной обстановки, необходимо принять план комбинированного стремительного удара по противнику: с моря, с суши и с воздуха. Главный удар нанесет флот, который выйдет в море и откроет огонь главным калибром непосредственно по форту. Устаревшие «научные» справки, таким образом, отпадают. Завершающие удары нанесут морские отряды, пехота и бронечасты. Авиация произведет разведку и поможет частям бомбовыми ударами. Оперативный приказ будет вручен в полночь. Совещание считаю законченным. (Все встали, надевая фуражки, прощаются с товарищем Сталиным). До свидания, товарищи, желаю удачи...

Командир «Петропавловска» (подойдя к Сталину). Позвольте от души пожать вам руку.

Сталин. Не сомневайтесь в том, что Россия станет могучей социалистической державой.

Сталин остается с секретарем.

Сталин. Мне нужен представитель Особого отдела, он здесь?

Секретарь. Ждет, товарищ Сталин.

Сталин. Просите.

Входит Шибаяев.

Шибаяев. Военный моряк Шибаяев. По вашему вызову прибыл, товарищ Сталин.

Сталин. Ваше лицо мне знакомо. Мы где-то встречались...

Шибаяев. Узнали, товарищ Сталин! В июльские дни... Мы

из Кронштадта выступили на демонстрацию — все горячие, ух!.. «Власть Советам!» — и ничего меньше... Ну, нас юнкера и офицеры Керенского из окон, да в затылок... Мы — в Петропавловскую крепость... Нас окружили. Сидим, ждем: либо корабли по Неве выручат, либо вот тут и перережут нас у царских могил... Вдруг от ворот сообщение: «Товарищ Сталин прибыл». Шестого июля днем. Вы переговоры начали и очень дипломатично всю кронштадтскую ребятню вызволили. Жизнью вам обязаны... Вот там у ворот я вас и встречал — от партколлектива.

Сталин. Вспоминаю этот случай... Рад, что был полезен балтийским морякам... Я выполнял свой долг: помогал товарищам...

Шибяев. Сами на смерть ведь шли...

Сталин. На войне, как на войне... Вы давно в особых органах?

Шибяев. Полгода. Ходил в строю — ранили, голову раздуло вот так, хожу с перевязкой, гляжу одним глазом. Тут собрание... Организуется Особый отдел... Меня выдвигают... Говорю: «Опыта нет». — «Бро-ось!» Один товарищ выходит, участник 1905 года: «У нас тоже опыта не было! Получилось...» Кладет передо мной книгу, бухгалтерскую: «Видишь?» — «Виджу». — «Вот это «приход» — кого из врагов заберешь, пиши в «приход»... А кого по революционному закону и совести выведешь в расход — пиши их в графу «расход». Понял?» Отвечаю: «Понял»... — «Ну, и берись за дело. Главное: доглядай и поспевай...»

Сталин (улыбаясь). Принципы дела изложены весьма упрощенно, но в общем верно... Поспевать нам необходимо. Для этого я вас и вызвал.

Шибяев. Есть, товарищ Сталин. Какие будут распоряжения?

Сталин. С очевидностью доказано, что во всей прифронтовой полосе и, конечно, в Петрограде, развита агентурная сеть противника. Май месяц дал особые подтверждения этому. Диверсии и мятежи несомненно составляют часть общего, широко задуманного плана, составленного неким единым контрреволюционным «центром». Следовательно, надо его нащупать. Он, полагаю, в Петрограде. Отправьтесь сейчас же в Петроград. С моим поручением. (Сталин записывает) Петроградской ЧК. Сегодня в ночь произвести в Петрограде массовые обыски в буржуазных кварталах, не исключая иностранных посольств, миссий, представительств, как бы они ни именовались и какие бы доводы ни приводили против... Обыскать все основательно: от колоколен до подвалов и складов. Обыски произвести силами партийных и рабочих отрядов. На время обысков электростанциям дать ток в обыскиваемые кварталы города. Операцию держать до ее начала в полном секрете. Об исполнении донести утром 15 июня. Сталин. (Пробежал еще раз текст). Отправляетесь и выполняйте. Надо поспевать...

Шибяев. Есть, сделаем все аккуратно, поспеем, товарищ Сталин. И идея у меня одна мелькнула. Проверю квартиру одного технического специалиста Буткевича.

Сталин внимательно посмотрел на Шибяева, подумал, понял, кивнул головой.

Шибяев вышел.

Сталин остался один. Шагает в раздумье по комнате. Закурил трубку. Снял телефонную трубку.

Сталин. Военный Совет Балтфлота... Почему не стреляете? Действуете?.. Не вижу и не слышу ваших действий!..

Пауза. Раздались залпы линейных кораблей.

Сталин. Вот это — другое дело... Бейте их так, чтобы поняли, что значит подымать руку на власть Советов...

Картина шестая

ОБЫСК У МАДАМ БУТКЕВИЧ

Петроград, Сергиевская улица. Гостиная м-м Буткевич. Вечер. Горят керосиновые лампы и свечи.

М-м Буткевич. Вы видели полковника?

Дэкс. Да, вчера.

М-м Буткевич. Как он?

Дэкс. Увы, начинает сдавать...

М-м Буткевич. Возраст и, потом, он много пил прежде. Сердце... Ну хорошо, он сдает, но ты держисься, мой мальчик. (Обняла Дэкса).

Дэкс (слабо отстраняясь). Я должен идти... Не думай, что сегодня сбор только у тебя. Я обязан быть у Эгара.

М-м Буткевич. Останься, позвони, что не можешь. Кстати, у меня будут американцы.

Дэкс. Что, новые дела? (Посучил тремя пальцами: деньги).

М-м Буткевич. Поль!..

Дэкс. Я хотел бы предупредить вас, миссис Буткевич, что мы не любим и не прощаем, когда наши люди заводят параллельные дела.

М-м Буткевич. Что за ерунда, Поль!.. Ну, я пойду, проверю хозяйство...

Дэкс. У тебя ужин?

М-м Буткевич. Чорта с два, жирно будет. Выдано будет только вино... У меня нет средств кормить всех этих господ... Пожрут и дома. Пшенку кушайте — по талонам... (В соседнюю комнату) Леля, пойдешь посиди с мистером Полем!

Уходит, входит дочь, Здоровается с Дэксом.

Леля. Добрый вечер, Поль.

Дэкс. Добрый вечер, Лелечка. Вы передали нам очень ценное сообщение, благодарю.

Леля. Благодарность может иметь материальные формы...

Дэкс (со смехом). Вся в мамашу. Хорошо. Теперь о другом. Когда же вы ко мне придете, Леля?

Леля. Опять, Поль?

Дэкс. Я дам вам материальные формы благодарности. (Порывом, взял Лелю за руки). Когда ты придешь, ну, скажи...

Леля (заинтересованная). Когда? (Пауза). Сегодня... Мне так противны эти мамини сборища...

Дэкс. Удери с вечера... Адрес помнишь, найдешь?

Леля. Как-нибудь...

Дэкс. Ну, в задаток. (Медленно, сильно целует ее).

В дверях горничная, всплескивает руками, смотрит, пятится.

Дэкс. Ну, я иду... Жду. Не провожай.

Гостиная постепенно наполняется гостями. Это, по преимуществу, бывшие офицеры царской армии в гимнастерках и кителях без погон и орденов; некоторые в штатском, сидящем не весьма ловко; есть и штатские с императорскими университетскими значками, в сюртуках, несколько старичков, несколько дам.

М-м Буткевич здоровается с гостями, рассаживает их. Полна светской привычки заботы и внимания. Горничная вносит еще несколько зажженных подсвечников.

М-м Буткевич. Господа, не будем терять времени. Прибывший от генерала Родзянко полковник Вадбольский сообщит нам последние указания.

Вадбольский. Генерал сердечно приветствует деятелей и господ офицеров петербургского «центра». Генерал надеется на личную встречу в самые ближайшие дни. (Одобрительный шопот и перегляды. «Браво!»). Генерал приказал передать, господа, нижеследующее: все чины Петроградских частей «Национального центра» должны быть приведены в состояние полной боеготовности и сосредоточены для действий против пунктов, кои будут указаны... Момент выступления приблизился — и ответ на большевистский переворот будет дан. (Аплодисменты). Сообщенные сведения прошу хранить в полной тайне. Господ офицеров начать стягивать в обозначенные кварталы завтра с утра.

Я, господа, имел честь изложить вам общие, вводные указания командования Северо-западной армии. Теперь прошу с особым вниманием выслушать указания конкретные, оперативные, тактические. Кто представляет железнодорожную группу?

Один из офицеров (встав). Подполковник Остен-Сакен.

Вадбольский. Отлично. В вашу задачу входит занятие вокзалов и взрыв мостов на Николаевской и Северной железных дорогах. Петербург должен быть отрезан от Москвы. Возможность подвоза советских резервов должна быть парализована. Штабные поезда должны быть взяты... В первую очередь — поезд на Балтийской дороге: Петербург — Ораниенбаум.

Остен-Сакен. Понятно.

Вадбольский. Кто, господа, руководит силами в центре города?

Второй из офицеров. Капитан 1-го ранга барон Фитингоф. К захвату Зимнего дворца готов.

Вадбольский. Зимний дворец, барон, нам не нужен. Музеи нас не интересуют. Гораздо полезнее устремить внимание на ЧК и телефонную станцию. Удар по ЧК нужно произвести внезапно и полностью захватить весь ее аппарат, дела и архив.

Барон Фитингоф. Понимаю, господин полковник.

Вадбольский. Действовать рекомендуется решительно. К моменту выступления будут розданы списки коммунистов города, и это позволит полностью их обезвредить. Приказ № 1 по Петербургу уже заготовлен в штабе и будет своевременно доставлен.

Старичок. Слава тебе, господи!.. Дождались..

М-м Буткевич. Лиза! (Появляется с подносом горничная. Она ловко и быстро разносит бокалы). Господа, позвольте пригласить вас... — Лиза, перчику!.. — пригласить вас выпить за успехи родного оружия.

Старичок (с бокалом). Был в России законный царь, государь император, и да будет вновь! Вот-с... За будущего государя императора всея Руси! Ура!..

Кричит один. Кто-то опасливо подхватывает, но получается недружно, неловко.

Вадбольский. Не стоит, господа, препираться, спорить. Всё в свое время... (Беря под руку м-м Буткевич). Ах, если бы вы знали, мадам, как я счастлив вновь быть в Петербурге, сменить грязь на милые гостинные на очарование столицы, на видения молодости и недавних дней...

Неожиданный звонок.

М-м Буткевич. Спокойствие, господа, мы справляем мой день рождения... Лиза, откройте!

Мадам села за рояль и заиграла вальс. Это было приглашением. Образовались пары которые понеслись по паркету. Некоторые традиционно стоят у стен, чуть ритмически покачиваясь, или напевая, или взмахивая в такт рукой... Вальс, кажется, захватил всех.

Но глаза всех устремлены к двери. Затем стук. Все остановились, будто парализованные. Напряженные лица, испуг.
Входит у правдом.

М-м Буткевич. Это управдом.

Управдом. Ольга Симеоновна, здравствуйте и не волнуйтесь, голу-бушка... Не волнуйтесь. Там ЧК с ордером. Все в исправности, ордер предъявили, и не волнуйтесь.

Входит Шибаев с отрядом. В ту же секунду электростанция дала свет, все выступило во всех деталях.

Шибаев. Прошу оставаться на местах. Кто ответственный съемщик квартиры? (Ему молча по-разному показывают на м-м Буткевич). Вручаю ордер. Прочтите. (Мадам читает). Все в порядке? Нет замечаний, неточностей, ошибок? Внимание. Сообщу особо — бегство напрасно. Обыски и облавы идут по всему городу. Выступили рабочие отряды. Приступим к делу. (Задувает ненужные свечи и лампы. К м-м Буткевич) Причины данного сборища, гражданка?

М-м Буткевич. Мой день рождения... выпить по бокалу, потанцевать.

Шибаев. Ваши документы. (Вручаются). Так, благодарю... Неубедительно про день рождения. Тут помечено: «родилась в декабре 188...» Виноват, оглашать год рождения не буду, поскольку деликатный дамский вопрос. Но все-таки не получается день рождения, гражданка.

М-м Буткевич. Я хотела сказать — день именин...

Шибаев. Есть... Минутку. (К телефону) Справочная? Дайте мне номер кого-либо из настоятелей церкви. Не поняли... Кто говорит? Говорят из ЧК... Ага, поняли? Продолжаю: номер кого-либо из настоятелей церкви... Да... Любых, посмотрите, к примеру: Преображенский собор, Троицкий всей артиллерии собор, Казанский, Исаакиевский... Да... жду... А-1-58-28. Спасибо. (К мадам) Минутку. А-1-58-28. Отца Богоявленского к телефону, если не спит. По служебному делу просят. Разбудите. Прошу прощения, дело... Отец Богоявленский? Извините, в поздний час беспокою. Говорят из справочного бюро, да, да, на Невском... Нужно узнать день святой Ольги — на какой день года падает день именин означенной святой Ольги... Жду... Да, справочное бюро, батюшка. Жду... (Пауза).

Пстапов (входя). Обнаружил на чердаке склад винтовок. Кого спросить?

Шибаев. Управдома пригласить придется... Его обязанность следить за чердаками, подвалами, лестницами, выгребными ямами и прочим...

Потапов. Понятно, товарищ начальник. (Вышел).

Шибаев (в трубку). Как? Согласно книге «Русские святые» Ольга празднуется 11-го июля старого стиля, 24-го нового стиля. Да, да... Спасибо, батюшка. Да, минутку, а другой святой Ольги, резервной, скажем, нет? На другой день, скажем, на сегодня, 14 июня нет другой Ольги?.. Нет... (К м-м Буткевич) Не получается и именин, гражданка Буткевич. Православная церковь справку дала. Не получается 14 июня, совсем другое получается.

М-м Буткевич. Вероятно, какая-нибудь путаница, опечатка. Или несведущий священник. Во всяком случае, я праздную. И факт есть факт...

Шибаев. Прошу предъявить документы, граждане. Не надо толпиться — в очередь, организованно... Я прошу организованно, к столу. (К подошедшему в штатском Вадбольскому) Так... Андрей Севастьянович Коротков... Заготовитель, отлично. Год рождения... так... Повернитесь. (Нащупывает в заднем кармане Вадбольского револьвер). Так... А это ма-

шинка для стрижки овец... для заготовки шерсти? Так... Внимание. Всем имеющим оружие — сдать немедленно, или уложу на месте!.. (Общий шок. Четверо подходят, сдают оружие). Так, заготовители... (К Вадбольскому) Присядьте там и ждите. Следующий... Никандр Владимирович Иноземцев... инвалид. (Поднял глаза, удивлен). Барон Фитингоф!.. А мы-то искали, а мы-то беспокоились... (К своим) Командир нашего корабля. Спускал шкуры, не милуя. Исчез после Октября... Так... Присядьте там, барон.

Старичок. Разрешите сказать несколько слов.

Шибает. Прошу, папаша.

Старичок на ухо шепчет что-то Шибаету.

Шибает. Никандров, проводи папашу в одно место... (Кто-то засмеялся, Шибает поглядел). Почему смех? Научно объясню. Бывает на нервной почве... .

Старичка провожает конвойный.
Звонок телефона. Шибает берет трубку.

Шибает. Да, квартира мадам Буткевич. Да... Говорит один из гостей... Да... Она, к сожалению, занята и просит узнать, кто говорит. Ага, Борис Максимович или мистер Боб. Она просит вас прийти, Борис Максимович или мистер Боб, не считаясь с часом. Да, говорит, милости прошу, ждем... Иф ю плиз...

М-м Буткевич. Я не говорю этого!..

Шибает (прикрыв трубку). А это уж наше дело. (В трубку) Да, да, ждет... (Вешает трубку, к своим) Оставишь тут засаду: мистер Боб придут... (Быстро проверяет оставшихся). Так, теперь, после проверки документов, согласно инструкции надо начать обыск, гражданин. Есть ли у вас что-либо из неразрешенного: оружие, взрывчатые вещества, нелегальные издания?..

М-м Буткевич. Не знаю, может быть, какое-нибудь охотничье ружье. Муж увлеклся...

Члены отряда путиловцы Данилова, Иванченков и другие начинают обыск.

Отрядник Никандров (входя). Повесился старичок.

Шибает. Фу, вот жулик!.. Не хочет следствия перед народом, не желает ответить... В два счета привести в чувство. Снял с петли?

Отрядник Никандров. Сразу.

Шибает. Мигом — скорую помощь: дыхание делай, вот так, массаж. Влейте в него немного вина. Эй... горничная тут была (горничная подходит). Сестренка, стакан вина старику там — по-малу...

Данилова приносит несколько винтовок, сваливает их и выходит.

Шибает. Это как понять, гражданин Буткевич?

М-м Буткевич (невозмутимо). Не знаю... Охотничьи... Но я совершенно не разбираюсь в этих... ну, как их... сортах, моделях всех этих двустволок и как они там называются...

Шибает (держа винтовку). Смазанная двустволочка... Бить по бекасам...

Снова входит Данилова, подает Шибаету бумаги.

Данилова. Списки какие-то...

Шибает (к м-м Буткевич). Это что?

М-м Буткевич. Служебная работа. Взяла на дом печатать. Я работаю в Смольном.

Шмбаев. Именно?

М-м Буткевич. В учетном отделе.

Шмбаев. Минутку. (Берет трубку). Смольный. Дежурного. Дежурный, кто у вас заведующий учетным отделом? Ушел или еще у себя? Ушел... Какой его телефон дома? А мне нужно... (Звонит снова). Товарищ Акимов? Добрый вечер. У вас работает гражданка О. С. Буткевич? А-а... Ну и как? Прекрасный работник... Так, а на кого она работает, вы задумывались? Удивлены? Приходится в нынешние времена удивляться. Давали ей на дом списки городской партийной организации Петрограда печатать? Нет... Больше вопросов не имею. Кто спрашивал? А позвоните мне через часок: ЧК, комната 218. (Повесил трубку). Так, отпадает вслед за днем рождения и именинами и это дело... Липа получается... Целая липовая роща... (Сматривает списки). Э-э... И наши есть. Данилова, и ты включена!

Данилова (читает протянутый список). Ох, ты... И адрес? «Из черно-рабочих, малокультурный тип». Это почему же? Вы нами заинтересовались, а мы вполне культурно ответили. Вы визит к питерскому пролетариату сделали, адреса собрали, и мы соответственно собрали и — с ответным визитом. Как подobaет, культурно... Э-э... Тут и про других есть... Вот про тебя, Иванченков... Имя, фамилия... «угрюмый тип».

Иванченков. «Угрюмый тип», барыня? Не все сказано. Допиши, барыня: «угрюмый против классовых врагов»... Вижу, у вас припасено вот это вот (на винтовки), и нечего тут веселиться... Класс на класс, до смерти... А про тебя, Шмбаев, поискать?.. (Берет списки).

Шмбаев. Ну вот, читальню тут откроем... (Забирает списки).

Приводят старичка.

Шмбаев. Нехорошо... Я вас и «папашей» назвал, вежливо, а вы в такой политической обман, сразу... Сядьте и сидите там. Что, штанишки падают? Подтяжки израсходовали, вешались?.. Нехорошо, нехорошо...

Данилова приносит найденные деньги.

Данилова. Деньги. Иностранная валюта.

Шмбаев (к м-м Буткевич). Откуда?

М-м Буткевич. Кое-какие дореволюционные сбережения.

Данилова. А почему на бандероли: «Лондон, июнь 1919 года»?

М-м Буткевич. Странно. Вероятно, опечатка.

Шмбаев. Что-то много опечаток выходит: и в святцах, и тут.

М-м Буткевич. Не знаю. Я бывала в Финляндии в прежние времена — у мужа, он в артиллерийском этом управлении или отделе, в Балтийском флоте...

Шмбаев (наивничая). Ах, Буткевич из артиллерии Балтфлота? Супруг? Какое совпадение!.. (К своим) Обыскать кабинет!

М-м Буткевич (преграждая путь Даниловой). Не надо! Назад! Нельзя!

Данилова ее сильно и резко отстраняет.

Данилова. Мускулы у вашего класса слабоваты.

М-м Буткевич. О, будьте вы прокляты навеки, навеки!..

Шмбаев. Что ж, будем кончать... (Взял трубку). ЧК дайте. Комнату 218. Я говорю, Шмбаев. Докладываю: операцию заканчиваю. Да, задержал... Есть кое-что и по этой части. Существенное.

Данилова приносит бумаги из кабинета. Шмбаев смотрит: «Так, так...» Звонок.

Шиаев (в трубку). Весьма существенное! Кончаю разговор. (Повесил трубку. Слышен звонок в прихожей). Наверное, некто мистер Боб идут... Горничную. (Она является). Веселей, сестранка! Пойди открой и скажи: «Вас ждут!». (Мимирует). А ну-ка покажи, как выйдет.

Горничная (сделав книксен, улыбку, повторяет). Вас ждут!

М-м Буткевич. Лиза, не смейте ходить!

Лиза. Нет, кончена ваша власть, барыня.

Горничная встречает нового гостя. Он влетает в вечернем костюме: смокинг, цветок в петлице и прочее — мистер Боб.

М-р Боб. О, миссис Ольга!.. Американский посол просил передать... (Замечает отрядников, меняется в лице. Шиаев плавно забирает у м-ра Боба протянутый к мадам пакег). Стоп! Кто такие?.. (Выставив защитно ладонь) Я — американский подданный. Пропустите!.. Я — Америка!..

Шиаев. Шшш... Америка, тихо. Взять его... (Американца берут). Пошли все!..

Картина седьмая

В РЕВВОЕНСОВЕТЕ БАЛТФЛОТА

Кабинет члена Революционного Военного Совета Балтфлота. Просторно, книжные шкафы по стенам, письменный стол, стол для заседаний. Настенные карты Балтийского моря и фронта. Часы. Пятый час утра. Рассвет.

Без стука влетает секретарь, встрепанный, в тельняшке, в носках.

Секретарь. Товарищ член Военного Совета! Товарищ Воронов! Вставайте! На «Обручеве» восстание! Взяли врасплох... Коммунисты арестованы. Вот-вот откроют огонь по штабу и Военному Совету.

Воронов (быстро одевается, смотрит на секретаря, взял телефонную трубку). Санчасть... Воронов говорит. Фельдшера с аптечкой ко мне — бегом...

Пауза. Влетает фельдшер.

Воронов. Валерьяновых капель, двойную дозу. (Фельдшер дает капли). Спасибо, вы свободны. (Фельдшер ушел). Тяжелый случай в Кронштадте... Военный моряк Терентьев, секретарь члена Военного Совета, потерял спокойствие и выдержку. Ай-яй-яй. (Секретарь затих, выпил поданные капли, стоит навытяжку). Запомни: паники тут не было и не будет. Ступай.

Воронов остается один.

Воронов. Только спокойно, Алексей Воронов... Только спокойно! Ты отвечаешь за Кронштадт и Балтийский флот. Пятый час утра... Так. Все спят... В этот час как раз удобно брать спящих из кровати... Что на «Обручеве» и сделано...

Звонок. Воронов берет трубку.

Воронов. Да, Воронов... Я, товарищ Сталин! Так точно — в курсе. Да, слушаю... Понимаю... понимаю... (Внимательнейше слушает указания товарища Сталина). Сумею, товарищ Сталин. Понимаю. Немедленно сообщу вам. Есть. (Кладет трубку).

Входит умытый секретарь.

Секретарь. Разрешите к утреннему докладу? Сегодня несколько раньше. Газета из типографии. Актуальные стихи к событиям... «Грозой на

банду белых куцую ударят Питер и Москва, и мировую революцию не сдаст балтийская братва!» Прямо как у Пушкина!

Воронов. Ну, загнул... (Повторяет стишки). Идея верная, а форма подхрамывает, рифма явно страдает... «Банду белых куцую» — «революцию» — плохая рифма. А о форме всегда думать надо. А более существенных дел у тебя нет?

Секретарь. Так точно, есть. О снабжении трех экспедиционных отрядов Балтфлота, отправленных в распоряжение товарища Сталина. На подпись.

Воронов. Всё?..

Секретарь. Никак нет. О новом отпуске снарядов для линейных кораблей. Пойдут на подавление.

Воронов (подписав). Всё?

Секретарь. О новых мерах контроля для въезда и выезда из Кронштадта.

Воронов (горячась). Всё?

Секретарь. Никак нет. (Подает листок). Телефонограмма о форте «Обручев»...

Воронов. Чего ж ты тянешь мокрого кота за хвост?!

Секретарь. Соблюдаю по вашему указанию полное хладнокровие. Паники тут — у нас в Кронштадте — не бывало и не будет.

Воронов. Тоже выискался хладнокровный... Стишки ты писал?

Секретарь. По мере возможности, товарищ член Военного Совета.

Воронов. Иди. Да вызвать ко мне начальника штаба базы Рыбалтовского и начальника артиллерии Буткевича.

Остается один. Пробегает еще раз листок об «Обручеве».

Воронов. Ну, конечно, как по заказу — ночью, взяли врасплох. Ну, я дам комиссару «Обручева»!.. Башку оторвать мало — вместе с ушами и волосами... Что же делается, товарищи?! Красная Горка, «Обручев»... А мы партией зачем поставлены? Зачем нас кормят, поят, одевают, жалование дают?! Нет, вы мне ответьте, зачем такой расход, если у нас каждый день по форту вылетает... Гнать нас грязной метлой за такую службу... И погонят, вполне погонят. (Пауза). Только спокойно, Воронов. И не вдаваться в лишние слова. Нервы и горячка еще никогда не помогали... (Вдруг нервно) Расстрелять сволочей, «Обручев» к чертовой матери!.. В упор... Один сигнал — и весь огонь обрушится... А что дальше? Крепость лишится сильного форта. Кто сработал? Член Военного Совета Воронов. Спасибо ему... Вот — позвонят и поблагодарят... Отставить. Иначе, иначе надо... (Думает, что-то нащупал, берет трубку). Служба, быстрее дайте форт «Первомайский»... Да... Говорит Воронов, комиссара срочно... Комиссар, здравствуй! Да, я... Слушай, есть срочное дело... Как твои, в готовности?.. Ну и держи в готовности. Может быть, минут через десять стрелять придется. Что-о? «Куда стрелять?» Куда прикажет партия, комиссар. Ах, ты не в смысле... а для задания артиллеристам... Я не так понял — мне оттенок показался. Нет оттенков?.. Добро... Подробностей? Сообщи тебе одну подробность: кончаем этот разговор, и никому ничего... Жди, позвоню... Пока... (Вешает трубку, делает новый вызов). Служба, быстрее форт «Риф». Да... Комиссара. Воронов говорит. Как готовность? Полная? Будь на месте и жди моего звонка, понял? Вопросов нет? Все ясно? Молодец, Бобрышев! Пока... (Повесил трубку, перевел дух). Так значит, «Обручев» с двух сторон зажали... Пошли дальше, и спокойнее, Воронов! (Берет трубку). Служба, форт «Обручев» дайте... «Обручев»... Коменданта... Кто просит? Революционный Военный Совет Балтийского флота... Воронов. Побы-

стрее. (Пауза). Нет, не здравствуйте, а слушайте и записывайте. (Пауза). «Команде форта «Обручев» точка. Восставшие против рабочих и крестьян собственной страны во имя интересов иностранцев, а также белых генералов и помещиков, заявите в кратчайший срок, что вы не пойдете против рабочих и матросов Кронштадта, и мы вас простим, а если этого не сделаете, то путем обстрела мы вас уничтожим»... Записали? Прочтите. Громче. Отчетливее и медленнее. Так, так... Можете добавить команде, что начинается подавление Красной Горки. На линкоры посмотрите, на рейде... Да, двинем все имеющиеся в наличии силы. Петроград выделил резервы... Товарищ Ленин указывает: Петроград сдан быть не может. Комендант, обстановка ясна? Ультиматум посылай по форту. Сам пока останься. Добавляю: соседние форты к открытию огня по тебе готовы. Говорили с ними пять минут назад... Вот и трубки не разъединены... (Пошевелил второй трубкой). Комендант, часы есть? Вынимай и смотри. (Сам тоже вынул). Даю на размышление две минуты. (По второй трубке делает вызов). Служба? Дайте «Первомайский». Комиссара... Ты? Ждешь? Подожди еще две минутки... У тебя все готово?.. Так. Ну, пока... (В первую трубку) Думаешь, комендант? Ну, думай, люди ждут, слышал? (Смотрит на вынутые карманные часы). Истекает время-то... Решай, комендант... Не перебивать там, служба!.. Кто там лезет, на губу загною... (Дует в трубку). Да, да, говорю. Комендант, жду... (Пауза). Что? Какие будут приказания по «Обручеву»? Комиссара и всех коммунистов освободить... Повтори. Команде прочесть и сообщить все, что я тебе указал. Да... Комиссара к телефону, бегом... Некогда мне с вами время терять... Жду! (Отложил трубку, вытер лоб платком). Ф-фу, д-да... бывает. А сам чуть не проморгал... За форт-то отвечаешь... (В трубке шум, голос). Да... Здорóво... Что ж ты, друг ситный, — из коечки взяли? Живьем? Неожиданность? Какая такая неожиданность? У хорошего комиссара не может быть неожиданностей, все должно быть предусмотрено. Видеть сквозь землю на два метра должен. Что тебе делать? Сиди и жди. Пришлю другого. Да, сейчас катер высылаю. А тебя куда? А вот куда надо будет, туда и пойдешь... Да смотри, чтобы с тобой опять неожиданность не приключилась... Выручать больше не буду. Иди, иди, чай пей... (Соединяется с другими фортами). Служба, «Первомайский»... Комиссар? Я... Отставить дело, о котором говорили. И никому ничего... Да нет: порядок... А вообще посматривай... Пока. (Делает вызов). Служба, дайте «Риф». Бобрышев? Отставить дело, о котором говорили... Отпала надобность. Продолжай службу. И тебе того же... (Повесил трубку).

Входит секретарь.

Секретарь. Начальник штаба базы и начарт прибыли, товарищ член Военного Совета.

Воронов. А, зови, зови... (Входят настороженные Рыбалтовский и Буткевич.). Здравствуйте, товарищ начальник штаба, товарищ начарт... Садитесь... Срочное дело, беспокоил так рано... Ночью произошло восстание на «Обручеве».

Буткевич. Не может быть!

Воронов. Нет, вот — может!

Рыбалтовский. Что же предприняли восставшие?..

Воронов. А мы и предпринять ничего не дали. Предъявили ультиматум от имени Военного Совета Балтийского флота, и они сдались.

Буткевич. Не может быть! То есть, так и должно быть.

Воронов. Да, вот о чем хотел поговорить, поскольку «Обручев» уже

успокоен. Не слишком ли часты эти мятежи на фортах, товарищ начальник артиллерии? Ваше ведомство...

Буткевич. Задумываюсь... И прихожу к выводу, что недостаточен партийный контроль. Прошу извинить, я лишь беспартийный специалист-техник, но глубоко принимаю все происходящее к сердцу. Да, недостаточен контроль... ваших, партийных сил... Сказывается, очевидно, и недостаток воспитательной работы. Понимаю — кадры партийцев слабы, нет еще достаточного опыта, навыков... Не всегда умеют уловить настроение команд... Сами извольте припомнить рапорт комиссара: «Все в порядке, настроение команд твердое, бодрое»... А вдруг — и происшествия... Значит, товарищи партийцы не улавливают истинного положения вещей.

Воронов. Полагаю, что уловят, а может, уже уловили...

Буткевич. Тем лучше. А вообще тут сложный комплекс... Но прежде всего советовал бы обратить внимание именно на кадры партийцев. Недостатки их работы вряд ли можно оспаривать...

Рыбалтовский. Николай Николаевич во многом прав.

Секретарь (входя). Доставлены двое перебежчиков с Красной Горки, товарищ член Военного Совета... Бежали с форта сегодня утром.

Воронов. Кто такие?

Секретарь. Один военный моряк и одна женщина. Разрешите ввести.

Воронов. Вот случай толком узнать о Красной Горке. Введите.

Секретарь вводит моряка в потрепанной форме и женщину, молодую, миловидную.

Воронов. Вот, послушаем... (К перебежчику) Сообщите, кто и откуда?

Перебежчик. Военный моряк команды службы связи форта Красная Горка, член партии Семен Свиридов. (Подает документы).

Воронов (к женщине). А вы?..

Женщина. Я — жена командира товарища Василия Березкина. Муж мой был на 6-дюймовой батарее. Его расстреляли там... (Всхлипывает).

Воронов. Вы успокойтесь. Товарищ Свиридов, расскажите, что произошло на форту и как вы бежали.

Перебежчик. Есть. 12-го, позавчера, белые подошли к форту. Мы изготовились к бою. Но ночью Неклюдов со своими пулеметчиками — плохо настроенная, порченная рота — окружил бараки и арестовал коммунистов. Днем 13-го Неклюдов передал радио — одно в Биорке англичанам: я ваш, мол; другое в Кронштадт: присоединяйтесь — или будете сметены ураганным огнем.

Воронов. Это их и ждет.

Перебежчик. Больше всех лютовал старый царский офицер с 12-дюймовой батареей Куприянов... Он все в Кронштадт до этого ездил. Да — вот к начальнику артиллерии.

Буткевич. Да, да... вспоминаю... Какой двуличный подлец!

Воронов остро посмотрел на Буткевича.

Перебежчик. Сидим арестованные. Пели «Интернационал», «Смело, товарищи», «Вы жертвою пали»... На рассвете пришли офицеры. Вызвали Мартынова, председателя Кронштадтского Совета, и других товарищей. Мы стали прощаться. Мартынов крикнул: «Прощайте! Оставайтесь живы! Привет товарищам. Да здравствует Коммуна!». Понял я, что и нам скоро конец. Полез к окну, протискался вниз головой, упал на мешки с песком, еще за мной лезут, я побежал, оборвался на проволоке, но убежал...

Воронов. Значит, сегодня расстреливали группами?

Перебежчик. Да. Неклюдов, кроме того, запер роту матросов, которая целиком против него. Сидят ребята...

Воронов (к женщине). А вы что сообщите?

Женщина (плача). У меня муж погиб. Когда мужей наших расстреляли, нас, жен, забрали. К нам приходили офицеры и рассуждали: что выгоднее — расстрелять и нас или оставить заложницами... Ну, некоторые говорили: «оставить заложницами» — и смеялись. Ну, сами понимаете — таким смехом... Потом вызвали Шидловскую и Елену Ланскую... Одна была на шестом месяце, другая — на четвертом. Их повели... Слышно — выстрелы. (Волнуется, накипают слезы). Потом нам один матрос шепнул, что бегите, пока не поздно. Дверь открыл, и мы побежали... Другие где-то потерялись. Я вот дошла. (Вдруг вскинулась). Да, вспомнила, вспомнила!.. Чуть не забыла — на форту офицеры говорят: «Если большевики придут, все взорвем — верст на 30 все полетит»... Господи, что же с нами делают? (К Буткевичу, плача) Товарищ начальник, за что мучают, за что убивают?

Буткевич оторопело успокаивает женщину.

Воронов. Давить надо предателей, до корня... (Телефонный звонок). Воронов слушает. Да... Я, товарищ Сталин. Все выполнено. Как раз еще дела нахлынули. Так точно. Пресек в зародыше... Просил бы разрешения прибыть лично и доложить. Есть. (К присутствующим) Вы пока свободны... Меня вызывают.

Буткевич и Рыбалтовский вышли. Пауза. Входит Шибяев.

Воронов. Чего такую рань?

Шибяев. Прочтите, товарищ член Военного Совета.

Воронов. То стихи, то папки... Ну, денек!..

Шибяев. Взята ночью в кабинете начальника артиллерии.

Воронов. Буткевича?

Шибяев. Так точно. Товарищ Сталин указал, что он ненадежен. Вот и возникла у меня идея: проверить квартиру. Проверил. Обнаружил целое собрание контрреволюционеров, оружие... Ясно, что «работает» на ту сторону.

Воронов. Буткевич?!

Шибяев. Так точно... Вы читайте, товарищ член Военного Совета.

Воронов (не торопясь, читает). Чорт знает что... Не может быть!

Шибяев. Так точно: может быть, голые факты и реальные фамилии.

Воронов. Корчевать их до корня, до корешочка, Шибяев!

Шибяев. Этим и занят.

Третий акт

Картина восьмая

ЗАГОВОРЩИКИ АРЕСТОВАНЫ

Служебный кабинет Буткевича. Гул канонады с моря: Балтфлот начал операцию. Быстро входит Рыбалтовский, как всегда элегантен, уверен.

Рыбалтовский. Ну, что у вас?

Буткевич. Я звонил домой, почему-то не отвечают. Что это значит?

Рыбалтовский. Семейные дела меня сейчас абсолютно не интересуют. Слышите стрельбу? Полным ходом идет реализация их плана:

в море «Петропавловск», «Андрей Первозванный», «Олег», эсминцы и тральщики.

Буткевич. Что делать?

Рыбалтовский. Все, чтобы помочь Красной Горке и парализовать флот... Какой неожиданный поворот событий!

Буткевич. Я же предупреждал, говорил... Чувствовало мое сердце.

Рыбалтовский. Полковник, вас в последнее время охватывает страх. Это противно. Вы знали, на что шли. Продержитесь еще некоторое время — и вы уважаемый и известный генерал.

Буткевич. Вы уверены? Давно пора, давно... Только большевики помешали производству. А вас поздравим контр-адмиралом.

Рыбалтовский (махнув рукой). А!.. Я хотел бы сейчас одного: быть сегодня простым наводчиком на Красной Горке и топить большевистскую эскадру и этих штатских товарищей — рыбам на корм...

Стук в дверь.

Буткевич. Это наш Дэкс. Да!

Дэкс входит в матросской форме.

Буткевич. Какие новости?

Дэкс. Вчера в Петрограде всю ночь шли массовые обыски и облавы. Арестованы тысячи наших людей. Изъят основной запас оружия: до 7.000 винтовок...

Буткевич. Боже!

Дэкс. Обыск был и в вашей квартире. Арестована ваша жена.

Буткевич. Оленька! А дочь?

Дэкс (помедлил). Дочь ваша цела. (Усмешка). Ей вчера повезло.

Буткевич. Боже... обыск... Взяли Оленьку... У меня там оставались бумаги...

Дэкс. Конспиратор...

Буткевич. Я служил 30 лет государю императору и вашей конспирации не обучался.

Дэкс. Вот когда к вам явится ЧК, вы это и доложите ей. Она, наверное, учтет, «все поймет», извинится и уйдет...

Буткевич. Да... у меня и тут кое-какие бумаги. Надо уничтожить. Сжечь?

Дэкс. Останется пепел и запах.

Буткевич. Господи, проглотить их, что ли... (Мелко рвет листочки, жует и глотает). Но Олечка, Олечка!.. Надо что-то предпринять.

Дэкс. Все сделано: я написал самым солидным моим адресатам. М-ру Зиновьеву. Ссылаюсь на вас: ценнейший специалист, незаменимый, и так далее... Уверен, что Ольгу Симеоновну освободят, может быть сегодня.

Буткевич. Буду по гроб жизни благодарен. Какой вы благородный и верный друг семьи!

Рыбалтовский (полируя ногти). Господа, закончатся эти семейные излияния или нет? (К Дэксу) Где британская эскадра?

Дэкс. Очевидно, у себя в Биоркэ — на якорной стоянке.

Рыбалтовский. Они гнусно — не подберу иного слова — подводят нас. В нужный момент действуем мы, а англичане в стороне.

Дэкс. Не будем спорить об англичанах. Это очень давний мировой спор.

Рыбалтовский. Имеют мощную эскадру — и бездействуют! Да, передайте вы адмиралу Коуэну, чтобы нанесли удар по Кронштадту. И флотом и авиацией.

Дэкс. Насколько я осведомлен в морской истории, последние десятилетия не оправдали ни одного удара флота против крепости. У англичан, в частности, уже был тяжелый урок в Дарданеллах.

Рыбалтовский. А, чорт побери! Эскадра может идти с гарантиями — я послал англичанам карту минных полей, полковник давал указания на батареи...

Дэкс. Будем практиками прежде всего. Дело принимает явно неблагоприятный оборот. Нельзя Красную Горку отдавать в руки большевиков.

Буткевич. А как же ее нам удержать?..

Дэкс. Ее надо взорвать.

Рыбалтовский (подумав). А что же — это идея!.. И взорвать так: по возможности впустив туда «товарищей»... Когда они будут торжествовать на форту, включить ток во все группы — рубильники в минном каземате — и взорвать весь форт...

Буткевич. Кто это сделает?

Дэкс. Я.

Рыбалтовский. Это блестяше. Смотрите схему минной станции и проводку. (Набрасывает схему.) Надо проверить все кабели, все запылы. Вы понимаете в этом деле? (Дэкс кивнул.) Ну, двигайте — и бейте всю эту посуду в черепки...

Дэкс. Благодарю. Я возьму эту схему.

Без стука решительно входит Шибаетов.

Шибаетов. Оставаться на местах. (Буткевичу) Пожалуйста, ордер. (Рыбалтовскому) Вам тоже.

Буткевич. К-как ордер? На арест? Какое недоразумение. Я позвоню в Военный Совет.

Шибаетов. Оставьте телефон. Вы арестованы.

Буткевич. Нет, нет, нет... Дайте Военный Совет. Это просто скандал, самоуправство Особого отдела!

Шибаетов. Сядьте и не шумите!

Звонок телефона, Шибаетов берет трубку.

Шибаетов. Уполномоченный Особого отдела военный моряк Шибаетов слушает. Здравствуйте, товарищ член Военного Совета. На месте. Да, обоих. Бумаг пока не трогал. Сами будете? Есть. (Глядя на Дэкса) А ты кто таков?

Дэкс. Военный моряк Урванцов из Транспортного отдела Главного военного порта.

Шибаетов. Документы.

Дэкс (в тон, требовательно). Мандат.

Шибаетов. Вот ты какой...

Дэкс. Такой... не люблю, когда свои наускаивают, да еще понапрасну... (Возвращает мандат уполномоченного). Теперь прочти мое.

Шибаетов (проверяет удостоверение Дэкса). Транспортный отдел Главного военного порта. Кто там у вас комиссар?

Дэкс. Петрухин.

Шибаетов (берет трубку). Служба. Дайте Главный военный порт. Петрухина. Ты послал пакет в Кронштадт, к начальнику артиллерии? Кто спрашивает? Из Особого отдела спрашивают. Посылал, посылал... Насчет чего? (К Дэксу) Дай пакет. (Пробегаёт.) С кем посылал? Давно знаешь его?.. Ну?!.. Свой в доску! Партийный?

Дэкс (сидя и спокойно пуская дым папироски). Сочувствующий.

Шибаетов (повесив трубку). Браток, действительно; вроде я напрасно наскочил.

Дэкс. Об чем забота...

Шибает. Балтиец?

Дэкс. С 1914-го.

Шибает. Кто 2-м Балтийским командовал?

Дэкс. Господи, да кто собаку Гирса не знает!

Шибает. Так... А кто в Кронштадте главным командиром до февраля был?

Дэкс. Старушек лотошниц спроси, и те ответят. Вирен был. Порвали его в феврале. Собаке собачья смерть.

Шибает. А кто Минной дивизией в мировую войну командовал?

Дэкс. Ну, Колчак.

Шибает. А кто...

Дэкс. Слушай, уполномоченный, надоел ты мне, и твои приставанья, и экзамены надоели... Пойди сюда. Почитай. (Протягивает, сидя, еще один документ. Шибает читает, несколько меняясь в лице). Понял? И не надо своим на своего наскакивать. И у другого может быть своя работа... Скажем, по транспорту... Можешь позвонить, ты дошлий, видно, любишь справки наводить. Ну, наведи: Смольный, коммутатор, дайте первый... Иди, иди, позвони, браток... Ах, с тебя и мандата хватит? Дело твое... Зайдешь туда как-нибудь... Тебе объяснят — кто Урванцов, откуда и почему... Не один ты работаешь... (Встал.) Держи пять... Ну, пока... (Глянув на арестованных) Тоже — дают к людям поручения, думаешь — дело, а тут такое... Ну, я пошел... Заглядывай, уполномоченный... Ты, видно, толковый парень. (Вышел. Оставшиеся поглядели ему вслед).

Шибает (к Буткевичу). Вы знаете этого матроса?

Буткевич. Каждого матроса знать не обязан... Присылают с пакетами. Матросов в Балтфлоте было 120 тысяч.

Шибает. А вы?..

Рыбалтовский. Понятия не имею. (Полирует ногти).

Буткевич. Товарищ уполномоченный... Надо же кончать недоразумение...

Шибает. Будет разъяснено. Слышали мой разговор? Приедут...

Входит член Революционного Военного Совета Воронов, с ним путиловцы
Потапов, Иванченков и Данилова.

Буткевич. Слава богу!.. Узнал, успел, приехал... Товарищ член Военного Совета, разберитесь, бога ради!.. Что же делается?!

Воронов. Дело Красной Горки у вас?

Буткевич. У меня, у меня... (Роемся в столе. Подает папку).

Воронов. Тут есть о минировании форта?

Буткевич. Все есть, все... Могу разъяснить.

Воронов. Разъяснять буду я... Введите сюда арестованного бывшего коменданта «Обручева»... (Буткевич присел).

Два конвойных матроса вводят бывш. коменданта форта «Обручев». Это тихий, простой человек средних лет. Говорит искренно.

Воронов (к бывш. коменданту). Показания будете давать перед представителями пролетариата Питера. Говорить правду! Когда вы беседовали с гражданином Буткевичем последний раз?

Бывш. комендант. 13 июня сего года, позавчера, по телефону, товарищ член Военного Совета.

Воронов. Что он вам говорил?

Бывш. комендант. Говорил гражданин Буткевич так: «Родион Николаевич»... Мы — знакомые по службе, лет десять, и именуем друг

друга по имени-отчеству... Говорит, значит, так: «Родион Николаевич, приказ № 0013 помните?.. Выполняйте». Это означало: начать выступление.

Буткевич. Родион Николаевич, побойтесь бога! Зачем человека оговаривать?

Воронов. Что за приказ 0013?

Бывш. комендант. Условный знак, поясню.

Воронов. Чей условный знак?

Бывш. комендант. «Национального центра».

Воронов. Что это за «центр»?

Бывш. комендант. «Национальный центр» — подпольная организация. Создана в июне 1918 года

Воронов. Год назад?

Бывш. комендант. Так точно, товарищ член Военного Совета

Воронов. И Буткевич с этого времени и состоял?

Бывш. комендант. Состоял.

Буткевич. Оговор, оговор! Вот свидетель!

Данилова. Мы вчера на вашей квартире взяли вашу переписку и документы. Бросьте отпираться.

Буткевич. Не бываю на квартире, ночую тут, службу советской власти... За это контрреволюционеры и преследуют... подбросили документы... Видит бог!

Воронов. Ненадежных свидетелей выбираете... (К бывш. коменданту) Рыбалтовский тоже?

Бывш. комендант. По флотской, корабельной линии я не в курсе.

Воронов. Цели организации?

Бывш. комендант. В задачу входило: 1) свержение советской власти, 2) установление единоличной диктатуры и переход к монархии и 3) немедленное восстановление частной собственности...

Воронов. Скромные задачки...

Буткевич. Ни сном, ни духом...

Воронов. Что делали в армии и Балтфлоте?

Бывш. комендант. Задача заключалась в расстановке членов организации и сборе сведений о всем советском аппарате — партийном, советском, как военном, так и гражданском...

Воронов. Для кого сведения?

Бывш. комендант. Пересылались в Финляндию, для английских резидентов...

Воронов. Через кого гражданин Буткевич связывался с «центром» и иностранцами?

Бывш. комендант. У Николая Николаевича бывал один матрос...

Шибяев (застонал, закачался). Ммм... Живьем ушел!

Буткевич. Оговор, оговор... Люди подтвердят...

Бывш. комендант. Матроса этого и я видел. Могу опознать. Интеллигентный вид.

Шибяев. Упустили, ну и раззява я!.. «Свой в доску, сочувствующий братишка...» Братишка его в серой шкуре в лесу бегаёт. Ну, не уйдет...

Воронов. Ну, достаточно... Шинель дайте гражданину Буткевичу.

Двое конвойных подходят, раскрыв старую офицерскую шинель Буткевича.

Буткевич. А-а... Черный саван... Черный саван... Товарищ член Военного Совета... (К рабочим) Товарищи делегаты! Помогите!.. (Валится Воронову в ноги, хватает, молит, целует сапоги, протягивает руки Даниловой, та брезгливо отталкивает предателя).

Воронов. Поднять и собрать вещи. Полотенце там, мыло, зубную щетку...

Буткевич. А-а-а!.. В тюрьму, в тюрьму!.. Люди русские, спасите!.. Господи, отец всех сил, помоги... А семья-то: Оленька, Леля!..

Рыбалтовский. Полковник, не роняйте достоинства мундира. Перестаньте!

Буткевич (бьется в руках конвойных). А-а-а!.. Не виноват, не виноват... (К Рыбалтовскому) Подтвердите... Как перед богом... А-а-а!..

Рыбалтовский (надевая перчатки). Какая шваль! (Бьет одной перчаткой Буткевича по лицу, дважды, накрест).

Воронов (конвойным). Вывести его...

Обвисшего Буткевича, который что-то мычит, выводят из комнаты.

Рыбалтовский. Так-с... Ну, что ж, направимся для дальнейших деловых бесед, товарищ член Военного Совета. (Светски) Прошу...

Воронов. Нет уж, теперь мы вас попросим. Прошу...

Рыбалтовский идет своей упругой, покачивающейся барской походкой.

Шibaев. Пригрели птичек.

Потапов. Во-время взяли...

Данилова. Так как же — поймает Балтфлот этого матроса-агента или упустит?

Воронов (Шibaеву). И вот что: весь Балтийский флот перевернуть, найти этого матроса, который к Буткевичу ходил.

Шibaев. Вот так (жест мимо лица) прошел... Ну, тип!.. Говорит, как шелком шьет... Ну, каждый скажет — свой!.. Спокойствие, манера, флотские дела — наизусть...

Воронов. Кончаем разговор... Повторяю: Балтфлот перевернуть — найти.

Данилова. От пролетариата Петрограда требуем: найти.

Шibaев. Есть, перевернуть и найти. Умру, а найду. Вот тут у нас с ним и получится флотский разговор. (Сжал кулаки до хруста).

Картина девятая

ЗАКАТ РОДЗЯНКО

Все тот же кабинет генерала Родзянко. Тона кажутся поблекшими. Вид людей тоже поблекший, нервный. Родзянко, небрежно одетый, за столом. Рядом Зейдлиц. Стоит охрана.

Родзянко. Что на Красной Горке? Что с Неклюдовым? Почему не отвечает?

Зейдлиц. Связь прервалась...

Родзянко. Какие были последние данные?

Зейдлиц. Корабли красных ведут с утра ожесточенный обстрел форта 12-дюймовыми орудиями... На фортю пожары и повреждения. Провода перебиты, ряд казематов обрушился... Часть раненых доставлена сюда. Авиация красных производит налеты. Морская пехота прогрызает предполье обороны форта и приблизилась к фортю.

Разрозненные звуки духовых инструментов. Где-то поблизости идут репетиции оркестра.

Родзянко. Что еще?

Зейдлиц. Прибыли господа иностранные представители: капитан 2-го ранга Эгар...

Родзянко. Нужны они сейчас, как дыра в голову... Просите, но предупредите: я очень занят... Ах, Зейдлиц, Зейдлиц...

Зейдлиц понурил голову, вышел. Входит Зейдлиц, за ним Эгар в британской военно-морской форме.

Зейдлиц. Ваше превосходительство, позвольте представить... Коммендер — что соответствует капитану 2-го ранга — Эгар...

Обычная церемония поклонов и рукопожатий.

Эгар. Имею честь вручить генералу личное письмо от британского военного министра мистера Уинстона Черчилля...

Вручает письмо Родзянко, который уныло и скучающе пробегает письмо, бросает его на бювар. Слышны звуки мотоцикла.

Родзянко. У нас говорят: «Дорого яичко ко христову дню». Письмо запоздало и практически беспредметно, мистер Эгар... (Снова отбрасывает письмо).

Зейдлиц (входя). Прибыли бежавшие из Петербурга, ваше превосходительство!

Входят Дэкс, м-м Буткевич и Леля Буткевич. Дэкс в форме мотоциклиста, в перчатках с раструбами. Мадам, как и дочь, в летнем дорожном пальто.

М-м Буткевич. Генерал, здравствуйте!.. Ужас, что творится... (Сбрасывает пальто). Ну, возьмите же кто-нибудь там!.. (Жабоедов подхватывает пальто). Аресты... Да, ваш представитель, полковник Вадбольский, арестован у меня на глазах... Все, все рушится... Я тоже была схвачена. Но хорошо, что мне быстро помогли... И я спасена! (На Дэкса) Он вывез меня. Будьте знакомы. (Поклоны, Дэкс козыряет). Ужасные дороги... Красные нас остановили в пути. (Грубо) «Пропуск!» Дэкс выстрелил два раза, тот упал, и мы благополучно проскочили... Боже, как я утомлена! Дайте мне пить!.. (Родзянко подает ей стакан воды). Нет, зачем воду?.. Дайте коньяку... И скажите, чтобы принесли перчику. Из кухни или из буфета... Обыкновенный перец... Ну, я так хочу... (К охраннику) Сейчас же, голубчик... (Жабоедов побежал выполнять поручение).

Вошел военный врач. Обвисшие усы, китель с орденом, повязка Красного Креста.

Врач. Подвоз раненых с Красной Горки усилился. Тяжелые осколочные ранения. Там форменный разгром... Несколько человек у меня умерло.

Родзянко. Захороните.

Врач. А что же остается — закопаю...

Родзянко (раздраженно). Зачем, доктор, вы пристааете ко мне с пустяками? Знаете, бывали в переделках...

Старший конвоец Жабоедов принес коньяк и перец. Мадам встрепелась, жадно наливает себе и генералу.

М-м Буткевич. Поль, хотите? (Дэкс отмахивается). Ваше здоровье, ваши успехи, генерал! (Лихо пьет).

Зейдлиц (входя снова). Комендант форта Красная Горка поручик Неклюдов!

Родзянко. Сбежал?

Пауза. Все ждут Неклюдова. Он входит, нервный, одежда не в порядке.

Родзянко. Вас хватило только на три дня?

Неклюдов. Нас хватило... Генерал... это ужас... Вы не представляете себе, что значит огонь этих линейных кораблей... Это непрерывные чудовищные удары в мозг. Вбивают острые железные кольца... Кругом пожары, гарь, удушье... Обваливается бетон... А вы мне дали зачем-то

финнов. Они начали грабить форт... Как бьют красные! Кто им все это организовал?.. Кто?!.. (Мрачная пауза). Почему нам внушали, что они сразу сдадутся, эвакуируются?.. Где Буткевич?

М-м Буткевич. Nicolas, я здесь... Не надо так переживать.

Неклюдов. Уйдите, я не о вас говорю. Где Буткевич? Где Рыбалтовский? Где их обещанья, гарантии?.. «Поручик, смелее, начните — и перед вами сверкающий путь!»... Сверкают эти чудовищные линейные корабли. Боже, как я верил!..

Звуки панихиды. Хоронят умерших в полевом госпитале.

Родзянко. Кой там чорт?

Зейдлиц. Доктор хоронит погибших на Красной Горке.

Родзянко. Прекратите!.. Жабоедов!

Старший конвоец метнулся.

Неклюдов. Ваше превосходительство! Все ведь было сделано. Повел весь гарнизон... кроме роты матросов. (Заметив иностранца) А этот тут зачем?.. А, господа союзники?.. Наблюдатели событий. Смотришь, Британия?..

Эгар. Я был в Ютландском бою, знаю истерики после действия огня линейных кораблей. Поэтому не буду отвечать...

Залп эскадры Балтфлота.

Неклюдов. Вы всегда «не отвечаете». Вы всегда «наблюдатели». Шлете нам письма, комплименты, клозетную бумагу, зубные щетки, бритвенные ножички... (Швыряет из грудного кармана какие-то пакетики). Нам доставили эту английскую рвань — «доблестной Красной Горке»... (Второй залп эскадры). Мы, идиоты, верим... Ждем. (Третий залп). А они — большевики — не верят, умницы... Господи, зачем я расстрелял там столько людей! (Эгару) Вам все равно... двести — да больше! — таких как я, русских... Что вам Россия? (Плача) А, пусть бьют — огонь! По нас... Огонь, большевики!

Еще залп.

М-м Буткевич. Nicolas, дорогой, перестаньте! Nicolas, у вас просто нервы... Успокойтесь, возьмите себя в руки. Вы же дворянин, офицер...

Неклюдов. Нервы?.. Дворянин? Я устал от вранья — всю жизнь вранье... «Мадам», «месье»... И все кланяются, лезут, что-то болтают, и все врут, утомительно и отвратительно... (Мадам подает Неклюдову бокал коньяку). Зачем вы лезете ко мне, Ольга Буткевич? Вы — старая кокетка, захватанная любовниками, английская шпионка... Уйдите вон со своими мужьями, дочерьми, любовниками... Семейка...

Лея. Заставьте его замолчать!..

М-м Буткевич. Nicolas!

Звуки оркестра: «Боже, царя храни!» Все обернулись, обомлели. Эгар встал, вытянулся.

Неклюдов. О, прекратите эту ложь!

Родзянко. Зейдлиц! Капельмейстера сюда!..

Зейдлиц метнулся. Оркестр играет. Родзянко машет руками и кричит:

«Остановить! Остановить!» Музыка затихла. Зейдлиц втаскивает
капельмейстера.

Капельмейстер. Зауряд-прапорщик Мешков прибыл, ваше превосходительство.

Родзянко (тяжело дыша, бьет капельмейстера по лицу). Ты, подлец, смеешься? Над мертвыми! И над государем! И над нами?! Двуличная тварь! (Бьет снова стеком). Сегодня «Марсельезу», «Интернационал», завтра — «Боже, царя...» (Бьет). Жабоедов!

Старший конвоец. Я, ваше превосходительство. Повесить, ваше превосходительство?

Родзянко. Выпороть... Дать сто... (Выталкивает капельмейстера). Господа, я прошу всех успокоиться... Я понимаю—отступление, бегство, стрельба... Но надо спокойнее...

Входит Зейдлиц, он бледен. Подает Родзянко телеграмму.

Зейдлиц. Телеграмма от Верховного — адмирала Жолчака...

Родзянко читает телеграмму и тяжело оседает на кресло.

М-м Буткевич. Генерал, что с вами? Глотните, и вам станет лучше. (Берет телеграмму, читает вслух) «Командующим Северо-западной армией назначаю генерала от инфантерии Юденича»... Генерал, это ваша отставка?

Родзянко молча кивает головой.

Зейдлиц молча, интимно-сочувственно гладит Родзянко по плечу. Снова панихидное пение из полевого госпиталя. Люди сидят мрачные, неподвижные.

М-м Буткевич. Пошлите кого-нибудь, чтобы эти идиоты замолчали, наконец... Нет сил, наконец!

Дэкс. Совершенно правильно. Милостивые государыни и милостивые государи! Я отдаю дань потрясенным чувствам, эмоциям, но я хотел бы узнать, наконец, о делах, которые нужно продолжать.

М-м Буткевич. Генерал, да, да, скажите, что нужно делать... Поль, вы всегда спокойны... Надо что-то делать, господа. Взят муж, неизвестно — что с ним... Остаюсь я и дочь... И мы будем действовать... Борьба продолжается... Вот этими ногтями я выщарапаю глаза большевикам. Борьба продолжается... сегодня и завтра, на годы... Генерал, диктуйте...

Вошел старший конвоец Жабоедов.

Старший конвоец. Ваше превосходительство, ваше приказание сполнено. Всыпал... Лежит, не встает...

Дэкс. Я полагаю, что мы не оставим Красную Горку большевикам.

Родзянко (Неклюдову). Поручик Неклюдов, форт подготовлен к уничтожению?

Неклюдов. Да, к взрыву подготовлен... Минеры оставлены.

Родзянко (Дэксу). Вы напомнили о существенном деле... Благодарю...

Неклюдов (придя в себя). Ваше превосходительство... Я что-то наговорил тут?.. Не мог иначе, ваше превосходительство. Накипело... Столько пережил за эти три дня... Готов под суд. Отдавайте, ваше превосходительство. Но и перед судом скажу: союзники предадут. Вот таких, как я, и прочих, погонят в лагерь, на работы. Я же знаю. Мне отец, старик мой — генерал, рассказывал о британских методах, про бурскую войну, про Индию... Ваше превосходительство! Поймите происходящее... Что-то огромное надвигается, все в мире переворачивается... (На Эгара) Вот молчит, как каменный... Что ему Россия!

Родзянко. Поручик, замолчать! Средства для взрыва на месте? Заложены? Люди для этого найдутся?

Неклюдов. Там остался матрос, старый минер... Он сказал мне: «Ну, нагрели, только смертью искупать!» Он взорвет.

Родзянко. Старый матрос? Гм... Ненадежно... Надо проверить, обеспечить... Кто же пойдет от нас?

Дэкс. Я пойду. (Пауза). Но мне нужно переодеться... Морскую форму, генерал.

Родзянко. Жабоедов! Сними там с убитых или раненых... Быстро. Второй рост. Матросское, полный комплект.

Старший конвоец. Слушаю, ваше превосходительство!

Новые залпы, все ближе. Дребезжат стекла.

Эгар (Дэксу). Я буду рад засвидетельствовать королевскому правительству, что в критические минуты вами были проявлены образцы хладнокровия и доблести.

Дэкс. Благодарю.

Новые залпы.

М-м Буткевич. Надо уйти отсюда. Они разобьют дом... Господи, нигде покоя нет... Какой век, какой век!..

Входит старший конвоец Жабоедов.

Старший конвоец. Доставил!.. Еще тепленькое. (Передает Дэксу комплект обмундирования, снятого с какого-то раненого).

Дэкс берет вещи, идет переодеться.

Эгар. С вашего разрешения, генерал, визит свой могу считать законченным?

Родзянко. Так получилось. Вы сами видите.. сами виноваты..

Эгар. Борьба продолжается, генерал. Что имеете вы передать, сэр, в Лондон?

Родзянко. Это уже передаст Юденич.

В матросской форме входит Дэкс.

М-м Буткевич. Дайте я благословлю вас на дорогу.

Крестит и целует Дэкса в лоб: он иронически на нее глядит. Леля подходит, жмет руку, волнуясь.

М-м Буткевич. Поль, вы — смелый человек. (Язвительно, оборачиваясь) М-сье Неклюдов мог бы взять с вас пример. Я преклоняюсь перед вами, Поль.

Дэкс. Оставим ненужные слова.

Родзянко. Неклюдов, у вас остались ваши бланки? Надо дать удостоверение (указывает на Дэкса).

Неклюдов (шарит по карманам). Ага.. я напишу... Предъявитель сего, военный моряк... Как пометить?

Дэкс. Военный моряк Балтфлота Павел Урванцов.

Неклюдов (пишет). Павел Урванцов.. действительно является...

Дэкс. Минером-подрывником форта Красная Горка...

Неклюдов. Минером-подрывником форта Красная Горка... Подпись...

Дэкс. Благодарю вас. (К присутствующим) Ну, пожелаю всего доброго. Я буду там быстро.

М-м Буткевич. Добрый путь, Поль. Мы ждем вашего возвращения.

Родзянко. И не рискуйте — возвращайтесь обязательно.

Эгар. Целиком присоединяюсь к просьбе генерала.

Картина десятая

БОРЬБА ЗА ФОРТ

Береговой участок фронта. Расположение 1-го экспедиционного отряда моряков. Сквозь сосны видно море. Матросы наблюдают за стрельбой линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» Возбуждение.. С воем сирен мимо берега идут эскадренные миноносцы... Залпы..

Голоса. Ух, дают! Дай, «Петропавловск», дай, «Андрей»!

Свист снарядов с полевой батареи мятежников, все прилегли.

Голос. Тоже дает... Земные поклоны кладете? Паломники...

Взводный. Сигнальщик, семафоръ на головной эсминце: «Просим подавить батарею противника, расположенную на оконечности мыса».

Сигнальщик. Есть.

Быстро семафорит, вызывая головной эсминце. Снова свист снаряда. Матросы вжимаются в землю.

Голос. Заскучали?

Залп эсминца. Все привстали. Отряхиваются.

Голоса. Тут она ему и сказала...

Голос. За мной, мальчик, не гонись.

Второй залп эсминца.

Голоса. Недолет. Подожди... сейчас даст.

Третий залп эсминца.

Гул голосов. Ага-а! Уррра!.. (Вверх полетели бескозырки). И лапки вверх! Вот дали! В самую батарею! В щелки... «Адмирал изъявляет свое удовольствие лихим эскадренным миноносцам»...

Взводный. Сказано: «Грозой на банду белых куцую ударят Питер и Москва, и мир-ровую революцию не сдаст балтийская братва!»

Голос. Дорога на Горку теперь открыта!..

Голос. Кого-то взяли...

К толпе подводят раненого матроса, его провожают двое.

Голоса. Откуда?.. Кто?..

Один из провожатых. Перебежчик с Красной Горки...

Голоса. Ну-у?.. Эй, вали сюда: живой с Красной Горки!

Взводный (молодому матросу). Потапов, на носках за командиром отряда. Скажи — перебежчика привели.

Молодой матрос бросился выполнять поручение.

Голоса. Видал, как батарейку ковырнули?

Перебежчик. Видал.

Взводный. А ты кто таков?

Перебежчик. Военный моряк.

Взводный (напирая). А дальше?

Перебежчик. Член партии.

Взводный. Партбилет!..

Перебежчик (достает здоровой левой рукой). На...

Взводный. Почему сохранил?

Перебежчик. А не видел надобности паниковать. Знаешь, как партбилет беречь надо?..

Голоса. Вот, правильно... Ты его на бога не бери, взводный...

Подходит командир отряда.

Взводный. Смирно! Товарищ командир отряда, 1-я рота в отрядном резерве. Ведем спрос перебежчика с Красной Горки. Вот его документы.

Командир посмотрел документы.

Командир отряда. Что на форту?

Перебежчик. Пожары, все горит... Начальство — Неклюдов и его свита дают тягу.

Голос. Чего ж нам ждать?

Командир отряда. Тихо!.. Оборона форта цела?

Перебежчик. Часть орудий повреждена... Главное: гарнизон в полном расстройстве...

Голос (снова). Чего ж ждать! Ударим — и в дамках...

Командир отряда. А это без советников решу. (К перебежчику) Отвечаешь за каждое показание.

Перебежчик. Могу показать путь. Знаю и пропуск. (Негромко) «Петербург». Что ж, пошли или раздумали?

Матросы впились в командира: что решит?.. Кто-то опять простонал: «Эх, чего ж ждать-то?».

Командир отряда. Горнист, большой сбор!

Матросы оживились... «Живем! Даешь Неклюдова!» Горнист играет сигнал. Подбегают новые люди на сбор. Матросы перед боем: идут последние приготовления. Кто-то от нетерпения выбивает чечетку. Лязгают затворы. Незаметно подходит Сталин. Его сопровождают Воронов, Шибаев, путиловцы-делегаты Данилова, Иванченко. Бойцы узнали Сталина.

Командир отряда. Смирно!.. Товарищ народный комиссар, командир 1-го экспедиционного морского отряда Балтийского флота... Расположены в полутора километрах от мятежного форта. Отряд готовится к бою, происшествий никаких не случилось...

Сталин. Здравствуйте, товарищи матросы.

Все. Здравс!..

Сталин. Вольно... (К командиру) А почему сыграли сбор?

Командир отряда. Обстановка благоприятная. Вот матрос с Красной Горки бежал...

Сталин. Когда вы бежали?

Перебежчик. Час тому назад... Пришли выводить в расход. «А ну, члены РКП, собирайся!» Я решил: так пропадать, и так. Кинулся... «Стой, стой!»... Один кричит, заступается: «Зачем убивать?» Я — ходу. Стреляют. Попало вот в руку.

Сталин. Что делается на форту?

Перебежчик. Вся площадь в пределах фортового пояса завалена осколками снарядов, бетоном, убитыми. Все казармы городка уничтожены. Лес горит. Пожары. Командный пункт значительно поврежден. Неклюдов сбежал.

Сталин. Как гарнизон?

Перебежчик. Идут споры: сдаваться или сопротивляться.

Сталин. У нас есть сведения о подготовке взрыва форта.

Перебежчик. Да, есть слух о том, что готовится взрыв... Несколько минеров засело в минном каземате. Там один отчаянный старый минер.

К нему подослали сегодня какого-то инструктора из штаба белых, на мотоцикле...

Сталин. В итоге получается, если подумать без горячки, что обстановка пока неблагоприятна. Рисковать отрядом не будем. (К командиру отряда и Воронову) Нужно предварительно выслать разведку, постараться проникнуть в казематы, к матросам, и выяснить обстановку.

Шибяев. Я пойду, товарищ Сталин.

Воронов (вынимая папку). Вот тут подробно указано все минное устройство форта.

Перебежчик. Можно прямо идти в минный каземат. Я проведу, товарищ Сталин.

Сталин. Не лучше ли вам идти на перевязку? Товарищи сумеют найти дорогу.

Перебежчик. Мне недавно делали перевязку свои — на заставе. Я проведу товарищей, если разрешите, товарищ Сталин. Знаю все ходы и выходы, пять лет на форту отслужил. Я знаю и сегодняшней пропуск.

Сталин. Это пригодится. Ну, хорошо, идите...

Из рядов отделился молодой матрос. Волнуется. В руке записка.

Молодой матрос. Товарищ народный комиссар! Разрешите обратиться.

Сталин. Я вас слушаю, товарищ.

Молодой матрос (читая, несколько сбиваясь). «Прошу разрешить настоящую судьбу мою. Ввиду надвинувшихся событий на Красный Петроград, мое молодое коммунистическое сердце не желает находиться бесполезным организмом...» В резерве стоим, товарищ Сталин... «всцело желаю оказать содействие»... Пустите в разведку! «Дабы поделом наказать затравщиков Англии и их наймитов»...

Сталин (с улыбкой). С моей стороны нет возражений. Как ваша фамилия?

Молодой матрос. Потапов, Андрей.

Сталин. Вы петроградец?

Молодой Потапов. Да, с Путиловского.

Сталин. Вы не сын ли Петра Степановича Потапова?

Молодой Потапов. Сын... А вы и отца знаете? Ой, он мне рассказывал, как вы в Сибири были и побеги делали... Шесть побегов... Это здорово!

Сталин. Ваш отец мне тогда очень помог. Сейчас он здесь. Он задержался в штабе — составляет отчет.

Молодой Потапов. А что слышно в штабе? Как обстановка, товарищ народный комиссар? Что в Питере?

Матросы сгрудились, интересуются.

Сталин. Могу передать вам вести о делах в Петрограде: там раскрыт крупный контрреволюционный заговор. В ночь на сегодня рабочие отряды Петрограда произвели массовые обыски в буржуазных кварталах. (Выдвинул за плечи Данилову несколько вперед). Вот участник дела расскажет вам. Вскрыты подпольные вражеские гнезда, арестовано несколько тысяч контрреволюционеров.

Молодой Потапов. Ну, отец, наверное, участвовал в раскрытии!

Сталин. Участвовал.

Один из матросов. А что контрреволюционеры готовили?

Сталин. Цель заговорщиков: взять в свои руки всю Кронштадтскую крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер...

Молодой Потапов. По нас стрелять хотели?

Сталин. Да. Теперь ясно нахальство, с которым шел Родзянко на Питер со сравнительно небольшими силами.

Голос. Рассчитывал нас с тыла стукнуть!

Сталин. Рассчитывал на бывших людей, обиженных буржуа, помещиков, продажное офицерство... Они копили оружие и ждали удобного момента, чтобы ударить нам в тыл и занять город.

Молодой Потапов. Ну, нашел простачков!

Сталин. Петроградские рабочие не стали ожидать такого удара и выступили сами. Заговорщики и шпионы отведены в «спокойные места».

Молодой Потапов. В «дом отдыха»... (Жест — «под замок»). Это я одобряю.

Другой голос. Оружие у них забрали, товарищ Сталин?

Сталин. Несколькo тысяч винтовок, пулеметы и в одном посольстве даже орудие.

Голоса. Вот дипломаты! Дипломаты от артиллерии!

Молодой Потапов. По-русски сказать — пушкар-дипломаты...

Сталин. Да, дипломаты фальшивые... Каковы же итоги дела в целом?.. Расчеты противника на занятие Питера, захват Кронштадта и Балтийского флота оказались преждевременными. Нас пугали контрреволюционными генералами. Теперь эти генералы бегут, как чорт от ладана. Нас пугали всякими «сюрпризами» войны. Но оказалось, что пролетарские военные работники могут устраивать и устраивают врагу сюрпризы еще покрепче буржуазных. В чем теперь задача? Нанести противнику последний сильный удар и занять Красную Горку. Для этой цели и двинуты отряды моряков Балтийского флота. Корабли «обработали» Красную Горку, решили свою задачу. Теперь: решите вы свою задачу?

Молодой Потапов. Честное комсомольское, решим, товарищ Сталин!

Взводный. Кто как — не знаю, но наш 1-й батальон — глаза пусть лопнут — задачу выполнит. Ребята какие, товарищ народный комиссар! Заводские...

Сталин. А задача какая! Дело не только в этой Горке, дело в Революции, в будущем всего народа. Врагу надо показать, что всякая его попытка подавить движение народа будет беспощадно отбита.

Взводный. Понимаем, товарищ народный комиссар, посылайте!

Сталин. Сначала проведем разведку... Двигайте, товарищ Шibaев. До встречи на Красной Горке.

Шibaев. Есть. Когда закончу разведку и установлю, что можно продвигаться, я дам красную ракету.

Данилова (бросается к Шibaеву). Ну, счастливо вам!.. (Смотрит на матроса горячим долгим взглядом).

Молодой Потапов (к Сталину). Так до встречи на форту. Если бату моего увидите, скажите ему: будет полный порядок.

Сталин (улыбаясь). Я тоже так думаю...

Минный каземат на форту. Распределительная доска, рубильники. У стола сидит мрачный, медлительный, седоусый минер. Рядом с ним — Дэкс.

Старый минер. К чему же пришли?

Дэкс. Кронштадт не поддержал. Корабли расковыряли на форту все в пыль и пепел.

Старый минер. Петроград молчит.

Дэкс. Еще хуже. Англичане не пришли. А, сволочи!..

Старый минер. И не говори...

Дэкс. Остались мы брошенными. Сбежал Неклюдов, арестованных перебил. Зачем? Что ему коммунист Михаил Михайлович Мартынов сделал? Рабочий человек, простой, душевный... О людях всегда беспокоился...

Старый минер. Оставим мертвых. У нас свои заботы...

Дэкс. Вот жизнь и к концу подошла... Ах, что натворили! Что натворили!.. Позовут, спросят: «Военный моряк, старший минер, Степан Петрович Брызгалов!» — «Есть!» — «Поднял руку на Советскую власть, на Ленина, на народ?» — «Опутали, виноват» — «Ах, так, скажут, виноват? Становись, старый минер, к стенке, раньше думать надо было»... Решают просто. Вот она как смерть-то подбирается к человеку. Ее и не ждешь, а она сама подбирается... «А я, — скажет старый минер, — после службы к своим думал ехать, в деревню»... Как же, пустят тебя, виноватого... Так и пропадешь «без вести», и семья словечка не узнает... Был, скажут, Брызгалов и исчез, как пыль в воздухе...

Старый минер задумался, вынул лист бумаги, начал что-то писать.

Дэкс. Что пишешь?

Старый минер. Подожди... (Пишет, тяжело думает). Слушай, друг Урванцов... Павел, кажется? (Дэкс кивнул). Большую и горькую правду ты говоришь, Павел. Ценю, что пришел и готов разделить со мной даже смерть. Так?.. (Дэкс с усилием кивнул). Видно, человек ты настоящий, русский. (Пауза). Одна у меня просьба к тебе будет. (Дэкс насторожился). Иди и письмо вот это в деревню, семье моей, передай. (Дэкс облегченно усмехнулся про себя). Адрес указан. Прощанье мое, вина моя и благословенье...

Дэкс. Да нет, я уж до конца с тобой буду, Петрович.

Старый минер. Ценю — поэтому и прошу: иди. Последнюю волю мою исполни.

Дэкс (испытующе). Значит — решил?

Старый минер (показал на рубильники). Оба рубильника — и все! (Жест: «общий взрыв»).

Дэкс. А кабели и запалы проверил?

Старый минер (удивленно). А как же!.. Ну, двигай.

Дэкс. Ну, перед последней волей должен склониться. Давай. Куда доставить?

Старый минер. Написано.

Дэкс (читает). Новгородская губерния, Старорусский уезд... Будет сделано, Петрович.

Старый минер. И не мешкай. Неклюдовцы тут кругом. Иди, друг. Пропуск: «Петербург».

Дэкс. Ну... прощаемся.

Старый минер. С богом!..

Троекратно целуются. Дэкс направился к выходу. Входит Шибаетов с двумя своими спутниками.

Дэкс (отпрянув). Ты?..

Шибаетов (спокойно и холодно). Я... Прошлый раз ты просил заходить, вот я и вспомнил, заглянул...

Старый минер. Кто таков? Откуда пришли?

Дэкс. Ну, что я тебе говорил? Придут, потянут к Иисусу: что да откуда, да кто родители, да становись к стенке. Из ЧК пришли, Петрович. Знаю его. Володька Шибаетов. За нашими головами пришли.

Старый минер. Вот оно как!.. Не дамся... (Вынул наган). Оружие сними, ну!.. (К перебежчику и молодому Потапову) И ты, и ты, шенок!

Дэкс быстро, радостно и сторожко снимает оружие с трех моряков.

Старый минер. Еще не брали Степа́на Петровича живьем. И садитесь там, и сидите тихо. Ишь, в секретную минную за Петровичем пришли!..

Шмбаев. Не пугай наганом, пуганые... А зачем я пришел, объясню. Таких как ты, дураков, жалко... Сидите, со страху еще наделяете бед... А с народом ты советовался? Все они с тобой взрываться желают? Только и мечтают об этом... Россия форт создала, пот, труд свой вложила, защиту возвела, а Брызгалов один все в воздух пустить хочет?..

Дэкс. Не агитируй, чекист!

Шмбаев. Степа́н Петрович, значит с народом говорить не желаешь?

Старый минер (тяжело, медленно). Нет. Почему?.. От народа я никогда не отказывался.

Дэкс. Не надо народа, Петрович.

Старый минер (тяжело, медленно). То есть, как «не надо народа»? Ты решал, советы мне давал, а люди действительно ничего не знают. Их Неклюдов запер под замок... Или ты из штаба и набрался там господского духа? «Не надо народа»? Нет, так нельзя... (К молодому Потапову). Эй, малый, беги, открой там выход ребятам...

Дэкс. Не надо!

Шмбаев (к молодому Потапову). Беги, Потапов. Часовому кричи пропуск «Петербург», скажи: приказ, мол, — и выпускай ребят...

Молодой Потапов. Оружие!

Молодой Потапов, получив оружие, помчался. Слышен крик часового: «Стой!», ответ молодого Потапова, пауза, несколько возгласов, выстрелов — все насторожилось... затем неистовое «ура!».

Голоса. Освободили... Ребята железные! Неклюдов зубы обломал на них...

В каземат врываются освобожденные. Молодой Потапов сияет.

Молодой Потапов. Я винтовку у часового отобрал!..

Голос. Шмбаев, Володька! Откуда? Здорово!

Шмбаев. Здорово, Вася! Дело есть, заглянул...

Голоса. А что этот старик тут у минных рубильников делает? Форт взорвать хочет? Забирай старика!

Молодой Потапов. Стой!.. Это Петрович!.. Наш... Это он послал вашу роту освободить.

Голос (на Дэкса). А это кто с ним?

Голос (к Дэксу). Кто таков? Чего здесь делаешь?

Несколько человек надвинулось на Дэкса.

Шмбаев. Тихо!.. Потапов — к рубильникам на пост. Никого не подпускать.

Молодой Потапов встал на пост, вскинул винтовку наизготовку.

Шмбаев. Я вам скажу, кто он таков и что он тут делает. И ты, Петрович, послушай. Присылают к нам в Россию разных типов, пошпионить... Вот и прислали среди прочих одного молодого человека, хорошо знающего наш язык... Жил он в России с начала германской войны 1914 года, втерся во флотскую среду... Ну, прямо свой! За словом в карман не лезет, ходы-выходы знает... Душу матроса изучил иностранный шпион. Квартира в Питере есть, деньги есть — и работает себе. Документ выправил на имя матроса. И имя взял: Павел Урванцов. Может, и крестик медный на шею носил. Расход небольшой. Словом, «работал» с умом. Скольких он загубил, еще не подсчитано. Подсчитаем. А сейчас сюда

явился, за душу старика взялся: нагрешил-де ты, а выход один — рвануть форт, и все расчеты с жизнью кончены...

Все смотрят на Петровича. Он потрясен.

Старый минер (Шибаету). Правду говоришь?

Шибаету. Истинную.

Старый минер (к Дэксу). Что же ты, паскуда, со мной, с русскими людьми сделать хотел?

Дэкс молчит.

Молодой Потапов (показывая на Дэкса). Я догадываюсь. Он хотел дожидаться, когда отряд начнет штурм, и тогда всех на воздух!..

Старый минер. Все верно... Советовал...

Молодой Потапов. Я и догадался. (К Дэксу) На воздух? Тысячу ребят, и каких ребят: живая Балтика, один к одному ребята... Зачем их губить?.. Народ советский: вся жизнь впереди, только на дорогу выходим... Разобьем белых, англичан — жизнь начнется. Что же ты, шпионская твоя морда, думаешь?

Дэкс (ища компромисса). Давайте, прежде всего, не кричать... Можно найти спокойный деловой язык. Я вам объясню ряд вещей...

Прокатился гул возмущения, Дэкс шагает, взвешивая свои слова.

Молодой Потапов. К рубильникам не подходить, застрелю.

Дэкс (сдаваясь, к Шибаету). Вот что я хотел бы вам объяснить. Всегда есть возможность обсудить возможность обмена пленных... Возможности взаимного обмена и расчета... Я предлагаю трезвый подход... Вот какая возможна комбинация: я...

Старый минер. Иуда ты — и больше ничего. (Стреляет в упор. Дэкс убит). Вяжите, ребята...

Шибаету. Брось, старик! Пойдем нежлодovцев глушить! (К своим) Давай красную ракету!

В ночной тьме — красная ракета.

Эпилог

Огромное береговое пространство Финского залива. Белая ночь. Сирены с моря. В свете прожекторов идет последний удар. Сквозь проволоку и огонь хлещут матросские цепи. Сверкает огонь пулеметов белых. Всплески «ура». Отблески пожаров. Наконец, матросы у кольцевого броневго вала. Форт взят.

С шипеньем и лязгом подходит бронепоезд. Раскрылась броневая дверца. Из нее вышел товарищ Сталин.

К Сталину, рапортуя, подошел Шибаету.

Шибаету. Задание выполнено, товарищ Сталин. Действительно намечался взрыв, но был предотвращен.

Данилова (подбегая, в походном снаряжении, с винтовкой, схватила Шибаету). Шибаету, жив?.. (Не может скрыть своей радости, обняла матроса, Шибаету несколько смущен). Виновата, товарищ Сталин, помешала беседе... (К Шибаету). А матроса-шпиона поймал?

Шибаету. Взял.

Данилова. А где он?

Шибаету. Лежит там, налево за угол. (К Сталину) Личные моменты помешали, извиняюсь, товарищ Сталин. Я продолжу. Установлено проникновение на форт англо-белогвардейской агентуры. Означенная агентура ликвидирована.

Сталин. Записана «в расход»?

Шибает. Так сложилось... Разрешите, товарищ Сталин, по служебной надобности обратиться к взводному. (Получив согласие, Шибает окликает взводного 1-го экспедиционного отряда). Взводный, надо быстренько сменить часового у рубильников минного каземата.

Взводный. Есть, сменить! (К одному из матросов) Станешь на пост в минном каземате.

Матрос. Есть.

Шибает. Не подпускать к рубильникам никого: ни брата, ни папу, ни маму. Сейчас пустим минеров обезопасить кабели...

Матрос. Есть. (Пошел на пост).

Сталин (к взводному). Ну, как настроение?

Взводный. На ять! На красной черте, товарищ Сталин! Вы нам здорово помогли, с бронепоезда... Нас прижало было у первой проволоки... Лежим, засучали. Тут бронепоезд — как даст, ну, их пулеметы замолчали. Мы встали. А тут, смотрю, делегатка... (Кивнул на Данилову). Кричит этак: «Вперед, вперед, Балтика!» Ну, нас за живое взяло... Женщина — и покрикивает...

Сталин. Чем же вы недовольны?

Взводный. Нет, мы ничего... Просто заело.

Сталин. Зацепило?

Взводный. Зацепило! Ну, думаем, не отставать же, ну и дали рывок...

Сталин. Значит, выходит, что товарищ делегатка помогла вам?

Взводный (вздыхнул). Выходит...

Сталин. Смотрите — еще будут случаи: женщины и опережать вас будут...

Взводный. Что ж, это мы еще посмотрим...

Данилова. Ладно, и мы, женщины, посмотрим... (Окинула взводного взглядом превосходства).

Шибает. Ладно, будем смотреть вместе. (Взял ее за руку, Данилова счастливо заулыбалась). Там и выяснится — как и что...

Приходит молодой Потапов, сияет.

Шибает. Вот, товарищ Сталин, разрешите доложить. Военный моряк Андрей Потапов. Освободил на форту роту заключенных матросов и первый стал на часы у рубильников минного каземата, и этим не дал заговорщикам произвести взрыв.

Молодой Потапов. Да я просто выполнял его (на Шибаета) приказания... Ничего такого особенного не сделал. (На Шибаета) А вот он напирал — это да! Ох, батя идет! (Увидел своего отца и Иванченкова). Разрешите, товарищ Сталин? (Сталин кивнул головой).

Молодой Потапов кинулся к отцу, обнял его, целует.

Потапов. Андрюшка, ты как тут?

Молодой Потапов. С разрешения товарища Сталина. Можешь его спросить. Ей-богу, батя... Да, батя, дела на форту — полный порядок, четкая революционная служба и Советская власть.

Потапов. Очень бойцы просят вас, Иосиф Виссарионович, выступить.

Сталин. Ну, раз просят такие отличные боевые товарищи... (Встал). Хорошо, коснемся некоторых весьма актуальных вопросов. (Поднялся на пригорок). Приветствую бойцов Петроградского фронта и Балтийского флота, выполнивших важное правительственное задание. Передаю им благодарность советского правительства. (Гул ответа: «Служим трудовому народу!») В критическую минуту с вами были товарищи Ленин, поддержка пролетариев Питера и миллионных масс всех наций,

населяющих нашу необъятную страну. Вот эта народная поддержка и помогла решить задачу. Враг отбит, но означает ли это, что он оставит свои попытки нападать на нас? Нет, таких гарантий нет. Враг упрямствует, он отверг мирные обращения Советов, он хочет вооруженной силой принудить нас к сдаче. Что ж, может быть, пойти на уступки?

Все. Нет!

Сталин. Иного ответа у советских людей и быть не может. Чего хочет враг? Враги хотели бы видеть Советское государство беззубым, безоружным, падающим ниц, окровавленным. Нет, товарищи!.. Пусть составители такой «программы» убираются ко всем чертям. Если уж быть кому-нибудь окровавленным, мы приложим все силы к тому, чтобы разбитым в кровь, окровавленным оказался бы буржуазный стан, а не Советское государство.

Общее согласное и грозное «ура». В порыве все подняли винтовки. Сквозь толпу прокладывают дорогу трое связистов: «Пропустите, а ну, потеснитесь!».

Связист (пробравшись к товарищу Сталину). Разрешите обратиться, товарищ народный комиссар!

Сталин. Слушаю вас.

Связист. Так что связь восстановлена. (Улыбаясь). Тянули за вами беспрерывно, поспели, товарищ народный комиссар. Можно и по телефону, а с последней станции и по юзу, хоть в Москву связь давать, хоть куда — на всю Россию...

Сталин. Так... Дайте мне последнюю станцию.

Связист. Есть. Алле, Егорушкин! Это я... Будет говорить народный комиссар,

Сталин (подходя к ящикам, где установлен телефонный аппарат). Товарищ Егорушкин? Здравствуйте. Говорит Сталин. Как устроились? Хорошо?.. Запишите, пожалуйста, телеграмму. Да, жду... Готовы? Так.. «Москва запятая Кремль запятая Владимиру Ильичу Ленину точка Вслед за «Красной Горкой» ликвидирована «Серая лошадь» запятая орудия на них в полном порядке запятая идет быстрая проверка всех фортов и крепостей точка Морские специалисты уверяют запятая что взятие «Красной Горки» с моря опрокидывает всю морскую науку точка Мне остается лишь оплакивать так называемую науку точка Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей (поглядел на Потапова, Данилову и других) и вообще цитатских в оперативные дела запятая доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных точка Считаю своим долгом заявить запятая что я и впредь буду действовать таким образом запятая несмотря на все мое благоговение перед наукой точка Сталин». Передадите быстро, товарищ Егорушкин? В момент?.. Ну, отлично... Благодарю вас.

Москва, январь — октябрь 1943 года.

СТАЛИНСКИЙ ЛАУРЕАТ

Документальная повесть

И. ГОРЕЛИК

★

Глава 1

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЛЕТ

1

Как-то так получилось, что со времени возвращения Генриха на завод из армии Марьин еще ни разу не имел случая поговорить с ним наедине, порасспросить его о том, как они теперь живут: он и его мать, Бронислава Осиповна. Главный инженер завода имени Свердлова Марьин хорошо знал отца Генриха — Станислава Ивановича Борткевича, еще с того времени, когда их токарные станки стояли рядом. Марьин очень уважал старика. С огромной болью узнал он после возвращения из Новосибирска в только что освобожденный Ленинград о гибели во время блокады этого чудесного токаря.

Увидев Генриха из окна автомобиля, Марьин очень обрадовался, вышел из машины и с необычайной резвостью бросился догонять его.

Было раннее утро, без четверти семь.

Геня шел по тротуару не торопливыми, но большими шагами. На вид ему можно было дать лет двадцать пять, да так оно было и в самом деле.

Марьин догнал Геню и, оказавшись рядом с этим рослым, красивым парнем в легкой синей спецовке, понял, почему он ему так обрадовался: это и был тот самый человек, с которым ему больше всего хотелось поделиться тревожившими его в это утро мыслями.

Накануне вечером из министерства пришла телеграмма: «Правительственная. Ленинград. Маховик. (Таков был сокращенный телеграфный адрес Станкостроительного завода имени Свердлова). Срочно сообщите данные ходе сборки первых экземпляров копировально-фрезерного автомата вашей конструкции». А перед тем Петра Ивановича Марьина и директора завода вызывали в Москву. Расспрашивали о заводских делах, о соревновании. О восстановительных же работах, которые составляли предмет гордости всех заводских людей, было только сказано, что сегодня ссылки на них чести заводу не делают.

С этой минуты Петра Ивановича не оставляло чувство, что все они, на заводе, успокоенные успехами восстановления, невольно отстают и могут проглядеть самое главное.

— Здравствуй, Борткевич, — сказал Петр Иванович, положив руку Гене на плечо. — Я уже много раз собирался к тебе зайти, да все не выберу времени. У меня есть для тебя подарок.

Геня замедлил шаг, и они пошли рядом. По правую руку от них,

между каменных берегов, лежала зеленовато-стальная Нева. Уже брызнуло сквозь облака яркое солнце и позолотило на той стороне Смольный монастырь с пятью маковками куполов.

— Подарок? — удивленно спросил Геня.

— Рылся я недавно в старых заводских бумагах, перебирал альбомы, попался мне, между прочим, портрет твоего отца. В 33-м году к заводскому юбилею нас фотографировали. Хорошо помню, как упирался Станислав, ни за что не хотел сниматься. Жалко отдавать, но это по праву принадлежит тебе. Хороший был у тебя старик! Не токарь, профессор! Я пришлю тебе сегодня этот портрет в цех.

Напоминание об отце взволновало Генриха, и, чтобы перевести разговор на другую тему, Геня спросил Марьяна:

— А вы почему так рано, Петр Иванович? Вам, насколько я понимаю, табель снимать не надо.

— Нет, не надо, — улыбнулся Марьян.

— Начальство не опаздывает, — продолжал Геня, — оно задерживается, как говорили у нас в батальоне...

— Не опаздывает... — перебил его Марьян. — Еще так иной раз опаздывает! Вот станешь когда-нибудь начальством — а ведь станешь обязательно, я знаю, — тогда поймешь... Ну, а кто задерживается — отстает, а отсталых бьют. Помнишь слова Сталина?

— Бьют, это верно, — рассмеялся Генрих. — Бьют начальство здорово...

— На днях в Москве мне влетело. Мы-де успокоились, мы все еще хвалим друг дружку за то, что хорошо поработали над восстановлением, и забываем, что через месяц-другой это уже станет только воспоминанием. Сидел я, слушал и думал: до чего же трудно быть главным инженером! Возразить ведь нечего. Правильно ругают. Оттого и трудно. В самом деле, чуть нас кто-нибудь тронет, как мы все в один голос: а знаете ли вы, что здесь еще недавно были развалины, пепел...

Генрих рассмеялся.

— Да, но и без воспоминаний нельзя, — сказал он. — Я по себе сужу. Частенько хочется вспомнить и рассказать товарищам что-нибудь интересное. А у меня, между прочим, воспоминаний о войне до конца жизни хватит. Но только ребята не дают: давайте, говорят, будем заниматься воспоминаниями по праздникам. В общем, отучили вспоминать.

— Отучили, говоришь? Они отучат!

— Да. Я сначала обижался, а теперь ничего. Я давно занимаюсь не только воспоминаниями, — добавил Генрих и осекся. Он не хотел рассказывать сейчас главному инженеру, что его занимало в последнее время.

Но Марьян, к счастью, не обратил внимания на эти его слова.

Они дошли до проходной. Здесь их нагнали старые друзья Генриха — Яша Минин и Павлик Колосов. Старыми друзьями Генрих считал их потому, что именно они, эти два квалифицированных токаря, повстречались ему раньше других, в первый же день возвращения Гени из армии на завод, и сразу же приняли его в свою компанию.

— Эге, Петр Иванович только еще на работу идет, — сказал Павлуша Колосов, — значит, мои часы спешат...

Это был широкоплечий, коренастый парень с выразительным лицом. Говорил он громким, красивым грудным голосом, и в речи его часто сквозила легкая ирония.

Минин молчал улыбаясь. В отличие от своего друга Колосова он никогда ни над кем не подшучивал. Его называли не Иосифом, как он был записан в паспорте, а Яшей: так его окрестили товарищи, когда он

совсем еще неопытным семнадцатилетним учеником пришел на этот завод. Так оно и осталось. Внешностью он резко отличался от Колосова: на худом лице выступал острый, тонкий нос. Но много было у них общего: оба были превосходными мастерами и доброжелательными людьми, которые охотно делились своим мастерством со всеми, кто хотел у них учиться. Оба были членами партии, и только третий их друг — Геня Борткевич — все еще был комсомольцем.

Открыв дверь проходной, все четверо вошли в узкий коридорчик. Здесь Марьян попрощался с токарями и, свернув направо, поднялся по лестнице к себе в кабинет. Минин, Борткевич и Колосов распахнули вторую калитку и шагнули в заводской двор.

2

Завод, на котором раньше работал старый токарь Станислав Иванович Борткевич, а в последние два года перед войной и его сынишка Генька, в прежние, дореволюционные времена назывался «Феникс» и принадлежал англичанину Мюргерту.

Никто из рабочих не знал, почему так называется завод, но никто над этим и не задумывался. Какое им было до этого дело!

Никто не знал и настоящего имени Мюргерта, а между собой его называли: Яков Яковлевич. Управлял заводом другой англичанин, фамилия которого и вовсе была неизвестна. Этот был знаменит своей жестокостью, да еще тем, что носил на теле металлический корсет.

Люди здесь работали по десять-двенадцать часов в смену, зарабатывали гроши, и когда на Выборгской стороне начинались стачки, первыми среди бастующих были рабочие с «Феникса».

Завод выпускал дизели для пароходов, маленькие станочки. После революции, в годы разрухи и гражданской войны, «Феникс» был законсервирован.

Только в 1923 году на заводской двор, уже заросший бурьяном, пришли люди и стали наводить порядок. Они расчистили цехи, завезли машины, разыскали старых «фениксовцев» и начали мало-помалу налаживать производство. Завод рос, к старым зданиям пристраивались новые, светлые корпуса. Главной специальностью завода были теперь дорогие станки для расточки отверстий.

Завод теперь назывался именем Свердлова, и станки с его маркой можно было встретить на многих машиностроительных предприятиях страны.

Когда Генрих ехал из армии в Ленинград, перед его глазами стояли эти высокие, залитые светом корпуса завода, в котором он знал каждый уголок, потому что здесь учился и здесь же впервые стал самостоятельно работать в экспериментальном цехе. Здесь же, в сборочном, на расточке шпинделей и задних стоек и на шлифовке конусов стоял его отец. Станислав Иванович, или как его называли рабочие «Стась», был специалистом по конечным, доводочным операциям, и все знали, что коль скоро дело перешло к Борткевичу, можно за программу не беспокоиться.

В первый же день по приезде Генрих отправился на завод. Он вошел в высокие ворота у входа в механический цех, и на него пахнуло острым запахом сырости. В цехе не было ни одного станка. Сквозь разбитую крышу врвался ветер и кружил пыль. Опорные колонны согнулись и так и застыли в этом положении.

«Что же это? — с ужасом подумал тогда Генрих. — Где же завод?»
Он прошел через весь цех, не встретив ни одного человека. Вышел

во двор, повернул в другой корпус, поднялся по шаткой лестнице на второй этаж, где перед войной был расположен экспериментальный цех. Здесь он после окончания фабзавуча работал два года. Здесь ему присвоили пятый разряд!

Но и экспериментальный цех был пуст. Только в углу двое рабочих возились возле остова какого-то станка.

— Эй, друзья, — крикнул Генрих, — где же завод-то, где люди работают?

— Завод? А вот выйдешь во двор, как раз напротив корпус будет. Там пыче механический.

Во дворе, по дороге в механический цех, Генрих увидел на одной из необлицованных кирпичных стен мраморную доску, которой раньше не было. На ней были высечены имена рабочих завода, погибших при отражении воздушных атак. Он подошел поближе. От золотых букв на мраморе повеяло на него торжественностью и печалью.

Молча отошел Генрих от траурной доски и медленно, в раздумье пошел дальше.

Он перешагнул через высокий порог механического цеха и тотчас же услышал знакомые звуки: жужжанье моторов, шест шкивов, визг металла, шорох падающей стружки...

Станки стояли очень тесно, их было слишком много для такого небольшого помещения, но здесь была жизнь — и Генрих повеселел. Пришли на память строчки из его собственной поэмы, написанной далеко от Ленинграда, на чужой стороне. Он хорошо знал, что стихи эти очень слабые — он ведь не поэт, а токарь! — и никому их не показывал, но каждый раз, когда читал эти стихи сам себе, ощущал необыкновенное волнение.

Люблю, когда станок, вращаясь,
Мне песню звонкую поет,
Люблю, когда, с резца спускаясь,
Стальная стружка руку жжет...

Генрих стал разыскивать знакомых, заглядывать в лица, наклонившиеся над станками. Но все это были люди новые, чаще всего — женщины и ученики ремесленных училищ.

Вдруг кто-то его окликнул.

— Генька! Ты, что ли?

Он обернулся. Перед ним стоял Лаврентий Иванович Скворцов, старик, закадычный друг отца.

— Вернулся!.. — радостно заговорил Скворцов. — Я тебя со спины узнал... Ишь какой стал... Завод смотришь? Что, не похож?

— Не похож, Лаврентий Иванович, совсем не похож...

— Это что! Ты бы в сорок четвертом на него глянул, когда только начинали восстанавливать. Хорошо, что старые «свердловцы» со всего белого света собираются. Ты небось из-за границы?

— Так точно.

Лаврентий Иванович помолчал, потом, нахмурившись, сказал:

— А Стаси-то нету...

— Нету... — тихо отозвался Генрих.

— Мать-то как, Бронислава? Плачет небось от радости, встретив тебя... А когда на работу?

— Не знаю, — уклончиво ответил Генрих; — мне ещё месяц отдыхать полагается.

— Не выдержишь. Завтра придется оформляться. Я стасину поброду знаю. Рад я, что ты живой... и вырос как!

Генрих улыбнулся и попросился со Скворцовым.

Так оно и случилось. Уже через несколько дней Генрих стоял за токарным станком «ДИП-200». А еще через некоторое время Геня уже и сам не узнавал свой завод, до того быстро он выросстал. И очень изменилось и его собственное рабочее место.

Теперь за спиной Гени к стене был приделан отличный шкаф. В нем на полочках, установленных немного покато, он расположил инструмент не так, как это принято повсюду у токарей, а по-своему. Инструменты лежат, рассортированные не по типам и не по диаметрам, а в той строгой последовательности, в которой они могут ему понадобиться во время обработки детали. Протянул руку — и не глядя возьмешь именно тот резец, который нужен тебе в данную минуту.

Это шкаф его собственной конструкции.

Как-то на одном совещании он слушал доклад директора.

— Раз уж так случилось, что завод разрушен, мы воссоздадим его на новой, более совершенной базе...

«Правильно. Но если так, — решил тогда Геня, — надо все делать на новой базе. Если хорошенько присмотреться к заводским порядкам, к так называемым мелочам, надо многое основательно переделать».

У каждого станка стоит тумбочка. В ней лежат детали. Вместе — обработанные и необработанные. Разве это порядок? А инструмент — резцы, оправки! В тумбочке их много, и они разного назначения. Как разыскать какую-нибудь нужную оправку для конической шестеренки? На это уйдет, по крайней мере, несколько минут. Неудобная тумбочка!

Несколько вечеров Генрих провел дома, за столом, с карандашом и линейкой, набрасывая собственный эскиз шкафчика для токарного инструмента. Мать смотрела на него со стороны и смеялась.

— Чего ты, мама?

— Рисуешь, а кончик языка высунул. Совсем как маленький...

Эскиз вышел на славу.

И самая главная радость: когда Борткевич попросил мастера Лешу Андреева заказать ему такой шкаф, тот сразу же согласился.

Так возник тогда этот шкаф.

У Генриха есть идеи посерьезнее, чем конструирование шкафа. Теперь, после разговора с Марьиным, они с новой силой завладели Генрихом. Но для этого раньше всего необходим другой станок...

Генрих работает и неприязненно смотрит на свой станок, которым он еще недавно так гордился.

3

Высокий, негнувшийся Петр Иванович проходит в свой кабинет. Завидев Марьина, Граня приподнимается с места и протягивает ему пачку телеграмм, поступивших за ночь. Петр Иванович берет у нее телеграммы и говорит:

— Позовите начальников цехов и их заместителей по технологической подготовке. Ивана Николаевича Озаровского пригласите и Прусакова.

Он раздевается, аккуратно вешает плащ в шкаф, укладывает шляпу на полочку и медленно подходит к окну.

Молча пробежав телеграммы, Марьин долго смотрит на заводской двор. Там мелькают фигуры мужчин и женщин, которые сгружают с машин разобранные части только что прибывших станков. В кабинет доносится приглушенный визг металла. В окнах дальнего корпуса вспыхивают фиолетовые зарницы автогенной сварки.

Марьин вспоминает свою поездку в Америку летом 1938 года. Он пробыл там почти восемь месяцев... На заводе расточных станков «Гиддингс» он очень скоро увидел всю систему взаимоотношений предпринимателей и рабочих.

Упитанный, розовощекий и внешне в высшей степени доброжелательный управляющий рассказывал Марьину.

— О, мистер Марьин! Мы многому у вас научились... Недавно мы вывесили во всех цехах «Доски брака» и написали большими буквами: «Рабочие! Вы себя обкрадываете!». Мы, понимаем, хотели таким путем внушить нашим рабочим очень важную мысль: они сами хозяева завода! Чем выше будут прибыли нашей компании, тем больше у нас будет возможностей повысить заработную плату. Потом мы объявили конкурс на лучшее рационализаторское предложение. Мы получили очень много всяких советов и не оставили ни одного из советчиков без награды... Мы многому у вас научились, мистер Марьин!

— Рад это слышать, — ответил ему Петр Иванович. — И какой же эффект получила фирма от этих мероприятий?..

— Колоссальный! — захохотал американец и дружески хлопнул Марьина по плечу. — У нас было две тысячи рабочих, а сейчас тысяча двести. А долларов мы делаем не меньше...

— Вот как, — сказал Марьин, — вы просто использовали рабочую мысль против самих рабочих! Нет, этому вы научились не у нас. Это ваше собственное творчество. У нас всякое рабочее предложение влечет за собой расширение промышленности, увеличение числа работающих, повышение жизненного уровня рабочих... Зря вы приписываете нам то, что целиком относится к вашему американскому образу жизни.

— Не будем спорить, — как будто огорчился американец. — Русские — удивительные люди! Со всех улиц они обязательно выходят на площадь Политики...

— И много вы продолжаете получать полезных советов от рабочих?

— Они перестали давать советы. Вероятно, на заводе уже исчерпаны все технические возможности.

— Или исчерпана вера в ваши добрые намерения?

Америка, Америка!.. Марьин ехал туда смотреть, жадно узнавать новое. Но она ничем его не поразила. Все то сложное оборудование, что довелось ему увидеть на американских станкостроительных заводах, он знал и раньше. Талантливые люди, изобретатели, инженеры, конструкторы, встречавшиеся ему в Америке, были одинокими людьми, запровавшими и мысли и душу владельцам фирм. Нигде не видел он массового творчества, всеобщей заинтересованности в успехе предприятия. Будет ли там рабочий «переживать» трудности предприятия? Хотел бы он найти там такого парня, как Борткевич, которого уже с утра волнуют заводские дела. Марьин не удивлялся: он знал обо всем этом и прежде — по книгам, журналам, газетным статьям. Но теперь он сам столкнулся с этим фактом, увидел и, так сказать, потрогал его собственными руками... И он привез с собой на родину гордое сознание того, что только в нашей стране творится настоящая жизнь и промышленность растет такими темпами, каких не только не имеет, но и не может себе вообразить Америка.

Прошли четыре года жестокой войны. Они даже не поцарапали заокеанскую страну. А на нашей земле бушевало пламя, рушились стены заводов, кровь заливала каменные полы цехов. Пепел, пепел... Что пережил, что испытал Ленинград и этот небольшой завод имени Свердлова! Он встал как феникс из пепла. На этот раз — в самом деле «Феникс», как он назывался когда-то без какого-либо основания...

И вот партия и страна ждут от них сложных расточных станков, оригинальнейших автоматов. И они должны их дать.

«Токарная группа — вот что задерживает весь завод», — думал Марьин.

Преодолеть отставание токарной группы — значило серьезно двинуть завод вперед. Но как преодолеть это отставание? Марьин знал, что на некоторых заводах передовые рабочие пытались ввести повышенные режимы резания. Почему бы и им, «свердловцам», не взяться за такое же дело? Оборудование и инструменты им позволяют. «Добьемся скоростей резания в сто двадцать — сто шестьдесят метров в минуту, — думал Марьин, — и увеличим производительность труда в два—два с половиной раза. Вот что должны понять наши инженеры. Он скажет им это сегодня, когда они соберутся на совещание»...

Марьин нажал кнопку звонка. Входит секретарь.

— Граня, вы всех известили?..

— Да. Все в приемной, ждут. Можно пригласить в кабинет?

Входит Алексей Кондратьевич Паромский. Много лет работает вместе с ним Марьин на заводе и давно уже душевно любит этого инженера из рабочих.

Рядом с Паромским его заместитель, начальник технологической подготовки производства механического цеха Кораблев. Вдвоем они тянут на себе самый тяжелый груз. Механический цех составляет теперь большую половину завода. Здесь почти весь станочный парк.

Александр Ефимович Кораблев, не в пример своему начальнику, невысокого роста, с очень смуглым лицом. Марьин познакомился с Кораблевым во время войны в Новосибирске, куда Александр Ефимович приехал вдогонку за своим эвакуировавшимся из Москвы заводом. Он очень быстро прошел тогда в Новосибирске путь от мастера до начальника основного цеха. Когда министерство назначило Петра Ивановича в Ленинград, восстанавливать завод имени Свердлова, он выговорил себе право привезти с собой несколько инженеров. Так оказался здесь и Кораблев. Этот инженер приходит в цех одним из первых, уходит последним: у него как будто нет никаких других интересов, кроме заводских. Говорит он тихо, спокойно, убедительно, и если не копается в станке, то часто, по привычке, вытирает руки «концами» — отходами прѣжи.

Паромский и Кораблев оба коммунисты. Удачное сочетание: хороший, деловой организатор и инициативный новатор-техник.

В кресло у письменного стола садится главный технолог завода Иван Николаевич Озаровский. Это высокий, стройный человек, с худощавым лицом. Его глубоко сидящие темные глаза как бы говорят: «Да, да, это очень хорошо, но я ведь все это давно знаю...». Однако как только придет ему в голову какая-нибудь новая техническая идея или кто-нибудь поделится с ним оригинальной мыслью — тотчас же загораются веселыми искорками глаза Ивана Николаевича, он сразу становится близким, простым товарищем. Иван Николаевич готов работать день и ночь, обдумывать и рассчитывать.

Петр Иванович Марьин хорошо знает все сильные и слабые стороны характера главного технолога:

Поодаль сидит начальник термического цеха Михаил Антонович Сапожников. Это — молодой человек с зачесанными назад черными смоляными волосами. Под распахнутым пиджаком свитер. Сапожников похож на комсомольца, вожака времен гражданской войны. Посмотришь на него со стороны — и покажется, что придет он как-нибудь на завод

в короткой, промасленной кожаной куртке, с винтовкой на узловой веревке через плечо, и начнет прибывать к дверям записку: «Райком закрыт. Все ушли на фронт...». Но Сапожников весь в сегодняшнем дне. Михаил Антонович — инженер-термист, он хорошо знает и любит свое увлекательное дело.

Рядом с Сапожниковым сидит начальник Бюро технического нормирования Федор Алексеевич Прусаков. Он был когда-то партработником, потом стал военным, командиром танкового полка, теперь он хозяйственник. Тяжелая болезнь согнула его плечи. На фронте он был ранен в голову. А вот не сдается, упорно работает! И всегда, беседуя с Прусаковым, Марьин удивляется его способности мгновенно улавливать самое существенное, наиважнейшее.

Хороший народ, дружные люди! Это инженеры новой, советской формации. Никогда таких в старой России не бывало. А Петр Иванович начал работать на заводах в давние времена, мальчиком, и он еще хорошо помнит характер и повадки старых заводских инженеров.

Еще раз Марьин обводит взглядом собравшихся, садится и начинает рассказывать о недавней беседе в Москве. Советская страна должна после войны сказать новое слово в технике, и она это слово скажет. Можно ли в этом сомневаться? Так можно ли еще до сих пор удовлетворяться успехами по восстановлению, говорить о руинах и пепле... Время, время перешагнуть через довоенный уровень производства!

Свердловские копировально-фрезерные станки неизмеримо лучше немецких «Келлеров»: проще в управлении, занимают меньшую производственную площадь. Страна ждет от нас этих станков. Еще! Больше! Кажется, к самим стенам завода доносятся эти властные слова. А мы? Все ли у нас сделано, чтобы изыскать те резервы, которые бесспорно таятся на заводе и могут быть пущены в дело, если мы гораздо шире используем рабочую мысль, инициативу стахановцев? Что могут сказать собравшиеся здесь товарищи?

Несколько минут длится молчание.

И вот поднимается с места главный технолог. Он обвиняет начальников цехов в том, что они не точно соблюдают технологию, погружают в текучке и забывают о подготовке производства.

— Подсчитайте, сколько иной раз уходит времени у рабочего на то, чтобы получить нужные ему материалы. Посмотрите, сколько времени лежат одни детали, дожидаясь, пока другой участок подготовит следующие, сопрягающиеся с ними.

Иван Николаевич заметно горячится, и в его глазах начинают метаться хорошо знакомые всем огоньки его сердитого вдохновения.

Отстаёт токарный участок! А что сделал Паромский вместе с Кораблевым для того, чтобы подучить малоквалифицированных токарей?!

— Вы зайдите в цех, поговорите с людьми, — отвечает с места Паромский, — поговорите с Колосовым и Смирновым. Они расскажут, как точили совсем недавно полный шпиндель и скалку.

— Точили, как все точат...

— Разумеется, как все — по вашей проверенной технологии, — язвит Кораблев.

— В цехе температура минус три градуса, — продолжает между тем Паромский, — а максимальный зазор между шпинделем и скалкой — сотая миллиметра. Ничего, работаем. Мои ювелиры сделали всё, как боги! И вот понесли на контрольную плиту. А она в другом конце цеха, поближе к двери. Там другая температура, там ещё холоднее! И что же? Скалка не лезет в шпиндель. Он более тонкостенный, полый, и от

охлаждения быстрее уменьшился в размерах. Ребята чуть не плакали...

— Кто там был? — спрашивает Марьин.

— Кораблев, Колосов и Смирнов.

— Это Кораблев-то чуть не плакал? — теперь наступает очередь съязвить для Озаровского.

— Да, я. А потом передумал. Обняли мы нашими руками этот шпindel и отогрели его, сердешного...

Марьин уже давно едва сдерживается.

— Когда это была температура минус три? — говорит он. — Воспоминания, воспоминания! Сейчас уже весна, а у вас в цехе все еще хозйничает зима. С тех пор как Кораблев с Колосовым отогревали «сердешного», наш завод уже не узнать. Надоело! Надоело каждый день слышать: «мы встали из руин!» Давайте заниматься воспоминаниями по праздникам...

Паромский что-то возражает Марьину. Вскakiвает с места и снова садится Кораблев. Потом что-то с горячностью говорит Озаровскому. Марьин с нежностью смотрит на спорящих инженеров. Дружный коллектив! С таким можно горы перевернуть! И когда страсти, наконец, стихают, Марьин говорит:

— Если вы следили за технической литературой, если интересовались достижениями передовых стахановцев, да не только нашего завода, вы, конечно, знаете об опытах скоростного резания. И я спрашиваю вас: разве нам заказан такой путь? Разве мы прикованы к существующим нормативам? Попробуем пойти дальше, да не просто, а далеко вперед... Если мы достигнем более высоких скоростей, то есть практически решим давно назревшую задачу, еще не вышедшую, по крайней мере в нашем министерстве, из стен лабораторий, то завод увеличит производительность труда в полтора-два раза. У нас есть отличные люди и среди рабочих, и среди инженеров. Так пусть они придумают новые методы и выжмут из своих машин больше, чем до сих пор. Это трудный путь. Это потребует напряжения мысли. Но не забывайте, что современный рабочий не тот, что двадцать лет тому назад. Даже не тот, что перед войной. Вы только натолкните его на правильный творческий путь, помогите ему. Вы увидите, как он поможет вам. Помните, мы работаем в послевоенную пятилетку. Наш русский народ имеет ясный ум, стойкий характер, как сказал товарищ Сталин. Наши «свердловцы» составляют часть этого народа. Они способны делать чудеса.

— Вот и всё, — закончил Петр Иванович. — Теперь — разошлись.

Все торопливо направились к выходу. Всегда беспокойно на душе, когда уходишь из цеха на длительное время.

Паромский и Александр Ефимович молча шли рядом. Каждый из них думал об одном и том же. Это правильно — то, о чем говорил главный инженер. Это может, в самом деле, решить всю проблему.

Сто шестьдесят метров в минуту на токарных работах! Неслыханная вещь! Какое количество оборотов должны давать станки... Ни один резец не выдержит. Ни углеродистый, ни быстрорежущий резец для таких скоростей не годятся. Для этого нужны резцы с пластинками из твердых сплавов. И какие это должны быть устойчивые сплавы!

— Александр Ефимович, — спрашивает Паромский, — скоро ли, наконец, смонтируем новый станок?

— Я хочу для этого остаться на ночь, — отвечает Кораблев, — и так уж мы затянули.

— На ночь? — улыбается начальник цеха. — Воодушевленный новыми режимами резания, инженер Кораблев бросается на штурм?

— Какой штурм, — отвечает Кораблев, — просто не хватает времени.

Глава 2

АЛМАЗНАЯ РАСТОЧКА

1

Почти каждый день на заводе появляется новое оборудование.

Вчера Геня видел, как монтировали новый, недавно привезенный на завод токарный станок. Он как будто невзначай подошел к нему и взглянул на табличку: «от тридцати до тысячи трехсот пятидесяти оборотов в минуту»... Вот это станок! Кого поставят на этот станок? Геня хотел спросить об этом начальника цеха Паромского, но постеснялся.

Впрочем, и на его станочке можно хорошо работать. Самое главное — точность движений, ритмичность. Борткевич помнит, как красиво работал до войны на этом заводе Сережа Бутин. «Красиво» — самое подходящее слово. Ни одного лишнего движения, никакой суетливости, каждый поворот корпуса, каждый взмах руки рассчитан, целесообразен. Стружка вьется штопором, карабкается по станку, а Сережа, не оборачиваясь, подхватит ее на крючок, ловким движением потянет вверх над собой, рванет вниз, и она падает на пол.

— Артист! — говорили про Сережу.

Время от времени в сторону Борткевича поглядывает Минин и улыбается.

Геня уже нарезал несколько гаек. В наряде сказано: обработка гайки — тринадцать минут. А он ее может нарезать за семь! Уже несколько раз пробовал. Сейчас он это покажет Минину.

Минин поднимает голову и смотрит на Борткевича.

— Что, Геня, не ладится?

— Нет, полный порядок. Как ты думаешь, за сколько минут нарежу гайку?

— Минут восемь. Если постарайся.

— Когда подниму руку, засекай время. Часы есть?

Геня отходит от Минина, вставляет гайку в патрон. Поднимает руку, кричит: «засекай!» — и в тот же миг включает станок.

Минин смотрит на часы. Одна минута, две, три, четыре, пять, шесть... Генрих снова поднял руку, выключил станок. Он уже снимает гайку с патрона.

— Шесть минут, — кричит Яша. — Силён!

— Засекай!

Проходит пять минут, новая гайка готова.

— Засекай!

— Семь минут!

Потом Минин машет рукой: некогда, мол!

Стружка крошится, падает мелкими брызгами. Ната Чернецова слышит из-за своего окошечка, как Генрих напевает лихую фронтовую песенку. Нужно поскорее нести ему детали. Когда Борткевич поет, это значит, что он уже обгоняет всех токарей.

Время летит быстро. На тумбочке Генриха растет горка нарезанных гаек. Геня вытирает с лица пот, брызги эмульсии. К нему подходят Минин и Колосов.

— Помнишь, Паша, — говорит Минин Колосову, — ты меня спрашивал, что за парень Борткевич? Он сегодня гайки за шесть минут нарезал. У тебя, Генька, как-то по-особенному развит токарный инстинкт.

— Талант, токарное чутье, — вставляет Колосов. — Седьмое чувство.

— Бросьте, ребята, скажите-ка лучше, кто на новом станке работать будет? Его можно запустить на тысячу триста пятьдесят оборотов.

— Один из нас троих. Больше некому. Да еще Кирпичев. Отличный токарь.

Смена окончена. Они выходят из цеха. На заводском дворе уже подмерзли лужицы. Рано наступают осенние сумерки.

На улице они прощаются. Генриху — на Кондратьевский, Минину — на Лесной, а Колосов живет возле Лиговки.

Генрих спешит домой. На днях он купил в магазине новую книжку. Толкует она о скоростном фрезеровании. А нельзя ли в самом деле подумать о скоростном точении? Нужно еще и еще раз прочесть эту книгу.

2

Станок готов! Какая это отличная машина!

Кораблев в последний раз проверил все части, еще раз осмотрел коробку скоростей. Другого такого станка нет на заводе. На нем можно развить такую скорость резания, какая никому и не снилась. Скорость резания вычисляется так: постоянная геометрическая единица «π», равная 3,14, помножается на диаметр изделия. Диаметр условно обозначается буквой «d». Его размер выражается миллиметрами. Затем это произведение умножают на количество оборотов изделия в минуту, или, иначе, «п». Так как в технике скорость резания принято выражать метрами в минуту, то все полученное произведение делится на тысячу. Частное и будет скоростью резания.

Поставим на этот станок изделие среднего размера, скажем, в 160 миллиметров. Умножим «π» на «d», на «п», затем разделим все это на тысячу. А за «п» примем максимально возможное количество оборотов на этом станке — 1350. Получаем скорость резания около 680 метров в минуту.

Что и говорить: отличный станок!

Кораблев знает, что эти подсчеты не имеют никакого практического смысла. Один лишь теоретический. Ибо на подобных скоростях никто и никогда не работал и не мог работать. Уже по той простой причине, что ни один резец не выдержит даже половинной нагрузки. Он «сядет», как голос у певца, сломается, раскрошится. Этот станок они с Паромским предназначали для алмазной расточки отверстий. Они не справляются с ней, не могут подыскать для нее подходящей машины. На этом станке, где такое большое количество оборотов, проблема, кажется, будет решена.

Но кому вручить управление таким красавцем? Паромский сказал: «Посоветуйтесь с токарями. Они вам подскажут!» Минину? Колосову? Кирпичеву? Или Левшиной? Нет, Кирпичев, высококвалифицированный токарь, сейчас занят сложным заказом. Минину или Колосову?

Александр Ефимович поднимает голову, и тут он замечает, что Яша Минин молча наблюдает за ним со стороны.

— Вот хорошо, что вы подошли. Нравится вам станок?

— Разве он может не понравиться? На него все заглядываются.

— Хотите на нем работать?

— А что делать?

— Вы сами знаете, что мы застряли на алмазной расточке. Дырочки растачивать. Втулочки. Муфты.

— Нет, Александр Ефимович, это не для меня. Я винторез. Кто же будет винты нарезать?

— Кого же поставить? Колосова?

— И он не подойдет. Его специальность — крупные детали, а не мелкая расточка.

— Прекрасно, прекрасно! Вы — винторез, а Колосов делает крупную работу. Кто же подойдет? Ученик, который в цеху без году неделя? Ему я доверю этот станок, так, что ли? И это говорите вы, Яша! Понимаете ли вы, что это за станок?

— Понимаю. Мне много не нужно — один раз посмотрел и уже все вижу. Хотите, я дам вам совет?

— Какой совет?

— Поставьте на станок Борткевича. Он пришел из армии жадный к работе. И жадность его не остыла. У него токарный талант. Своим станком он теперь недоволен. До войны у него был «ДИП-300» — большой, а теперь ему дали «ДИП-200», послабее. Вот на днях он нарезал червяки. У него дело не ладилось. Другой на его месте, дождавись конца работы, махнул бы рукой — и айда домой. А он, пока не разобрался и не сделал, не ушел. Он настоящий комсомолец, душой болеет за завод. К этому станку он уже раз десять подходил, все осматривал, как будто приценивался, собираясь покупать.

— Правда? Это здорово! Я на Борткевича и сам обратил внимание. Он пришел ко мне как-то недавно: «Александр Ефимович! Отчего говорят, что сплавом «ВК-8» можно обрабатывать только чугун? У меня этот резец на стали работает и довольно хорошо держится». Я ему, конечно, объяснил, что сплавом «ВК-8» на стали приходится работать только на пониженном режиме, и все-таки резец быстро портится, словом, невыгодно. И хотя он был неправ и, кажется, ушел неуверенный и недовольный, мне понравилось, как горячо он спорит, как пробует то один, то другой тип резца. В общем, зовите его сюда!

Много позже Генрих вспоминал, как он с бьющимся от волнения сердцем приближался к станку, у которого стояли Кораблев и Минин. Еще издали он ревниво следил за их беседой и пытался угадать, о чем они спорят. Геня убеждал себя, что его разбирает одно лишь любопытство, не более того, но ловил себя на том, что непрерывно думает о новом станке. Тем чувством, которое Колосов назвал особым чувством токаря, Геня угадывал, что здесь ждет его необыкновенно «счастливая охота». Пусть это потребует от него не меньшего напряжения, чем та ужасная ночь, когда он переправлял сорокапятимиллиметровую пушечку через мутный, холодный Волхов, под непрерывным посвистыванием пуль и разрывами мин. Там была опасность, но задача была очень ясна и проста; здесь ничто не угрожает жизни, но все неразгаданно, все будет, вероятно, мучительно ускользать из рук. Пусть! Он дознается, какой такой удивительный клад заложен в этом станке.

Генрих еще не понимал, что клад этот лежал в нем самом, в его душе советского человека... Ни тогда, ни много позже он сам еще не признавал, что в нем уже созрели силы необыкновенные. Эти силы созрели из того семени, что было брошено в его душу еще в детстве — пионерскими кострами над притихшим лесом в Толмачеве, школой, книгами, комсомольскими собраниями, страстными спорами о том, как должен жить коммунист, примером отца, примером тех людей на войне, которые шли рядом с ним, не задумываясь, на верную смерть ради счастья Родины.

Эта душевная зрелость и подсказала Генриху, что в этом станке заложена для него возможность развернуть свои способности во всю ширь, найти нехоженые дорожки в токарном искусстве, пойти по ним самому и повести за собой других.

— Говорят, Борткевич, вы засматриваетесь на этот станок? Он вас чем-нибудь особенным заинтересовал?

— Да, Александр Ефимович. Мне кажется, что это хороший станок.

— Что же вы в нем нашли? Минин говорит, что вы к нему прицениваетесь. Хотите купить?

— Мне еще никогда не попадался такой станок. Конечно, я оторвался от работы, пока был на фронте. Вот, например, в нем два лимба Продольный и поперечный. Я никогда не пользовался двумя лимбами. Да, пожалуй, и никто у нас в цеху...

— Два лимба, это верно. А еще что?

— У него головка суппорта имеет двенадцать точно фиксированных позиций, а на других станках головку можно вращать во все стороны сколько угодно, а фиксированных позиций только четыре. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что твердо фиксированные позиции имеют свои преимущества... А самое главное — в этом станке отличная коробка скоростей. Запустить до тысячи трехсот пятидесяти оборотов...

— А зачем вам такое количество оборотов? Что вы с ними станете делать?

— Мало ли что! — улыбнулся Генрих.

— Нет, вы все-таки скажите, — допытывался Кораблев, — зачем вам такое число оборотов? Уж не собираетесь ли вы на них работать?

— А хотя бы и так, — неожиданно для самого себя сказал Генрих. «Что он, экзаменует меня, что ли?» — подумал он, и в его сердце шевельнулось неприязненное чувство к заместителю начальника цеха. Он ждал теперь, что Кораблев над ним посмеется, упрекнет в мальчишестве, самонадеянности. Но Александр Ефимович, вместо ответа, взял Генриха за плечи и отвел в сторону. Минин, почувствовав себя лишним, ушел к своему станку.

Прислонившись к оконному переплету, Кораблев молча, с любопытством рассматривал Борткевича. Молчал и Генрих. Потом Кораблев строго, в задумчивости сказал:

— Резцы не выдержат такой скорости. И даже значительно меньшей. А хорошо бы...

По тону этих слов Геня сразу почувствовал, что перед ним единомышленник. Как ошибался он, когда думал, что встретит со стороны Кораблева недоверие или осуждение! И как он мог так думать! Ведь Кораблев советский инженер, молодой человек, член партии. Ему должна быть дорога каждая хорошая идея.

— Что вы делаете по вечерам? — спросил вдруг Кораблев.

— Как случится. Книжки читаю, хожу в театр или в кино. Вот недавно прочел «Повесть о настоящем человеке». Технические книги меня интересуют...

— Технические? Да? Какие именно?

— Разные. «Токарное дело» Оглоблина, книга профессора Соколовского...

— За новый станок станете?

— А что на нем делать?

— Алмазную расточку... Здесь самое узкое место.

— Алмазную расточку? — Геня даже побледнел от разочарования. — На этом станке — алмазную расточку? Втулки—муфты, втулки—муфты. Я как никак, Александр Ефимович, шестой разряд уже получил... а здесь что? Закрепил деталь, вставил резец — и дубинушка сама идет... Нет, это не по мне. Короче говоря, Александр Ефимович, вы просите, чтобы я стал на алмазную расточку, или вы приказываете? Если приказываете, я, конечно, стану. Но думаю, что для меня можно подобрать что-нибудь и посерьезнее. Разрешите мне быть свободным?

— Подождите же, наконец, — рассердился Кораблев. — Я знаю, что

я могу приказать, и вы станете за станок. Но я не приказываю. И не прошу. Я вам советую. Становитесь за этот станок на любую работу, которая сейчас нужна. За этим станком не может работать человек по приказу, а тем более из одолжения. В этот станок надо влюбиться, из него надо выцарапать все, что только можно. Это не станок, вы понимаете, это спящая красавица. Ее нужно разбудить, и это сумеете сделать только вы, если, конечно, захотите... Вы с вашими токарными способностями переточите всю мелочь за две недели. У вас есть толковые мысли, которыми вы ни с кем не делитесь, потому что они еще зеленые, неспелые... Не отнекивайтесь, я вижу. Они за это время созреют. Вы подружитесь со станком, изучите его норы. Хорошенько продумаете, что и как на нем можно точить, кроме мелочи. А я за это же время подыщу вам резцы с самыми лучшими, с самыми новыми твердыми сплавами. И тогда мы с вами еще раз поговорим. Ну, согласны?

— Вы приказали мне, и я стану на алмазную расточку.

— Нет, я не приказывал!

— Хорошо. Вы не приказывали. Я сам согласился. Когда начинать?

— Завтра.

Глава 3

ВИБРАЦИИ

1

Когда-то Генриху было легко: за его спиной незримо стоял отец. Он никогда не показывал, что заинтересован производственными успехами сына, даже не позволял ему наблюдать за тем, как сам работает. Впрочем, никому не разрешал. Он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь смотрел на него со стороны. Если к Станиславу приходили за советом, он охотно и дружелюбно рассказывал все, что знал и умел. Но как только подходил кто-нибудь и начинал молчаливо подсматривать за его работой, старый Борткевич густо краснел, начинал сердито ерзать и медленно крутить цыгарку. Он не переставал курить, пока любопытный не отходил от станка.

И все же Геня знал, что в трудную минуту отец непременно выручит. Тайно с мастером переговорит, попросит его последить за сыном, помочь ему... Отец был безмолвным учителем и другом. Он никогда не говорил о своих чувствах, но в трудную минуту неизменно оказывался рядом.

Теперь Генрих уже не мог рассчитывать на отцовскую помощь. А как ему нужен был бы теперь отцовский совет, отцовская подсказка!

Свет настольной лампы падает на страницы книги, испещренные рисунками и схемами, на шестигранный карандаш между пальцев, на листки бумаги, вырванные из тетради. Временами Генрих откладывает карандаш и поправляет сбившиеся на глаза волосы.

Уже полночь, давно пора спать. Не ложится и Бронислава Осиповна. Она следит за сыном, не в силах оторвать от него нежного взгляда. Сколько лет прошло, а он не изменился. Все тот же «пташка», как она называла его всегда, только резче проступили отцовские черты. Кажется, сейчас он встанет, освежится холодной водой, наскоро позавтракает, побежит в школу. А потом придет с целой ватагой ребят, и будут они мастерить подъемные и поворотные краны, разнообразные тележки из «Конструктора». Во все углы закатятся гаечки, подшипники, ключи, колеса. В квартире станет шумно и весело.

Как много он читает! Он и раньше любил книги, читал все подряд, все, что попадалось. Любил декламировать стихи, только стеснялся

посторонних. Учительница русского рассказывала: «Вызову его прочитать «Мороз—красный нос» или пушкинское «Роняет лес багряный свой убор», он прочитает кое-как, вяло и невыразительно. А однажды в середине урока я зачем-то вышла из класса и замешкалась в коридоре у закрытых дверей. Вдруг слышу: встает Борткевич и начинает декламировать. Да так хорошо, красиво, с чувством... «Роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле...» Я даже огорчилась: чего же он меня стесняется?»

Бронислава Осиповна хорошо помнит тот день, когда решалась судьба Гени.

Это было так.

Из Пскова приехала Валентина — сестра Брониславы Осиповны. Другая ее сестра — Ольга — жила с ними; она училась в Ленинградском педагогическом институте. Дело происходило весной, Геня готовился к переводным испытаниям в восьмой класс. После уроков он как всегда забежал в школьные мастерские, где стояли тисбчки, несколько маленьких токарных станков. С детских лет он увлекался ремеслом. Откуда пришло это увлечение? Отец был квалифицированным токарем; его все очень уважали за «золотые руки». Это всеобщее уважение к отцу наполняло Геню гордостью. Он стремился во всем походить на отца: в походке, в манере щурить глаза, даже в его привычке, садясь за стол и развернув газету, положить ногу на ногу. В семье Борткевича царил атмосфера уважения к искусству умелых мастеров, замечательных токарей. Приходили гости — и разговоры были только о таких мастерах, об умных машинах, которых из года в год на заводе становилось все больше и больше. Сам того не замечая, Генрих все больше влюблялся в отцовское дело. Уже в школе он не мог оторваться от маленьких токарных станочков, стоявших в школьных мастерских.

Придя из школы, Геня увидел, что родственники в полном сборе, сидят необыкновенно торжественные и как будто чего-то ожидают.

Геня остановился на пороге, снял кепку, расстегнул застежку-молнию на куртке и посмотрел на родных. «Что с вами? Кажется, я сегодня ничего не натворил», — выражал его взгляд.

— Садись, — сказал отец глуховатым голосом и поправил сломанное, державшееся на ниточке правое ушко очков. — Поговорить надо.

Генрих присел на край стула.

Станислав Иванович вытер платком лысину, вилки и сказал:

— Что думаешь дальше делать?

— Когда?

— Когда седьмой класс окончишь

А Геня и не думал об этом.

— Мы тут посоветовались, твоя мать, я, Валентина, Ольга... Парень ты большой, учишься, нельзя сказать, чтобы очень хорошо. Подойдет время, призовут тебя в армию, и окажется, что у тебя нет ни знаний, ни ремесла. Отслужишь свое, вернешься домой, что будешь делать? Известно. Так, что ли?

— Не знаю.

— А пора знать. Я в твои годы был уже первым помощником в семье. У деда в Пскове семейка состояла из четырнадцати душ — двенадцать человек детей. Артельный староста на стройке, а двенадцать ртов замазать нечем было... Однако я вышел в люди, потому что сызмальства ремеслу учился. В общем, решение наше такое: кончишь седьмой класс, сдашь все экзамены, как положено, и поступишь в заводское ФЗУ... Станешь токарем хорошим, — если, конечно, получишься из тебя хороший токарь, — а там живи как хочешь. В армию по-

зовут, и там уважать больше других будут — солдат-то солдат, а все же человек со специальностью; учиться после захочешь — опять же не страшно, в руках надежное ремесло... Вот тебе наше семейное постановление. Теперь интересно послушать, что ты по этому поводу можешь сказать.

Бронислава Осиповна будто увидела, как у Гени упало сердце. Ему и самому очень хотелось перейти в фабзавуч. Там интересно, там учили тому, что его больше всего увлекало. Но с другой стороны — он давно решил стать инженером.

— Ну, — торопил отец, — какое же будет твое мнение?

— Да подожди, Стась, дай ребенку подумать, — заступилась за Геню, как всегда, Бронислава Осиповна.

— Я думал дальше учиться... — благодарно посмотрев на мать, ответил, наконец, Генрих. — На инженера...

— Пожалуйста. Поступишь в ФЗУ, а вечером ходи в школу для взрослых. Учись. Честь и слава...

— Совсем некогда будет вздохнуть ребенку. Иди сюда, пташка моя...

Геня поднялся, посмотрел на тетю Валентину, на тетю Олю, на отца, недовольного неуместной материнской ласковостью, и сказал:

— А что? Я согласен. Буду и в ФЗУ и в вечерней школе... Мне перед ребятами неловко без среднего образования оставаться...

— Хорошо, но только взялся за гуж, не говори; что не дюж, — заметила строгая тетя Валентина.

— Дюж, дюж, — проворчал отец и, положив ногу на ногу, принялся за газету.

И вот Геня окончил вечернюю школу — десять классов — и фабзавуч по пятому разряду. Не каждый получает такой разряд. Обычно дают самое большее — четвертый, да еще потом на производстве снижают на третий: поработай, мол, пообыкни, подучись, тогда и восстановишь четвертый. А ему не снизили, оставили пятый. Ушел Геня на фронт и тоже не ударил лицом в грязь. Вернулся здоровый, с одиннадцатью наградами.

...Город притих. В комнате натоплено и уютно. Геня дома. Все хорошо. Нет только Стаси. Вот Стаси нет...

В ночной тишине мчатся со звоном по Кондратьевскому поздние трамваи.

Падает мягкий снежок. Сквозь щели окна пробивается ветер.

— Ты бы прилег, сынок. Ведь рано вставать.

— Пора, это верно. Я узнал удивительно интересную вещь. Хочешь, расскажу?

— Рассказывай, только я, должно быть, ничего не пойму.

Геня набрасывает на бумаге какие-то эскизы. Странички покрываются колонками цифр. Он увлекается своим рассказом и совсем не следит за тем, слушает его мать или нет. Ему важнее сейчас самому разобраться в своих еще смутных мыслях.

Он узнал, что в некоторых лабораториях применяют скоростное резание. Двести пятьдесят метров в минуту! Вот бы ему поработать так. Но почему так долго, годами испытывается метод скоростного резания? Сейчас, после войны, нужны другие режимы!

Нет, нельзя медлить. Он об этом уже много думал и сейчас хочет поделиться с матерью некоторыми своими мыслями. Недавно его поставили на новый станок; в нем до тысячи трехсот пятидесяти оборотов в минуту. Если бы ему удалось получить новейшие твердосплавные

резцы, Генрих попробовал бы работать на других, высоких скоростях. Он уже проделал предварительную работу, подсчитал скорости резания для нескольких наиболее ходких деталей. То, что вышло в лабораториях, должно получиться и у него. Скучнейшая алмазная расточка подходит к концу. Вчера Ната Чернецова говорила, что запасы месяца уже на исходе. Пока накопятся новые, у него будет время. Вот тогда-то он и попробует.

Правда, о скоростном точении очень мало литературы. Ему попались всего какие-нибудь две-три статьи. Все больше о скоростном фрезеровании. Но если можно фрезеровать на высоких скоростях, почему нельзя точить? Наверно, можно и сверлить, и строгать, и нарезать резьбу...

— Верно, мама?

— Раз ты говоришь, Генечка, значит правильно...

Знакомая фраза! Когда-то давно мама говорила точно так: «Раз ты говоришь, Стася, значит правильно!». Теперь он за Стасю и дома, и на заводе, в цеху.

— Ложись спать, сынок, уже и трамваи не ходят...

..Светает. Луна спряталась, в комнате перед рассветом стало темней и холодней. Хорошо бы выкурить папиросу, но боязно. Зацепишь стул или еще что-нибудь, и мать проснется. Вот уже утренний трамвай прогрохотал по Кондратьевскому. Геня смотрит в окно на светлеющий проспект и вспоминает то, что он увидел в Ленинграде три года назад, когда приехал сюда с фронта.

Группу бойцов строительного батальона, токарей по профессии, и в их числе Генриха, отправили через Ладогу в Ленинград, на заводы, точить винты для подготовлявшегося большого моста через Волхов.

Разместили их на Фонтанке, в большом пустом здании замершей школы.

Трамвай на Выборгскую сторону тогда не ходили, и Генрих отправился домой пешком, через Литейный, мимо Финляндского вокзала.

Промерзший и голодный, шел он по неосвещенным и малолюдным улицам. Волновала предстоящая встреча с матерью. Он боялся, что мать заплачет. Ему трудно было бы это видеть.

Улицу Жукова пересекла высокая баррикада из бревен, рельсов, вколоченных в тротуары, мешков с землей. Она протянулась от дома к дому, и обойти ее никак нельзя было.

К баррикаде приставили лесенку, и всякий, кому нужно было на ту сторону улицы, должен был взбираться по крутым ступенькам.

Переправившись через баррикаду, он пошел домой.

Комната матери была незаперта, ее самой не было. Надо было пойти ее поискать, но Генрих, присев на стул, почувствовал острый приступ усталости, неодолимое желание спать.

С трудом преодолевая дремоту, он сидел на стуле и ждал мать. Он хорошо знает ее походку — большой, грузной женщины. Он сразу чувствует ее приближение, как только она войдет в коридор... И вот он слышит, как скрипят половицы и звучат легкие, почти детские шаги. Но Генрих уже знает: это мама.

Дверь раскрылась. В комнату вошла Бронислава Осиповна. Увидев солдата, она не заплакала, только вскрикнула, бросилась ему на шею. Геня прижимал к себе ее голову, гладил поседевшие волосы. Она казалась маленькой девочкой, беспомощной и беззащитной. А он был уже взрослый человек, зрелый мужчина, который отвечает за свою семью и за все другие семьи.

...Он отходит от окна. Бронислава Осиповна спит, а на генином столе лежат уже готовые подсчеты скоростного резания, сделанные за ночь.

2

Снова стояли они, прислонясь к окну, у которого в свое время Кораблев уговаривал Генриха согласиться на алмазную расточку, и снова вели вполголоса беседу.

— Вы мне дайте большую партию деталей с короткими проходами,— просил Генрих. — Вот что мне нужно.

— Не пойму я вас, Борткевич, почему именно с короткими? Для вас это невыгодно. Чаше отводить резцы, чаще снимать детали.

— Да нет же, нет. Не заработка ищущу! Я вам говорил, что хочу попробовать резать на высоких скоростях. Метров сто пятьдесят — двести в минуту. Пусть это поменьше, чем в лабораториях, но зато это на заводе!

— Высоко летаете. Хвалю. Но почему короткие проходы? Чем они короче или чем больше на детали ступенек, тем медленнее будет идти дело.

— Как вы не догадываетесь,— говорил Геня. — Отчего резец быстро садится? От перегрева. Не так ли? Это как на войне. Резец воюет со сталью, срезая стружку, ломает сопротивление своего противника. Но при этом сам перегревается и теряет свои режущие свойства. Ему надо дать отдохнуть, подтянуть резервы, как в армии после большого наступления. И вот я думаю, что то время, которое пройдет между обработкой одного прохода и началом обработки следующего, пожалуй, достаточно для того, чтобы резец остыл и вернул себе наступательные, то есть в данном случае режущие свойства. Во всяком случае, это надо попробовать.

— Может быть, вы и правы, Борткевич, но я должен вас предупредить, что до сих пор считалось...

— До сих пор,— с неожиданной для себя резкостью сказал Генрих, — до сих пор за восемьдесят метров в минуту токарям говорили спасибо...

— Хорош! Вы получите наряд на цилиндрические шестерни. У них короткие проходы. Я дам вам новые отечественные твердосплавные резцы. Смотрите, Геня, — сказал вдруг Кораблев воодушевившись, — советские металлурги, ученые, инженеры, сталеплавильщики годами работали в лабораториях и на заводах над созданием самых лучших в мире твердых сплавов. Чего только не перепробовали они! Машиностроители-конструкторы, токари и слесари конструировали новые, совершенствовали старые станки. И вот перед вами отличнейшая машина с коробкой скоростей, позволяющей вращать шпиндель до 1350 оборотов в минуту! Перед вами и сплавы «Т15К6» и некоторые другие. Все это как будто нарочно сошлось к вам, чтобы вы испытали в заводских условиях, а не в лабораториях эти твердые сплавы на этих быстроходных станках, испытали и сказали свое рабочее слово. Я от всего сердца желаю вам удачи. Я вам желаю удачи хотя бы потому, что вы так смело беретесь решать задачу скоростного резания. И я вам буду первым помощником.

Геня смутился. Он никак не думал, что окажется в центре тех работ, которые годами велись в лабораториях и на заводах. Он думал только о том, что в послевоенной пятилетке надо работать лучше, чем перед войной.

Он ничего не ответил Кораблеву и молча отошел к своему станку.

Теперь-то и пригодились Генриху подсчеты режимов резания, которые он сделал в ту памятную ночь на страницах, вырванных из ученической тетради. Как ни уверял он себя в иные минуты, что только забавляется высокой техникой, в глубине души Генрих верил, что сможет когда-нибудь испытать совершенно необычные скорости резания. Потому-то он и сберег эти странички, на которых против латинской буквы «V» — условного обозначения в технике «скорости резания» — стояли трехзначные цифры.

В шкафчике лежало несколько резцов с напаянными на них различными твердыми сплавами. Он должен был испытать, какой же твердый сплав способен выстоять большее время при самых больших оборотах шпинделя.

Эта работа не требовала особенных усилий, он заменял только один инструмент другим, но уставал, как никогда. Он не снимал теперь за работой своей вельветовой кепки, чтобы волосы не лезли в глаза и не мешали, но кепка то и дело сбивалась на затылок, прядка волос, будто пучок сосновых иголок, назойливо лезла в глаза.

И другие токари работали твердосплавными резцами, но еще никто из них не позволил себе таких высоких скоростей. Да и не мог позволить, потому что на подобном быстрходном станке никто другой в их цехе не работал, и твердые сплавы, лежавшие перед ним, поступили на их завод впервые. И станок был одним из последних выпусков станкостроительной промышленности.

Время работало на Геню, а Геня теперь подгонял время.

Поначалу он включил небольшое количество оборотов. Тоненькая кромка твердосплавной пластинки легко взяла металл. Стальная стружка, весело завиваясь и словно пританцовывая, отделялась от детали, ударяясь в решетчатое ограждение станка, и падала к его подножку.

«Посмотрю, что ты сделаешь, когда я прибавлю обороты», — подумал Геня и повернул рычаг скоростей.

Он затаил дыхание, весь напрягся, вслушиваясь в шум мотора. Он уже знал: вот-вот раздастся характерный треск «севичего» инструмента или покашливание задыхающегося мотора.

Но все шло нормально. Резец с твердым сплавом сохранял устойчивость, стружка легко и весело отходила, мотор не отказывал. Блок шестерни, зажатый в патрон, поблескивал сверкающими боками, а тусклая матовая корка отделялась от блока, открывая ровную, блестящую полированную поверхность.

Геня почувствовал огромную радость: захотелось посмотреть в эту деталь, как в зеркало.

Уже шла семнадцатая минута, а резец все работал. Тогда Геня снова прибавил обороты. Изделие вертелось теперь с такой страшной быстротой, какой он еще никогда не видел. Семнадцатая минута... Пятьсот двадцать оборотов! А резец стоит! Не сдаётся! Генрих вытащил из кармана комбинезона свои подсчеты. Сомнений быть не могло. Он резал со скоростью в сто восемьдесят метров в минуту — так, как он наметил в одной из первых своих таблиц.

«А что? Умеют советские люди делать хорошие сплавы! Так я и думал»...

Прошло еще несколько минут. Он закончил операцию, вынул блок из патрона, снял резец, ощупал его, рассмотрел все грани, погладил искусно напаянную пластинку. Радость переполняла его.

Кораблев в это время стоял за новым, недавно смонтированным зуборезным станком. В цеху еще никто не умел на нем работать; так

как он не был похож на все существовавшие до сих пор машины. После войны промышленность начала выпускать такое оборудование, какого раньше и не знали. Вот поступят куда-нибудь на завод копировально-фрезерные станки особой оригинальной конструкции, которую разработали они, «свердловцы», и там тоже станут ахать и удивляться.

Налаживая зуборезную машину, Кораблев одновременно обучал работать на этом станке Зину — девушку, недавно пришедшую в цех.

Зине было восемнадцать лет, да и то неполных. У нее был приятный нежный голос, узкие, чуть-чуть раскосые глаза, каштановые волосы и удивительно свежее, румяное лицо. Зина внимательно вслушивалась в объяснения Кораблева, восхищенно следила за всеми его движениями. В ее глазах он был волшебником, умевшим вдохнуть жизнь в холодный металл.

— Я пошел, — сказал Александр Ефимович Зине. — Вы его хорошенько смажьте и вытрите, а потом накройте чехлом. Больше мы его сегодня трогать не будем. Пусть отдохнет.

— Вы к Борткевичу? — робко спросила Зина.

— Да, к Борткевичу. А вы почему так решили?

— Я все хотела спросить вас, — румянец на щеках Зины стал еще гуще, — почему вы так много времени проводите возле его станка?

— Ого! — сказал Кораблев. — Для того чтобы это заметить, нужно часто поглядывать в ту сторону. А я полагаю, что вы, кроме нашего зуборезного гиганта, ни на что не обращаете внимания.

— Я и не смотрела в ту сторону. Это случайно.

— Ладно, оправдывайтесь.

Когда Александр Ефимович подходил к Генриху, тот записывал что-то в свою книжечку.

— А я к вам с новостями, — сказал Кораблев.

— И у меня новости.

— Даете желанную скорость?

— Всю деталь обработал — и хоть бы что. Скорость сто восемьдесят метров в минуту. Представляете себе — сто восемьдесят метров!

— Давайте я посмотрю.

Геня выбрал из группы резцов тот, на котором были выбиты буквы «Т15К6», вставил его в резцодержатель, и в патрон — деталь. Кораблев недоверчиво следил за движениями Борткевича, но когда он увидел, что резец легко снимает стружку, его лицо засияло.

— Теперь проверьте, вот подсчет. — И Геня протянул Кораблеву листок бумаги. — Правду я сказал — сто восемьдесят метров в минуту?

— Дайте я вам пожму руку. Не стесняйтесь, у меня она тоже грязная... Вы заглядывали в справочник режимов резания?

— Как же! Так что? Обогнали?

— Выходит, что так...

— Нет, я вижу, что вы все еще не верите.

— Невозможно не верить, но я хочу дать вам один совет: если есть хоть микронная доля сомнения, надо доказать, что для нее нет основания. Да, для этого требуется большое мужество. А ведь есть такие ученые, для которых научная правда дороже и славы, и благополучия, и всего такого прочего. Они умеют отказываться от того, что сами же изобрели, если, разумеется, убеждаются в неверности своих выводов... Читали вы о таких людях? Мы с вами не ученые и не изобретатели, а все-таки лучше, по старой русской поговорке, семь раз отмерить прежде чем отрезать. Испугались? Кораблев окатил холодной водой?

— Нет, — тихо ответил Геня, — всё, что вы говорите, правильно. А все-таки: раз мы достигли скоростей, которые описаны литературой, как наивысшие в производственной практике, я думаю, что нужно попробовать еще более высокие режимы.

— Конечно, конечно. Только помните, Генрих: скандачка к такому большому делу подходить нельзя. Пробуйте, за резцами дело не станет. Не бойтесь того, что в умных книжках указаны предельные нормы. Видите, вы уже и новые, рекомендуемые режимы догнали! В технических книжках надо искать не догму, а практическое руководство.

— За резцами остановки не будет?

— Нет. Паромский рассказывал, что нам отгружена большая партия твердосплавных пластинок.

— Вот хорошо! Этим вы меня очень обрадовали. А то когда вставляю резец, так просто руки дрожат. Я каждый резец жалею.

— А опыты требуют жертв?

— Смеетесь? А вы, Александр Ефимович, тоже хотели мне какую-то новость рассказать.

— Я? Не помню.

— Как же? Вы сказали: «я к вам с новостями». Может быть, про то, что отгружены новые твердые сплавы?

— Конечно, конечно... Именно об этом. И потом вот еще что. Знаете, я обнаружил в нашем цехе одну девушку, которая говорит, что вы ей наотрез не нравитесь. Так прямо и сказала: он мне совсем и не нравится! Что бы это могло значить?

3

Геня всегда любил свою работу, любил точить самые замысловатые детали, предназначенные для еще более замысловатых умных станков.

Но в эти дни он чувствовал совсем необычный душевный подъем. Он не просто повторял, пусть в каком-то новом варианте, уже испробованные методы точения. Он не только был исполнителем той музыки, которую написал композитор. Он теперь и сам сочинял, и сам исполнял эту музыку.

Кто скажет, что в ней не было огромного разнообразия мелодий, вариаций, оттенков? В торопливом шуршании вращающегося шпинделя, в гудении мотора, в шелесте падающей стружки — во всем была своеобразная музыка, лишь теперь открывшаяся ему во всей своей напевности.

Начав экспериментировать, Борткевич уже не мог и не хотел останавливаться. Он перепробовал все твердые сплавы, какие только были в кладовой цеха, и не успокоился, пока не решил, что самый лучший из них тот, на котором он достиг скорости резания в сто восемьдесят метров в минуту. Затем он стал пробовать разные режимы резания. Станок работал то с наибольшей нагрузкой, давая детали бешеное вращение, то крутил свои шестерни замедленным темпом. Так же пробовал Генрих то увеличивать, то уменьшать подачу — расстояние, которое резец проходит в течение одного оборота изделия.

Все, что удавалось узнать, Борткевич тщательно записывал в свой блокнот, ставший ему таким же дорогим, как и та коленкоровая книжечка, в которую он вносил некогда строчки своих стихов.

Но все эти эксперименты привели в конце концов к одному очень огорчившему его выводу: он не в состоянии обрабатывать сталь со скоростью резания, превышающей сто восемьдесят метров в минуту! Что-

то стало непреодолимым препятствием на его пути. Когда он пытался резать на более высоких скоростях, станок переставал слушаться, начал трястись мелкой дрожью, как человек, которого бьет озноб.

Станок вибрировал. О явлениях вибрации Борткевич как-то прочитал в одной из книг, теперь он столкнулся с ними сам. Надо было найти очаг и причину этой болезни. Почему станок вибрирует?

Геня начал проверять устойчивые части машины. Нет, очаг был не здесь, сюда доходили лишь симптомы болезни.

Он перевел станок на холостой ход, затем снял патрон и зажал деталь в разжимную оправку — и сразу же явственно ощутил: неприятное дрожание станка затухает. Да, не в оправке дело. Повышенные вибрации создавал только что снятый патрон.

Кораблев разговаривал с главным технологом Иваном Николаевичем Озаровским, когда Борткевич подошел к нему и рассказал о вибрациях. Инженеры тотчас же направились к станку. Сомнений быть не могло. Станок нуждался в отбалансировании. Может быть, дело и не только в патроне; даже, скорее всего, не в одном лишь патроне.

Эту мысль высказал Иван Николаевич и, вдруг спохватившись, добавил:

— Как это случилось, что вы обратили внимание на вибрацию?

Борткевич посмотрел вопросительно на Александра Ефимовича: «кажется, я проболтался — не рано ли рассказывать?».

— Это тайна, Иван Николаевич, — сказал Кораблев.

— Тайна? — еще более удивился главный технолог.

— Не то чтобы тайна, — продолжал Кораблев, — а так, маленький цеховой производственный секрет. Дело в том, что Борткевич пытается работать на новых, высоких скоростях. Нам не хотелось бы, чтобы эти опыты стали известны раньше времени. Но от вас, разумеется, мы ничего не скрываем.

— Скрывать-то не скрываем, — добавил Геня, — да вдруг ничего не выйдет...

— А если выйдет, — продолжал Кораблев, — то можно наперед сказать, что найдется достаточное количество противников таких скоростей. Как же! Это опрокидывает старые-престарые теоретические формулы. К чему-нибудь да придерутся любители спокойной древности... Сто семьдесят метров в минуту? Отлично! Поздравляем! А сколько «стоит» резец? Меньше часа? Ну вот, мы так и знали... А станок не разболтался? Нет? Не может быть!

— Вы правы, Александр Ефимович, — улыбнулся Озаровский, — без драки не обойдется. И ведь что интересно: первыми ползут в атаку те, кто дальше всего стоит от завода, от живой жизни... Те, кто думает, что жизнь делается по книгам, а не книги отражают движение жизни, движение творческой мысли. Попадет и Борткевичу и вам. Что за инженер? Чему он учился, если так быстро «классиков», самого Тейлора забыл? А вы, Генрих Станиславович, хотите резать со скоростью ста восьмидесяти метров в минуту?

— Борткевич уже достиг этих скоростей. Но он все еще себе не верит. А самое главное — он считает, что только тогда сможет об этом говорить, когда не он один, а еще несколько токарей повторят его опыты.

— Да хотя бы Минин и Колосов — мои друзья. Даже совестно: я с ними пока еще не поделился...

— Это в высшей степени интересно, и я охотно присоединяюсь к вашей тайной затее, — рассмеялся Озаровский. — Однако что же будем

делать со станком? Вызывайте слесарей! А от меня теперь вы не будете больше скрывать?

Слесари проверили станок, часть за частью, не оставили без внимания ни одной детали. Кораблев не отходил от них ни на шаг. Зигзагообразная линия на узенькой ленточке вибрографа, как на электрокардиограмме, фиксирующей биение человеческого сердца, показывала малейшие дрожания частей станка. Все стало ясно; надо отбалансировать патрон, уравновесить шкив, отрегулировать подшипники!

Несколько дней велась эта работа, и все это время Борткевич не отходил от станка. Он не вмешивался в работу слесарей, но ему казалось, что всё они делают неосторожно, что вот-вот повредят станок. Он нервничал, но когда станок приготовили к работе и Борткевич включил мотор, оказалось, что все в отличном порядке. Теперь он мог попробовать еще более высокие скорости резания.

Настало время сделать головокружительный прыжок: от ста восьмидесяти метров до трехсот, трехсот пятидесяти, а может быть еще выше.

К работе на станке с хорошо отбалансированными движущимися частями Генрих готовился, как к празднику. Он пересмотрел всё лежавшее в шкафчике, сдал ненужное в кладовую, тщательно протер и смазал все части станка. Даже чистый комбинезон надел в этот день.

Мастер разрешил Борткевичу выйти во вторую смену, когда в цехе меньше людей и можно работать спокойнее и сосредоточеннее. Механический цех был окутан полумраком, только над станками горели лампы, бросая яркие блики на резцодержатели. Поодаль от станка Геня, склонившись, работали токари. Они не знали, что Геня сейчас приступает к решающим пробам скоростного метода, а он на токарей и не смотрел. Мешал только шум двух тяжелых станков — строгального и фрезерного. Геня сначала покосился на них, но потом перестал их замечать.

Работая со скоростью резания в сто восемьдесят метров в минуту, он за три часа выполнил все свое дневное задание. Теперь, начиная новую партию деталей, Генрих решил попробовать повышенную скорость.

Он повернул рычаг. Скорость резания составляла уже двести двадцать метров. Резец был устойчив, плавно снимал стружку. Тогда Генрих еще увеличил число оборотов. Резец обрабатывал деталь со скоростью двести шестьдесят метров в минуту... Потом — двести восемьдесят...

«Вот что значит отбалансировать части! — с гордостью подумал Геня. — Ну, нажмем еще!»

Всматриваясь в резец, в обработанное изделие, Генрих вдруг почувствовал что-то неладное. Шестерня, которую сейчас точил Геня, выходила из-под резца с легкой рябью, с тем, что токари называют «дроблением». А еще через несколько минут резец «сел».

Отчего появилось дробление? Отчего так быстро сдал резец? Может быть, плохо закреплен в резцодержателе? Нет, он плотно прижат несколькими болтами. Может быть, шпиндель не выдерживает такого быстрого вращения? Что за чепуха! До предельной мощности коробки скоростей еще очень и очень далеко.

Только вибрации могли дать это дробление и быструю порчу резца. Но ведь вибрации совсем недавно были устранены. Не он ли сам сделал генеральную проверку и остался весьма доволен результатами?

Опять вибрации! Где теперь искать причину?

Геня терялся в догадках. Он переводил шпиндель на обычные обороты, потом постепенно повышал. Все шло гладко до двухсот сорока — двухсот шестидесяти метров. Но как только он достигал двухсот восьмидесяти метров, на изделии появлялось дробление. Не приходилось больше сомневаться, что при этих скоростях станок начинал очень болезненно вибрировать.

Но не сами же скорости порождали вибрации! Они только делали их ощутимыми. Следовательно, вибрации имели какое-то другое происхождение. Генрих никак не мог найти им объяснение.

«Может быть, успокоиться на двухстах шестидесяти метрах? — мелькнула на минуту мысль. — Ну нет, мы не таковские»...

Он вспомнил отца: тот посмеялся бы над незадачливым сыном, подразнил бы его, а потом в одну минуту всё и распутал бы. Но отца не было. Минина спросить? Яша — в первой смене. Надо бы к Кораблеву обратиться, но это уже совсем обидно: только что инженер отбалансировал части станка, подробно осведомлялся, все ли в порядке, и вот — на тебе...

«Сам доберусь!» — решил Генрих.

Глава 4

ОТСТУПАТЬ НЕКУДА

1

Геня приказал себе не думать о вибрациях. Дались ему эти вибрации! Потом когда-нибудь, на свежую голову, он вернется к ним и тогда сразу же поймет, откуда они появились и как их устранить. Но где бы он ни был, о чем бы ни разговаривал, куда бы ни пошел, всюду неотступно преследовала его одна и та же мысль: «отчего станок вибрирует?»

Вот и сейчас, сидя на открытом партийном собрании, Геня все время убеждает себя: «надо забыть о вибрациях, сосредоточиться, вдуматься в то, что люди говорят!» Но вибрации и здесь не давали ему покоя.

А собрание коммунистов обсуждало важный вопрос: итоги работы за прошедшее полугодие.

Проходя к своему месту, еще перед началом собрания, Геня невзначай услышал, как Михаил Антонович Сапожников кому-то рассказывал:

— Не знаю, как парторганизация относится ко мне, но я ее, честное слово, люблю... Посмотрите-ка, орлы! Каждый пятый работник завода — коммунист... Быть не может, чтобы в какой-то день эта силища не сказала в новых успехах.

В первое мгновение Генриху показалось странным, как это можно слово «люблю» относить к организации. Но, окинув взглядом собравшихся, Геня понял, что он неправ. В этот зал сошлась тесная семья, связанная чем-то большим, чем кровное родство. В ней, как в каждой большой семье, были люди с различными характерами, склонностями. Но всех их объединяло единое стремление сделать народ счастливым, и все они, особенно в трудную минуту, чувствовали необходимость быть вместе и еще ближе друг к другу.

Генрих чувствовал себя младшим членом этой семьи, и его радовало гордое чувство принадлежности к такой хорошей семье.

Пока председатель еще не постучал карандашом о графин, пока не открылось собрание, люди стояли у стен клубного зала или сидели группами в последних рядах, громко разговаривали, шутили. Откуда-то

вдруг вырывался раскатистый хохот; нежный девичий голосок звал подругу, растерянно озирающуюся у входа; комсомольцы, хотя и стеснялись проявлять себя слишком громко на собрании коммунистов, все же потихоньку пели песни...

Зал был наряден. Он так же, как и весь завод, сильно пострадал в войну: оставалась, в сущности, одна коробка. Недавно зал восстановили. Теперь здесь была выстроена сцена, часть стен и потолок были отделаны дубом, два ряда новых матовых плафонов уже заливали зал мягким светом. Это был скорее концертный или театральный, чем клубный зал.

Родная семья!

Михаил Антонович уже отошел от стены, где он произнес слова, привлечение внимание Борткевича; теперь он стоял в группе инженеров и, оживленно жестикуюлируя, о чем-то громко спорил. Время от времени, перед тем как выслушать возражение, Сапожников встряхивал своими черными, смолистыми волосами, откидывал их назад, точно говорил: «нет, нет, все равно я с вами не согласен...»

Михаил Антонович недавно был избран секретарем партийного комитета. Говорили, что он ни за что не хотел оставлять термический цех: все мечтал поставить там установки для закалки металла токами высокой частоты. Но потом, тряхнув волосами, сказал: «Воля ваша: был инженером — стану партработником. Тут тоже закалкой придется заниматься. Закалкой людей... Посложнее и, пожалуй, поинтереснее!»

...Может быть, с Сапожниковым поговорить о вибрациях? Кораблев, к которому Генрих обратился со своими сомнениями, тоже терялся в догадках. К Озаровскому и Марьину Геня не обращался, стеснялся начальства. А Сапожников — секретарь парткома. С ним можно советоваться обо всем.

В группе инженеров завода сидел и новый директор — Владимир Петрович Кузьменко. Геня знал историю его назначения на этот пост. Кузьменко когда-то, еще при жизни Станислава Борткевича, начинал на этом заводе простым чернорабочим. Тут же поступил он на курсы токарей, научился резать металл. Не бросая работы, подготовился в вуз и через пять лет стал инженером-механиком. Перед войной он уже был начальником цеха.

22 июня 1941 года на митинге Геня слышал речь Владимира Петровича. Через два дня после митинга Кузьменко ушел воевать. И долго, говорят, о нем никто ничего не знал. А он дошел до Карпат, побывал в Венгрии, Чехословакии...

Нет, у него и без того забот полон рот, с ним неловко советоваться. Правда, он недавно приходил в цех, долго беседовал с Кораблевым, потом пришел еще раз, притащил целый ворох материалов о совещании по скоростному резанию на заводе «Вторая пятилетка». Александр Ефимович рассказывал Гене, что Кузьменко как-то спросил его: «Вы знаете об опытах по скоростному резанию?» «Мы и сами кое-что делаем, — отвечал Кораблев, — только возможности наши ограничены». «Можете рассчитывать на мою помощь, — сказал директор. — Кстати, я вам новые материалы принесу». И принес. Кораблев обещал дать их Генриху, как только сам изучит. На «Второй пятилетке», кажется, до ста восьмидесяти метров дошли.

Генрих оглядывается вокруг.

И вдруг он замечает сидящую среди девушек молоденькую зуборезчицу Зиночку. Скажите, пожалуйста, и она пришла на партийное собрание! Ей бы еще на пионерские сборы ходить, а не на партийные собрания. Ей всего восемнадцать лет, а на вид и того не дашь.

Зина совсем не смотрит в генину сторону. Раз так, и он туда смотреть не будет.

Но он ловит себя на том, что нет-нет — да и посмотрит в ее сторону. А потом устанавливает, что и Зина, как ей кажется, незаметно для других, довольно часто поглядывает на Геню.

2

Владимир Петрович с трибуны рассказывает о положении завода. Он приводит цифры, называет отстающие цехи и участки. Достается и токарям, и Паромскому с Кораблевым.

Кузьменко говорит медленно, веско. Его и без того густые брови кажутся теперь яростно нахлывшимися. Пальцы нервно барабнят по бумагам, которые были заготовлены специально для этого выступления, но оказались совершенно ненужными.

Директор рассказывает о своей последней встрече с министром.

— Я понимаю, как вам трудно, — говорил министр «свердловцу», — да что поделаешь? Некоторые специальные станки могут делать только «свердловцы». Мне некому их перепоручить. Заводы транспортного машиностроения, приборостроения, автомобильной промышленности уже получили наряды на вашу продукцию. Они и свои планы строят в расчете на работу станков, которые вы им должны дать в течение года. Отступать некуда! Вот вы освоите копировально-фрезерные автоматы, и вам выпадет честь взяться за неизмеримо более сложное оборудование — за станок для расточки паровозных цилиндров. Такой станок, какого еще мир не видел! И эту работу нельзя растягивать на годы. Жизнь подсказывает единственно возможный путь: поиски резервов внутри завода. А мы вам будем помогать, направлять оборудование, инструменты, материалы. Так сообщая и двинем дело.

Генрих слушает внимательно, затаив дыхание. Ему кажется, что и он сам присутствует при этой беседе директора и министра. Вот министр подошел вместе с Владимиром Петровичем к окну, выглянул на шумную московскую улицу, далеко видную с пятого этажа, где помещается министерский кабинет, и, протянув руку, как бы показал Кузьменко всю необъятную нашу страну...

Велика промышленность, но кто лучше, чем «свердловцы», делает расточные станки! Конечно, надо искать резервы на собственном заводе. Он, Борткевич, уже делает это. Он ищет резервы стойкости резца. Он ищет причины вибрации, чтобы отыскать дополнительные резервы стойкости.

Директор развивает мысль за мыслью. Необходимо форсированным темпом вводить новые мощности. На завод прибывает оборудование, но оно подолгу не используется. Почему? Нужно решительно пересмотреть технологию. Она не учитывает достижений стахановцев. Нужен суточный, а может быть и почасовой график. Точный, четкий, сжатый. Это заповедь заповедей каждого инженера, начальника цеха, мастера. Вся воспитательная работа должна быть подчинена одной идее: выполнению суточного графика. Вот резервы. Они в нас, в людях, в нашем желании выполнить пятилетку в четыре года, в нашем чувстве партийного долга...

Он кончает, и Гене кажется, что спорить не о чем. Но тут-то и вспыхивает настоящий бой... Один критикует другого, с трибуны говорятся беспощадные слова. Все это правда, все это верно! Нельзя мириться с теми фактами, о которых рассказывают ораторы. В первые минуты в представлении Гени как-то не вяжется, что люди, только что сидевшие

мирно, казавшиеся членами одной тесной семьи, теперь обрушиваются друг на друга с такой яростью. Но потом он начинает сознавать, что в этом их сила, в этом—единство сидящих здесь в зале. Они могут говорить о каждом, все, что продиктовано интересами дела, и каждый воспринимает это как должное. Так бывает только в очень дружных семьях.

Вот выступает Прусаков. Он корит технологов. Они не готовы к суточному графику. То есть к легкому, спокойному графику им и готовиться нечего. А вот к большевистскому, требующему напряжения всех сил, — готовы ли они к такому графику? На их Шипке все спокойно... Они мнят себя незаменимыми... Но технолог — это не сословие, а должность, и по наследству она не передается... А время напряженное, время послевоенное...

Вот выступает коммунист, которого Генрих видит в первый раз. Он недавно на заводе. Кажется, сменил Сапожникова в термическом цехе. Он говорит правильные вещи. Действительно, бывает у нас на заводе — начнут какое-нибудь хорошее дело, да быстро его и забросят. Один начнет, другой подхватит. Кажется, хорошо. Глядишь, а первый уже и остыл...

— Как в лапту играем: один мячик бросает, другой — бьет... А нужно всем бить, пока не забудем!

Очень достается и начальникам цехов, и работникам заводоуправления, и мастерам. Бортковичу хотелось бы рассказать, как он ищет резервы стойкости резца, как мучают его вибрации, неизвестно откуда взявшиеся, да разве он сумеет выступить? Когда Яша Минин предложил ему однажды произнести речь на производственном совещании в цеху, среди своих, Генрих только улыбнулся: «Я лучше лишнюю смену отработаю...»

Но вот говорит Сапожников. Кажется, он сложил все сказанное, проверил, отсеял лишнее и не упустил ничего важного, ничего существенного! Партийная организация возьмет на себя обязательство следить, в общественном порядке, за осуществлением суточного графика. Пусть и комсомольцы создадут специальные посты. Это будет хорошим делом для молодежи. Далее. Через три месяца обсудим на бюро выполнение плана ввода новых мощностей. Правильно предлагали товарищи: нужно создать мощный ремонтный цех. Туда на первое время направить самых стойких коммунистов. Нас еще лимитирует оборудование, а станки нередко простаивают. Необходимо ремонтировать их гораздо быстрее.

Ключ к решению всей проблемы — в производительности труда. Это, в конечном счете, самое важное для победы нового общественного строя — Сапожников вспоминает слова Ленина, он знает их наизусть. И все помнят эту ясную, четкую мысль: капитализм будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда!

Михаил Антонович говорит о расстановке партийных сил. Этим партком всерьез еще не занимался. А можно ли двинуть дело вперед, если не собрать воедино силы коммунистов?

Генриху кажется, что с завтрашнего дня жизнь на заводе пойдет по-иному... И уж во всяком случае он-то будет работать не так, как до сих пор. Сейчас окончится собрание, он подойдет к Паромскому или к Александру Ефимовичу, скажет им, что завтра же начнет передавать свой опыт другим токарям. Он больше не может работать один. Он позовет к станку Минина, Колосова, Кирпичева, Левшину, Максимова, того молодого ремесленника, что работает за станком напротив. Покажет им

свой метод, посоветует отбалансировать движущиеся части их станков, если они недостаточно устойчивы по центру. Покажет им свои новые резцы и научит резать со скоростью в двести метров... это еще позволит им их коробка скоростей. Решено! Пусть только Кораблев раскошется и не пожалеет дорогих твердосплавных резцов последней марки. Больше откладывать нельзя!

3

Долго длилось собрание, и теперь, казалось бы, все должны очень торопиться домой. Но коммунисты расходятся медленно. Они уже встали со своих мест, направились к выходу, но все еще продолжают спорить. Кораблев приветливо кивает Генриху. Колосов, подзадоривая, толкает его в бок: «Ты что молчал? Пора и тебе выступать!»

Ветер обдувает лицо, и Генрих глубоким глотком втягивает вечернюю свежесть. С Невы несет острым запахом прохладной воды.

Тут Геня замечает, что он оказался рядом с зуборезчицей Зиной.

— Здравствуйте, — говорит Зина приветливо, чуть-чуть смущаясь.

— Здравствуйте, Зина, — отвечает Борткевич. — Далеко ли собрались? — «Что за глупый вопрос! — спохватывается он. — Идет домой, как он, как все после собрания».

— Домой. А вы разве не домой?

— Нет, отчего же... Конечно.

Он говорит что-то невразумительное. Что это с ним?

— Пойдемте вместе...

Вот это хорошо! Это самое он и собирался ей предложить, но все не мог подыскать подходящего выражения, да и стеснялся к тому же. А она так просто сказала: «пойдемте вместе...»

Они идут по улице Комсомола, проходят Литейный мост. Отсюда видна «Аврора». Ее поставили к причальной стенке на вечную почетную стоянку. На корабле горят огоньки: они, как светлячки, то вспыхивают, то снова гаснут... Весенний вечер кажется Генриху сказочным.

Где же Зина живет? Почему они идут к Невскому? А спрашивать неудобно. Подумает, что ему не хочется отдаляться от дома.

— Кораблев от вашего станка не отходит целыми днями, — замечает Геня. — Он вас учит работать? Хороший инструктор! Я его очень уважаю.

Зина смотрит Гене в лицо широко открытыми глазами. И она только что собиралась заговорить о Кораблеве. Почему Александр Ефимович все время стоит у его токарного станка? Геня как будто подслушал и опередил ее.

Литейный проспект залит огнями. Весело шумит поток людей, все куда-то спешат. Как будто не они только, а все коммунисты и комсомольцы Ленинграда только что вышли на улицу со своих собраний и спешат домой.

— Вы были на войне? — спрашивает Зина.

— Да.

— Я знаю.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, — уклоняется от ответа Зина. — И о том, что у вас одиннадцать наград, знаю... И что стихи пишете. Почитайте мне ваши стихи.

— Сейчас?

— Ну, в другой раз. Обещаете?

Геня ни за что не станет читать ей стихи. Он их никому не читает. Но обмануть, пообещать, а потом не сдержать слова он не хочет. Поэтому он отмалчивается.

— Я никогда не видела на вас орденовских ленточек. Вы их не носите. Почему?

— А зачем? — тихо говорит Геня.

— А чего же стесняться! Наверное то, за что вам дали ордена,— это самое лучшее, что вы сделали в жизни.

«Правильно! — думает Генрих. — Пожалуй, он уж никогда в жизни не сделает ничего лучшего».

— Что ж, вы правы... Но если я теперь начну их носить, вы скажете, что это я ради вас?

— Нет, не скажу, но подумаю, — просто соглашается Зина. — А вы читали «Молодую гвардию»? — говорит она, точно продолжая какую-то свою мысль.

Да, он читал. Даже два раза.

— Чудесная книга, не правда ли? Как я завидую девушкам, жившим в Краснодоне. Вот они могли проявить себя, показать, на что способны советские ребята!

Геня не согласен. Нет, не нужно завидовать тем, кто жил в оккупации, хотя они сражались там, в подполье. Это только со стороны хорошо так говорить. Представляет ли себе Зина, как тяжело чувствовать себя оторванным от «Большой земли»? Он побывал за границей, жил там вместе с другими русскими ребятами, но так тосковал по родине, что этого и не расскажешь... Это, может быть, даже труднее, чем голодать в ленинградскую блокаду. Зина, вероятно, знает, что такое ленинградская блокада. Он здесь тогда не был, приезжал только на несколько дней, но на всю жизнь запомнил это время и людей, падавших от голода.

Зина слушает сосредоточенно, лицо ее мрачнеет.

— Расскажите мне самое интересное ваше воспоминание,— просит Зина.

— Боевой эпизод? — усмехается Борткевич.

— Пусть боевой эпизод.

— Хотите, я расскажу, как у меня однажды волосы встали дыбом?

— Это, наверное, очень страшно...

Генрих смеется.

— Ну нет, не буду, не буду, хотя ничего страшного. Если б сохранился мой дневник, который я вел на фронте, я, может быть, там что-нибудь и отыскал бы интересное. Но я разорвал его. Впрочем, и там ничего особенного не было.

— Вы вели дневник?

— Да. Я его писал для себя, только для себя одного. Там было много нехорошего. Если я злился на кого-нибудь — на начальство или на товарищей, я все это туда записывал. Иногда мне казалось, что со мной несправедливы, чересчур требовательны, иногда даже грубы. А я считал, что на фронте все мы должны быть на равной ноге. Ведь каждая мина может нас всех уравнять, от солдата до командира. Вот про дневник я и могу вам рассказать... Сажу я однажды в землянке — погребок такой, досками обшитый,— и пишу. Взвод наш был в карауле. Одни стоят на постах, другие спят, а я в так называемой бодрствующей смене. Представляете себе: тишина, до выхода на пост еще добрых два часа. За землянкой холодуга, метель метет... А у нас потрескивает печурка. Я подкладываю чурочки, думаю, думаю, и пишу. У меня в то время было очень тяжело на душе. Меня сначала зачислили в строительный батальон, а не в действующую часть. И мне казалось, что все ополчились против меня, поступили со мной несправедливо, оскорбили мои лучшие чувства. Ну, про это долго рассказывать. К то-

му же я узнал незадолго перед тем, что отец погиб в блокаду. И весь я стал колючий, как еж... Иголки есть, а колоться не умею. Вот и отводил душу в этом дневнике.

За день до того разругал меня наш начальник штаба, адъютант батальона, как он называется в армии. Мне он казался злым, нехорошим человеком. Много я ему страниц посвятил в дневнике. Вот и тогда о нем же что-то записывал.

Вдруг слышу, кто-то в темноте нащупывает дверь. Я решил, что караульный начальник, пошел открыть, а тетрадку оставил на столе. И что же? Входит он, начальник штаба! Я начал было рапортовать, он рукой махнул: ладно, мол, знаю...

Подходит к столику, небрежно берет бумаги, которые там лежали, ведомости. Потом замечает мою тетрадь. Не садится, а так, распахнув шинель, опершись ногой на скамейку, начинает перелистывать. Я обомлел. «Вот пропал! — думаю. — Вовек не простит». Стою сзади, совсем оцепеневший, жду, чем кончится. А он оборачивается ко мне, говорит: «Можно?».

Ну как я, сержант, скажу начальнику штаба: «Нельзя!»? Впрочем, и он не стал долго дожидаться ответа, решив, что если я молчу, значит разрешаю. Снял шинель, положил на нары, уселся на скамейку и начал читать. Страницу за страницей.

Я стоял сзади него, не проронив ни звука. Уже рассвет стал пробиваться сквозь щели, уже печурка погасла. Он все еще читает. Потом он кончил. Долго молчал. Осторожненько положил тетрадь. Я ждал. Вдруг он заговорил каким-то строгим и в то же время дрогнувшим, родным голосом, не оборачиваясь и не глядя на меня.

— Что ж, дружище... Не я требую — служба требует. Повоюешь, солдатом станешь — может, не раз вспомнишь меня и добрым словом...

Встал и вышел, так и не оглянувшись в мою сторону.

Знаете, Зина, я ничего не могу сравнить с тем ощущением, какое я тогда испытал. Он не простил меня, нет, он просто оказался другим человеком, не таким, каким я себе его представлял. Он меня понял, а это для солдата очень много... И так мне стало хорошо на душе от того, что я в нем ошибся, так я обрадовался от мысли, что кругом меня товарищи — даже те, кто кажется недругом. Я вдруг почувствовал, как трудно распознать человека и как радостно, когда оказывается, что он лучше, чем ты о нем думаешь. А наши люди показали во время войны и вот во время блокады, что они еще лучше, чем мы себе представляли...

Я не умею рассказывать. Вам, наверное, было неинтересно... И какой это «боевой эпизод»... Скоро ваш дом?

— Мой дом? Он совсем в другой стороне. Я думала, что это вы где-то тут поблизости живете.

— Нет, — улыбнулся Геня, — я на Кондратьевском. Недалеко от завода. Я считал, что это я вас провожаю... Поздно уже и свежо. Вы простудитесь.

— Нет, я не простужусь. Вы торопитесь? Вы сегодня какой-то озабоченный. Это «боевой эпизод» нагнал на вас такую печаль?

— Нет, это вибрации, они не дают мне покоя. И на собрании, и теперь, — признался Генрих.

— Вибрации? Какие вибрации? Я не понимаю!

— Вот и я. В том-то и беда. Никак не пойму, откуда они взялись...

Они подошли к углу шумной, залитой огнями Садовой. Сейчас же ушли от нее направо, потом свернули налево, потом еще куда-то, и так пробродили далеко за полночь.

Всю первую половину обеденного перерыва Геня показывал токарям работу с новыми резцами. Он рассказал им, как рискнул пустить станок на большое количество оборотов, как почувствовал впервые, что его станок вибрирует, и, отбалансирав патрон и шкив, почти добился устранения вибраций, во всяком случае, значительно их ослабил. Он продемонстрировал свои подсчеты и посоветовал каждому попытаться работать на повышенных скоростях.

— Кораблев даст вам резцы с самыми новейшими твердыми сплавами, — сказал в заключение Геня. — Он их жалеет, но нужно заставить его расщедриться. Пора начать. Больше терпеть невозможно...

— Лекция интересная, — не удержался от язвительной реплики Колосов.

Павлуша считался едва ли не самым квалифицированным токарем в цехе, и его, что называется, «заело». Как это так: Борткевич, токарь разрядом пониже, разводит целую теорию... Что ж он, слабее Борткевича, что ли!

— Смотрите, — сказал между тем Геня. Слова Павлуши его не обидели. Он знал, что Колосов один из лучших его товарищей, а то, что в нем заговорила гордость, не могло испортить их отношений. — Я буду резать со скоростью, примерно, в двести пятьдесят метров...

Он включил мотор, поставив коробку скоростей на такое количество оборотов, какое считалось у токарей, на их станках, невозможным и никогда не допускалось. Резец «стоял», стружка отходила плавно. Поверхность детали получалась ослепительно гладкой.

Минин впился глазами в станок, Павлуша молчал. На лбу Максимова проступили крупные капли пота, как будто не Борткевич, а он работал со всем напряжением. Невысокая молчаливая женщина Левшина, которую все в цехе уважали за мягкий нрав и «золотые женские руки», следила то за резцом, то за спокойным выражением лица Борткевича, не зная, чему больше удивляться. Кирпичев все старался протиснуться вперед: рослый Колосов загораживал ему всю картину.

Отработав несколько деталей, Геня остановил станок, вытер пот рукам комбинезона, жадно закурил и спросил: «Понятно?».

Все рассмеялись. То, что они увидели только что, было просто, наглядно и невероятно.

— Двести пятьдесят метров в минуту. Советую всем. Попробуйте. Главное, добейтесь подходящих резцов.

Геня хотел сказать Минину, что вызывает его на соревнование, но Яша уже отошел в другой конец цеха, и Борткевич видел, что он вытащил записную книжечку и что-то поспешно записывает. «Должно быть, проверяет, не верит, множит «π» на «d» на «π» и делит на тысячу. Проверь, проверь, дружище, я тебе не для того рассказал, чтобы ты на слово поверил! Убедишься, сам возьмешься за дело. Так и двинемся...»

Геня все-таки пожалел, что не успел вызвать Минина на соревнование. Всегда так получалось, что инициатором был не он, а Минин. Всегда Геня подписывал готовый договор, который приносил ему Яша. Теперь он мог, наконец, первый предложить соревнование. Но опять проморгал!

...Цех был почти пуст. Большинство рабочих ушло в столовую и еще не возвратилось. Только строгальщик Петров и фрезеровщик Рыбочкин не уходили на обед. Паромский дал им какой-то экстренный заказ: они работали, и в затихшем цехе гулко гремели тяжелые станки, стоявшие совсем близко от гениного токарного станка. Кроме них, в цеху оста-

вались еще Левшина и Кирпичев. Геня видел, как они ходили вокруг да около своих машин, пристально к ним присматриваясь, точно увидели их впервые. Зуборезный станок Зины бездействовал. Она должна прийти к началу второй смены.

Уже оставалось немного времени до конца обеденного перерыва, а Геня еще не начинал завтрака. Он хотел использовать перерыв для того, чтобы ознакомиться с чертежом новой детали, к обработке которой ему предстояло приступить во второй половине дня. Жалко было тратить на это рабочие минуты.

Выпив чаю, позавтракав, Геня принялся раскладывать на станке чертеж. Он облокотился о станок и углубился в линии, изящно проведенные чертежником. Теперь уже ничто не могло его отвлечь от дела. Разве только работавшие по соседству строгальный и фрезерный станки. Но уже через минуту Геня забыл о них.

Профиль изделия был несложен, и Геня начал было уже подсчитывать, насколько быстрее он сможет выполнить заказ, чем предусмотрел нормировщик. Но вдруг он почувствовал под локтем правой руки легкое дрожание, чуть-чуть ощутимый озноб. Опять вибрации! Они преследуют его даже во время отдыха, даже тогда, когда станок выключен...

Геня снова стал думать о нормах времени для отдельных операций, но озноб не прекращался.

— Что такое? Не может быть...—Он отнял локти, и ощущение дрожи мгновенно исчезло. Тогда он снова, теперь уже намеренно, облокотился на станок. Как же! Станок совершенно ощутимо вибрировал, несмотря на то, что был выключен и бездействовал.

И вдруг догадка молнией пронзила его. Это чужие вибрации докучаются к нему... Через фундамент или каким-нибудь иным путем они передаются его токарному станку, и чем выше скорость резания, тем сильнее они дают себя знать.

Строгальщик Петров был удивлен, когда почувствовал на своем плече чужую руку. Он разогнул спину и увидел перед собой Борткевича.

— Остановите-ка станок на три минутки! Очень вас прошу. И Рыбочкин пускай остановит. Я быстренько, я не задержу.

Борткевич говорил что-то странное, несуразное, и именно потому, что оно не вязалось с обычным представлением об этом парне, Петров послушался. В цехе наступила полная тишина. В ту минуту, как моторы обоих станков бессильно замерли, Генрих вставил деталь в патрон, включил свой мотор и дал огромное количество оборотов. Скорость резания составляла двести восемьдесят метров в минуту. Он прибавил еще. Триста метров... Резец не выкрашивался, не «садился», а равномерно срезал стружку...

— Скоро, что ли? — крикнул с места Рыбочкин.

— Сейчас, сейчас, дружище,— ответил Геня. В эту минуту он чувствовал огромную нежность и к строгальщику и к фрезеровщику. Потом Геня остановил станок. Переждав несколько секунд, он облокотился на него так же, как при чтении чертежа. Где же дрожание, где же озноб под локтями? Ничего этого теперь не было. Пока стояли станки Петрова и Рыбочкина, не было вибраций на гениной машине.

— Давай! Пошел! — крикнул он строгальщику.

Тот начал работать. И тотчас же под локтями Борткевича появилось легкое подрагивание устойчивых, казалось бы, частей станка.

Теперь Геня знал, отчего вибрировал его станок. Загадка, мучившая его все эти дни, была, наконец, разгадана. «Нашел, нашел!...» — ликова-

вало все его существо... Теперь он отвоюет еще пятьдесят, семьдесят, сто метров в минуту... Вот так и будет вгрызаться, вот так и будет топтать время...

Взволнованный, побежал он в конторку начальника цеха, перепрыгивая через три и четыре ступеньки, вверх в галерею второго этажа. Распахнув дверь и увидев мирно беседовавших Алексея Кондратьевича Паромского и Кораблева, Геня даже остановился в изумлении. Как могут они быть спокойными в такую минуту!

— Что-нибудь случилось? — спросил Паромский, медленно поднимая на Борткевича глаза. Его удивило возбужденное выражение гениного лица.

— Надо меня убрать подальше от Петрова, — ответил Генрих, точно продолжая давно начатый разговор.

— Вы что, поссорились?

Нелепость этой мысли так удивила Генриха, что он в первую минуту растерялся. Потом улыбнулся и повеселел.

— Станки наши поссорились!

— Идите вниз, я сейчас спущусь, — сказал Александр Ефимович. — Я догадываюсь, Борткевич что-то опять придумал!

Генрих посмотрел на Кораблева с благодарностью и бросился опрометью в цех. Он летел как на крыльях. Хотел прокатиться на перилах, как некогда в школе, да устыдился... Пробираясь между станками, он увидел, что Минин делает ему какие-то знаки.

— Что? — крикнул Борткевич, стараясь перекрыть грохот работающих машин.

Минин помахал бумажкой. Это был договор на соревнование. Яша опять обогнал Генриха.

— Ладно, ладно, ты за мной теперь не угонишься!.. — крикнул Геня. Но Минин, смеясь, вытащил записную книжку и потряс ею в воздухе. Борткевич знал: там были подсчеты — «п», помноженное на «d», помноженное на «п» и деленное на тысячу...

Глава 5

НОВАЯ ГЕОМЕТРИЯ

1

То, что Борткевич сообщил о вибрациях, казалось настолько важным, что Паромский немедленно позвонил по телефону главному технологу и попросил его прийти в цех. Иван Николаевич через десять минут подходил к станку Генриха.

Возле Борткевича стояли Паромский, Александр Ефимович и мастер Леша Андреев. Андреев когда-то первый пошел навстречу молодому токарю, заказав шкаф по его эскизу, а потому считал Геню как бы своим «крестником», хотя они были ровесниками.

Тут же возле станка состоялось коротенькое совещание, в котором Геня почти не принимал участия. Он сделал свое дело, теперь слово за инженерами. Всегда немногословный, он теперь с особым удовольствием молчал, но внимательно прислушивался к тому, о чем толковали инженеры. А спор шел о том, который из двух тяжелых станков передает свои вибрации. Петров и Рыбочкин, уже вошедшие в курс дела, ревниво поглядывали на инженеров: казалось, они чувствовали себя уязвленными. Вот так оказия! Они, видите ли, мешают Борткевичу!.. Сколько лет никому не мешали, а теперь — пожалуйста!

Наконец Озаровский предложил:

— Давайте поочередно останавливать станки. Сначала строгальный, потом фрезерный... Так и установим...

На том и порешили. Тут-то и выяснилось, что оба станка через фундамент передают свои вибрации и что поэтому станок Борткевича нужно отодвинуть куда-нибудь подальше от обеих тяжелых машин. Заодно возникла мысль переставить его на более монолитный фундамент. Кто-то предложил еще сделать в нем прокладку из виброгасящей крошки, и эта мысль понравилась.

Теоретически все казалось простым. Но цех был так заставлен станками, что возник новый спор о том, куда же именно переставить станок Борткевича.

Наконец решение было принято.

Укладка монолитного фундамента, гораздо более толстого и прочного, чем прежний, перестановка станка и его отрегулирование заняли несколько дней. Все это время Геня проводил возле рабочих, занимавшихся укладкой бетона. Несколько раз в течение смены подходил к этому месту Алексей Кондратьевич Паромский. И когда стихал рабочий день, у станка обязательно показывался кто-нибудь из инженеров, и чаще всего Александр Ефимович.

Озаровский тоже не выпускал из поля зрения генин станок. Он часто наведывался в цех. Борткевич его заинтересовал.

— Занятный парень, — говорил главный технолог своим сотрудникам. — Пытливый, настойчивый. А ведь без высшего образования. Вот я и советую технологам: учитесь! Вы первые должны были заметить вибрации, а рядовой токарь вас опередил! Он не только установил факт вибраций, понижающих устойчивость резца, но и обнаружил их происхождение. Понимаете ли вы, что это имеет и теоретическое значение?...

Иван Николаевич был инженером-производственным, но чрезвычайно уважал теорию. Он много читал, писал и сам теоретические статьи, впрочем, затем старательно запирали их в ящик письменного стола.

Когда станок установили на новом фундаменте и опробовали, Озаровский стал наблюдать за работой Борткевича и за всеми его движениями. Эти движения, вне всякого сомнения, отличались необыкновенной грациозностью. Задумавшись над этим, Озаровский понял, что эта грациозность рождена ритмичностью движений, необыкновенной свободой, легкостью, с которой выполнял свои операции токарь. Какого необычайного напряжения требовала эта легкость, мог понять только опытный человек. А Иван Николаевич и был таким.

Вытащив логарифмическую линейку, главный технолог быстро сделал подсчет. Борткевич обрабатывал металл со скоростью резания триста сорок метров в минуту.

— Ну, знаете... — развел Озаровский руками.

Геня улыбнулся и кивнул на серый дымок, вырывающийся из-под резца. Это дымилась отделяющаяся от детали и причудливо извивающаяся стружка.

— Остановите на минутку станок, — попросил Иван Николаевич, и когда Геня, выключив мотор, выпрямился, технолог сказал: — Как вы затачиваете резец?

— Обычно. Как все! Как отец учил... Чаще всего под углом плюс пять-шесть градусов...

Иван Николаевич помолчал, потом сказал:

— А вы попробуйте когда-нибудь заточить под отрицательным углом...

Геня, недоумевая, посмотрел на Ивана Николаевича. Под отрицательным углом? То есть делать резец не острым, а тупым? Зачем это? Точить металл тупым резцом? Все равно, что резать дерево ложкой...

— Ладно, — сказал Озаровский. — Это долгий разговор. Ученые и до сих пор на эту тему дискутируют. Отложим его. Приходите, если хотите, как-нибудь вечером ко мне домой... Я вам покажу кое-какие теоретические выкладки...

И он продиктовал Генриху свой адрес.

Геня никак не мог прийти в себя. Он был ошеломлен советом Ивана Николаевича. Сделать режущую кромку тупой — на это способны только безумцы. Резец происходит от слова «резать»... Резать — то есть взять острый инструмент. А ему советуют пользоваться тупым!..

Правда, тут же он подумал о том, что дрова, например, рубят острым топором, но иногда колют тупым колуном: один его удар — и полено разваливается.

Но ведь то дерево, а здесь — металл.

Геня решил и не думать об этом предложении Ивана Николаевича, пока с ним не поведается и не потолкует подробно.

Но мысль, оброненная Озаровским, не дала Гене покоя. Что-то чувствовал он за ней большое, неодолимо притягивающее. Двадцать пять лет он прожил на свете, и с тех пор как помнит себя, все ему говорили: не бойся нового, иди ему навстречу.

Вот почему не могло пройти бесследно заброшенное в его сердце семя новой и совсем необычной технической идеи.

Кораблев был первым, кому Геня рассказал о своем разговоре с Озаровским. «Если Александр Ефимович отнесется к этому серьезно, тогда я знаю, что надо делать!» — решил Геня.

А Кораблев сказал:

— Говорят, что в некоторых лабораториях именно так затачивают резцы. Не под положительным, а под отрицательным углом. Спорный вопрос. Хотите, я схожу в Дом техники или в библиотеку, ознакомлюсь с новейшим материалом, потом вам расскажу...

— Я сам схожу в библиотеку! — ответил Борткевич.

Это было именно то, что он решил сделать, если Кораблев не помеется над предложением Озаровского.

Весь воскресный день Генрих провел в технической библиотеке. Он хотел прийти к Озаровскому уже после того, как почитает хоть что-нибудь, хотя бы с минимумом знаний, необходимых для такой беседы.

Книг о скоростном точении в библиотеке было мало. Все же он нашел то, что его интересовало. Это были очень коротко изложенные факты и очень большие чертежи. Геня тщательно всматривался в схемы резцов и фрез и в приложенные к ним объяснения. Да, в некоторых лабораториях применяли заточку резцов под отрицательным передним углом. Это позволяло развить скорость резания до двухсот двадцати — двухсот пятидесяти метров в минуту. Опыты продолжаются...

Но ведь он, простой токарь с ленинградского завода имени Свердлова, достиг скорости в триста сорок метров в минуту и при прежней геометрии резцов! В чем же дело?

Только Озаровский мог дать на это ответ. Он разбередил сердце Генриха, пусть он и успокоит...

2

— Я тебя подожду, — говорит Зина и умоляюще смотрит Гене в глаза, когда они подходят к дому Озаровского.

— Нет, не нужно. Неизвестно, сколько придется задержаться. Может быть, он станет мне показывать теоретические выкладки...

— Все равно я буду дожидаться, — с неожиданной настойчивостью повторяет Зина.

— Я тебя очень прошу, Зиночка, не упрямясь. Я буду сидеть как на иголках, все время думать о том, что ты ждешь, нервничаешь... А мне нужно сосредоточиться, слушать внимательно... Это очень, очень важный день для меня. Вот возьми почитай...

Он торопливо достает из бокового кармана пиджака черную коленкоровую тетрадь, вкладывает ее в зинины руки и, не прощаясь, не оборачиваясь, вбегает в парадную дверь подъезда, несетя по лестнице.

Зина смотрит ему вслед, сжимая тетрадку в руках, потом с гениными стихами идет к фонарю.

Иван Николаевич встречает Генриха, как дорогого гостя, как близкого друга. И все в квартире Озаровского радуется приветливостью, простотой обстановки, тем уютом, который говорит о дружной семье. За столом, под желтым шелковым абажуром, посредине комнаты, сидит старшая дочь Ивана Николаевича, студентка. Вокруг — ее приятели; среди них — курсант морского училища с палашом на боку. Они — и Иван Николаевич вместе с ними — только что играли в «слова»: на узеньких листочках бумаги записывались всевозможные словообразования, получавшиеся от перестановки букв какого-нибудь одного слова. Из другой комнаты доносятся детские голоса.

Иван Николаевич знакомит Геню с молодежью. Он представляет его так: «Мой молодой друг. Способнее вас всех!..» Борткевич смущается и фамилию свою называет совсем неслышно.

— Кто это? — шепчет моряк на ухо дочери Озаровского.

Ей неловко признаться, что она не знает посетителя.

— Молодой инженер... Папа рассказывал: ужасно талантлив!

Иван Николаевич с Борткевичем отходят к письменному столу. Через несколько минут они оба поглощены разговором.

Казалось, ничего неожиданного Иван Николаевич не сообщил. Генрих успел о многом прочитать в библиотеке. Но все прочитанное открывается с новой стороны, располагается в стройном, логическом порядке; разрешаются тревожившие вопросы, пропадают сомнения. Теперь остается только приступить к опытам. И страстное нетерпение овладевает Борткевичем. Ему хотелось бы сейчас, прямо отсюда, поехать на завод и, не откладывая до утра, немедленно заточить по-новому резец и попробовать!

То, что Генрих узнал из книг и из рассказа Ивана Николаевича, — действительно интересно и необычайно важно. Если еще недавно Борткевичу казалось, что он в своих поисках стойкости резца уже подходит к концу, то теперь перед ним открывались новые, необъятные дали. И как много неожиданностей ждет его на этом пути.

Генрих узнал, что теория резания металлов родилась впервые в России. Именно русские ученые опровергли ложные взгляды зарубежных теоретиков и дали правильное объяснение происходящим в металле явлениям. Родившись в нашей стране, наука о резании металлов развивалась и совершенствовалась у нас же. Советские ученые пошли значительно дальше своих предшественников. Еще перед войной с немецкими фашистами, в различных лабораториях Москвы, Ленинграда, Томска, Киева и других городов, задумались над проблемой резания металлов с гораздо более высокой скоростью, чем раньше. Опыты начались тогда, когда еще ни один американец, немец или англичанин ничем подобным не занимался.

Почему сейчас на заводах режут со скоростью шестьдесят—восемьдесят—сто метров в минуту? Да как же иначе? Когда резец прикасается к вращающемуся изделию, он должен преодолеть сопротивление металла резанию. А стальная деталь не сдается, упорствует. Нужен очень устойчивый резец, чтобы преодолеть сопротивление, заставить деталь подчиниться, и все-таки резец долго не выдерживает, «садится», стирается, выкрашивается и затем ломается.

Пока инженеры шли по пути простого увеличения оборотов, при существовавших тогда резцах, все опыты неизменно заканчивались неудачей.

Вот станок. В патрон зажата какая-нибудь деталь. И вот ее пустили вращаться с повышенной против обычного скоростью: не на сто-двести оборотов в минуту, а, скажем, на шестьсот-семьсот. Работа резца увеличивается, резец, разогреваясь от работы, размягчается, как бы устает, наконец не выдерживает и разрушается. Вот отчего десятки лет держатся существующие ныне скорости резания!

Советские ученые все время вели поиски более устойчивых резцов. На смену быстрорежущим пришли твердосплавные резцы. Заводы и лаборатории испробовали множество всяческих твердых сплавов. Были найдены такие твердые сплавы, которые позволяли работать при большем сопротивлении металла, при больших оборотах изделия и, следовательно, достигать несколько более высоких скоростей резания.

Но все же это был лишь начальный этап пути к скоростному резанию. Даже наиболее устойчивый твердосплавный резец, заточенный как обычно, как это делали десятки лет, под положительным передним углом, не выдерживал нагрузки при очень большом количестве оборотов, и его режущее острие быстро выкрашивалось.

Словом, стало ясно, что работать при очень большом количестве оборотов с резцом острым, то есть заточенным под углом плюс несколько градусов, значительно хуже.

Но так же стало ясно, что при небольшом количестве оборотов резать металл резцом, заточенным под отрицательным углом, то есть с тупой кромкой, совсем невозможно. Резец просто-напросто не будет резать тупым концом.

Как, однако, будет вести себя такой же резец, когда столкнется с быстро вращающимся изделием? И таким ли останется металл, вступив в единоборство с твердосплавным резцом, заточенным по необычной геометрии, то есть под углом м и н у с несколько градусов?

Представим себе заготовку, зажатую в патрон и делающую в течение одной минуты тысячу — тысячу двести оборотов. А на станке Борткевича она может обернуться даже тысячу триста пятьдесят раз! Бешеная скорость... И вот резец прикасается к вращающейся заготовке. Кончик резца сломался? Нет, он выдержал первый удар и дальнейшее сопротивление резанию. Почему? Потому, что резец сделан из отличного твердого сплава, и к тому же в нем нет острия, так как резец заточен под отрицательным передним углом. Удар изделия приходится не по самой режущей грани, как это было бы при соприкосновении с острым резцом, а несколько выше.

Но это только одна сторона вопроса.

Металл при токарной обработке нагревается до высоких температур. И чем больше скорость резания, тем выше эта температура. Шестьсот-семьсот градусов... Какое это имеет значение? Огромное! Сталь, из которой сделана эта заготовка, под воздействием высокой температуры, получающейся при скоростном резании, теряет свою сопротивляемость, размягчается, становится податливой, пластически деформируется...

Так, может быть, и резец размягчится, станет податливым? Нет. Часть тепла расходуется по детали, другая — утекает в резец и в окружающую среду. Но при высоких скоростях резания тепло не успевает перейти в большом количестве в резец, а концентрируется в деформированной зоне и выделяется вместе с тем слоем металла, который отходит в стружку... Поэтому-то, если прикоснуться к изделию или к резцу, окажется, что они почти не нагреты, зато стружка раскалена, она пышет жаром, чуть ли не горит. В темноте светится ярким накалом!..

Вот почему резец не может в короткий срок перегреться. К тому же, твердые сплавы, созданные советскими инженерами, в состоянии выдержать температуру не только в шестьсот, но и в восемьсот градусов. Если они под длительным влиянием большого тепла и начнут терять свою стойкость — достаточно мгновенной передышки, секундного отрыва от металла, чтобы их режущие свойства снова восстановились.

Значит, тепловой баланс, перераспределенный по-новому, помогает резанию и в то же время способствует устойчивости резца.

Вот как объясняется это противоречие. Тупой резец не режет металл, он как бы выдавливает его вдоль своей передней грани. Размягченный, податливый металл при соприкосновении с резцом, заточенным под отрицательным углом, начинает, как говорят специалисты, «течь под резцом»... И это открывает огромные возможности для скоростного резания.

Лабораторные опыты дали блестящие результаты. Уже достигнута скорость резания в двести двадцать — двести пятьдесят метров в минуту! Вот как новая геометрия резца перевернула все привычные до сих пор представления...

Вот что узнал Борткевич. Он на своем станке достиг больших результатов и без применения новой геометрии. Что же будет, если и его резец станет обрабатывать размягченное, податливое изделие! Что будет, если он позволит шпинделю крутиться, как говорили на фронте, «на всю катушку», на тысячу триста пятьдесят оборотов!

Какой же отрицательный угол нужен резцу? Под каким углом надо его заточить? Может быть, начать с нуля, с того, что резцу придать положение ноль градусов, а затем затачивать, постепенно спускаясь все ниже и ниже? Минус два, минус пять, минус восемь... Кто его знает! Это надо тщательно, тщательно обмозговать.

Он выходит на улицу. Уже поздно. Спешат домой последние редкие прохожие. Зина ждет его? Это было бы очень неразумно с ее стороны. Хотя все-таки было бы очень приятно, если бы она сейчас вынырнула откуда-нибудь и окликнула его своим детским голоском: «Геня!» Но Зины нет. она его послушалась. Так еще лучше.

3

В комнате партийного комитета Сапожников беседовал с Паромским. Обстановка кабинета состояла из большого письменного стола, стула, двух кресел по бокам, книжного и негоряемого шкафов да вешалочки, уткнувшейся в самый угол. Все как будто говорило: «здесь не засиживаются». И в самом деле, Сапожников большую часть времени проводил в цехах, в красных уголках, в конторках инженеров.

— Цех уверенно преодолевает трудности, — говорил Михаил Антонович. — Токарный участок перестает лимитировать завод. Есть все основания думать, что в четвертом квартале завод, наконец, выполнит программу со значительным превышением. Но, понимаешь, само собой

это не придет. Надо еще многое и многое организовать. Знаешь первое правило социалистического соревнования: помогай отстающему, перегоняй передового и добивайся общего подъема... У вас, я вижу, есть чему поучиться и поучить других. Что ж ты прячешься? Выкладывай, нечего приbedняться.

— А все очень просто. Как в бою: «коммунисты вперед!» — и высота взята. Нам удалось сплотить группу токарей — членов партии, решивших во что бы то ни стало вытянуть цех в передовой ряд. Кирпичев, Колосов, Минин, комсомолец Борткевич. За ними потянулись и другие, беспартийные. Человек восемь занялись скоростным резанием... Главный заправила — Борткевич. Тихий, молчаливый, а упрямый — в отца. Из резца вытягивает резервы стойкости.

— Верно, — задумчиво сказал Сапожников, — в этом все дело, в авангарде, коммунистах. Резервы стойкости, говоришь? Да, мы такие резервы стойкости показали, что мир ахнул. Вот и тут: ищет паренек, комсомолец, будущий член партии, резервы стойкости резца, а показывает всем нам резервы наши, человеческие...

— Ты знаешь, что он придумал? — с жаром перебил его Алексей Кондратьевич. — Ведь вот какая история... В каждом механическом цехе существуют, как ты знаешь, обидные «ножницы» между машинным и вспомогательным временем...

Михаил Антонович слушал внимательно. Дело шло уже обо всем заводе, а не только о механическом цехе. И чем дольше говорил Алексей Кондратьевич, тем большей симпатией проникался секретарь партийного комитета к комсомольцу, взявшемуся за решение таких серьезных проблем.

Все рабочее время, как известно, делится на машинное время, то есть на тот период, когда станок непосредственно обрабатывает деталь, и на вспомогательное, когда рабочий меняет резец, вставляет или снимает деталь, промеряет изделие и так далее. В общем балансе, на тех деталях, которые обрабатывает цех, машинное время занимает примерно двадцать-тридцать процентов, вспомогательное — семьдесят-восемьдесят. Особенно велика разница между машинным и вспомогательным временем на так называемых мелкосерийных работах. Здесь еще чаще приходится перестраивать станок, менять резцы, подготавливать новые подсчеты.

С той поры, как токари перешли на скоростное резание, это противоречие, казавшееся до тех пор законным, естественным и неизбежным, стало вопиющим и невыносимым.

В самом деле. На изготовление партии деталей уходило раньше, скажем, триста шестьдесят минут. Машинное время составляло приблизительно сто, вспомогательное — двести пятьдесят минут. Но в результате скоростного резания обработка детали станком ускорила в три-четыре раза: теперь уже приходится затрачивать на это не сто десять минут, а каких-нибудь тридцать. Но вспомогательное время осталось прежним, все те же двести пятьдесят! Разрыв увеличился почти в четыре раза! Разве можно с этим примириться? Это нужно ломать, решил Борткевич. Он хорошо понимал, что здесь надо вгрызаться по мелочам, отвоевывать секунду за секундой.

Обычно токари имели для каждой операции специальный резец: для продольной отточки — проходной, для торцевой подрезки — подрезной, для расточки отверстий — расточной, и так далее. И всякий раз, переходя от одной операции к другой, токари поворачивали резкодержатель, закрепляли его в новой позиции и затем приступали уже к работе резцом, зажатым с другой стороны резкодержателем. На это

уходило несколько секунд. Генрих вел продольную обточку и подрезку торца одним и тем же «комбинированным» подрезным резцом, слегка видоизменив его корпус.

Так, первые секунды, много секунд были брошены в его копилку времени.

Но это было только начало.

Однажды Колосов обратил внимание на то, что Борткевич крайне редко измеряет детали.

Другие токари поступали так: каждый раз, когда на многоступенчатой детали протачивался тот или иной продольный размер, его замеряли линейкой, если не требовалась большая точность, или штангелем, или же приспособливали к станку продольный упор, уткнувшись в который суппорт с резцом дальше не мог двигаться.

Так как при работе с упором можно проточить только одну ступень, токарь обрабатывал эту первую ступень поочередно на всех деталях партии, потом так же поочередно обрабатывал вторую ступень. Так он снимал и вставлял детали столько раз, сколько было на них ступеней. Это необычайно увеличивало вспомогательное время.

При поперечной же обточке токари измеряли ступени один раз на первой детали, так как на станке имелся для последующих промеров лимб. Лимб — это приспособление в форме широкого кольца со шкалой. Каждое деление на такой шкале равно обычно 0,05 миллиметра. При помощи этого лимба резец устанавливается в то положение относительно детали, которое он занимал при первой поперечной обработке. При лимбе токарь уже не делает постоянных промеров, а только периодические, контрольные замеры.

Лимб очень помогал токарям. Но чаще всего им для промера приходилось пользоваться продольным упором, и это отнимало много времени.

Колосов, наблюдая за Геней, видел, что тот вовсе не пользуется упором.

Как будто по интуиции Борткевич чувствовал приближение того критического момента, когда надо остановить резец, подошедший вплотную к стеночке изделия. В эти мгновения он что-то шептал себе под нос, едва шевеля губами, точно заклинал кого-то и шаманил. И вдруг, лихо отвернув рукоятку, отводил резец точь-в-точь у самой стеночки.

Но это не было ни заклинанием, ни даже интуицией. Тогда как все токари работали с помощью одного лимба, Борткевич пользовался двумя — продольным и поперечным. Он измерял только первую деталь из всей партии и заносил на бумажку показания лимба. Потом он смело поворачивал рукоятку, и его резец шел теперь по радиусу изделия. После этого Геня всматривался уже в шкалу на втором лимбе и снова делал пометки на бумаге. Первая деталь была как бы пробной. После этого уже не требовалось никаких промеров. Поглядывая то на бумажку, то на шкалу, Борткевич всегда точно знал, когда надо остановить суппорт и выключить подачу. А потом, привыкнув к этому методу, Борткевич совсем отказался и от записей. Он легко запоминал все отсчеты, как хороший штурман на корабле.

Так еще никто на заводе не работал. Самый лучший токарь обычно тратил десять секунд на то, чтобы промерить каждую ступень детали. А сколько таких ступеней на изделии! А сколько изделий проходит в день! Секунды? Но они вырастают в минуты, а там, глядишь, и в часы... И та пропасть, которая отделяла машинное время от вспомогательного, стала постепенно сужаться.

Улучив свободную минутку, Генрих подозвал Колосова и показал ему всю свою механику.

— Проси, чтобы тебе второй лимб оборудовали, — посоветовал он Колосову.

Павлуша явился в конторку Паромского и шумно потребовал установки второго, продольного лимба.

— Что за безобразие! — гудел он. — Техника должна шагать вперед, а вы ей ноги сплелинали...

И он, и Минин, и Максимов, и Левшина, и многие другие стали пользоваться комбинированными резцами, управляться двумя лимбами. Паромский и Кораблев радовались: повеселело в цехе! И хотя все это свалилось сразу и подчас трудно было поспеть за всеми новшествами, за стахановцами требовательными как никогда, все же Паромский с Кораблевым чувствовали огромный подъем, приближение какого-то праздника. Они живо представляли себе, как удивляются в дирекции, в парткоме, а может быть и в министерстве: «Что это у них там произошло... Подтянулись ребята!»

«Подтянулись» — как много было в этом привычном слове!

... — Ну вот, — закончил Паромский свой рассказ, — а ты спрашиваешь, отчего цех выходит на первое место. — Оттого, что люди стали беречь секунды, — сказал он весело. — Оттого, что работают не одними руками, а и головой... — Затем встал и добавил: — Только мы с тобой время не бережем. Сидим вот, болтаем...

— Ладно, ладно, иди, ворчун... Я у тебя завтра в цехе буду.

— Мне одно только не ясно, — сказал Паромский, вспомнив, что он не в кабинете директора Кузьменко или главного инженера Марьина, а у секретаря парткома, — почему это Борткевич в партию не вступает. Комсомолец с 43-го года. Пора бы...

— А почему ты думаешь, что он не вступает? — хитро прищурился Сапожников. — Ошибаешься. По-твоему как: человек вступает в партию тогда, когда он заявление на стол кладет? Нет, это в нем постепенно зреет, наливаются. Будет еще нам Борткевич рассказывать: «Я родился в 1922 году...»

4

Какой же передний угол избрать для резцов? Где та наиважнейшая форма, та таинственная точка, которая позволит резцу проявить свою наибольшую стойкость? Все, чего добился Генрих до сих пор — отбалансировки движущихся частей станка, уничтожения вибраций, сокращения разрыва между вспомогательным и машинным временем, — все это казалось ему теперь совсем незначительным по сравнению с новой загадкой, которую предстояло разгадать.

Иван Николаевич, так же как и Кораблев, советовал Генриху, затачивая резцы, постепенно уменьшать положительный угол — как бы спускаться со ступеньки на ступеньку. Начать, скажем, с заточки под углом плюс пять градусов и дойти до нуля. Не торопиться, не забегать вперед, идти медленно, с оглядкой.

«Ну, а дальше? — спрашивал себя Борткевич. — Пусть медленно, с оглядкой... А дальше что?».

Дальше видно будет. Постепенно спускаясь все ниже и ниже, он найдет, наконец, самый рациональный передний угол резца.

Работать теперь было легко и удобно. Ничто его не отвлекало. Станок стоял на монолитном фундаменте, в стороне от других машин, и вибрации соседей сюда не докатывались. Александр Ефимович не

жалел для Борткевича новых твердосплавных резцов, широко снабжал ими и других токарей, которые последовали примеру Генриха и сами уже успешно работали на повышенных режимах. И от этого стало Геню еще легче на душе, еще радостнее работать.

Но «точка» не обнаруживала себя, с поразительным упорством ускользала она от Геня. Не зря Иван Николаевич называл ее «критической».

А между тем Генрих, не подозревая об этом, уже приближался к «критической точке». Так он достиг, наконец, переднего угла, равного плюс одному градусу. Да, резец становился все более стойким. Можно было прибавлять все больше и больше оборотов.

Временами нетерпение распирало грудь, становилось трудно дышать. В такие минуты хотелось сразу «рвануть» небывалую скорость, но он хорошо помнил рассудительное предупреждение Кораблева. «Смотрите, Геня, — говорил Александр Ефимович, — от всех этих фокусов может разболтаться вдребезги станок...» Много раз Генрих сдерживал себя, но однажды перешел от нуля градусов сразу к резцу, заточенному под углом минус семь градусов.

Резец заточен под углом минус семь градусов. Он плотно вставлен в резцодержатель и туго привинчен болтами. Изделие вертится с сумасшедшей скоростью. Оно мелькает, как пропеллер мотора, видна только колеблющаяся паутина узора... Скорость резания составляет почти пятьсот пятьдесят метров в минуту. Этого еще и у Геня никогда не бывало.

Проходит несколько минут. Резец «стоит», держится, не крошится. Геня готов торжествовать победу. Неужели, в самом деле, можно так затачивать резец? Да это невидано, неслыхано! Этому никто не поверит, не поверил бы и отец, если бы жил.

Теперь Генриху все мешает. Непомерно длинные, как оказалось вдруг, рукава комбинезона, штангенциркуль, который торчит из верхнего кармана, Зина, которая хлопчет у своего станка. И все-таки пятьсот пятьдесят метров...

И вдруг Геня чувствует: что-то неладно с мотором. У него одышка, как у человека при быстром и крутом подъеме в гору. Мотор перегревается. Буксуют ремни. И уже слышится не тот ровный, журчащий говорок двигателя, к которому Геня так привык, а какой-то заплетающийся, нетрезвый. Резец выкрошился, и мотор сразу сдал.

Скорее выключить машину. Все! Эксперимент не удался. Прощайте, пятьсот пятьдесят метров в минуту. Надо начинать сначала. Минус пять, минус четыре, минус три градуса... Дойти до нуля и попробовать снова. Терпение, терпение...

Геня останавливает станок, вынимает резец из резцодержателя. Поворачивает его в руках, рассматривает пластинку, узкую фасочку на передней грани. Долго рассматривает он выкрошившуюся режущую кромку, весь резец.

Потом откладывает резец в сторону, вынимает из шкафа другой, идет его затачивать.

Новая неудача не огорчает Геню. Он сам виноват. Даже чувствует некоторое облегчение: он еще не узнал, как нужно, но уже знает, как нельзя...

Теперь и рукава не кажутся длинными, и штангенциркуль не оттягивает кармана, и зинина ободряющая улыбка, мелькающая то и дело из-за станка, как никогда кстати.

Несколько дней проходят в таких опытах. Теперь уже Геня знает, что торопиться в самом деле вредно. Он внимательнее чем когда-либо

следит за резцом. В каком месте чаще и быстрее возникает изношенность? В каких условиях точится легко? Он пробует разные углы, разные положения. Он то придает переднему углу резкий отрицательный наклон, то меняет эту геометрию... Он устанавливает резец то прямо против центра изделия, то чуть-чуть ниже, как бы под бочок этой круглой детали... Он затачивает под углом минус пять, минус четыре, минус два, три, пробует и так и этак.

В его записной книжке растут пометки. Вот-вот он уже сможет сказать с абсолютной точностью, под каким же углом нужно затачивать его резцы, чтобы при максимальной скорости резания они выстали не десять-пятнадцать минут, а сорок пять — пятьдесят или весь час.

В самый разгар опытов Геню поражает неприятное открытие. Летит вверх тормашками вся его новая геометрия! И только потому, что луночка, образующаяся на пластинке, в несколько минут превращает отрицательный угол в положительный.

Спросите токарей, и все вам скажут, что лунка — прекрасная вещь. Старые мастера специально вытачивают на резах луночку, потому что она помогает резанию. Так учили Генриха в фабзавуче, так делал отец. На гениных резах нет нужды вытачивать луночку, она появляется сама собой — не званная, но желанная гостья. Стружка, отходя от изделия, трется о твердосплавную пластинку, в самом начале ленточки, чуть-чуть подалеже от режущей кромки. Сила этого трения при высоких скоростях так велика, что на твердосплавной пластинке образуется маленькая, сначала даже не видимая глазу царапинка, ранка. Это и есть «луночка».

Если бы ее не было, стружка вилась бы, опутывала станок, громоздилась на его движущиеся части, лезла в лицо. Ее приходилось бы оттащить крючком, отбрасывать. Но, спотыкаясь о лунку, стружка дробится и разлетается в виде мелких брызг.

Вот и хорошо, вот и радоваться бы лунке! Но нет, не все с ней ладно. Геня видит, как через несколько минут после своего возникновения лунка начинает угрожать резцу. Эта маленькая царапинка становится сначала язвочкой, потом ранкой... Она разрастается, и каждая минута соприкосновения реза со стружкой все больше и больше травмирует эту ранку. Лунка становится глубже, продолговатей... И наконец наступает такой момент, когда она оказывается у самой режущей кромки реза, заточенного под отрицательным углом.

С этой секунды резец преобразуется. Его отрицательный угол становится резко положительным.

Отчего и как это происходит?

Возьмите обыкновенную спичечную коробку. Вообразите, что это и есть та самая твердосплавная пластинка, при помощи которой и происходит резание металла.

Положите коробку прямо перед собой. Верхнее переднее ребро ее и будет, соответственно, режущей гранью, или кромкой. Если поверхность коробки совершенно горизонтальна, мы можем условно сказать, что наша «твердосплавная пластинка» находится в положении нуля градусов. Теперь наклоните коробку к себе. Задняя часть поверхности коробки приподнимется, передняя — опустится. Наша «твердосплавная пластинка» окажется «заточенной» под каким-то количеством градусов ниже нуля, то есть под отрицательным углом.

На настоящей твердосплавной пластинке, недалеко от режущей грани, есть узенькая фаска. На ней-то и появляется лунка, образующаяся вследствие трения стружки о твердый сплав. Вообразим ее и на спичечной коробке. Лунка увеличивается в глубь и в сторону

режущей грани. Наконец, она подходит вплотную к режущей грани и сливается с ней. Край этой лунки, таким образом, сам становится режущей гранью. Но ведь он возвышается над дном лунки. Этого-то раньше не было. Прежде режущая грань была самой нижней точкой пластинки, теперь же она выше точек, лежащих рядом. Другими словами говоря, с той минуты, как край лунки превратился в режущую грань, происходит образование на резце резко положительного переднего угла.

Но ведь Генрих уже знает, что острый резец не выдерживает большого количества оборотов. Это и естественно. Очень тонкая грань мгновенно накаляется. вспомните: тонкий прут всегда быстрее накаляется, чем прут толстый. Разогревшись, режущая грань не успевает отдавать свое тепло стружке и окружающей среде и мгновенно разрушается.

Вот что происходит в конечном счете от образования лунки на резце.

Как же быть? Как сохранить на резце отрицательный угол? Геня уже пробовал затачивать под углом минус семь градусов, и хотя резец не долго «стоял», зато скорость резания составляла пятьсот пятьдесят метров.

Генрих склоняется к самому резцу. Он должен увидеть сквозь надоедливую, угрожающую его глазам стружку самый момент зарождения лунки, он хочет проследить, как она растет, развивается, как раздвигаются края этой ранки.

Вот эта царапина. Она увеличивается не только в глубь пластинки, она ползет вдоль нее и пробирается к самой режущей кромке. Сейчас лунка достигнет края пластинки.

Надо остановить распространение лунки, иначе резец «сядет», разрушится. Геня понимает, что значит стать на пути неудержимо ползущей лунки! Это означает спасение резца еще на несколько десятков минут, это означает новый резерв стойкости...

Но как остановить лунку? Как залечить эту ранку?

Генрих перебирает в памяти все, что он читал у Оглобина и в других книгах, все, что слышал от Озаровского, все, что перенял от отца. Нет, не то, не то... Они знают один лишь закон: лунка помогает резанию. А здесь, в новых условиях, при скоростных методах, она и помогает, и еще больше вредит.

Что же делать?

Ах, эта лунка, эта маленькая неизлечимая ранка на резце...

5

Два дня назад Кораблев, подходя к станку Борткевича, еще издали приметил, что Геня выглядит как-то необычно. На лице его блуждала счастливая и растерянная улыбка.

— Что? — крикнул Кораблев издалека. — Нашли?

Геня посмотрел на Кораблева, потом на свой станок.

— Сколько? — спросил Кораблев.

— Страшно сказать...

— Четыреста? Пятьсот? Какой передний угол?

— Чего я только не перепробовал, Александр Ефимович! И так затачивал и этак... и до семи отрицательных градусов доходил, и обратно к пяти положительным поднимался. Зато теперь знаю: самое лучшее — затачивать под углом минус два по передней грани и плюс пять-шесть по задней... И сейчас у меня резец так заточен.

— Обороты?

— На полную катушку, Александр Ефимович... Тысяча триста пятьдесят...

— Сколько же, сколько скорость резания?

— Семьсот метров в минуту...

— Ах ты медведь! — восхищенно сказал Кораблев.

На радостях он так толкнул Генриха ладонью в плечо, что тот едва не потерял равновесие...

Это несурзное «медведь» тронуло Генриха до глубины души.

— Семьсот метров.. Я же говорю — медведь! Какой молодчага! — повторял Александр Ефимович. — Ну а как резец себя ведет? Долго выстает...?

— Он стоял бы сколько влезет, — ответил Генрих, — но его разъедает лунка. Помните, я вам показывал. Как только она доходит до передней грани, резец разрушается... Отрицательный угол становится резко положительным, и все летит к чорту...

— И что же вы сделали?

— Ломал себе голову и так и этак, уже в отчаяние приходил. Потом вдруг подумал: что если луночку подправлять оселком?.. Как только она начнет приближаться к режущей кромке, на две-три секунды отвести суппорт — и раз-раз, по резцу оселком... Смотрите!

Геня схватил из шкафа оселок из экстра-карборунда, несколько раз провел им по резцу, зажатому в резцодержателе. Только что между краем лунки и режущей кромкой резца было небольшое расстояние. Если бы лунка распространилась и на это расстояние, резец сразу бы разрушился. Но оселок стер верхние края маленькой ядовитой ранки. Она как бы съжилась, снова превратилась в невинную, а на самом деле очень полезную царапину на теле резца...

— Как вам пришлю в голову воспользоваться оселком?

— Не знаю, Александр Ефимович. Но ведь хорошо? Ведь правда, хорошо? — спрашивал Борткевич, как будто это нуждалось в подтверждении, как будто мало было того очевидного факта, что фаска на передней поверхности резца снова начала сверкать, как полированная...

— Вы Озаровскому рассказали?

— Не успел.

— Надо рассказать... Ну, теперь мы движем дело вперед, Геня... Теперь есть на что равняться.

... Это было позавчера, а сегодня Прусаков стоял у гениного станка. Над деталью всплывало легкое облачко масляного пара. Слой за слоем сходила стружка с изделия. Она синела, изгибалась в большие кольца, потом круто завивалась и, наконец, ломалась, рассыпаясь брызгами и ударяясь в решетчатое ограждение, стоявшее перед станком...

Такого невероятного вращения детали Прусаков никогда не видел. Никогда не видел он и такой зеркальной поверхности после первого же прохода резца.

Пока Генрих поправлял оселком луночку, пока он снимал одну деталь и надевал другую, Прусаков не произнес ни слова. Только когда резец, наконец, отказал, примерно через пятьдесят минут после начала работы, — Федор Алексеевич как будто очнулся от забытья...

— Какая скорость резания? — спросил он Генриха.

— Посчитайте, — ответил Борткевич. — Эта деталь имеет в диаметре 220 миллиметров... А по рычагу коробки скоростей вы можете определить обороты — 960. У вас есть логарифмическая линейка?

— Кому же ее иметь, если не нормировщику...

Федор Алексеевич сделал несложный расчет. Не оставалось ника-

кого сомнения: Борткевич резал со скоростью, превышающей 660 метров в минуту...

— Сам дошел? — спросил Прусаков.

— Полз сам, а шел и дошел вместе с Александром Ефимовичем, с Паромским, с Озаровским!

Кораблев посмотрел на Прусакова. Что сейчас скажет начальник бюро технического нормирования?

Но Федор Алексеевич молчал. То, что он увидел, поразило его. Понимают ли они, токарь и инженер, что сейчас произошло? Знают ли они, какие перспективы это открывает перед всем заводом? Да что перед заводом — перед всей страной!

Десятки лет токари работали со скоростью резания в шестьдесят-семьдесят метров в минуту. Годами в лабораториях разрабатывались, но очень туго внедрялись на производстве новые методы скоростного фрезерования и точения. А вот этот комсомолец, этот фронтовик, один из тех, что вчера шли вместе с ним, подполковником, в атаку, этот рядовой токарь уже практически применяет новые принципы резания!

Множество талантливых людей изобретают все новые и новые приспособления, конструируют новые и новые модели высокопроизводительных станков, чтобы скорее выполнить пятилетку.

Но какими семимильными шагами пойдет теперь вперед наше станкостроение, когда тысячи таких вот токарей-новаторов начнут резать металл со скоростью в пятьсот-семьсот метров... Федор Алексеевич вспомнил слова Сталина: «Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду...» Замечательные слова! Самые точные и верные: реальность послевоенной пятилетки — это Геня Борткевич и сотни тысяч таких, как он...

Кораблев ревниво следил за тем, какое впечатление произвел Генрих на Федора Алексеевича. Его уже начинал смущать отсутствующий вид Прусакова. Но вот Федор Алексеевич, взяв в руки только что выточенную Борткевичем деталь, сказал:

— Так что это ты сделал?

— Блок шестеренки.

— Нет, брат. Не шестеренку. Нечто гораздо большее. Неизмеримо большее. Я даже затрудняюсь сразу объяснить тебе, что ты сделал...

И, обернувшись к Кораблеву, Прусаков добавил:

— То, что сделал Борткевич, надо как-то обобщить. Я предложил бы поступить так: выберем какой-нибудь день. Назовем это стахановской вахтой Борткевича, что ли... К этому дню создадим Борткевичу самые лучшие, идеальные условия. Резцов — сколько угодно, заранее заточенных и проверенных. Ни одной минуты задержки с подачей деталей. Тщательно выверенный станок. Посмотрим, что он сможет дать при таких идеальных условиях. Изучим возможности его нового метода.

— Стахановская вахта... — сказал Геня. — Это мне нравится.

— Хорошо бы приурочить ее к какому-нибудь празднеству, — предложил Александр Ефимович.

— Можно и без этого, — смутился Борткевич. — Впрочем, двадцать третьего февраля годовщина Советской Армии. Как никак у меня с ней связаны серьезные личные воспоминания. Пусть это будет вахта в честь Советской Армии. Хорошо?

— Отлично! — сказал Прусаков. — Лучше и не придумаешь.

— Только не в самый день годовщины, а немного пораньше, — предложил Кораблев. — Проверим, и тогда уже сделаем подарок к празднику. Стахановская вахта — девятнадцатого.

— Согласен, на все согласен, — горячо подхватил Прусаков.

Александр Ефимович отправился в Дом техники, как в разведку. Перед тем как зайти в отдел новой технологии, которым, как он успел выяснить, заведывал опытный инженер Заманский, Кораблев прошелся по широким коридорам, внимательно изучил висевшие на стенах таблицы, фотографии, диаграммы и чертежи. Теперь он уже мог не бояться Заманского. Его завод, во всяком случае, не отстал от других ленинградских предприятий.

Заманский принял Александра Ефимовича, как старого знакомого.

— Вот и хорошо, что пришли! Как нельзя более кстати. Первая ласточка с завода Свердлова... Что там у вас слышно? Говорят, и вы кое-что делаете по скоростным методам?

— Да, и мы кое-что делаем... — сказал неопределенно Кораблев.

— В городе созывается в конце месяца конференция по обмену опытом. Чувствуете, какое придается этому значение? Обещали приехать профессор Соколовский, доцент Оглоблин, еще кое-кто. Вам придется выступить. Настало время обменяться опытом.

— А каковы успехи в скоростном резании? — осторожно спросил Александр Ефимович.

— Успехи очень большие. Сейчас уже нет, кажется, такого предприятия, где бы не применялись скоростные методы резания. Почему-то особенно бурно начали они развиваться именно в этом году. И не только во фрезеровании, но, заметьте, и в точении.

— Да. Пятилетка толкает творческую мысль, — сказал Кораблев. — А все-таки каких скоростей достигли уже на предприятиях? У вас все материалы, вы должны знать.

— Конечно, конечно, мы знаем. Скорость резания в двести метров в минуту перестала быть новинкой для очень многих предприятий. Но отдельные, самые талантливые и передовые стахановцы уже достигают трехсот метров, даже трехсот пятидесяти... Правда, это только одиночки. Партия нацеливает нас на то, что пора переходить от индивидуальных успехов к скоростному резанию, как к методу. Необходимы целые участки, а потом и целые цехи скоростного резания. Вот в чем задача. Что вы на это скажете?

— А вы могли бы в один из ближайших дней заглянуть к нам на завод на полчаса?

— Вы собираетесь удивить нас чем-то более значительным?

— Пожалуй... Приходите, и я покажу вам двенадцать скоростников, которые уже перешагнули через триста метров. А еще познакомлю вас с одним токарем, который добился скорости резания семьсот метров в минуту.

— Семьсот? Бросьте шутить...

Они условились встретиться на заводе через три дня. Заманский обещал привести с собой всех своих инженеров. Кораблев пообещал подготовиться и выступить на конференции.

— Может случиться, что вся конференция пожалует к вам в цех...

— Все может быть, — сказал Кораблев.

Вечером, накануне прихода инженеров из Дома техники, Александр Ефимович собрал токарей и рассказал им о своей беседе с Заманским. Он роздал резцы, велел заранее заточить их и предупредил каждого о том, какие детали предстоит обработать. Надо было заблаговременно продумать все процессы и последовательность операций.

— Ну как, — сказал он, — не подкачаете?

Все рассмеялись, а Павлик Колосов только махнул рукой: «Пускай приходят!»

Инженеры появились на заводе рано утром, сразу же после начала утренней смены. Это было неожиданно, но всем очень понравилось. Кроме Заманского, был здесь еще начальник лаборатории резания Дома техники Лукин и несколько других инженеров, которых на заводе не знали.

Над станками вились дымки. Уже возле Кирпичева гости начали удивляться. Одного опытного взгляда на вращающееся изделие было достаточно, чтобы определить, что тут работают при огромном количестве оборотов. О диаметре можно было судить по стоявшим на тумбочках заготовкам, дожидавшимся очереди попасть в обточку. Но инженеры хотели зафиксированных данных, точных цифр, поэтому они засыпали Кораблева вопросами. Если Александр Ефимович что-нибудь забывал, его тут же выручал Алексей Кондратьевич Паромский, на зубок знавший все диаметры, все номера деталей.

Лукин торопливо заносил в записную книжку показатели скоростей. Он не очень-то доверял рассказам и потому часто прибегал к логарифмической линейке. Меньшей скорости резания, чем триста метров, не было ни у одного из токарей, к которым Александр Ефимович подвоядил инженеров.

Так гости переходили от станка к станку, от Кирпичева к Левшиной, от Минина к Максиму и Колосову, и наконец остановились возле Борткевича.

Завидев подходящих инженеров, Геня оторвался от станка, едва заметно улыбнулся Кораблеву и кивком головы поздоровался с остальными.

— Товарищ Борткевич, — сказал Александр Ефимович, — к нам на завод пришли представители Дома техники. Вам не помешает, если они посмотрят вашу работу?

— Пожалуйста, — кротко согласился Геня.

— Что вы сейчас точите?

— Деталь «1107». Блок шестерни.

— Диаметр двести тридцать миллиметров, — пояснил Кораблев. — Идет для нового копировально-фрезерного автомата.

Инженеры понимающе поддакнули. Они знали и эту деталь, и этот станок, недавно освоенный заводом Свердлова.

— Дадим скорость резания — триста двадцать метров. Товарищ Борткевич, поставьте, пожалуйста, четыреста пятьдесят или сколько там оборотов... — продолжал Кораблев.

— Четыреста пятьдесят два, — уточнил Геня.

Резец уже находился в резцодержателе. Через несколько секунд режущая кромка его твердосплавной пластинки прикоснулась к детали. Стружка летела во все стороны, и Геня боялся, как бы она кого-нибудь не поранила. Но инженеры не обращали на нее никакого внимания. Они жадно следили за каждым движением Борткевича. В какую-то минуту стружка ужалила шею Лукина, но он только досадливым движением смахнул ее, продолжая делать свои пометки в блокноте.

Металл отходил с такой легкостью, резец вел себя так «примерно», что Кораблев скоро велел увеличить число оборотов.

— Семьсот десять, Александр Ефимович, — сказал Генрих. — Потом посмотрел на табличку и добавил: — Скорость резания пятьсот двенадцать метров в минуту.

Инженеры переглянулись. Не давая им опомниться, Кораблев тихо скомандовал:

— Ну-ка, еще немножко...

Генрих переключил рычаг скоростей на 960 оборотов.

— Погодите, — сказал взволнованно Лукин, — ведь это уже свыше шестисот метров в минуту... Борис Семенович, глядите, это больше шестисот метров!

— Что же я могу сделать? — рассмеялся Заманский.

Через несколько минут новый блок шестерни был готов. Он переходил теперь из рук в руки — чистенький, как будто полированный. И пока инженеры его рассматривали, Геня вставил новую деталь.

— Ну, что же, — говорил Александр Ефимович, все больше оживляясь, — вы уже могли заметить, что не в характере Борткевича стоять на месте. Генрих Станиславович, теперь покажем товарищам представителям ваш рекорд.

Заманский, Лукин и все, кто пришел с ними, уже не удивляются. Они только смотрят как зачарованные. И ведь что удивительно: резец не крошится, не «садится». Он прекрасно справляется со сталью, он как бы играючи отслаивает ее.

— Семьсот метров, — восхищенно шепчет кто-то сзади Лукина.

— А вот сейчас попробуем еще больше, — произносит Кораблев. — Включите, Геня, как вы любите говорить, «на полную катушку»... Тысячу триста пятьдесят оборотов.

Борткевич удивленно поднимает глаза. Что это, Кораблев шутит? Резать со скоростью 780 метров? Резец не выдержит! Геня и наедине с собой не пробовал работать с такой скоростью. Зачем же срамиться при людях? Но Кораблев подбадривает его: «Смелее, смелее, что мы теряем... Бывают неудачи, на которые тоже стоит посмотреть!».

Геня отводит ручку скоростей до отказа. И в эту же минуту раздается неприятный треск. Все. Резец выкрошился. Мгновенно начинает задыхаться мотор.

— Ну вот, теперь мы знаем, что такой скорости давать нельзя, — смеется Александр Ефимович. — И это нам тоже важно было установить. Меняйте резец.

«Скоро ли они уйдут? — думает Геня с тоской. — Устроили здесь спектакль!»

Но инженеры не собираются уходить. Наоборот... Едва только Геня, сменив резец, начинает снова обрабатывать деталь, как один из инженеров, который до сих пор непроницаемо молчал и никак не выражал своего отношения к столь высоким скоростям (Кораблев давно его заметил в группе гостей), неожиданно выдвигается вперед. Он достает из бокового кармана небольшой приборчик. Инженер упирает узкий тупой носик прибора в ось вращающейся детали.

Это прибор для определения числа оборотов и скорости резания.

«Тахометр, — усмехается Геня. — Не верит! Что ж, пускай, пускай проверяет своим тахометром».

Стрелка прибора показывает тысячу триста пятьдесят оборотов. Инженер, пряча тахометр, говорит:

— Все точно.

— Без обмана? — спрашивает Кораблев. — Я не сомневаюсь, что найдется очень много людей, которые не поверят в возможность работы при таких скоростях. Но, кажется, в этом и состоит задача Дома техники: пропагандировать достижения новаторов и убеждать малoverов? «Теперь все», — с облегчением думает Генрих.

Но не тут-то было. У гостей есть вопросы, очень много вопросов.

— Сколько времени в среднем выстает резец?

— Какое образование получил товарищ Борткевич?

— Не считает ли он нужным увеличить мощность мотора?

— Как часто и на каких деталях Генриху Станиславовичу удалось достигать скорости резания в семьсот метров?

— Как отражается скоростной режим резания на состоянии станка?

Боже мой! Они просто забыли, что он рядовой токарь, не инженер, вовсе не инженер. Генрих не может ответить на весь этот поток вопросов. То есть он мог бы ответить, но ведь еще смена не кончена. У него не выполнена еще сегодняшняя норма. Через несколько дней он станет на стахановскую вахту, чтобы зафиксировать максимально возможную производительность труда при самых благоприятных условиях. Но ведь и к стахановской вахте надо подготовиться...

— Мы придем, — говорит Заманский. — Гоните нас — не гоните, мы все равно придем... А на вопросы вам придется ответить. Если хотите знать, это репетиция. Теперь вам часто придется удовлетворять любопытство...

Геня согласен. Он согласился стать на стахановскую вахту: он хочет, чтобы все токари на заводе увидели его метод в действии, переняли и осуществили. А раз так — ему не на кого пенять.

Он отвечает на вопросы инженеров.

Мощность мотора необходимо увеличивать. И продольный лимб установить нужно, он сокращает вспомогательное время. Какое у него образование? Десять классов вечерней школы рабочей молодежи и, кроме того, фабзавуч. Он не находит, что скоростное резание отражается на состоянии станка. По крайней мере, его станок в отличном состоянии. Только необходимо отбалансировать все движущиеся части, чтобы не было вибраций. А резец у него «стоит» сорок, пятьдесят и даже шестьдесят минут. Вообще он считает твердый сплав «Т15К6» отличным сплавом. Он очень устойчив. Как затачивать резцы? Это каждый раз нужно решать по-разному, в зависимости от качества обрабатываемой стали, твердости сплава и так далее. На его деталях самым лучшим оказался угол минус два градуса по передней грани. И вот еще что важно. Лунку нужно править экстра-карборундовым оселком. Кораблев не рассказывал им об этом? Но ведь они видели, как он это делает...

Глава 6

ЧТО ТАКОЕ ПРЕДЕЛ?

1

Уже через несколько дней Генрих очень пожалел о том, что согласился стать на стахановскую вахту. Ему стало страшно. Готовилось что-то серьезное, значительное, казавшееся ему не по силам. Это чувствовалось и по тому, что несколько раз в течение дня к станку Гени приходил Сапожников, и по тому, с какой сосредоточенностью следил за его работой Петр Иванович Марьин.

Приходил и старик Скворцов. Он качал головой, протирал стекла очков, потом сказал:

— Не верил. Говорил: «не может быть!»... А ты Стаську перецеголял...

Прусаков не отходил от Борткевича. Однажды он прислал хронометражистку. Она отмечала каждое генино движение. Это очень сердило и нервировало Генриха. Только Александр Ефимович в эти дни постарался отойти в тень. Впрочем, именно в это время директор завода Кузьменко решил укрепить инструментальный цех, и Кораблев был назначен его начальником. Может быть, все дело в этом?

Инженеры признали Геню. В этом не было теперь никакого сомнения. Но как ни странно, ему этого было мало, он страстно ждал признания токарей, своих товарищей по профессии. Только тогда он поверит, что скоростное резание — хороший метод работы для каждого настоящего мастера.

Стахановская вахта должна была дать ответ: признают ли его токари?

Тревога в душе росла. Но Минин и Колосов посмеивались над его страхами.

— Давай, давай, — говорил Яша, — а мы за тобой...

— Нет, разве за ним теперь угонишься? Вот если б мне такой же быстроходный станок, как у него, тогда бы мы поговорили... — откликнулся Колосов.

С тех пор как ушла хронометражистка, прошло несколько дней, и Геня уже начинал забывать о ней. Но однажды его позвали в партком. Здесь, в присутствии Кузьменко, Марьина и Сапожникова обсуждались результаты хронометража. Геня и сам не ожидал таких интересных наблюдений. Партию деталей «2722» — одиннадцать цилиндрических шестерен — он обработал за 36 минут. А по норме на эту работу полагалось три с половиной часа. Части шестерни с диаметром 65 миллиметров он резал со скоростью 276 метров в минуту, а на диаметре 154,2 миллиметра — скорость резания составляла 653 метра.

Но не это удивило Генриха. Эти итоги он и сам уже раньше подвел. Поразило то, что рассказывал Прусаков о ритме его работы.

— Смотрите, — докладывал Федор Алексеевич. — Я передаю вам процесс работы товарища Борткевича, как он зафиксирован хронометражисткой. Вот Борткевич взял деталь, надел на оправку, закрепил и включил станок. В первых двух деталях из одиннадцати он тратил на этот процесс по десяти секунд; в третьей — двенадцать, четвертой — тринадцать, потом снова — десять, одиннадцать, двенадцать... В среднем такая операция у него отнимала одиннадцать и три десятых секунды. Отклонение в ту или другую сторону составляло всего лишь одну-две секунды.

Теперь станок включен. Борткевич подводит резец. Протачивает диаметр 154,2 миллиметра и торец. Из всех одиннадцати деталей самое большее время отняла четвертая. Сорок восемь секунд. Наименьшее — девятая — сорок две секунды. В среднем же операция занимала сорок пять секунд. Отклонение в ту или иную сторону — три секунды.

Снятие фаски, проточка другого диаметра — та же картина. Поражительная ритмичность... И не под воздействием конвейера, не так как у Форда, не из-под палки надсмотрщика-мастера, не из страха потерять работу. В чем же источник? В органической культуре производства, в том, что у станка стоит советский человек, для которого труд — радость и творчество...

«Органическая культура производства!» Если бы то, что говорил Федор Алексеевич, относилось к другому человеку, Генрих с удовольствием слушал бы Прусакова. Но теперь он ощущал мучительную неловкость. Это смущало его так же, как иногда его отца — любопытные, восхищенные и нескромные наблюдатели.

Но этот разбор результатов хронометража был только началом, только подготовкой к стахановской вахте. Там не одна пара глаз, а десятки будут следить за всеми его движениями!

Генрих и раньше работал очень ритмично, поражал всех изяществом своих движений. Это он перенял от отца. Но это была не только врожденная привычка, природная внутренняя изготовка. Геня и раньше

понимал, как это важно в работе, но он никогда не подозревал, что ритмичность дает такие огромные и наглядные результаты, что несколько сэкономленных секунд в одной операции способны оказать такое влияние на весь ход рабочего процесса.

Результаты хронометража обрадовали Геню, но не рассеяли его опасений перед быстро приближавшимся девятнадцатым февраля. Зина не разделяла гениных тревог. Она верила в него больше, чем он сам в себя. Стахановская вахта сулила новый успех. Чего же бояться и зачем прятаться?

— Ты еще девочка, Зина, ты просто маленький ребенок и ничего еще не соображаешь, — говорил Геня, подшучивая над женой.

Но и Бронислава Осиповна становилась на зинину сторону. Пусть ребенок, и даже маленький ребенок, а говорит Зина правильно! Чего там!..

Так или иначе, отступить было уже поздно.

2

Вечером восемнадцатого февраля Борткевич приготовил восемь отличных резцов, заточил их под углом минус два градуса и уложил ровными рядами на стеллажах своего шкафа. Этого должно было хватить с избытком. Еще и еще раз прочитал он чертеж детали, окончательно установил порядок операций. Ему была назначена партия конических шестерен, деталь «20044».

— Сколько выполнишь норм? — спросил Паромский.

— Не знаю, — рассеянно отвечал Генрих. — Как выйдет. Семь, восемь...

Утром, проходя мимо вахтера, он увидел висевший в проходной плакат: «Сегодня, 19 февраля, токарь Борткевич вступает на стахановскую вахту в честь тридцатой годовщины Советской Армии. Привет передовому стахановцу!» На стене перед его шкафом висел такой же лозунг.

Токари встретили Генриха с необычной серьезностью. Каждый подходил и пожимал руку. За несколько минут до начала смены в цехе показался Паромский. Он поздоровался, сказал тихо:

— Волнуешься? Не надо.

Потом прибежал запыхавшийся Александр Ефимович. Заглянул сквозь приоткрытую дверцу в шкаф.

— Готов?

— Готов, — ответил Геня, — а вы будете в нашем цехе, Александр Ефимович?

— Обойдетесь без «скорой помощи». Впрочем, забегу.

Пришел Сапожников, поздравил со вступлением на стахановскую вахту, придирчиво осмотрел цех, генин станок и ушел как будто удовлетворенный.

Чем ближе подбиралась стрелка стенных часов к двенадцати, вздрагивая на каждой минуте и тяжело подскакивая, тем большее волнение охватывало Генриха.

И вот она достигла самой верхней точки и замерла на двенадцати. Восемь часов утра.

Геня включил мотор, подвел резец и начал точить первую деталь, благоговременно вставленную в патрон.

Над станком закурился привычный дымок. Стружка взлетала вверх, рассыпалась в стороны, затем, шурша, ложилась вокруг ног Борткевича. Вскоре с патрона была снята первая отработанная коническая шестерня. Геня лихо поставил шестерню на пол. Она сверкнула писаной краси-

цей перед батареей грубо ободренных заготовок. Здесь был приготовлен запас нескольких дневных норм. Все это предстояло превратить в изящные, блестящие шестерни.

— Хватит вам? — крикнула из окошечка кладовой Ната Чернецова и показала глазами на заготовки.

Геня улыбнулся, закивал головой. Он успел заметить, что и Зина заулыбалась в ответ Нате, как будто предвосхищая его ответ, и Генрих с нежностью подумал о жене.

Уже через несколько минут после того как была снята первая деталь, Геня перестал замечать и Зину, и Нату, и Минина, и других токарей, поглядывавших в его сторону. Он весь вошел в ритм работы.

Геня резал со скоростью, приближавшейся к семистам метрам в минуту. Эта скорость уже не была для него необычной. Но никогда еще до того он не работал так споро и счастливо. Резец снимал стружку с такой легкостью, точно не встречал никакого сопротивления со стороны детали. Маховички поперечной и продольной подачи так послушно вертелись, словно им самим это было очень приятно. Одного наклона гениного корпуса было достаточно, чтобы снятое со станка изделие оказывалось в горке обработанных деталей. Обратный поворот корпуса — и выхваченная из горки заготовка уже с величайшей охотой входила в освободившийся патрон.

Без двадцати минут девять Борткевич закончил первую дневную норму токаря. А день только начинался.

Генрих почувствовал новый прилив сил и весело бросился в атаку. Совсем исчезли все страхи, одолевавшие его так недавно. Он стал даже подпевать в лад своим достижениям. «Я резал так, как я еще не резал, резьба вилась, мне сердце веселя...» — вспомнились ему собственные, но как будто в другой жизни и кем-то другим написанные строчки.

Теперь уже он не считал ни минуты, ни шестерни, вырвавшие в батарею возле быстро уменьшавшейся горки заготовок. Ната Чернецова, следившая за тем, как тает поставленная ею огромная партия, быстро поднесла новые заготовки.

К концу одиннадцатого часа Борткевич выточил четыре с половиной нормы.

Где-то за его спиной все та же неугомонная Чернецова выводила на доске показатели стахановской вахты. Геня не знал об этом, он не оборачивался в ее сторону.

Цех постепенно заполнился множеством людей. Здесь были Сапожников, Озаровский, пришли незнакомые люди. В одних Геня угадывал инженеров, повидимому из Дома техники, другие были как будто рабочие. Прусаков пригласил токарей из соседних выборгских заводов посмотреть на генино мастерство. Кораблев стоял в стороне, издали наблюдая за происходящим.

Люди постепенно стали подвигаться к Гене, и вскоре совсем обступили генин станок полукругом. Казалось, никто, кроме Борткевича, не работал. Так и есть: и Колосов, и Левшина, и Кирпичев — все остановили свои машины. Необыкновенная тишина воцарилась в огромном зале, и она больше чем что-либо взволновала Геню. Он почувствовал острое желание затануться папирсой.

Не успел он дотянуть руку к карману комбинезона, где лежали папирсы, как Павлик Колосов, угадав его желание, раскрыл перед ним свой портсигар, а Яша Минин уже приближался с зажженной спичкой.

Геня почувствовал себя счастливым как никогда. Вокруг — друзья. Они сейчас хоть и не работают, но живут в одном ритме с ним, и отойди он усталый сейчас от станка, они станут вместо него, будут

продолжать дело за него, бороться за его славу, точно так оно и должно быть.

И как бы в подтверждение этого Павлуша Колосов вдруг схватил масленку, и, никого не спрашивая, начал быстро смазывать станок.

— Товарищи конструкторы еще не устроили нам автоматической смазки, — задорно крикнул Павлик в сторону инженеров, — так уж я за них постоаюсь, Генька!

Это было не плохо сказано! Все в цехе сразу оценили по достоинству слова Колосова. Ничего, мол, не поделаешь, товарищи конструкторы, придется и вам равняться по стахановцам-токарям!

Геня работал на глазах у всех, резал с невероятной скоростью, и ему вовсе не мешала толпа смотревших людей. Само собой пришло ни с чем не сравнимое чувство душевного подъема оттого, что люди во-круг тебя страстно желают тебе удачи!

Уже подходила к концу половина седьмой нормы, и Ната Чернецова, стоявшая у доски с мелком в руке, испуганно поглядывала на часы.

Приближался полдень, время обеденного перерыва.

Беспокойство Чернецовой передалось Алексею Кондратьевичу. Он догадался, что к концу дня, чего доброго, нехватит заготовок. Кто же мог предположить, что Борткевич в течение одного дня выполнит норму десяти-двенадцати токарей! А дело шло именно к этому.

Паромский сначала удивлялся, потом радовался, а затем начал тревожиться. Хорошо еще, что Кузьменко не было на заводе. Несколько дней тому назад директор по вызову министерства уехал в Москву.

Леша Андреев, мастер, первый заметил беспокойное выражение лица Алексея Кондратьевича. Перехватив его тревожный взгляд, он спросил Паромского, что предпринять. Паромский направил его к обдирщикам. Обдирщики должны выручить! Едва ушел Леша, Левшина подошла к Паромскому и тихо сказала ему, что если нужно, она готова стать на обдирку.

В эту минуту к Паромскому подошел сияющий Андреев и тихо сказал:

— Обдирщики уже нажимают...

Всего этого Генрих не знал. Но когда в цех вошел запыхавшийся Прусак, Геня заметил его и радостно кивнул ему головой.

— Как дела? — спросил Федор Алексеевич.

— Седьмая норма, — ответил Марьин.

Было ровно двенадцать, час перерыва. Генрих выключил мотор, поставил на пол деталь, разогнул спину и сладко потянулся.

3

— Это непорядок, — сказал Петр Иванович начальнику цеха. — Вахта-вахтой, а ваши рабочие больше получаса стояли без дела, следили за Борткевичем. Распорядитесь, чтобы все были за станками.

Паромский не обиделся. Он знал, что Марьин напускает на себя строгость, а на самом деле душа его полна радостью до краев. Теперь на заводе пойдут большие дела! То, чего добился Борткевич и что завтра переймут многие, открывало такие перспективы, что получасовой простой цеха казался по сравнению с этим сущим пустяком.

И в самом деле, сердитые слова Марьина вовсе не выражали того, что сейчас думал и чувствовал Петр Иванович.

Марьин думал об очень далеком времени, о собственном детстве и юности.

Перед его глазами встал пропыленный уездный городок Владимирской губернии со странным названием Гусь-Хрустальный и пыльные цехи фабрики Нечаева-Мальцева.

Вечно полусонный мальчишка в огромном отцовском картузе, Петька Марьин был сыном старого бердовщика, пятьдесят шесть лет проработавшего на текстильной фабрике Нечаева-Мальцева. Мать малыша тоже была ткачихой. Когда Петьке исполнилось три месяца и родители поверили, что он выживет, его записали в очередь на работу. Да, уже в трехмесячном возрасте он «стал на учет»!

Детей было десять человек: десять голодных и жадных ртов. А женовня отцу платили двадцать рублей в месяц, матери — семь-восемь рублей.

Очередь на вакантное место пришла как раз тогда, когда Петьке стукнуло одиннадцать лет. Никому и в голову не приходило, что можно отказаться от такого счастья. Михаила, старшего брата, записали только в десятилетнем возрасте, так он до двадцати лет так и не мог поступить на фабрику. Все случайными заработками пробавлялся.

Петька чистил котлы. В маленькие окошечки котлов мог пролезть только ребенок, и поэтому дети считались котлочистами по специальности и, кажется, даже по призванию. Петька Марьин очень старался — и выдвинулся. Его перевели в механический цех убирать стружку. А через много лет он стал и учеником слесаря.

...Петр Иванович видел сейчас этого мальчугана с такой ясностью, будто все это было только вчера. Вот их душная комнатка, освещенная коптящим фитильком. Четвертый час ночи. Эту неделю он работает с четырех часов утра до четырех дня. А со следующей будет работать по ночам. Мать тормошит его, а он никак не поймет, чего от него хотят. Но вот добрая и терпеливая мать ставит Петю на пол и, поддерживая свободной рукой, обдает Петю холодной водичкой, чтобы он, наконец, очнулся. Он сразу пробуждается, садится за стол, пьет кипяток с сахаром в прикуску, заедает краюхой хлеба и выбегает на улицу. Еще совсем темно. Вдоль дощатых заборов жмутся человеческие тени. Это рабочие спешат на фабрику Нечаева-Мальцева..

Почему об этом вспомнил сейчас главный инженер завода? Не завидовал ли он, пожилой человек, получивший при советской власти образование, занимающий высокий и почетный пост, — не позавидовал ли он этому двадцатипятилетнему рабочему, отдохавшему среди своих друзей после четырех часов чертовски напряженной работы?..

Да, он ему завидовал!..

— О чем задумались? — спросил Петра Ивановича Сапожников.

— Вспомнил знакомого мальчика из городка Гусь-Хрустальный. Есть такой населенный пункт во Владимирской губернии.

— Теперь это область, — поправил Михаил Антонович.

— Да, теперь это область, — улыбнулся Марьин, — а мальчик уже вырос, поседел.

— Поседел? — рассеянно повторил Сапожников. — А я думаю о другом. Вот говорят: «человек — царь природы»... Красиво; и в общем правильно. А рядом существовала так называемая житейская мудрость о пределе его власти над природой. И вот я думаю о том, что пятилетки сломали не одни лишь технические устаревшие нормы. Они сломали самую психологию предельчества. Они доказали, что человек все может, когда ему есть за что бороться. И это так впиталось в плоть и кровь советских людей, что двадцатипятилетний комсомолец, токарь и сын токаря, без страха и колебаний берется за дело, которое испугало бы самых ученых людей. Берется — и решает. А после него еще дальше

и дальше движутся люди — без конца, без предела.. Это движение по всем законам советской жизни никогда не остановится! Так, Петр Иванович? Прав я?

— Прав, Михаил Антонович, прав,— вмешался, подходя, Прусаков,— ты уж извини, что я перебиваю. А знаешь, я представил себе, что скажут в министерстве. Запроектированные конструкции нельзя так оставлять, придется переделывать. Станки с прежней коробкой скоростей не годятся. Критерии стойкости резца тоже нужно пересматривать... Они устаревают на глазах...

— Ты подал правильную мысль,— живо откликнулся Марьин.— Надо и нашим конструкторам об этом сказать. Универсальную машину, которую они проектируют сейчас для расточки легких сплавов, надо будет переделать. Сегодня кончилась судьба этой прежней универсальной машины. Она рассчитана на полторы тысячи оборотов. Надо увеличить до двух тысяч. И стоит ли оставлять ей прежнее назначение? Не зачеркнуть ли в паспорте эту фразу: «расточка легких сплавов»?..

— Погоди, погоди, Петр Иванович. Это ты слишком. Сейчас еще ни к чему такое количество оборотов. Даже резцов подходящих еще не изобрели.

— Сейчас — ни к чему. А через год-полтора, может быть, появятся такие твердые сплавы, которые выдержат любую нагрузку. И даже очень может быть. Скоростное резание заставит призадуматься не одного металлурга, специалиста по специальным сталям... Так и пойдет одно за другим. И нужно опережать время...

Они еще долго и горячо спорили и едва не пропустили начала второй половины стахановской вахты.

...Снова летела стружка. Опять и опять снимал Борткевич отделанные шестерни. Ната Чернецова относил их в кладовую, потом подходила к доске, писала мелом. Прошел час. На доске появилось: «14 часов ноль-ноль минут — 8 норм...»

Глава 7

ПОСЛЕ ВАХТЫ

1

После вахты был митинг.

На митинге Петр Иванович вручил Борткевичу подарок дирекции, парткома и заводской профсоюзной организации — серебряный портсигар с надписью: «Г. С. Борткевичу. За исключительно высокую производительность труда». Поздравляя Генриха, Марьин рассказал всем собравшимся, что их товарищ впервые в мире в заводских условиях резал металл со скоростью семьсот метров в минуту. Отдельные советские научные коллективы, отдельные исследователи иногда достигали почти такой же производительности, но в заводских условиях, да еще в течение целого рабочего дня — такого успеха никто не знал.

В день стахановской вахты Борткевич выполнил свою дневную норму на 1296 процентов. Он сделал столько деталей, сколько полагалось сработать тринадцати квалифицированным токарям. Проблема скоростного резания теоретически и практически впервые была разрешена в научных учреждениях в СССР. Теперь она у нас же, впервые в мире, разрешена в заводских условиях. Можно не сомневаться, закончил Марьин, что за Борткевичем последуют другие стахановцы, и скоростное резание будет практически внедрено в повседневную заводскую жизнь во всей стране.

Все почувствовали, что произошло уже нечто важное, но впереди — нечто еще более важное.

Выступали и многие другие, но особенно запомнилось всем, что сказал Алексей Кондратьевич Паромский. Повернувшись к Марьину и протянув ему книжечку в синем коленкоровом переплете, Алексей Кондратьевич прочитал вслух вытисненные на ней слова: «Справочник режимов резания».

— Возьмите, Петр Иванович, — сказал он.. — Этот справочник теперь ни к чему. Он и раньше отставал от жизни, а нынче и совсем не годится. Никак не угадаться авторам таких нормативов за нашими стахановцами. Что ж, тем хуже для авторов, тем лучше для промышленности...

И Марьин под смех и аплодисменты присутствующих взял из рук Паромского книжечку,

...Об успехе Борткевича, о митинге Марьин сейчас же написал Кузьменко. Директор все еще находился в Москве, и надо было сообщить ему о заводских делах. Если найдет нужным, пусть расскажет обо всем этом в министерстве.

Владимир Петрович получил письмо перед самым отъездом, спустя пять дней после стахановской вахты Борткевича. С вокзала, не заезжая домой, он направился на завод. Шофер вез его необычайно медленно — так, по крайней мере, казалось Кузьменко.

— Что там у нас слышно? — спросил Кузьменко.

В глубине души у директора копошилось чувство ревности. Он понимал, что нельзя было откладывать стахановскую вахту Борткевича и все остальное только потому, что его не было тогда в Ленинграде. И все же было обидно, что такие важные события произошли без него.

Шофер легко разгадал эти чувства Кузьменко. Поэтому он ответил почти скупающим тоном:

— Ничего особенного, Владимир Петрович. Стоим на той самой улице...

— Ну, значит, ты не в курсе!

— Как сказать... — уже немного обиделся шофер.

Едва машина свернула на Свердловскую набережную, Кузьменко бросилось в глаза множество автобусов, вытянувшихся длинной лентой вдоль заводских зданий.

— Что это такое?

— Экскурсии, Владимир Петрович.

— Какие такие экскурсии?

— Ездят, смотрят... Со всех районов съехались токари посмотреть: правда ли, что пишут газеты про нашего Борткевича. И я ходил смотреть, не скрываю...

То, что увидел Кузьменко, проходя мимо вахтера и затем поднявшись в контору, было достойно удивления. Коридоры заводоуправления кишели народом. Какие-то посторонние люди совершенно запросто входили и уходили... Заглянув в кабинет главного инженера, Кузьменко обнаружил и здесь небывалое скопление людей. Это были заводские работники, преимущественно конструкторы, но на совещание это не было похоже.

— Владимир Петрович! — обрадовался Марьин. — Когда приехал? Мы тебя ждали.

— Только с вокзала. Что у вас здесь происходит?

— Садись, рассказывать долго. Люди перешли на новые методы. И представляешь себе, когда токарный участок рванул вперед, чертовски отстала от него обдирка. Борткевич решил повторить вахту, но ему

пришлось работать всего полдня: нехватило заготовок! Скандал! С теми станками, что стоят у нас на обдирке, мы не в состоянии угнаться за токарями. А тут еще хлынула толпа рабочих со всех ленинградских заводов. Учатся, интересуются. Как говорит Паромский: не завод, а туристская база. Да ведь не откажешь! Совещание по скоростному резанию, проводившееся на днях в городе, пришло к нам в полном составе.

Кузьменко усмехнулся.

— С экскурсиями мы как-нибудь справимся. А что ты думаешь делать с обдиркой?

— Сейчас тебе доложит Ходжаев.

Невысокий черный человек бросился из кабинета главного инженера в соседнюю комнату. Через несколько минут он вернулся с ворохом чертежей. Он так торопился, что чертежи разлетались у него из-под рук, и ему приходилось несколько раз поднимать их с пола. Наконец, справившись с бумагами, конструктор разложил их на столе Марьина.

Патрон для зажима поковок на токарно-револьверном станке, сконструированный Ходжаевым, был необычайно эффективным. Он имел совершенно мертвую хватку. Если «зажимное усилие» американского патрона, к примеру, составляло около пяти тонн, то теперь, с установкой патрона Ходжаева это «зажимное усилие» повышалось сразу до сорока тонн. В восемь раз больше! Поковку можно было одновременно и сверлить, и обдирать.

— Долго над этим работали? — спросил наконец Кузьменко.

— Три дня.

— Это не совсем точно, — вставил Марьин, — три дня и три ночи. А сколько времени идею вынашивал? Это не в счет?

— Патрон уже делают?

— Послезавтра будем пробовать.

— Хорошо! — сказал директор Ходжаеву. — По-моему, хорошо.

Кузьменко пожал руку конструктору, благодарно поглядев в его большие глаза, потом усталое опустил в кресло.

— Дай-ка трубочку, домой позвоню. Там ведь еще не знают, что я вернулся. А Борткевич работает с утра? Пойду поздравлю Борткевича. Сходишь со мной?

— Я лучше загляну в кузницу, — ответил Марьин. — Чувствую, что скоро они от обдирки начнут отставать. Эх, повидаться бы мне сейчас с мистером с того завода «Гиддингс», где я побывал перед войной. Я бы ему объяснил, отчего у них «иссякают технические возможности»...

2

Признали ли его токари?

Никто из них не сказал Генриху прямо, что он разработал замечательный метод, что он поразил их воображение. Люди приходили на завод предубежденными, но потом, приглядевшись к движениям Борткевича, рассмотрев его резцы, станок, готовые изделия, узнав, как он борется с луночкой, становились горячими сторонниками скоростного резания. Уходили они возбужденные, полные решимости немедленно самим испытать новый метод.

Поток экскурсантов не убывал. С утра и до конца смены в цехе толпился народ. Работать стало трудно. Но это и было самое настоящее признание.

Прошло несколько дней. Алексей Кондратьевич подошел как-то к станку и, улыбаясь, сказал:

— Из-за вашего метода, Борткевич, мы через неделю-другую вылетим в трубу.

Генрих встревоженно посмотрел на начальника цеха.

— Что вы на меня так смотрите? — рассмеялся Паромский. — Будто не понимаете, в чем дело? Слишком уверовали в вас токари и разобрали все наши запасы резцов. Хотят у вас заточку перенять. Все-таки лучше, если перед глазами резец Борткевича.

Каждый день газеты приносили все новые и новые сообщения о том, как беспредельно ширится движение скоростников. На одном из ленинградских заводов токарь Егоров стал резать с невиданной скоростью, и теперь он уже выполняет четыре нормы ежедневно. На другом заводе выдвинулся молодой токарь Афанасьев. Он достиг скорости 740 метров в минуту. Токарь Лесков, применив резцы с отрицательным передним углом, сразу на крупных деталях перескочил с 12 метров до 220. А токарь Головкин обогнал и Геню. Он уже показал 810 метров в минуту! Надо бы к нему съездить, посмотреть, решил Геня. Должно быть, он еще что-то придумал.

И на заводе Свердлова развернулись необычайные события. Как-то к Сапожникову пришли токари, бывшие фронтовики.

— Хотим, Михаил Антонович, стать на солдатскую вахту. Создавайте и нам, как Борткевичу, условия. Чтоб затора не было ни с деталями, ни с инструментом.

Сапожников обещал создать условия. В «солдатскую вахту» токарь Иванов дал четыре с половиной нормы, фрезеровщик Морозов — пять. За скоростное сверление взялись и сверловщики. Степанов, капитан запаса, вышел на работу в ночь. Он должен был сверлить пару верхних салазок станка. Эта работа была рассчитана на целую смену. А Степанов сделал девять пар салазок.

Гене приходилось не только рассказывать, но и помогать людям, показывать. Как-то взялся за скоростное точение Ширяев из их же цеха, но у него почему-то выкрашивались резцы.

— Стань-ка ты за его станок, — попросил Леша Андреев, — что у него там не ладится?

Прежде чем начать обрабатывать, Геня внимательно исследовал станок и резцы. Он хорошо помнил, как мастер дядя Вася в свое время простил ему несколько подряд испорченных резцов, когда он, еще не оперившийся фабзавучник, самонадеянно взялся точить лимбы с канавками, не обследовав предварительно станок. Так и он теперь — не стал ни упрекать товарища, ни демонстрировать ему свою особую умелость. Очень скоро он установил, что Ширяев ставит резец выше центра изделия. От этого получался уменьшенный передний угол, и резец вибрировал.

Геня рассказал Ширяеву, какое значение для резания имеет смещенный резец, поставил его правильно, чуть-чуть ниже центра.

— Видишь, твоей же пластинкою работаю...

И действительно, резец теперь долго не выкрашивался. И Ширяев стал попевать за другими.

Итогам стахановской вахты было посвящено специальное заседание партийного комитета. Коммунисты наметили подробный оперативный план внедрения скоростных методов по опыту Борткевича. Тут было предусмотрено все: и обеспечение завода твердосплавными пластинками, и оборудование станков двумя лимбами, и создание стахановских школ. Ничего не упустил Сапожников.

Пришли сообщения из Москвы. И там на заводах начали работать скоростными методами. На «Красном пролетарии» Алексей Марков

начал применить сплав «Т5К10». Он усилил мотор, переменял шкивы. У него успех, большой успех — 550 метров в минуту. И Павел Быков, с завода шлифовальных станков, подбирается к семистам метрам, только работает он по-своему: не совмещает операции, как Геня, а наоборот, расчленяет, дробит. И точение идет еще быстрее.

Приходили письма. Каждый день — пачка. Писали с Украины, из Сибири, с Урала. Токари и инженеры, солдаты. Просили поделиться опытом, ответить на вопросы, прислать резцы.

Борткевич отвечал всем. Ему помогала Зина. Она уже тоже неплохо разобралась в скоростном точении.

Часто он читал в письмах: «.Мы знаем, что вы, должно быть, очень заняты. Все-таки просим не отказать нам и ответить на наши вопросы поподробнее». Это последнее слово «поподробнее» густо подчеркнуто. «Вы теперь уже не принадлежите только себе, вы должны рассказать о вашем методе. Мы тоже хотим...» и так далее и так далее.

В один из этих дней в цех позвонил Иван Николаевич Озаровский и попросил передать Борткевичу, что он ждет его у себя в отделе. Геня, вымыв руки, пошел в контору.

«Зачем я ему понадобился? — думал он. — Наверное, опять выступить!».

В огромном зале — отделе главного технолога, где стоял приглушенный шум разговора десятков людей и характерный шорох свертывающейся кальки, Генрих увидел Ивана Николаевича Озаровского с каким-то незнакомым пожилым человеком. Кроме них, за столом сидел еще и Прусаков.

Федор Алексеевич первый заметил Борткевича и замахал ему рукой: сюда!

— Вот и наш Борткевич! — сказал он незнакомому человеку.

Геня протянул руку, невнятно назвал свою фамилию.

— Оглоблин, — сказал незнакомец.

Геня пристроился на краешке стула. Он ждал, что ему скажут, зачем его позвали сюда. Но Иван Николаевич спокойно продолжал свой разговор с гостем. Он рассказывал ему, как Борткевич продвигался к завоеванию столь высоких скоростей резания.

Геня вдруг подумал: «Да ведь это же Оглоблин, автор учебника по токарному делу! А может, и не он? Однофамилец...»

— Кто это? — спросил он Прусакова шопотом.

— Генрих Станиславович, — повернулся к нему в эту минуту Озаровский, — доцент Оглоблин очень просит вас показать ему ваши скоростки. Пойдем вместе в цех?

«Так вот он какой, — думал в это время Геня, — а я его себе представлял совсем другим». Сколько раз, углубляясь в учебник «Токарное дело», Геня завидовал Оглоблину, человеку, знавшему, казалось, всё, что только может понадобиться токарю. Оглоблин представлялся Борткевичу строгим учителем, а перед ним сидел весьма добродушный человек и все, что ему рассказывали, слушал с необыкновенной, совершенно мальчишеской жадностью.

Они вошли в цех, Геня хотел сразу же включить мотор. Но Оглоблин сказал:

— Подождите, пожалуйста... Я хочу сначала осмотреть станок.

Он обошел станок, пощупал руками все его главные части. Потом взял резцы Борткевича, долго гладил указательным пальцем пластинку, всматривался в режущую кромку. Наконец он сказал:

— Ну, теперь давайте.

Геня мобилизовал всю свою волю. Он решил блеснуть своей ритмич-

ностью, о которой ему говорили другие. Но, вероятно, потому, что он продумывал теперь каждое свое движение, они оказывались несвободными и неточными. Геня начал нервничать; получалось еще хуже.

Однако резец стоял хорошо и работал со скоростью семисот метров в минуту. Прусаков подошел к Гене и шепнул:

— Не старайся. Получится лучше...

Но Оглоблин, уже удовлетворенный результатами резания, попросил остановить станок. Ему снова хотелось взглянуть на резец. Потом он спросил Озаровского:

— Можно мне, Иван Николаевич, побеседовать с товарищем Борткевичем поподробнее?

— Прошу, прошу, — сказал Озаровский. — Пойдемте с нами, Генрих Станиславович!

Все четверо направились к выходу. Оглоблин с Озаровским шли впереди, чуть поодаль от них Прусаков. Геня задержался предупредить мастера, что его зовут в контору.

Геня догнал Прусакова уже во дворе. Впереди Оглоблин оживленно беседовал с Озаровским.

— Что он сказал? — спросил Генрих Федора Алексеевича.

— Сказал, что ему придется теперь заново переписывать целую главу в учебнике, — ответил, улыбаясь, Прусаков.

3

В вопросах, которые были обращены в эти дни к Борткевичу, чаще всего сквозило восхищение, изумление, жадный интерес к новому. Генриха расспрашивали о различных подробностях, и видно было, что люди и сами хотят с молодым пылом проделать все это на своих станках. Но изредка вопросы выражали сомнение, и не только сомнение, но и предвзятость. Этого, мол, не может быть, это противоречит привычным представлениям о допустимых скоростях при обработке металлов!

В ту пору Генрих еще не знал, что уже свыше пятидесяти лет «знаменитая формула» американца Тейлора указывает предел, за которым нельзя повышать скорости резания.

Буржуазный экономист и сам предприниматель, Тейлор строил эту формулу, исходя из своей «научной» системы эксплуатации рабочих. Он понимал, что при капитализме рабочий не заинтересован в повышении производительности труда. Поэтому все расчеты Тейлор строил не на увеличении скоростей резания рабочими, на что не мог и рассчитывать, как бы «научно» ни организовывал эксплуатацию рабочих, а на том, чтобы добиться наибольших прибылей, исходя из «экономической стойкости» инструмента.

Формула Тейлора — одного из самых циничных «идеологов» эксплуатации рабочих, — резко враждебная социалистическому производству, как ни странно, однако находила последователей среди некоторых советских ученых. Эти люди, по слепоте своей, продолжали строить расчеты режимов резания, исходя из формул Тейлора. Оторванные от производства, они не сразу поняли, что тейлоровская «наука» способна только тормозить производительность общественного труда, что это преграда стахановскому движению, которое своей практикой открывает путь для новых прогрессивных нормативов резания, сочетающих высокую производительность с экономичностью, отражающих высокую технику и экономику советской страны.

Всего этого Генрих тогда еще не знал. Но в некоторых обращенных к нему вопросах он чувствовал явственный скептицизм и предвзятость.

— Что, дружок, насаждают, — говорил Борткевичу в таких случаях Озаровский. — Я ведь вас предупреждал... Ничего, отобьемся. Все новое рождается в драке.

— Непривычно... — отшучивался Генрих.

— Вы думаете, это они на нас наступают? Нет, они обороняют свое старое, а наступаем-то мы...

Борткевичу приходилось теперь довольно часто рассказывать о своем методе скоростного точения прямо в цехах, в технических заводских кабинетах. Все чаще и чаще стали его приглашать и в среду инженеров.

В один из таких вечеров он повстречался с Яковом Максимовичем Березкиным, тем самым инженером, который когда-то с дотошностью и недоверием проверял тахометром генины скорости и обороты шпинделя.

— Ну вот, — сказал Березкин любезно, — в прошлый раз я был у вас в цехе, теперь вы к нам пожаловали...

Было что-то неприятное в его искусственно любезной манере говорить, в этом показавшемся подчеркнуто-снисходительном слове «поза-ловали», и Генрих неприязненно насторожился. Но очень скоро он почувствовал со стороны остальных инженеров искренний интерес, и эта неприязнь рассеялась.

Ни Генрих, ни Иван Николаевич Озаровский доклада не делали. Это было скорее похоже на беседу возле разлаженных на продолговатых столах таблиц и чертежей. Короткое сообщение Борткевича и затем обоснование метода, которое сделал главный технолог, перемежались множеством вопросов. Несколько резцов с отрицательным передним углом, с лункой и без лунки, прихваченных по совету Озаровского Геней, все время переходили из рук в руки.

Геня поискал глазами «инженера с тахометром», как мысленно называл он Березкина. Как-то теперь он реагирует, что думает о резцах, о всем методе? Но Березкина в комнате не оказалось.

«Наверное, какую-нибудь пакость готовит», — почему-то решил Генрих. Он даже взволновался было, но тут же вспомнил слова Озаровского: «отобьемся» — и успокоился. К тому же ведь не на них наступают, а от них, новаторов, обороняются...

В самый разгар беседы в комнату быстро вошел Березкин. Он был возбужден и, едва перешагнув порог, сразу привлек всеобщее внимание.

— Может быть, у кого-нибудь есть еще вопросы? — спросил в эту минуту Озаровский присутствующих.

— Да. У меня, — сразу ответил Березкин. — И даже не вопрос, а слово.

— Прошу вас, — сказал Иван Николаевич сдержанно, хотя в глазах его уже загорелись огоньки.

— Вот! — продолжал запальчиво «инженер с тахометром». — Вы опровергаете все существовавшие до сих пор режимы резания... Это очень похвально! Это импонирует всем, так сказать, новаторам. Но позвольте спросить вас, сколько времени выстаивает ваш резец на таких скоростях?

— Вы хотите, чтоб ответил я или Борткевич? — все так же сдержанно сказал главный технолог.

— Все равно!

Геня встал. Он волновался, но старался не показать этого.

— Видите ли, — проговорил он тихо, — это зависит от того, какую

деталь я обрабатываю, какая сталь, как велика партия изделий, порученная мне...

— Вот как! Могу сообщить вам тогда, что я, вместе с товарищем Милехиным, — вы можете подтвердить это, товарищ Милехин? — и инженер повернулся в сторону человека, стоявшего рядом, — только что испытали в нашей лаборатории ваш резец, вот этот самый резец, заточенный вами собственноручно. Мы работали с вашими скоростями. Резец простоял двадцать пять минут. Двадцать пять минут! Затем резец торжественно, как говорится, «сел»...

— Ну и что же?.. — холодно спросил Озаровский.

— Как, что же? — возмущился «инженер с тахометром». — По-вашему, это не имеет значения? А знаменитая формула, по которой мы все и, я надеюсь, вы тоже, товарищ Озаровский, учились: резец должен стоять пятьдесят-шестьдесят минут... Вы, может быть, и ее отвергаете?

— Я сначала вам отвечу, а потом, если позволите, в свою очередь задам вопрос. Можно так?

Геня, затаив дыхание, следил за Озаровским, а главный технолог, сделав долгую паузу, обводил глазами собравшихся. Иван Николаевич чувствовал по выражению глаз присутствующих, по их невысказанным, но, казалось, рвущимся наружу мыслям, что они всецело на его стороне, что они ждут сейчас убедительного и сокрушающего удара. Нужно было во что бы то ни стало ответить в полную силу.

— Пусть так, — сказал Озаровский. — Пусть мы учились, что резец должен выстаивать не меньше часа... Да, мы учились так. Но что же поделаешь, если он «стоит» не час, а двадцать пять минут? Но ведь этого времени хватает, чтобы выточить столько деталей, сколько по тем же формулам не выточить и за шесть часов. Отменить, что ли, стахановское движение? А не лучше ли отменить Тейлора? Знаете ли вы, что во время стахановской вахты Генрих Борткевич за двадцать пять минут выполнил три четверти дневной нормы высококвалифицированного токаря? Может быть, у Тейлора тоже так работали токари?.. Может быть, нам и производительности труда учиться у Тейлора? Не назад ли вы нас тянете, товарищ, простите — не имею чести знать вашей фамилии... А теперь к вам вопрос. Можно?

— Можно! — ответил «инженер с тахометром», и все рассмеялись его неожиданной снисходительности.

— Вот вы потихоньку ушли в лабораторию с резцом Борткевича. Какую деталь вы протачивали этим резцом?

— Я протачивал не деталь, а болванку. Кусок металла. Вы отлично знаете, что в лабораториях работают не на заводских деталях.

— Я это отлично знаю, — ответил Озаровский. — И в этом-то и есть корень вашей ошибки. Вы протачивали стальную болванку. Резец был в непрерывной связи с металлом. За двадцать пять минут на высокой скорости он успел перегреться. А Борткевич работает на многоступенчатых деталях, на коротких проходах, а не на бесформенных болванках, каких в производстве и не встретишь. Его резец, при переходе от одной ступеньки к другой, отрывается от металла. И этого мгновенного отрыва достаточно, чтобы резец остыл и вернул себе режущие свойства. Вы сомневаетесь? Станьте поближе к заводам, исходите в своих расчетах из тех деталей, которыми занято производство, и, может быть, вы превратитесь в нашего союзника. Так сколько же «стоит» ваш резец, Генрих Станиславович? Двадцать пять минут, как тут докладывал товарищ? А не сорок, не час? Да! И сорок, и час, и даже больше... Но если бы он выстаивал и двадцать пять минут при скорости резания в семьсот метров в минуту, и в таком случае нужно было бы от души приветствовать

успех стахановца. И не только одними словами, но и делом. Пересмотром, например, критериев стойкости резца... Непривычно? Мне поначалу тоже было непривычно, мы ведь с вами по одним и тем же учебникам курс проходили. Но еще до Тейлора была придумана мудрая русская поговорка: «Век живи, век учись...»

«Инженер с тахометром» еще что-то говорил, но его уже никто не слушал, снова возникали все новые и новые вопросы, опять и опять Генрих возвращался к подробностям своего метода.

— Вот что, Генрих Станиславович, — сказал Озаровский, когда они уже шли по улице. — Зайдем сейчас ко мне, я дам вам одну книжечку, прочитайте ее на досуге. Это — Тейлор. Книжка была издавна, у нас в стране, называется она «Тейлор о тейлоризме». Прочитайте—и поймете: спор идет вовсе не технический, спор идет о политике, о большой и важной политике... И вся эта политика в двух абзацах на 163-й странице выложена...

Так много в этот вечер было сказано о Тейлоре, что, придя домой, прежде чем Зина накрыла стол, Геня принялся за чтение. И долго ни Зина, ни Бронислава Осиповна не могли оторвать его от книги.

«Существует много рабочих, — читал Генрих, — которые в интеллектуальном отношении вполне способны к развитию науки, у которых изобилие ума и которые так же способны развивать науку, как и те, кто поставлен у руководства. И тем не менее, наука о том, как надо работать, никоим образом не может быть развита рабочим. Почему? Да потому, что у него нет для этого ни времени, ни денег. Развитие науки о том, как надо выполнять разного рода работу, требует неизменно труда двух человек — одного, который должен активно выполнять ту работу, которая изучается, и другого, который непосредственно наблюдает за первым во время его работы и изучает проблемы времени и движения, связанные с данной работой. Ни у одного рабочего нет ни времени, ни денег на производство подобного рода экспериментов».

Уже остыл чай, Зина начала сердиться, а Геня все продолжал смотреть в книгу.

«И если бы каждый рабочий, — продолжал он читать, — стал искать новых и более быстрых способов работы, или же начал бы развивать новые методы, то, как это вы можете наблюдать, он сейчас же будет считать, что в его интересах сохранить эти открытия в секрете для самого себя, а не обучать других рабочих более быстрому способу работы. В его интересах делать то, что рабочие делали во все времена — хранить свои профессиональные тайны для себя и своих приятелей. Такова старая традиция профессиональных тайн...»

— Ну, приятели, — сказал Геня, захлопнув книжку, — будем ужинать! Вот прочитал серьезного автора, и все стало ясно...

— Что ты читал? — поинтересовалась Зина.

— Научная книга... Про американцев... Имей в виду, Зина: ежели ты на своем зуборезном станке добьешься высокой производительности труда, никому не рассказывай. Береги секрет... Такова старая традиция профессиональных тайн... — сказал Генрих.

— Ты что-то заговариваться стал! — рассмеялась Зина.

Геня не ответил ей. Он взял газету, удобно уселся на стуле, положил ногу на ногу и стал читать... Много приятелей было у Борткевича по всей стране. Сотни, тысячи приятелей... И ни от кого от них он не берег секретов.

Хорошо!

Об этом и рассказывала сегодня газета.

Заготовительные цехи считались тылом завода, и тыл этот, как всегда в момент наступательного порыва, оказался далеко позади передовой линии. Надо было срочно подтянуть его, чтобы наступление не захлебнулось.

В аварийном порядке был создан обдирочный цех. Сюда поставили еще пять обдирочных станков. Установили еще одну пилу для резки металла. И все-таки обдирщики не успевали снабжать токарей заготовками.

Тут-то и пришла на помощь конструкция Ходжаева. Его патрон с огромным зажимным усилием решил проблему. Цех мог теперь обрабатывать вдвое-втрое больше поковок.

Но теперь уже не хватало самих поковок. Начала резко отставать кузница. Этот маленький цех (зачем небольшому станкостроительному заводу мощная кузница?) имел всего лишь два молота. Теперь, когда заявки обрабатывающих цехов на поковки выросли колоссально, приходилось срочно искать выход из положения.

Об этом и говорили сейчас Владимир Петрович Кузьменко и главный инженер Марьин в директорском кабинете.

— Знаешь, — признавался директор Петру Ивановичу, — меня очень радует, конечно, создавшееся положение, но и очень беспокоит в то же время. Мы оказались в центре внимания всей страны. Словом, мы на подъеме. Программу выполняем. Но как бы за всеми этими ободрениями, приветствиями и экскурсиями мы не прохлопали чего-нибудь. Вот уже сейчас мы зееваем, теряем время. И кузница нас режет.

— Да. Но если прежде ссылаться на нехватку оборудования было неприлично, — заметил Марьин, — то теперь можно прямо сказать: мы не удержимся на новом уровне и не пойдем дальше, если не получим хотя бы один мощный молот. Надо бить тревогу, телеграфировать в министерство.

— Ну, а теперь последнее, — сказал Кузьменко, — уж не знаю, приятное или неприятное. Скорее все-таки приятное, хоть ты, как известно, знаменитый домосед. Через неделю — коллегия министерства. Будут слушать доклад Борткевича. Ну и конечно — представителя дирекции завода. Придется тебе поехать.

Кузьменко вызвал Озаровского, предложил ему подготовить для коллегии все материалы, образцы резцов, чертежи деталей, технологию обработки. Предупредили по телефону Паромского о предстоящем отъезде Борткевича. Сказали об этом Сапожникову...

Вошла Граня и сообщила, что на проводе Москва.

Марьин с волнением вслушивался в разговор директора с заместителем министра. Ему казалось, что директор не спешит объяснить, какое огромное значение приобрел теперь кузнечный цех. Хотелось взять из рук директора трубку, самому все сказать. Заместитель министра должен понять, ведь было время, когда он работал здесь же, вместе с ними, сначала рабочим, а потом начальником цеха. Он очень гордился тем, что он — «свердловец».

Но по озарившемуся радостью лицу Кузьменко Петр Иванович видел: добился успеха.

Так оно и было.

Министерство обещало в самом срочном порядке дать им один двухтонный и один полутонный молоты. Хватит? Во всяком случае, на первое время хватит...

5

И вот они сидят друг против друга на нижних полках уютного купе «Красной стрелы». За окном непроглядная зимняя тьма. Соседи уже спят. Необыкновенно тихо. Кончилась одна жизнь, завтра начнется другая.

Гене страшно выступать перед коллегией. Пусть лучше Марьин, который сидит сейчас напротив Гени с закрытыми глазами, сделает доклад, а он в крайнем случае будет отвечать на вопросы. Да и вопросов особенных не должно быть. Там люди опытные, они всё поймут с полуслова.

— Петр Иванович, — тихо говорит Геня, — вы когда-нибудь бывали на коллегии министерства?

— Бывал, — отвечает Марьин, не раскрывая глаз.

— Кто участвует в этих заседаниях?

— Министр, заместители, представитель от ЦК партии...

— И от ЦК партии? Тогда я совсем не смогу говорить. Честное слово, растеряюсь.

— А ты не робей...

Опять они молчат.

События недавних ленинградских дней пронесаются перед Генрихом. Он снова видит Оглоблина, слышит его слова: «Хорошо работаете, главное — с головой. Вам надо учиться. Вам бы устроиться где-нибудь в институте, на экспериментальных работах... Приезжайте к нам, ознакомьтесь с нашей лабораторией в Политехническом институте...»

Учиться? Хорошо бы учиться. Да не так это просто!

Он вспоминает Минина, Павлика... Вот было бы здорово, если бы они поехали с ним в министерство...

Он вспоминает первый день на заводе после возвращения из армии. Прав был Яша Минин. Геня спросил его: «Ну и что же вы сделали, вернувшись из армии?» «А то, что и ты сделаешь. Сразу же начал работать. Ты член партии?» Он смутился тогда: «Нет, еще только комсомолец». Он и теперь еще только комсомолец. Почему же он только комсомолец? Пора вступить в партию.

В партию!

Сколько раз он об этом думал, и всегда начинало колотиться сердце. Опять взволнованный, он смотрит на Марьина, точно ищет в нем поддержки. Спит Марьин или не спит?

Но Марьин не спит. Сквозь опущенные ресницы он видит Геню, наблюдает за ним. Марьин тоже вспоминает. Как изменились у них на заводе дела с тех пор, как началось движение скоростников. Теперь уже нет разговоров об отставании, о невыполненной программе. Завод точно по плану выпускает станок за станком. И какие станки! Сложные, с оптикой. А то ли еще будет? Вот предстоит освоить новый расточной станок. Что за станок! Один шпиндель весит шесть тонн!

Марьин вспоминает, как он впервые после снятия блокады в 1944 году пришел на Свердловскую набережную. Теперь можно позволить себе эти воспоминания... Здесь было только одиннадцать вахтеров. Они сторожили груды развалин, которые некогда были славным заводом.

Потом появился литейщик Филипп Петрович Рублев. Как обрадовался старику Марьин! Он готов был его расцеловать! А тот, увидев Марьина, растрогался, чуть не заплакал. Так и стояли они одни, посреди огромного двора, как погорельцы.

Вместе с Филиппом Петровичем пускали они потом литейный цех. Смех и слезы... Ни формовщиков, ни заливщиков, ни вагранщиков, ни

выбивщика, ни вырубщика — лишь Рублев, Марьин да двадцать неопытных, никогда не видевших производства женщин из распребюро, каким-то образом вернувшихся в только что освобожденный от блокады Ленинград.

Развели вагранку по всем правилам, получили жидкий чугунок. Настала минута выпускать. Филипп Петрович оглядел женщин, стоявших вокруг, выбрал самую, как ему показалось, боевую, объяснил ей, как пробивать лётку...

«Боевая» сделала все, что приказывал старый литейщик. Но как только чугунок вырвался из печи, она сбежала... Искры брызнули, обожгли ей руку.

Чугунок пошел в брак. Только одна деталь оказалась годной. Долго хранил ее потом Петр Иванович, как святую реликвию...

А со второй плавкой было и того хуже. Образовался «козел». Еще счастье, что металл застыл не в самой вагранке, а в копильнике. Да и копильник был не сварной. Потому-то и удалось открыть крышку. Оттуда они потом «всем миром» этот «козел» и вытаскивали.

И только в третий раз плавка получилась удачная. И некоторые из женщин так привязались к заводу, что и до сих пор здесь работают.

Почему он вспомнил о прошлом? Не о прошлом надо думать — о будущем. Этот токарь, который сейчас сидит напротив него, — это уже рабочий будущего. Со временем все будут такими: инженеры-рабочие. Уже теперь таких, как Борткевич, рабочих будущего — множество. А через несколько пятилеток!..

И о машинах для рабочих будущего надо думать сейчас. Надо опережать время. Ты инженер, конструктор — создавай машины для таких токарей, как Борткевич.

— Вы спите, Петр Иванович?

— Нет.

— А ведь поздно уже.

— А почему ты не ложишься?

— Я сейчас в бодрствующей смене. Как на фронте.

— Нехорошо. Приедешь в Москву с тяжелой головой. Будешь докладывать министру, а сам — как летняя муха.

— Да, да, спать. Свет гасить? Пожелайте мне доброй ночи...

— Доброй ночи.

Геня вытягивается на диване, выдергивает вилку настольной лампы из розетки. Закрывает глаза. И тогда он слышит голос Марьина:

— Знаешь, чего я тебе пожелаю, Генрих? Будут хвалить тебя, говорить всякие приятные слова, писать о тебе в газетах... Ты все это слушай, да не вслушивайся. Не дай бог тебе зазнаться. С этой самой минуты перестанешь быть коммунистом. Это я тебе по-дружески, по-отцовски... Как Стася сказал бы.

Геня открывает глаза. Марьина не видно. С верхней полки свисающий кусок одеяла пологом отгородил Геню от Марьина. За окнами пробегают огоньки. Поезд вздрагивает на стыках рельсов, как будто размышляет: не остановиться ли?

— Зря вы все это сказали, Петр Иванович, — говорит Геня. — Я хотел у вас об одном деле спросить, а теперь не могу.

— Отчего же, спрашивай..

— Нет, вы как раз и подумаете, что я зазнался.

Марьин долго молчит. Точно забыл о Гене.

— Что же ты? — говорит, наконец, Петр Иванович. — Ничего я не подумаю.

— В партию мне рано подавать или уже можно?

6

— Чертежи привезли? — спрашивает невысокий стриженный ежином инженер из главка тяжелого станкостроения. — И резцы захватили?

— Все, все есть.

— Доклад готов?

— Как же! Товарищ Марьин сделает доклад.

— Нет, молодой человек, у нас такой порядок: если вызывают стахановца, он и докладывает. Инженеров мы часто слушаем.

— Он робеет, — говорит за Борткевича Марьин.

— Что это вы, молодой человек! Ваш вопрос четвертый, вы можете еще успеть освоиться и продумать свое выступление.

Делать нечего. Пока будут обсуждать другие вопросы, он будет готовиться. Записать, что ли, на бумажку тезисы?

Но вот входит секретарь и передает слова министра: доклад Борткевича назначен к слушанию первым.

— Входите, пожалуйста...

В сопровождении инженера из главка тяжелого станкостроения Борткевич и Марьин входят в так называемый «малый зал». Здесь уже много людей, и каждый представляется Генриху не меньше чем академиком, ученым, директором.

Но смущаться некогда. Надо развесить по стенам чертежи, разложить на председательском столе резцы, шестерни, которые они привезли с собой.

Наконец все готово. Из боковых дверей входят заместители министра.

Потом входит министр. Подходит к столу, окидывает взглядом собравшихся.

— К нам из Ленинграда приехал токарь товарищ Борткевич, — говорит он, глядя на Геню, сидящего в первом ряду. Генрих слышит свое имя и вздрагивает. — Попросим его поделиться с нами опытом своей работы.

Геня встает. Марьин шепчет ему: «Не волнуйся, говорю тебе, не волнуйся».

Геня подходит к стене, становится у чертежей. Речь так и не была приготовлена, но и те немногие слова, которые Геня наметил себе для начала, куда-то проваливаются. Потом он овладевает собой, берет со стола министра шестерню и рассказывает, как он над ней работал.

Петр Иванович следит за Геней. Все-таки здорово получается. Борткевич говорит о качестве советских твердых сплавов, о быстроходных станках, о вибрациях... Он рассказывает про лунку, про новую геометрию резцов.

И вдруг министр перебивает его.

— А почему у вас получилась шестерня с дроблением?

Где там министр усмотрел дробление? Придирается или хочет раззадорить, «разыграть»? Борткевич берет из рук министра шестеренку. Очень трудно, почти невозможно заметить на ней дробление. Эта шестерня прошла отдел технического контроля. К ней не придерешься! Однако министр усмотрел дробление. Должно быть, он сам отличный токарь.

Напоминание о дроблении возвращает Генриха к истории с вибрациями, передававшимися от тяжелых станков. И Генрих в напряженной тишине рассказывает о том, как он доискивался причин вибраций после отбалансировки станка.

Министр внимательно рассматривает чертежи. И вот он снова задает вопрос Гене.

— Неужели вы чувствуете подачу до двух соток?

«Токарь, опытный токарь, — думает Геня о министре. — Такой вопрос может задать только тот, кто хорошо знает наше дело».

— Нет, не чувствую... — отвечает Борткевич. Он краснеет, так как не может понять, к чему клонится этот вопрос.

— Вы как обрабатываете коническую поверхность шестерни — на самоходе или вручную?

— Вручную...

— А почему же вы пишете, что подача у вас равна 0,22 сотки.

— Где?

— Подойдите сюда. Посмотрите.

— Это не я пишу, это ошиблись чертежники.

«Вот так подвели, — думает Геня. — Тут дай бог самому не сбигься, а они еще тебя путают... Что бы им написать «ручная подача», а они в чертеже несколько раз ставили цифру 0,22 и тут, по рассеянности, такое же вляпали!»

«Погодите же, чертежники! — думает и Марьин. — Задам я им в Ленинграде!»

Министр опять смеется.

— Поблагодарим товарища Борткевича, — говорит он затем. — Может быть, главный инженер завода имени Свердлова что-нибудь хочет добавить?

Марьин поднимается с места. Да, он должен кое-что добавить к докладу товарища Борткевича.

Петр Иванович рассказывает о том, что у них на заводе, в паспорте одного выпускаемого станка, уже вычеркнули: «для обработки легких сплавов». Но этого мало. Они на ходу пересмотрели его конструкцию и довели коробку скоростей до двух тысяч оборотов вместо запланированных прежде полутора тысяч. А на мощном станке, который на заводе зовется «линкор», предусматривается возможность скоростной расточки до тысячи метров в минуту.

Но и этого мало. Надо изменить многие конструкции, которые выпускает сейчас наша промышленность.

— Борткевич доказал, — говорит Марьин, — что можно точить еще в несколько раз быстрее. Советские сплавы открывают небывалые возможности. Наш завод обратился к промышленности твердых сплавов с призывом обеспечить станкостроительные предприятия такими твердыми сплавами, чтоб можно было превысить и нынешние результаты. И мы убеждены, что скоро металл можно будет резать с большей легкостью, чем сейчас обрабатывается дерево.

Не слишком ли «загнул» главный инженер с завода имени Свердлова? Нет, заместитель министра понимающе улыбается, и министр одобрительно кивает головой.

Когда-то и министр был комсомольцем, рабочим. Тогда еще этого молодого человека — Борткевича — и на свете не было. Они пели задорные песни: «Наш паровоз, лети вперед, в коммуне остановка», и хотя сами были мальчишками, всерьез говорили о той «смене», что растет и придет после них. И вот оно, новое поколение, «племя младое»...

Министр проникается нежностью к этому ленинградскому парню с Выборгской стороны. С чего начать заключительное слово по первому пункту повестки дня коллегии Министерства станкостроения?

Он благодарит Борткевича за сообщение, за его великолепный почин. Он поздравляет с наградой: значком «Отличник станкостроения». Он объявляет о решении премировать и токаря, и директора, и Марьина,

и инженеров, помогавших Борткевичу. Только в содружестве науки, техники и рабочего класса возможен такой прогресс.

Но это — прелюдия к более важным вещам. Главное ведь не в словах благодарности. Правильно говорил здесь главный инженер завода Свердлова товарищ Марьин. Станкостроители должны смотреть далеко вперед, опережать время, в своих конструкциях решительно обгонять сегодняшние возможности. Поэтому министр приказывает руководителям научно-исследовательских институтов министерства, и в частности НИИМС'а, пересмотреть свои проекты нового оборудования.

Надо решить и такую проблему: как на ходу модернизировать существующее оборудование, чтобы на нем могли с успехом работать такие стахановцы, как Борткевич, Быков, Марков, Угольников... Их уже много!

«Красный пролетарий» в Москве может в короткий срок изготовить токарный станок, который отвечал бы новым требованиям. Технологи обязаны изучить и пересмотреть критерии стойкости резца...

Министр диктует стенографистке проект приказа. Он перечисляет, пункт за пунктом, одно предложение за другим. Геня слушает внимательно, видит и удивляется, какой огромный размах приняло это дело, начавшееся для него как будто случайно! Да, все началось тогда, когда Кораблев сказал: «Это не станок, а спящая красавица. Разбудите ее...»

Повернувшись к Борткевичу, министр говорит:

— Вы знакомы с Павлом Быковым?

Генрих слышал о нем и о его методе, но сам еще не знакомился. Ему очень хотелось бы встретиться с Быковым лично.

— Вот и хорошо. Побывайте на заводе шлифовальных станков, на «Красном пролетарии», продемонстрируйте им свой метод. Может быть, чему-нибудь и у них поучитесь...

Сейчас коллегия перейдет к другим вопросам. Но министр успевает спросить:

— Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий, товарищ Борткевич?

У Генриха есть одно желание, и он, не стесняясь, высказывает его. Он хотел бы, чтобы первый скоростной станок, который выпустит завод «Красный пролетарий», был передан «свердловцам» и чтобы он, Борткевич, мог на нем поработать.

— Занесите это в протокол. Эту просьбу надо будет удовлетворить.

Петр Иванович вместе с Геней выходят на улицу.

Москва шумит, сверкает огнями.

— Куда теперь? — спрашивает Марьин. — В театр, в Третьяковку, кофе пить?

— Просто ходить по улицам... На Красную площадь, к Спасской башне, послушать, как бьют куранты. Или нет, к памятнику Пушкину. Впрочем, его лучше посмотреть днем. Все равно, пойдем куда-нибудь — только бы ходить и дышать Москвой...

Глава 8

РОДНАЯ СЕМЬЯ

Такого необычайного февраля давно не видали ленинградцы. Утро встречало их хмурым, неприветливым небом. Но к полудню выглядывало солнышко, припекало, и уже около двух-трех часов начиналась капель, весенняя оттепель. А к вечеру небо снова заволакивало сплошными серыми тучами, из которых валил крупный снег, тут же таявший на тротуарах.

Три времени года сменялись в течение дня.

Когда Генрих вышел из цеха и направился к зданию заводского клуба, начиналась зима. Снег еще не падал, но в воздухе уже чувствовалось приближение пурги.

Зина проводила мужа до самых клубных дверей, попрощалась и ушла.

— Нервничаешь? — спросила она. — Не следует, Генечка, все будет хорошо...

Он ничего не ответил, только посмотрел на нее благодарно.

В поезде, по дороге в Москву, Марьян сказал, что уже можно ему подавать заявление о приеме в партию. Но немало еще времени прошло, пока Борткевич решился. Он много читал, изучал программу, историю большевистской партии, биографию Сталина. Несколько месяцев тому назад он принес Сапожникову заявление, взял анкету. А потом его вызвали в Москву на совещание актива Министерства станкостроения, на Пленум Центрального Комитета профсоюза.. Ему пришлось и в Ярославль поехать, и в Щербаков — продемонстрировать свои методы скоростного резания. Так пролетело три месяца, и его заявление все еще лежало в партийной организации.

Только недавно Сапожников сказал:

— Никуда больше не пустим, пока не разберем твое заявление.

Неделю тому назад заседало бюро. Сегодня общее партийное собрание. После удачного выступления в Москве на коллегии министерства Генрих уже чувствовал себя гораздо увереннее. Но сейчас он опять очень волнуется.

Геня проходит в дверь бочком, затем сосредоточенно направляется к месту, почти не замечая приветственных возгласов своих товарищей.

А зал заполняется. И снова это — родная семья, шумная, оживленная. Словно сквозь сон слышит он, как люди спорят, упрекают друг друга, посылают «шпильки» по адресу смежников — соседних цехов...

Отчего Геня так волнуется? Неужели его не примут? Нет, он в этом почти не сомневается. Здесь ведь родная семья, слишком хорошо он известен каждому. И он, и его отец, больше двадцати лет проработавший на заводе, и его мать Бронислава Осиповна, токарничавшая здесь в тяжелые годы войны. И все-таки каждый раз, думая о том моменте, когда он должен будет встать и начать рассказывать свою хорошо всем известную и ничем не примечательную биографию, сердце его сжималось

В прошлой жизни это с ним было только однажды, когда под крутым откосом, на волховском берегу, ему вручали скромную книжечку с силуэтом Ильича — комсомольский билет.

С тех пор прошло восемь лет. Он стал совсем взрослым, прошел через смертельные опасности, через напряженный труд новой послевоенной жизни. А это чувство, когда сердце обмирает перед чем-то самым значительным, сохранилось, видно, и по сей день.

В зале воцаряется тишина — Михаил Антонович встает со своего места, из-за длинного, покрытого кумачевой скатертью стола.

Выбирают президиум. Геня оглядывается. Кто рядом? Ах да, это Яша Минин! Верный товарищ, он и теперь возле него. Слева — Алексей Кондратьевич Паромский.

Родная семья!

— У нас в повестке дня два вопроса: прием в партию и обсуждение итогов января. Утвердим?

— Утвердим, — несетя из зала...

Сапожников выходит вперед, к трибуне. В его руках пачка бумаг. Геня узнает: это его документы. Анкета, автобиография.

— К нам поступило заявление. Я прочитаю: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б), так как я желаю быть активным участником борьбы за укрепление социалистического строя. Генрих Борткевич». Вот анкета. Фамилия — Борткевич Генрих Станиславович. Год рождения — 1922. Социальное происхождение — рабочий. Социальное положение — рабочий. Имеет ли ученые труды и изобретения? Не имеет. Участвовал ли в Великой Отечественной войне? Участвовал...

Длинный перечень вопросов и ответов кончается не скоро. Что этот перечень скажет им, сидящим в этом зале? Откроет ли он им его преданность Родине, которую Геня пронес через всю войну, от Ленинграда до Берлина? Расскажет ли, что передумал он, пока бродил по опустевшим цехам разрушенного завода в день возвращения из армии? Как он вытягивал «резервы стойкости» из резца, как отважился, закрыв глаза, прыгнуть к углу минус семь градусов?.. Как лечил эту лунку — злую царапину на теле резца? Все для того, чтобы цвела его советская, такая родная страна...

— Товарищ Борткевич, расскажите нам вашу автобиографию!

Геня идет к трибуне.

— Я родился в 1922 году, — говорит он ломающимся голосом...

Генрих видит, как улыбнулся Сапожников, видит улыбку Паромского. Улыбаются почему-то все вокруг.

...Около трехсот рук поднимается вверх. Геня проходит между рядами к своему месту.

ПИСЬМО БОРТКЕВИЧА АВТОРУ ПОВЕСТИ

...Весь этот месяц был очень напряженным. После возвращения из Москвы со съезда комсомола втянулся с головой в работу на заводе. Но потом, начиная с пятнадцатого, работал меньше, так как вынужден был делать то, что для меня самое трудное: выступать.

Только что кончил читать Ажаева «Далеко от Москвы». Книга очень хорошая, читал почти не отрываясь. И то ли от того, что сейчас нездоровится, то ли от впечатлений, оставшихся после книги, переживаю острое настроение неудовлетворенности. У меня так иногда бывает, когда я в какой-либо книге увижу образ, мыслями которого живу я сам. У Ажаева же все главные герои стоят так высоко, так самоотверженно и целеустремленно идут к достижению цели, что, чувствуя правоту их мыслей и поступков, их правдивость и сравнивая их со своими мыслями и поступками, замечаешь, как много есть у тебя недостатков.

Я как-то до сих пор не могу охватить всех обязанностей и поручений, свалившихся на меня. Например, мне поручается выступить и рассказать стахановцам о своей работе. Я ведь, как вы знаете, теперь лауреат Сталинской премии. Я выступаю, говорю — и невольно ловлю себя на том, что рассказываю, как работал раньше. Раздаются аплодисменты, а я, краснея, думаю, что жить вчерашним днем больше нельзя.

Или мне поручается сделать доклад об XI Съезде Комсомола. Я, как делегат съезда и кандидат партии, обязан его сделать. И вот, выступив, сажусь и с трепетом жду вопросов.

Осенью буду сдавать экзамены в Заочный Институт металлообработки и машиностроения. Леша Андреев приходит ко мне, помогает. Знаете, Леша перешел на второй курс того же Заочного Института и теперь работает в конструкторском бюро, конструктором. Его очень

уважают инженеры. Молодец какой! Яши Минина сейчас нет на заводе. Он ведь уже старший мастер нашего цеха, и его послали на специальные курсы.

В Москве буду в июне, обязательно загляну к Вам. Зина и мама попрежнему работают, только Зина не зуборезчица, а в лаборатории литейного цеха. Они передают Вам свой привет.

Желаю успеха в Вашей работе. Только прошу этого самого токаря сделать поменьше, больше внимания заводу, иначе мне будет не по себе.

Крепко жму руку.

Г. Борткевич.

ПУБЛИЦИСТИКА

О САМОМ ДОРОГОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Заметки писателя

АННА КАРАВАЕВА

★

1. НА ВЫСОТЕ

Двадцать шесть лет назад мне довелось провести несколько недель на Алтае. Нас собралась целая группа путешественников, людей разных профессий и характеров, но все мы были молоды и готовы к преодолениям трудностей пути.

Девушка, работник по ликвидации неграмотности, объезжала для проверки свой ликбезовский район. Статистик объезжал нагорные селения «с демографической целью». У молодых инструкторов Укома были задания по партийной работе. У меня была цель: своими глазами увидеть тропы, по которым в XVIII веке убегали от рабской неволи в горы рабочие императорских заводов на Алтае, насильно приписанные к заводам крестьяне разных сибирских губерний. Я задумала написать роман «Золотой клюв». Изучая местные материалы о борьбе рабочего класса с эксплуататорами, я обнаружила целые залежи «дел о беглых» конца XVIII и первой половины XIX века. Многие показания пойманных беглых и старинные карты рудников, форпостов и горных троп дали мне в руки немало интересных ориентиров для поездки. Мои спутники, узнав о цели моего путешествия, проявили к нему живейший интерес. Все они были местные уроженцы и много помогли мне своими советами: где и что можно посмотреть и кого из стариков послушать. Но самые полезные советы дал мне пожилой кооператор, кряжистый бородач, тоже местный уроженец, бывалый человек, объездивший Алтай «вдоль и поперек». О беглых бергалах (так называли в старину горнорабочих) он, еще подростком, слышал расска-

зы своей бабки, которая в годы молодости не однажды укрывала и кормила беглецов, как это издавна повелось на Алтае. От сельца, где некогда жила бабка, окруженного роскошнейшим кедровым лесом, расходились тропы, протоптанные людьми, жаждавшими воли. Эти тропы то пропадали в таежной чаще, то опять появлялись на земле, скользя среди обомшелых камней и увалов. Бывалый наш спутник, бывший партизан гражданской войны, рассказал нам предание, которое бытовало в той округе. В конце XVIII века из завода Барнаульского, от каторжной жизни, убежал целый отряд бергалов. Им удалось скрыться от погони и обосноваться в горах. Там нашли они цветущие луга и «добрую землю для хлебопашества», поставили избы и зажили вольной жизнью, наивно считая себя в полной безопасности. Но императорские форпосты на то и раскиданы были по Алтаю, чтобы ловить беглых и «покорять под ножи» ойротские племена. И до горного поселка беглых бергалов, ставших вновь хлебопашцами, дотянулись жадные руки царских военных и заводских начальников. На поимку «ложных поселян» было снаряжено войско из форпоста, которое, как на войне с настоящим неприятелем, приступом взяло горную деревушку. «Ложные поселяне» отчаянно защищались, но, понятно, их разбили и под конвоем отправили в Главную канцелярию, где их и присудили к обычной в те времена казни: «сквозь строй», то есть к смерти под шпигрутенами.

Наш спутник знал и те места, где, по преданию, более ста лет назад была предана огню и мечу мирная деревушка.

— Далеко ли это отсюда?

— День пути верхами.

А мы все и были на конях. Летом двадцать третьего года, да еще в тех далских краях, машины были редкостью.

Мелкорослые сильные лошадки местной породы несли нас все выше в горы.

Незабываемо хороши берега Катуня в солнечный июльский полдень!.. Впереди вы видите вспороженное каменными глыбами течение, где река бьется о преграду, дурит, вскипает снежной пеной, вскидывая высокие фонтаны тугих струй и брызг, бриллиантами сверкающих на солнце! Но, миновав пороги и будто радуясь, Катунь бежит легко и весело, как молодой ретивый конь. Кедровник, густые заросли хвой, берез, черемухи теснятся по берегам и сбегают вниз к самой воде. Гибкие, низко склонившиеся березки, широкие навесы старых сосен и кедров отражаются в потоке, и Катунь струится у берегов, зеленая, как изумруд, жестокая, студеная и летом река, бегущая со снежных вершин Белухи. Обегая зелеными струями небольшие каменистые островки, Катунь словно спешит влиться в более широкое ложе среди пологих травянистых берегов и там, на просторе, где отражается только небо и солнце, река течет, отливая голубишной и золотом. Но вот Катунь уже скрылась из глаз, и мы поехали нагорными лесами, кое-где рассеченными широкими полянами и обширными медоносными лугами. Легко, легко было себе представлять, как радовались этим просторам и красе земной вырвавшиеся на волю бергалы!

Все круче и труднее становился подъем, и, наконец, мы поднялись так высоко, что Катунь внизу казалась узкой светлой лентой среди темнеющих лесных массивов. Перед нами расстилались горные луга, где, по преданию, более ста лет назад стояла деревня и где беглые бергалы ставили избы и пахали землю. На горизонте синели горы, а на дальней окраине луга темнела опушка леса. На лугу паслись коровы и кони, а пониже, в небольшой впадине, возвышалась юрта, сколоченная из тонких бревен, лубка и бересты. Полуденное солнце жгло, а вблизи — ни кустика. Мы направились к юрте.

Молодая алтайка, сидя на пороге юрты, кормила ребенка, а ее муж учил стрелять из лука двух подростков; трое ребятшек, восторженно взвизгивая, следили за каж-

дым движением отца; старик и старуха, греясь на солнышке, молча дымили длинными трубками; девочка-подросток доила кобылицу. Хозяева приветливо встретили нас и угостили свежим кумысом.

— Бая нет... шибко хорошо... — говорил наш хозяин, — теперь жизнь у нас другая — надо избу построить, жить как люди!

Он подошел к бывалому человеку, как к самому старшему среди нас, и, дружески кивая, потянул его за собой. Обойдя юрту снаружи, хозяин подвел нас к стене, обращенной к востоку. Наклеенные рядышком на прямоугольный лубяной лист, плотно прикрепленные к бревнам, на нас смотрели портреты Ленина и Сталина, окруженные венком из трав и цветов. Здесь, на высоте, над Катунью, эти портреты производили неповторимое впечатление. Дыхание и свет большой жизни, которая воспитывала и растила нас, молодых, присутствовали и здесь, в этих первобытно-тихих местах.

Хозяин, переводя с одного лица на другое довольный и горделивый взгляд, рассказал, «как было дело»...

До того, как «пришли Ленин и Сталин», он, отец большой семьи, мыкался со своими ребятами и «скотишкой» по неудобным, плохим становьям, где всюду торчали камни, а травы нехватало. Богатые пастбища были у бая и его родичей, перед которыми все ломали шапку, выпрашивая то одно, то другое, чтобы продержаться до свежих трав. На тех полугодных становьях умирали у него на глазах отец и мать, умер его новорожденный сын, потому что появился на свет в конце зимы, когда у истощенной матери нехватало молока. А уж как обносились все — страшно вспомнить. Теперь завелся в его юрте «добрый меховой лоскут» — у всех есть малахаи, шапки и пимы. А в те голодные времена мерзли все, как бездомные собаки, и зимы боялись, как лютой ведьмы. Кажется, та худая жизнь никогда не кончится. И вдруг — она кончилась! Первые дни он, бедняк, ходил как в тумане — все чудилось, что нагрянет бай со всеми своими родичами, избьет бедного становщика, и все пойдет по-старому. Что же произошло, отчего все изменилось? Однажды поутру, когда степи уже зазеленели, на становье пришло много вооруженных людей. На их шапках ярко горели красные полоски и маленькие красные звезды. Хозяева юрты

узнали новые слова: Красная Армия, красноармейцы, свобода, советская власть. Красноармейцы отдыхали у них два дня, угощали сахаром, которого ребятишки хозяина до этого никогда не видывали. Весть об этих удивительных людях разнеслась по всем соседним становьям, и соседи, осмелев, собрались послушать их необычайные речи.

Командир спросил хозяина юрты: «Зачем ты, добрый человек, сидишь на этом неудобном пастбище?» — «Зачем? Охо-хо... но ведь хорошие земли — у бая». — «Чудак! — засмеялся командир. — Мы прогнали бая вместе с белыми бандитами, которых он поил-кормил, чтобы они защищали его.. Садись на коня, подумись на просторные луга — и увидишь, что там нет никакого бая!» И верно, никакого бая на обширных лугах не оказалось!.. А командир смеется, спрашивает: «Ну, хороши ли луга?.. Переселяйся-ка, брат, сюда и хозяйствуй на здоровье!»... Со страхом перебрался он с семьей и «скотишкой» на новое становье, но все казалось, что эта неожиданная удача сорвется и, словно камень из-под ног, скатится в пропасть. Наконец, не выдержав, он спустился вниз и, разыскав городское начальство, рассказал по совести все, как было. Городские начальники подтвердили, что все сделано правильно. Тогда хозяин нового становья, ошеломленный счастьем, спросил, как звать могучих и добрых людей, которые смогли выгнать жадных баев и отдать хорошие земли беднякам-алтайцам¹, кто эти богатыри, о которых люди уже песни складывают? Ему ответили: «Ленин и Сталин сделали это для тебя». Ленин и Сталин!.. Эти имена он запомнил на всю жизнь, а то, что в городе ему рассказали о Ленине и Сталине, было так ясно и понятно, будто речь шла о родных ему людях. Полный небывалой благодарности, он воскликнул: «Хоть бы взглянуть на них и поклониться им, как самым мудрым на свете!» — «Вот они, смотри!» — и один из добрых и рассудительных начальников подарил алтайцу эти два дорогих изображения на белой бумаге, гладкой, как щека ребенка. Он долго смотрел на Ленина и Сталина, а потом поклонился им до земли. Приехав к себе домой, он поместил драгоценный подарок лицом к востоку, к

¹ Ойротами их стали называть после образования Ойротской автономной области.

заре, потому что Ленин и Сталин сами подобны заре!

Рассказав нам эту простую историю, наш хозяин хитро и весело посмотрел на нас и сказал:

— Изба будет, все будет!

Он еще не умел объяснить, как он представляет себе это «все будет!», но самое важное было в том, что отныне у этого человека появилось будущее.

Сколько подобных же историй произошло на бескрайних просторах нашей земли, — говорили мы, — и ни огромные расстояния, ни горные хребты, ни крутые, непроходимые тропы, ни холод полярной ночи — ничто не может помешать слову и мысли Ленина и Сталина входить в душу человека, быть понятными всем и всюду и приносить с собой новый, животворный ветер перемен.

Больше не довелось мне побывать на Алтае. Немало лет спустя, читая об успехах социалистического строительства на Алтае, рассматривая фотографии, на которых были засняты улицы ойротских колхозов, новые дорожные трассы, белые здания санаториев и домов отдыха, знатные люди Ойротии, — я вспоминала встречу в горах, высоко над зеленой Катунью. И, конечно, не дикая красота первобытно-нетронутых мест, а человек, впервые благодаря Ленину и Сталину почувствовавший в себе силу и волю подняться к будущему, — вот что делало ту давнюю картину такой незабываемой. Эта встреча в горах помнится мне, как одно из тех величаво-простых впечатлений, которые освещены мыслями о Ленине и Сталине.

2. ЖИВОТВОРНОЕ СЛОВО СТАЛИНА

В то время у нас еще не было радиотрансляционной сети, наше вещание только начиналось, и мы не могли слышать речь Сталина на Втором Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года. Когда в газетах появилась эта историческая речь, не было в городе собрания, где не говорили бы о ней, как о событии огромного политического значения. Помню, мне, молодому пропагандисту, было поручено прочесть речь Сталина, побеседовать с рабочими на эту тему. Фабрика, куда меня направил, была одним из маленьких, полукустарного типа предприятий, каких тогда было довольно много; рабочие — большей частью

малоквалифицированные. Но с первых же слов чтения Сталинской клятвы слушатели почувствовали, как бесконечно важны эти слова для каждого. Глубоко и ясно понят был не только смысл читаемого, но передался и общий дух этой незабываемой речи. Помню, как пожилой седоватый рабочий, сидевший в первом ряду, неторопливо и многозначительно кивал головой, и порой мне было слышно, как он произносил шепотком целые фразы Сталинской клятвы. Особенно волновали его повторяющиеся слова клятвы, которые он выговаривал почти громким голосом: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!»¹. Через несколько минут и в других местах небольшого цеха рабочие стали повторять эти волнующие слова: «Уходя от нас, товарищ Ленин...», «Клянемся тебе, товарищ Ленин...» Многие женщины вздыхали и вытирали глаза, а когда речь была прочитана до конца, работница средних лет, с болезненным умным лицом, сказала просто и серьезно:

— Нет, не сироты мы — нас товарищ Сталин теперь поведет.

Эти простые слова выражали глубинное и безошибочное чувство исторического момента, которое мастерски и многосторонне воспитывает наша партия в трудовом человеке. Да ведь мы несчетное число раз видели и видим, как скромные люди, впитывая всей душой Сталинское слово, проникаются его силой, его предвидением будущего — и творят дела невиданной красоты и значения. Тысячи и тысячи этих простых людей, вдохновленных призывом вождя к большим свершениям, стали героями победоносных сталинских пятилеток!.. Рабочие, колхозники, ученые, конструкторы — представители бесчисленного множества специальностей и отраслей знания — щедрой рукой распространяют богатства своего опыта. И мы видим, как год за годом мужает и богатеет наша страна, как растет ее мощь, как все выше поднимается в глазах всего трудового человечества великая наша Советская держава, оплот мира, свободного труда и самой последовательной демократии.

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том 6, стр. 47.

Самые величественные впечатления, питающие душу художника, мы получили от нашей Родины; самые высокие, плодотворные мысли — от Сталина. Мы чувствовали движение времени и завоевания нашей истории каждый раз, когда видели, слышали или читали о многих и многих встречах нашего вождя и учителя с разными представителями советского общества — будь это колхозники-ударники, руководители промышленности, избиратели, ученые, воины Советской Армии.

Сколько раз, слушая дорогой голос Сталина, читая и изучая его произведение, загорались чистым пламенем души советских людей, какие новые, широчайшие горизонты познания жизни и наших собственных сил открывались перед нами в словах Сталина!.. А в дни величайших испытаний, под грозным небом Великой Отечественной войны, миллионы народных масс с потрясающей силой почувствовали, что значит для них Сталин.

Никогда не забуду раннее утро 3 июля 1941 года, когда Сталин говорил по радио. Для человека, любящего родину, нет горя нестерпимее, чем сознание, что враг топчет твою землю; кажется, ничто не может заглушить боль сердца, которая жжет тебя днем и ночью. И вот эта боль отступила, когда я услышала голос Сталина, призывающий всех нас, советский народ, к отваге и храбрости, к величайшей выдержке, к вере в мощь нашей Родины. Что бы ни делала я потом, где бы ни была, в душе всегда звучали слова Сталина: «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом... Вперёд, за нашу победу!»¹. Я видела эти неисчислимые силы в действии, в грандиозном военном тылу Советского Союза. Я видела бессонный, огненный труд наших оружейников, которые день ото дня наращивали боевую мощь Советского Союза.

Помню вечер шестого ноября сорок первого года, огни Свердловска за окном, темносинее небо над белыми платями крыш, запорошенных тонким покровом первого снега. В празднично убранной комнате благоговейная тишина: из Москвы говорит с народом Сталин. Мы слышали слово Сталина с Красной площади утром

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1947, стр. 16—17.

седьмого ноября, — и кто в те незабываемые минуты не представлял себе нашу Москву и этот суровый парад, после которого бойцы, провожаемые отцовским взглядом Сталина, уходили прямо на фронт! На другой день, приехав на завод, о замечательных людях которого я писала для «Правды», я увидела необычное, сосредоточенно-яростное оживление. Знакомый кузнец, один из знатных мастеров горячих цехов, отирая крупный пот со лба, сказал с сияющей гордостью улыбкой: «Как поднял нас словом своим Иосиф Виссарионович, сколько силы в душу вдохнул, — и, скажу вам, в душе такая ярость против гадов фашистских, что руке словно удержу нет!».

Сталевар, что варил танковую сталь, сказал: «Слушал я товарища Сталина и все время будто видел его перед собой, будто я сам в Москве побывал, — и только и мысли: получше да побольше вот этого варенья наварить (он кивнул на свой мартен), чтобы фашистскую глотку залить! И — зальем!»

Я видела, как сходили с конвейера танки, наши знаменитые «тридцатьчетверки», сделанные сверх плана, по обещанию, данному Сталину. Я видела, как на заволжской ветке грузились на платформы эти сверхплановые танки, белые, как уральские снега. Весной танки становились зелеными, как листва, а число танковых эшелонов все росло, как с великой радостью отмечали работники заводской ветки. Довелось мне видеть не раз этих людей в те минуты, когда очередной эшелон отправлялся на фронт. Далеко впереди виден высунувшийся из будки машинист — он нетерпеливо тянет руку за путевкой. Вот ее подают. Старичок железнодорожник по-молодому взмахнет красным флажком, крикнет напутственно: «Езжай, голубчик!», а сам любовно-гордым взглядом проводит «голубчиков» — могучие боевые машины, созданные яростным разбегом труда многих тысяч советских людей.

Я видела, как по улице уральского села шли длинным гужом машины и сани, тяжело нагруженные зерном, мороженым мясом, бочками масла и меда — драгоценный груз пересортнейших подарков. Это был «транспорт колхозных подарков фронту», разъяснили мне колхозники.

— Как обещали товарищу Сталину, так

и выполнили!.. Да и еще пошлем нашим воинам — пусть все крепче врага бьют!

Сталинские мысли о справедливой войне, которую мы вели с лютым врагом всего трудового человечества, зримо и вместе с тем органично проявляли себя в речах, настроении и поведении миллионов советских людей. Дружный советский народ, во главе с великим русским народом, направляемый гениальным предвидением Сталина, глубоко впитавший зовущие всегда вперед сталинские слова, воевал с нерушимой верой в победу. Она придавала народу спокойную грозную силу. И эта сила в разное время по-разному проявляла себя. В грозную осень сорок первого года она была скупой на слова, напряженной, сосредоточенной. В дни величайшей в истории войн Сталинградской битвы это была гордая сила людей, которые уже преодолели крутые хребты борьбы и, озирая новые преграды, знают, что и эти будут преодолены.

— Да уж как фашисты ни цепляйся, как ни свирепствуй, а хозяин — Сталин! Уж как ни прикидывай они, как ни хитри, а план Сталина все переберет! — говорили в те дни советские люди.

Эта непоколебимая, всенародная уверенность, что «план Сталина все переберет», придавала народу особую, боевую стойкость. Мало сказать, что в дни испытаний наш рабочий класс и наша техническая интеллигенция работали без растерянности — их напряженный труд, действительно, был вдохновлен тем, что они делали для Родины с именем Сталина, со словом Сталина в душе. Помню, как в начале сорок третьего года знакомый кузнец, кивая на откованную им деталь, «что к сердцу танка относится», сказал с горделивой улыбкой:

— У нас тут тоже фронт! Огня и металла — сколько хочешь, на то мы и оружейники! И мы, как фронтовики, говорим: «вперед, за Родину, за Сталина!»

На жизненных примерах я видела, как этот заветный призыв «вперед, за Родину, за Сталина!» поднимал творческий дух рабочего класса и технической интеллигенции, завоевывавшей новые высоты свободного труда. Развернулся широкий фронт новаторской научно-технической мысли — от знаменитого конструктора, Героя Социалистического Труда, и до молодого брига-

дира, вчерашнего ученика ремесленного училища. Не обязательно быть техником, чтобы понять и представить себе: это смелое новаторство глядело далеко вперед, работало впрок, для будущего. Кажется, еще не подытожено многостороннее богатство новаторских дерзаний и побед, которые, родившись под огненным небом войны, помогали быстрее двинуть вперед восстановление и развитие нашей промышленности в годы послевоенной сталинской пятилетки. А откуда она, эта чудесная смелость новаторов, стойко защищающих свои открытия в борьбе против всего старого, отжившего? Каждый новатор знает, с каким пристальным вниманием следит Сталин за развитием всего нового в технике, в науке, в сельском хозяйстве, в искусстве. Да ведь новаторство во всех областях деятельности прямо вытекает из самой природы нашего государства, которое родилось в результате величайшей победы нового, революционного строя над неназистыми, враждебными трудовому народу силами капиталистического общества.

3. НАС ПАРТИЯ ВЕДЕТ!

Наше поколение, вступившее в советскую литературу в первые годы становления советского государства, на всю жизнь сохранило воспоминание о пронзительно-свежем ветре революционных перемен, который проникал во все поры народной жизни. Лучшие произведения молодой советской литературы в образах своих новых героев отразили борьбу трудового народа за молодую советскую власть, незабываемую ломку общественных, трудовых и бытовых отношений, перестройку сознания и все ярче расцветающий духовный мир советского человека. Тысячи простых людей, героев социалистического переустройства огромной страны, новые идейно-художественные проблемы — современная советская тема все глубже входила в литературу и становилась главным смыслом творческой жизни многих писателей.

А. М. Горький с подлинной революционной страстью призывал писателей к овладению этой главной темой советской литературы, раскрывая перед нами ее жизненную мощь, духовную красоту, новое, неиссякаемое разнообразие, богатство внутреннего мира человека-созидателя. А снобы, формалисты, эстеты и прочие «аристократы духа»

всячески стремились принизить современную тему, принизить нового героя, пугали художников «агиткой», «злободневной серостью», нарушением «законов жанра». Эстеты и формалисты восторженно «поднимали» произведения, написанные на «боковые» темы. Эти книги нравились им потому, что были далеки от прямой и открытой классово-борьбы, что были чужды всенародному деянию и творческому дерзновению героев-созидателей, претворяющих мечту в действительность. Высокие чувства и великие дела народа казались «аристократам духа» слишком широкими, шумными, «лобовыми». Вздыхая в подушку о «камерных» переживаниях, вслух эти люди говорили о чем угодно, только не о реализме. Человек строящегося социализма казался им сплошной «кожаной курткой», ходячей «железобетонной» схемой. Помните, как в конце двадцатых и начале тридцатых годов «украшали» сады и улицы Москвы огромные деревянные истуканы, раскрашенные в багрово-рыжий цвет и «условно» изображавшие якобы рабочих с квадратными нечеловеческими лицами, — трудно было придумать более ясное саморазоблачение формализма!..

Не видя, не желая изучать глубокие процессы политического и культурного роста миллионов трудящихся и потому представляя их сплошной серой массой, лишённой всякой индивидуальности, формалисты и же с ними ставили эти явления новой революционной действительности вне реалистических традиций великой русской литературы. Реализм казался им конечным; по их мнению, развиваться ему больше было некуда. Вспоминая литературную борьбу тех лет, теперь еще яснее понимаешь, как далеко закидывались эти формалистско-эстетские сети. Вместо реалистического изображения мира небожители формализма — не будь борьбы с ними! — стали бы выводить на сцену героев, подобных деревянным уродам в рабочих блузах, или «острашенные» образы, которые ни к кому и ни к чему якобы не имеют никакого отношения, которые, как вешал один из формалистских «манифестов», «ни красные, ни белые», а «божьи» и, главное, «ничьи».

На самом деле, эта литература будто бы ничья, и ее «ничьи» герои, подобно героям прославленного эстетам буржуазного кос-

мopolита А. Грина, были бы глубоко и непримиримо враждебны советским людям. Понятно, это была бы литература, подобная растленной литературе современного нам западного декаданта, находящейся на содержании и вооружении американского империализма. В высокой степени справедливо партия критиковала нас, советских писателей, за недостаточно активную борьбу с чуждыми течениями в литературе. Мы видим множество примеров того, во что обращают литературу формалисты, эстеты и декаденты, эти манерные, паясничавшие лакеи реакции. Недавно в нашей печати писали о декадентском английском альманахе «Орфей». Все декларации лидеров этой группы, их главный «теоретик» Джона Лемана, их так называемое творчество — у каждого человека, даже не искушенного в литературе, вызывают возмущение и презрение. «Теоретик» и авторы «Орфея» проповедуют «потустороннее», «визионерское» искусство, которое должно заниматься «исследованием всего ненормального, загадочного». Так называемые поэты из «Орфея» пишут о «тайне плоти», о «запахе смерти», о «хрусте костей», выдавая в бездарных виршах мечты своих хозяев, англо-американских империалистов, с новой войной и новой наживе, о звоне долларов и «хрусте костей»

Мракобесы от литературы, прославляющие американских колонизаторов маршаллизованных стран Европы, отвергают реализм, да и где им, гробкопателям, почувствовать и понять живую жизнь, полную творчества и боренья за будущее? Считая себя «мастерами» слова, эти «визионеры» и последователи «чистого искусства» во всех своих словесных упражнениях проявляют нищенское убожество мысли и языка, совершенное отсутствие тем и сюжетов и вообще отсутствие даже в минимальной степени того, что называется художественным воображением, без чего нет и писателя. Дай волю эпигонам западного декаданта, формалистам, они уготовали бы всей литературе подлую и жалкую судьбу «Орфея» и ему подобных. Но этого никогда не могло и не может быть в нашей стране!

Среди своих всемирноисторических задач и дел, в самые первые годы становления нашего государства, в напряженные дни гражданской войны, в годы сталинских

пятилеток, в годы Великой Отечественной войны партия внимательно следила за успехами литературы, исправляла ее ошибки, учила писателей все глубже познавать жизнь, исторический смысл совершающихся событий, заботилась о повышении идейного уровня художников, радовалась каждой удаче, ободряла. И в каждом обращении к нам партии мы чувствуем отеческую заботу о нас Сталина, его доверие к нам, справедливо требующее от нас все большего проникновения в жизнь, все большего мастерства, чтобы литература не отставала от огромного роста и размаха деяний советского народа, чтобы все лучше служила ему. Каждый документ партии, обращенный к нам, неизменно открывал нам что-то большое, новое, двигающее нас вперед.

Вот почему всегда свежи в памяти все партийные документы в области литературы, вот почему с такой благодарностью обращаешься к ним: партия помогала нам расти, великий Сталин воспитывал и вел нас к новым победам, которые сделали советскую литературу самой сильной в мире.

Уже в первоначальном наброске своей статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин посвящает целую главу проблемам советской печати, а значит — и литературы. Осенью 1918 года, еще не вполне оправившись после злодейского покушения эсеровских террористов на его жизнь, Ленин выступает со своей знаменитой статьей «О характере наших газет». Ленин призывает советских литераторов помогать партии в воспитании масс «на живых, конкретных примерах и образах из всех областей жизни...»¹, призывает подметать «ростки подлинного коммунизма»² в советской действительности и помогать их развитию. Ленин отчетливо видит все, что мешает советской литературе идти по правильному пути, включая и формалистские фокусы и вешания всевозможных «комфутуристов», и недаром сосредотачивает он огонь на таком антимарксистском течении, как «Пролеткульт». Как и все реакционные группы в искусстве советской эпохи, «пролеткультизовцы» противопоставляли себя партии и советскому государству. Известно, что в так называемые «Пролеткульти», возник-

¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, т. XXIII, стр. 213.

² В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, т. XXIV, стр. 343.

шие еще до Октябрьской революции (во время керенщины), нахлынули социально-чуждые элементы, оруженосцы буржуазной публицистики и философии. Ленин беспощадно критиковал и разоблачал реакционную сущность всех этих групп и группочек, которые под видом «пролетарской культуры» навязывали передовым рабочим свои собственные «системы» и выдумки, свое бескультурье, свое упрощенство, свои антимарксистские взгляды. Разоблачая «пролеткультистов», Ленин с гениальной глубиной и широтой развернул перед советскими писателями проблемы литературного наследства и его значения для успешного развития молодой социалистической литературы.

Ленин писал: «...Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая (практическим опытом) диктатуры пролетариата как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹.

В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин подчеркивал: «В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус»².

И великие заветы Ленина о партийности, идейности и народности советской литературы, блистательно развиваемые Сталиным легли в основу литературной политики нашей партии. В конце мая 1924 года XIII съезд партии занимался вопросами литературы. Обязывая уделять особое внимание пролетарским и крестьянским писателям, писателям из среды комсомола, съезд указывал, что ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии. Съезд призывал писателей создавать высокоидейные подлинно партийные и художественно-

совершенные произведения, понятные и доступные миллионам читателей.

В развитие постановлений XIII съезда партии, 18 июня 1925 года была принята известная резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» — один из важнейших документов в истории руководства партии писательскими кадрами. Помню, как ярко звучало в этом документе доверие партии к молодым пролетарским кадрам советской литературы, как в то же время партия предупреждала нас против комчванства и против капитулянтства, как вдохновляла нас на упорный и глубокий творческий труд, как учила беречь и развивать культурное наследство. Партия учила нас бороться против всяких попыток насаждать оранжерейным путем «чисто пролетарскую» литературу. Были, однако, литераторы, которые своим непониманием задач, поставленных партией, тормозили развитие советской литературы. И партия, как всегда, внесла свои коррективы. Двадцать третьего апреля 1932 года ЦК ВКП(б), по инициативе товарища Сталина, принял историческое постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Этот замечательный документ открывал перед советской литературой новый этап ее развития, вел ее к новому подъему, которого и требовали задачи все ярче расцветающего социалистического общества, интересы выросших культурных и идейных запросов советского общества.

А как действительно поднялись писательские силы, как животворно повлияло на них сталинское решение, показал Первый Всесоюзный съезд советских писателей в августе 1934 года. Прекрасной патристической гордостью дышало вступительное слово А. М. Горького: «Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина»¹ Андрей Александрович Жданов в своей речи, произнесенной в день открытия съезда, связал успехи советской литературы с грандиозными успехами социалистического строительства, откуда она и черпает свои силы. Вспоминая дни съезда, видишь его работу как бы озаренной сталинской заботой, сталинским доверием к нам, писателям, «инже-

¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, т. XXV, стр. 409—410.

² В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 3-е, т. XXVII, стр. 406.

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Гослитиздат, 1934, стр. 1.

нерам человеческих душ», как образно и обязывающе для нас назвал нашу работу великий наш вождь и учитель.

Эти события всем известны. Но, вспоминая их год за годом, каждый раз с обновленной яркостью видишь и чувствуешь как неустанно заботился Ленин и заботится Сталин о развитии нашей литературы, как дорого нашей партии художественное творчество во всех областях искусства.

4. ШИРОЧАЙШИЙ ГОРИЗОНТ БУДУЩЕГО

В начале тридцатых годов в истории нашей советской литературы произошло событие огромного, незабываемого значения, которое открыло перед нами широчайший горизонт будущего и целый мир новых мыслей, чувств и связей творчества с жизнью.

Сталину, нашему вождю и учителю, мы, писатели, обязаны гениальным определением творческого метода, который явился дальнейшим развитием ленинского учения о партийности литературы. Метод социалистического реализма—это высшее выражение реалистически-правдивого, передового партийного обобщения действительности. Со времени первых писательских обзоров и первых статей о социалистическом реализме прошло более пятнадцати лет. И именно теперь, после всемирно-исторической победы Советского Союза, с особенной гордостью думаешь о том, как блистательно подтвердилось гениальное сталинское предвидение и в области искусства!

В чем была суть дела?

Советской литературе под руководством партии предстояло вместе со всей страной, строящей социализм, участвовать в разрешении идейно-общественных проблем столь большого значения, что все прошлые достижения реализма уже были малы и тесны для нее. В этом и была причина идейно-художественных ошибок некоторых талантливых советских писателей в двадцатых и начале тридцатых годов: обладая материалом новой действительности, они работали старым методом критического реализма. До сих пор помнится, как под влиянием услышанного и прочитанного о социалистическом реализме, выветлялись наши мысли и впечатления от великих произведений русской классики, с юности

любимых и высоко ценимых. Вот начало романа Льва Толстого «Воскресенье».

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе». И дальше: «Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга»¹. Впервые тогда мне пришла в голову мысль о том, как сложна творческая учеба у классиков для нас, современных советских писателей. Начни любой наш писатель не критически воспринимать настроения великого романиста, учиться отбору красок и деталей по роману «Воскресенье», — тяжелая неудача постигнет художника, а картина жизни, изображенная им, окажется искаженной и лживой. «Как же это может быть?» — возраят мне. Вчитайтесь внимательно в приведенный отрывок — и вы увидите, что эти строки проникнуты духом отрицания и разрушения, как и многие последующие страницы знаменитого романа. Льву Толстому достаточно было этих нескольких строк, чтобы сразу ввести читателя в обличительную атмосферу произведения. Так называемые деятели верхушки русского общества восьмидесятых годов, все эти вершители судеб миллионов простых людей, могли только обманывать, уродовать, мучить. Страстно ненавидя самодержавный строй, Лев Толстой готов был не оставить камня на камне, разрушить все современное ему общество до основания, — и святым было его негодование: то общество, прогнившее насквозь, враждебное народу, было обречено историей на слом, его и следовало обличать и разрушать.

Известно, однако, что у такого большого художника, как Лев Толстой, идейные слабости критического реализма проявлялись особенно выпукло. Владимир Ильич Ленин писал после смерти Льва Толстого,

¹ Л. Толстой. Сочинения. Государственное издательство художественной литературы, 1936, т. 32, стр. 3.

что «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю»¹.

В статье «Герои «оговорочки» В. И. Ленин спорит с меньшевистским журналом «Новая заря», утверждавшим, что Лев Толстой «сумел найти синтез». Ленин писал: «Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего мирозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти»². Как существенно это добавление, которым Ленин подчеркивает причины противоречий во взглядах Льва Толстого, великого художника и великого критика! Действительно, синтеза Толстой не мог, не в силах был дать.

«Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»³. В те же годы, когда Ленин писал эти слова о Льве Толстом, молодой писатель Максим Горький в романе «Мать» дал столь яркое обобщение действительности, устремленной в будущее, что Ленин отозвался о романе: «очень современная книга»⁴. Это была высокая похвала. Это была радость гения революции и патриота родного русского искусства, оттого что писатель показал героев рабочего движения, показал борьбу, революционную мысль и характеры лучших людей рабочего класса.

В годы нашей юности мы, демократическая молодежь, любили Горького, как властителя наших дум, как писателя, открывавшего нам новый мир борьбы и пред-

чувствие неотвратимых и великих перемен. Позже, как глава советской литературы, наш советский классик Горький, его творческое бытие представлялись нам огромной мастерской нового, эпохального искусства, насыщенного большими проблемами современности, овеянного пронзительно-свежим ветром ее перспектив, ее будущего. В этой чудесной мастерской шли неустанные поиски все более совершенных средств художественного выражения, все более органической слитности внешних изобразительных средств, всей системы образов с внутренним миром революционных идей, — недаром же мы говорим: Горький — основоположник социалистического реализма. Эта подлинно могучая, нестареющая творческая сила рождена была не только огромным талантом, — мощная почва революционных идей и революционного подъема питала эту силу. В то время, когда Горький начал творить, жил и творил великий Ленин. Горький был современником Иосифа Виссарионовича Сталина. Горький хорошо знал гениальные труды В. И. Ленина: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм» и другие работы. Еще до революции Горький-художник был вооружен такими капитальными трудами Сталина как: «Анархизм или социализм?», «Марксизм и национальный вопрос»; в петербургских газетах «Звезда» и «Правда» печатались боевые, полные страстного революционного призыва статьи Сталина: «Новая полоса», «Они хорошо работают...», «Тронулась!..», «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», «Воля уполномоченных», «Выборы в Петербурге» и другие. Труды Ленина и Сталина легли в основу художнического мировоззрения первого пролетарского писателя.

Творчество А. М. Горького стало для нас, советских писателей, любимым образцом, школой великолепного партийного искусства, проникнутого идеями коммунизма и объективностью большой правды, — и в этом торжество большевистского предвидения, образец неразрывной связи художника с жизнью народа, образец нового метода социалистического реализма.

¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

² В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 16, стр. 339.

³ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

⁴ М. Горький. В. И. Ленин. Государственное издательство художественной литературы, 1932, стр. 5.

5. СОЗИДАНИЕ СЧАСТЬЯ

Мы знаем, откуда возникло, на какой почве выросло гениальное определение Сталиным социалистического реализма как основного художественного метода советской литературы. Оно возникло из жизни, из гигантских успехов социалистического строительства, культурно-политического роста народа и воспитания его в духе коммунистических идей. Определение социалистического реализма могло родиться только в нашей стране, могучей, индустриально-колхозной державе, народ которой стал полновластным хозяином своей судьбы. Величайшая в истории революция утвердила на земле новую эру истории во имя счастья и свободы трудового народа. Все, что совершил и совершает советский народ, утверждает это еще небывалое на нашей планете созидание всеобщего счастья.

Счастье свободного труда, образование, культура, возможность развивать свои способности и таланты в нашей стране являются неотъемлемым правом всего народа, — вот почему художник смело и радостно показывает людей, творящих, утверждающих счастье на земле — и свое, и общее счастье. Писателю нашей эпохи выпала на долю радость показывать созидание полной счастливой жизни советского человека. Счастье зарабатывается, рождается в борьбе. В этом созидании нашего, советского счастья нет ничего от пасторальных, идиллических представлений маленького изолированного домашнего счастья. Нет, полностью счастлив лишь тот, кто свою радость объединил с общей победой. Вот, например, молодой новатор, счастливый, торжествующий, получил признание своих трудов. Ему не надо прятать от людей свое торжество: он честно, вместе со своим коллективом, боролся за новое против старого, не отступая перед трудностями, отстаивал данные своего опыта, проявив во всем этом выдержку и высокую принципиальность, — и вот выиграл бой. И разве только техника победила? Победил владеющий ею человек, его характер, его смелая творческая мысль его стойкий труд, — и мне, художнику, радостно и захватывающе интересно рассказать об этом, приобщившись таким образом к труду и победе моего товарища и современника.

А возьмите множество примеров из жизни колхозов. Знатные мастера урожая, Герои Социалистического Труда — откуда они берутся? Чудесная почва социалистической жизни рождает их. Земля, полученная колхозами в вечное владение, преобразуется агрономической наукой; научно поставленное полеводство; применение мичуринских методов во всех отраслях сельского хозяйства; великий план сталинского преобразования природы — какой сложный и бескрайно-богатый комплекс жизненных проблем!.. Все в движении: труд, природа, быт, характеры, мечты о будущем. Все меняется, всюду происходит спор между отжившим и новым, между хорошим и лучшим, застоявшимся на месте и устремленным в будущее. Все эти радостные перемены достаются не так-то просто. Пересматривая в памяти все, что за много лет социалистического созидания довелось увидеть воочию или услышать среди людей, делаешь свои скромные обобщения.

Мне вспоминается простая история, рассказанная двумя металлстами, мужем и женой. Он — мастер смены, она — бригадир, оба люди среднего возраста. После стахановского совещания, на котором горячо обсуждался вопрос о недостаточном использовании богатой новейшей техники, мастер пришел к выводу, что этот упрек относится прямо к нему. Изучив производственные возможности своего цеха, сменный мастер развернул перед бригадами смены новую программу работ. Неожиданно для него, первым противником готовящихся перемен оказалась его жена. Она вдруг испугалась, что ее бригада, одна из передовых во всем заводе, «поломает самое себя», — ломка старых норм казалась бригадире ненужной и даже вредной: «от добра добра не ищут!». Сменный мастер крепко стоял на своей позиции. Тогда бригадир повела атаку на него уже дома, «как жена и подруга жизни». Сменный мастер и тут не сдался.

— Верите ли, такая распря между нами пошла, что хоть расходись! — теперь посмеиваясь над пережитыми волнениями, вспоминала жена. — Да я больше скажу: душой я настрадалась вдоволь!.. Жили-жили в любви и дружбе — и вдруг такие разногласия начались!

— И я душой страдал, могу теперь

признаться, — сказал муж. — А все равно отступать было нельзя. И жену не убедить — тоже нельзя: ведь все мы друг за друга перед заводом и перед партией отвечаем, да и по-человечески обидно, что она, из-за ложного самолюбия, не желает меня понять...

Конфликт был серьезный, но разрешился он победой сменного мастера, и мир в семье был восстановлен.

Один очень опытный и талантливый инженер, рассказывая о своей борьбе за новое, передовое, говаривал: «Оно иногда кровью дается, с болью и тревогами приходит, — и человек тут весь на виду!»

Полнота жизни завоевывается упорным трудом, творческими поисками, переменами, мечтой, страданием, преодолением противоречий и похем на пути нового. Но страдание в условиях нашего общества не безысходно, и борьба за новое неизменно кончается победой этого нового.

Критический реализм, возникший, как метод отражения тяжелой дореволюционной действительности, оставил в наследство традицию изображения страдания. Декаденты извратили ее, предаваясь упоенному любованию страданием, смакуя горечь человеческого бацилия, якобы predeterminedенную от века. Можно сказать, что и весь инструментарий художника прошлого был зачастую приспособлен, главным образом, к тому, чтобы показывать и даже воспевать страдания. Буржуазные прописи учили: «Страдания очищают душу». Одна из сильнейших сторон советской литературы заключается также и в том, что эта традиция страдания подверглась самому решительному пересмотру. Все чувства и мысли человека связаны с его деянием, с пользой этого деяния для общества. При восхождении на вершину мы дышим тяжело, но вот мы поднялись, свежий ветер врывается нам в грудь, мы озираем новые дали — и трудности уже в прошлом. Они не пугают нас, а укрепляют веру в свои силы. Страдание — временно, нет и не может быть безысходных терзаний, которые, лишив человека воли, выключают его из жизненного созидания. Поэтому раздувание мотивов страдания и воспевание его мешает жизни и глубоко враждебно ей. Борьба нашей партии, высокая жизнь и деятельность Ленина и

Сталина показывают нам бесчисленные примеры великолепной выдержки, неугаваемой энергии, бесстрашия и веры в будущее, и все это, невзирая на самые жесточайшие репрессии и преследования царизма. В годы царской реакции молодой Сталин писал: «Сегодня перед нами величественная партия — Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, которая насчитывает в своих рядах до 200 000 членов, накладывает свой отпечаток на борьбу пролетариата, собирает вокруг себя революционную демократию всей России и наводит страх на «сильных мира сего»¹.

На этой гордой уверенности в исторической правоте и все растущей силе нашей партии воспитывались миллионы рабочих. Эти слова зажигали неугасимым мужеством души таких негнбимых борцов, как Петр Заломов — прототип героя романа Горького «Мать». Именно из этой могучей веры большевиков в победу революции берет свое начало, как река с горных вершин, жизнеутверждающая партийная направленность творчества, которая помогла еще молодому Горькому создать тот синтез, то высшее обобщение в искусстве, которого не в силах был сделать даже такой гигант русской классической литературы, как Лев Толстой.

Новые поколения коммунистов, прогрессивные общественные деятели и писатели в капиталистических странах и в странах новой демократии, изучая историю нашей великой большевистской партии, найдут для себя и бесчисленное множество примеров революционного бесстрашия и стойкости, всегда, во всякое время. С каким волнением мы, люди конца сороковых годов нашего века, перечитываем, например, письмо Сталина в ЦК партии из Сольвычегодской ссылки. В этом письме нет ни одного слова, которое даже в самой малой степени заставляло бы вспомнить о тяжелой жизни ссылки в страшной глуши каторжной Сибири. Каждая строка этого письма полна неистребимой воли, упорства, энергии, огромного интереса к событиям. Сталин думает о больших проблемах партийной работы в России и за границей, дает советы и предлагает: «Если нужда в работ-

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 33.

никах в самом деле острая, то я могу сняться немедленно»¹.

Мы знаем, с какой смелостью Сталин «снялся» с места ссылки: побег из Новой Уды (Иркутской губ.), побег из Сольвычегодской ссылки, нелегальный выезд из Вологды в Петербург, побег из Вологодской ссылки, побег из Нарымской ссылки. Мы знаем, каким был русский север тридцать восемь лет назад: необозримые просторы, редкое население, почти поголовная безграмотность, дикий произвол полицейщины, а ко всему этому — лютые морозы, тайга, бездорожье... Да, только великий борец за свободу и счастье народа мог преодолеть все это!..

Мы помним, как в тридцатых годах развертывалось наступление социализма во всех областях жизни. Помним, как товарищ Сталин учил нас, советский народ, перебарывать все трудности, не сдавать позиций, никогда не отступать.

«Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? — пишет товарищ Сталин. — Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведёт лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмёт!»

Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег»².

Если бы меня спросили, как можно наиболее образно, понятно и волнующе показать смысл той большой и жизнеутверждающей правды, которую несет в мир советская литература, я бы привела именно эти замечательные слова.

Более чем полтора десятка лет работая и участь под знаменем социалистического реализма, советские писатели прошли целые университеты по укреплению связей творчества с жизнью, без чего немислимо правдиво и широко показать действительность. Только жизненно-сильный, вооруженный передовой философией метод

социалистического реализма мог с такой невиданной в истории искусства глубиной, ясностью и смелостью разрешить вопрос о правде художественного произведения. Мне представляется, что в конце прошлого века писатели находили правду жизни большей частью по негативным признакам: что плохо, то и есть правда. А так как самодержавный строй, враждебный трудовому народу, сеял зло, произвол и насилие, плохого было бесконечно много, в большом и в малом. Ростки грядущей революции, которые, пробиваясь всюду, разрыхляли почву и озонировали воздух, — в конце прошлого века могли заметить и правильно изобразить только писатели революционеры, борцы, такие, как Горький. Многим писателям зло и грязь жизни казались безнадежными. (Я не пишу исследования, а лишь рассказываю о своих впечатлениях писателя, живущего в иной эпохе и идущего в рядах советских художников, под знаменем самого передового и жизненного метода в искусстве).

Школа А. М. Горького, как и вся история творчества великого писателя, показывает нам силу и красоту правды, устремленной в будущее. Марксистская критика справедливо осуждала произведения, авторы которых создавали искаженную картину жизни, так как видели только накипь мелких, преходящих явлений, которым до правды было далеко!..

Какое же есть у нас мерило для того, чтобы определить, что художник нашел настоящую большую правду? Да, у нас есть это мерило. Еще в ту эпоху, когда молодой Горький писал свой роман «Мать», Владимир Ильич Ленин в своей статье «Партийная организация и партийная литература» писал:

«Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме... Литературное дело должно стать частью общепроле-

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 211—212.

² И. В. Сталин. Сочинения, т. 12, стр. 17—18.

тарского дела...»¹. На заре социалистической литературы В. И. Ленин страстно и непримиримо разоблачал «буржуазных индивидуалистов» и лицемерие их речей об «абсолютной свободе». «Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как мирозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»².

Эти бессмертные обличительные слова били тогда и метко бьют сейчас всю реакционную буржуазную литературу, чуждую и враждебную трудовому народу, подкупленную законами Уолл-стрита и Сити. И рядом с этим бичующим словом раскрывается мечта великого Ленина о свободной литературе, которая будет открыто связана с пролетариатом.

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»³.

У советской литературы нет и не может быть других интересов, кроме интересов нашего социалистического государства и народа.

Советский человек — герой-созидатель — живет и творит во имя и на благо народа. Когда образ этого героя, его деяние, его мысль, его взгляд в будущее раскрыты художником под знаком интересов народа, общества и его будущего, то это и есть та подлинно большая правда, которая удалась художнику.

Вот один из примеров того, что именно правда больших, связанных с общим трудом явлений, имеет решающее значение в жизни, а следовательно, и в искусстве.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 10, стр. 27.

² В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 10, стр. 30.

³ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 10, стр. 30.

В начале осени 1947 года в Заволжье я встретилась с председателем передового колхоза имени Молотова Терентием Алексеевичем Чагровым. Тогда все прочили ему золотую звезду Героя Социалистического Труда, которую он впоследствии и получил. Со мной в колхоз приехал за материалом молодой корреспондент. Он несколько растерянно поглядывал на председателя: Терентий Алексеевич больше всего рассказывал о недостатках в работе колхоза, о случаях нерадивого отношения к труду. Наконец, юноша уже вслух удивился:

— Но ведь всем известно, Терентий Алексеевич, что у вас хлебозаготовки проходили успешно, зачем же в такой момент говорить о недостатках?..

— А вот зачем, молодой товарищ: пусть-ка все нерадивые помнят, что мы всегда будем их вытаскивать за ушко да на солнышко, чтобы они главному большому делу не мешали, чтобы от народа не отставали. А что касается всякого недогляда с нашей стороны, правления колхоза и лично моей, — об этом нам тоже полезно помнить. Ну, а насчет тех, которые расклепались и сдали, — мы ведь их гиблыми людьми не считаем: мы их поучим, а они пусть подумают. А подумавши, подтянутся, покажут хорошую работу, и мы их тут же добрым словом отметим!

Реакционные писатели Запада, стремясь подорвать революционную активность трудящихся, с тупой настойчивостью внушают читателям, будто сама природа человеческая безнадежно низменна, бессильна, гадка. Это самая подлая неправда о человеке, который честным трудом зарабатывает свой хлеб. Наша социалистическая правда о человеке, который «расклепался», «от народа отстал», по-моему, именно такова, какой представляет ее себе председатель колхоза Терентий Алексеевич Чагров.

В прошлом году в колхозе имени Сталина, в Наволокском районе Ивановской области, довелось мне услышать родственные этим мысли от знаменитой в районе «будущей героини», как ее зовут, Клеопатры Алексеевны Матвеевой. На тяжелой земле — суглинке, где ее отец и дед собирали с гектара еле-еле три центнера, она собрала 27 центнеров зерновых и получила орден Ленина. В 1952 году, когда «земля пройдет полный оборот преобразований»,

Матвеева планирует получить больше тридцати центнеров с гектара. Конечно, были люди, которые затрудняли ее работу, но таких «горстка, да и той может не быть». Так и получилось потом в ее звене: «плохих у нас вовсе не стало!». Да и вообще колхозная жизнь «человека за народом тянет», как твердо убеждена Матвеева. На полевых участках своего звена Матвеева указала мне на маленькие полянки, покрытые ромашками. Эти полянки с ромашками, ненавидимые Матвеевой и ее звеном, называются — вымочки, то есть земные впадины, где дождевые воды застаиваются и вместо колосьев растут ромашки. Но, в результате работы над землей, вымочек с каждым годом становится все меньше.

— Выровнять место, воду в канавки выпустить — вот и с вымочкой покончено, — говорит Матвеева. — И с людьми бывает похоже: убери от человека, что его томит, — и дело пошло. Один еще не понимает, как лучше сделать, другой — нерешительный, у третьего терпенья мало. Потом, смотришь, человек сам себе дивится: да ведь с народом-то легче вперед идти, чем одному в грязи топтаться!

Где правда: выдвинуть на передовую линию повествования, например, нерадивого колхозника или отсталого рабочего, или главные нити действия и осмысливания всех событий дать в руки того героя, который побуждает этих людей идти вместе с народом? Конечно, второе и есть настоящая правда, которой учит нас жизнь. Нам, писателям Советской державы, открыт широкий и ясный путь к правде.

6. ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Мы, трудовой народ, владеем неисчислимыми материальными богатствами, пашнями, лесами, реками, морскими водами, недрами земными, всеми благами культуры и богатейшими возможностями духовного роста. Но мы были бы ленивыми и жалкими эмпириками, если бы, погружаясь в конкретность опыта, не умели бы обобщать смысл, цель и направленность явлений: в чем именно борьба нового со старым, к каким переменам она ведет, как помогает движению жизни вперед. «Вперед!» — призывное слово борцов за революцию и за нашу сегодняшнюю жизнь, слово, обладающее всегда молодой и при-

тягательной силой. Вперед, к коммунизму! — вот оно, главное, вот она, цель пути всех честных, сильных и свободолюбивых людей!.. Советская литература — сильнейшая в мире, потому что духовный мир художника обогащается великим учением Ленина—Сталина, учением, которое подводит нас к высшим обобщениям, и вдохновляет полетом высоких мыслей об историческом процессе, происходящем на наших глазах. Этот исторический процесс в свете обобщения грандиозной всенародной практики движения к коммунизму мы видим, как бытие, все время обновляющееся, как бытие, развивающееся диалектически по восходящей линии. — глубококому пониманию этого учит нас великий вождь и друг советской литературы, наш Сталин:

«...В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, — а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным...»

И дальше:

«Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественно-го состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»¹.

Вот где неиссякаемый источник нашего разума и чувства, нашего вдохновения. Вот она, плодоноснейшая почва для роста и расцвета искусства, созданная историей революционной борьбы нашей партии, государственной практикой нашей Советской державы, нашей гордостью за нее, нашей любовью к Родине!.. Известно, что нет творчества без художественного таланта, но и не может быть подлинного большого художника без высокой идеи. Эти высокие передовые идеи патриотизма, демократии, мира и свободы, которые Сталин справедливо назвал животворными, обладают чудесной силой, оплодотворяющей талант

¹ «История ВКП(б), Краткий курс», глава IV, стр. 102.

художника. Оттого-то так сильна, так крепко связана с народом советская литература, прославленная многими Сталинскими премиями, переводимая на все языки мира.

Враги свободы и мирного развития народов, поджигатели войны ненавидят советскую литературу и боятся ее, как властного голоса правды о свободном и сильном народе, который ведет Сталин. Но книги советских писателей доходят до миллионов простых людей в странах капитализма как призыв к борьбе за священные и справедливые права этого простого человека, как великолепная правдивая картина того, что может сотворить этот простой человек, став хозяином своей судьбы, хозяином государства.

Движение творчества по восходящей линии не только радостно, но и очень ответственно. Советский художник должен идти в ногу с великим сталинским веком, помогать партии воспитывать, обогащать духовный мир народа, идущего к коммунизму. Для советской литературы нет важнее и выше целей и задач, чем те, которые поставлены большевистской партией. Как выразить, как наиболее впечатляюще донести до читателя картину бытия, смысл и движение нашей богатой действительности?.. Недаром партия в исторических документах, посвященных вопросам литературы, ставит перед писателями проблемы художественного мастерства, недаром А. А. Жданов на философской дискуссии 1947 года советовал двигать вперед этику и эстетику. Советскому художнику нужно добиваться той совершенной в своей ясности простоты и вместе живописности внешнего выражения, которое наиболее органично и глубоко приобщает читателя к миру больших идей, вдохновивших автора.

Великолепная эпоха всемирноисторических побед Советского Союза, эпоха образования стран новой демократии и движения их к социализму делает нашу советскую литературу действенным идейно-художественным оружием в борьбе за счастье всего человечества. Соединяя вместе и задачи наши, как литературы первой в мире страны, вступающей в коммунизм, и благородную учительскую роль советской литературы для писателей стран новой демократии, всем своим существом понимаешь, как нужна и как важна для нас, советских пи-

сателей, большевистская критика!.. Только критика поможет нам творчески и идейно расти, оправдать историческую роль нашей литературы высоким идейно-художественным качеством произведений. Но и сама критика должна многое обновить в своем арсенале. Она должна разбирать произведения советской литературы на основе понимания этой идейно-единой литературы, как широкого многообразия творческих индивидуальностей — ведь она очень большая и разная, наша советская литература!

Какие сверкающие дали открывает перед нами сталинская эпоха мировой истории! Целые страны и народы сбросили с себя кровавое иго капитализма. Бывшие буржуазные страны, которыми как разменной монетой пользовались заправили Сити и Уолл-стрита, превратились в созвездие народных республик: Болгария, Венгрия, Румыния, Польша, Чехословакия, Албания! И все друзья мира от всего сердца радуются успехам их социалистического строительства. Какое время, читатель, какое ослепительное время!.. Многострадальный Китай, сбросив вековой гнет «своих» и англо-американских угнетателей, которые пили кровь и пот 500-миллионного народа, наконец распрямил могучие плечи и встал во весь свой гигантский рост, озаренный пламенем освободительной народной революции. В свободную семью народных республик вступила огромная Китайская Народная Республика, — и мы, друзья и работники мира, опять торжествуем победу!.. В восточной части бывшей фашистской Германии основана Германская демократическая республика. Помните, читатель, как в незабываемо радостный день 9 мая 1945 года мы слушали выступление по радио нашего Генералиссимуса Сталина: «Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»¹. А теперь, словно в озарении этих пророческих слов, мы читаем речь к народу президента Германской демократической республики Вильгельма Пика, читаем сообщение о миллионной народной демонстрации в Берлине! И снова звучит слово великого Сталина, обращенное к германскому народу: «Пусть

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1947, стр. 193.

живет и здравствует единая, независимая, демократическая, миролюбивая Германия!»¹.

Письмо великого Сталина президенту Германской демократической республики Вильгельму Пику и премьер-министру Отто Гротеволлю — торжество сталинского мудрого предвидения. Еще в довоенные годы товарищ Сталин пророчески говорил, что фашизм — власть кровавая, но недолговечная. В поступательном ходе истории бывают зигзаги и скачки в сторону от главного пути, но неминуемый ход развития все равно возьмет свое. В докладе на XVII партийном съезде в 1934 году товарищ Сталин говорил: «Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»².

Предвидение великого Сталина сбылось!.. Глубочайшие изменения произошли в жизни той части Германии, которую теперь германский народ объявил Германской демократической республикой. Народ, который с таким изуверством портили и грязнили гитлеровские разбойники, возвращается под благодатным влиянием Советского Союза в семью миролюбивых народов. «Таким образом, закладывая фундамент для единой демократической и миролюбивой Германии, вы вместе с тем делаете великое дело для всей Европы, обеспечивая ей прочный мир»³. Так сказал Сталин, великий светоч мира! И все честные люди на земле уверены в том, что и эта новая демократическая республика будет быстрыми шагами двигаться вперед в своем развитии, будет бороться за мир. Дружба с Советским Союзом, учение Ленина — Сталина открывает

¹ «Правда» от 14 октября 1949 года.

² И. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Партиздат, 1934, стр. 16.

³ «Правда» от 14 октября 1949 года.

перед народами мира широкую и светлую дорогу, как и показывает это молодая история стран новой демократии.

Недавно на встрече с советскими писателями старейший из революционных борцов Франции Марсель Кашен сказал: «Высшая тема и цель искусства — мир». Да, мир, мир! Мы, советские писатели, счастливы сознанием, что работаем для мира. Великие наши учителя Ленин и Сталин неизменно вдохновляют писателей, учат показывать созидание, труд, бессмертное деяние человека во имя жизни. Советская литература всегда шла под знаменем мира, но теперь история раскрывает перед ней новые, еще более обширные и величественные задачи. Ведь над освобожденной частью человечества в Европе и Азии уже занимается заря той подлинной истории, о которой мечтали создатели научного социализма Маркс и Энгельс. Мы, Советский Союз, идем к коммунизму, мы уже вступили в эту светлую эру подлинной истории. Благородная задача советской литературы состоит в том, чтобы силой идейно-художественного обобщения современности помочь перестройке сознания миллионов тружеников. Мы смело смотрим в будущее, потому что нас ведет, нас воспитывает великий гений, кормчий мира и свободы, вождь всего трудового человечества, любимый наш Сталин!.. Всем, что есть лучшего в нас, всем, чем обогатился наш духовный мир, всеми высокими и величественными впечатлениями бытия мы обязаны партии, Сталину. Так думают люди всех возрастов, творцы многих славных дел во всех областях нашей жизни. Мы счастливы высоким счастьем сознания, что мы ученики и сограждане Сталина — гения коммунизма, мы гордимся нашей социалистической Родиной, которую ведет он, — и нет выше этой гордости на земле!

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ПЕРЕПИСКА СТАХАНОВЦЕВ

Мы предлагаем вниманию читателей небольшую часть переписки трех московских стахановцев — Николая Российского, Василия Матросова и Александра Чугких — с их многочисленными корреспондентами

Авторы писем — разные люди: прославленные стахановцы, лауреаты Сталинских премий и рядовые члены заводских бригад, рабочие, мастера, чьи имена мало кому известны за пределами их цеха, студенты, колхозники, профессора, партийные работники и журналисты.

Одни и те же чувства вложили перо в руку ткача, колхозника, профессора — всех этих разных и вместе с тем внутренне схожих людей, основным содержанием жизни которых стал творческий труд во имя победы коммунизма.

★

Почта Николая Российского

Сталинская область УССР, гор. Краматорск, Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина, мастеру П. Корневу

ИЗ МОСКВЫ

Здравствуй, дорогой Пантелей!

Давно уже собирался написать тебе большое подробное письмо. Вот теперь немного приболел и пользуюсь случаем — пишу. Кажется, не так-то давно мы с тобой виделись. А оглянешься — столько событий произошло за эти несколько месяцев, что впору книгу целую писать, не то что письмо. Но раз уж в кои веки объявилось у меня сегодня свободное время, постараюсь написать обо всем подробно.

Прежде всего, как у нас с тобой заведено, опишу дела цеховые. У нас за последнее время произошли (точнее говоря, и по сей день происходят) большие перемены. Когда ты гостил на «Калибре», мы только развернули поточную работу. Но это была первая ступень. Долго на ней задержаться не пришлось. Сегодня уже вся работа идет у нас по конвейеру. Иначе говоря, мы подчинили весь производственный процесс строго регламентированному ритму.

Вообще, дело это в нашей стране не новое. Но именно при изготовлении точных измерительных инструментов, требующих особой тщательности, конвейер прежде не применялся ни у нас, ни за границей. Теперь участок работает как часы. Каждый день на склад сдается ровно четыре процента месячной продукции. 27—28 числа каждого месяца мы без всякой штурмовщины, без всякого аврала заканчиваем месячную программу и начинаем сдавать сверхплановую продукцию.

Совсем не легко дался нам этот конвейер. Продукция у нас «тонкая», а поступиться качеством хоть на самую малость мы права не имели. Сначала получалось, что один рабочий на конвейере перегружен, другому, наоборот, достается совсем малая нагрузка. Сколько, говоря по-военному, тактических задач пришлось нам с инженерами решить, прежде чем труд на конвейере был распределен равномерно! Сейчас уже смело можно сказать об успехе этого дела.

Когда подводятся итоги нашего с тобой соревнования, сообщаются только результаты работы твоего и моего участков. Наши уважаемые арбитры — ЦК профсоюза станкостроителей и ЦК Тяжмаша — не сообщают, как же идут дела у всего заводского коллектива «Калибра» и НКМЗ.

Поэтому мне хочется, чтоб ты знал об успехах не только моего участка, но и всего завода. Пятилетку свою, как ты знаешь, выполнили за три года семь месяцев и девять дней. Теперь работаем в счет 1951 года.

Дела, как видишь, не плохие. И хотя стоили они нам больших трудов, но себя вполне оправдали.

Пантелей, всю жизнь у меня как-то так получается, что впереди всегда больше трудных работ и трудных задач, чем позади. Вот 14-го числа предстоит мне на кафедре метрологии и приборостроения Станко-инструментального института имени Сталина читать лекцию студентам нового набора. Сам понимаешь, какова задача. Я, правда, не первый раз буду выступать с лекцией, но здесь тема взята более сложная, чем прежние: «Технология поточного производства микрометров».

Вспоминаю я прошлую свою лекцию для студентов и не могу не волноваться. Ведь тогда вышел я на кафедру, чертежи развернул, а в первом ряду среди студентов с карандашиками и блокнотами доценты сидят, кандидаты и доктора наук, сам профессор Городецкий среди них. Перед такой ответственной аудиторией нужно выступить дельно, сказать какое-то свое, новое слово.

Между прочим, вчера, читая план новой лекции, присланной из института, я особенно обрадовался одному его разделу. Ученые просили рассказать о перспективах дальнейшего развития стахановского движения на «Калибре».

И верно ведь, Пантелей, мы сегодня уже можем твердо сказать, в каком направлении будет развиваться наше стахановское наступление.

Недавно мой участок был первым, полностью перешедшим на стахановский поточный метод работы. Сейчас у нас на заводе 32 стахановских участка и 8 стахановских цехов. Так, постепенно добываясь общего подъема, усовершенствуя свой поток, мы хотим сделать весь завод стахановским. Наш коллектив послал во Всесоюзный Центральный Совет профсоюзов просьбу разработать положение о стахановском заводе (какие показатели должен иметь завод, чтобы получить это звание). Мы с товарищами думаем, что дело это вполне созрело, что нас поддержат.

Еще рад тебе сообщить о больших успехах Володи Уткина, нашего токаря и комсомольского вожака. Когда ты гостил у нас в цехе, Володя считался, так сказать, «незаметным работником». А сегодня его молодежная бригада громкие дела делает. Они первые ввели у себя лицевые счета экономии. Весь коллектив поддержал ребят. Так что ученики растут замечательные.

Да, я тебе не сказал еще одну важную вещь. Тебе такой студент Н. Российский не известен? А с этого месяца он зачислен в списки заочников Станко-инструментального института. Я решил всерьез взяться за учебу. И надеюсь, не оставляя свой цех (ну как я могу его оставить!), через несколько лет выучиться на инженера. Кажется, у вас в Краматорске тоже есть филиал машиностроительного института. Ты как, Пантелей, не думаешь тоже студентом заделаться? Хорошо бы и в этом деле соревноваться.

Я с нетерпением жду результатов твоей работы в третьем квартале.

Пантелей, я вместе с советской делегацией был в Венгрии. Мне там довелось побывать на многих предприятиях, выпускающих трактора, автомобили, прокатывающих трубы, на родственном нашему «Калибру» приборостроительном заводе «Гамма», на металлообрабатывающем комбинате «Чепель», где делается самая разнообразная продукция — от иголки до паровоза. Всюду встречался с венгерскими рабочими, разговаривал с ними о жизни, работе, о планах на завтрашний день.

И прощаясь с Будапештом после пятнадцатидневного пребывания, я увез с собой веру в то, что венгерские рабочие и крестьяне сумеют построить себе такую же счастливую, настоящую жизнь, какую построили мы. Очень мне запомнились слова, ко-

горые сказал мне в своем цехе старик токарь, один из первых ударников комбината «Чепель»:

«Если Советский Союз и наши Народно-демократические страны будут с каждым днем крепнуть, то никто на свете не посмеет начать войну. Наши успехи и радости — это радость всем народам мира, это грозное предупреждение капиталистическим разбойникам».

Об этом же говорили представители зарубежных народов на Всесоюзной конференции сторонников мира.

Мне довелось быть на конференции делегатом москвичей. Когда пришла моя очередь выйти на трибуну и сказать речь о войне и мире, мне хотелось найти такие сильные и верные слова, которые выразили бы волю — мою, твою, всех наших людей, несокрушимую волю к миру и труду.

Нас было тысяча двести человек в Колонном зале. Но казалось, весь наш народ, все двести миллионов продиктовали слова резолюции, призвавшей народы взять дело мира в свои руки.

Рядом со мной в президиуме сидели негр из Центральной Африки, англичанин, американец. Они тоже говорили о мире, о ненависти своих народов к войне.

Ты читал книгу Юлиуса Фучика «Слово перед казнью»? Это замечательная книга; если не читал — обязательно достань и прочти. Фучик — чехословацкий коммунист, которого казнили гестаповцы. Перед смертью он написал такие слова:

«Люди, я любил вас. Будьте бдительны!»

Во время конференции я познакомился с женой Юлиуса Фучика — товарищем Густой Фучиковой. Мы с ней больше часа разговаривали. Она еще не старая, очень простая и скромная женщина, как видно много пережившая и передумавшая. Особенно сердечно говорила она о нашей стране, освободившей ее родину, открывшей чехам путь к осуществлению мечты Фучика. «Мы учимся у советских людей строить новую жизнь», — несколько раз повторяла она.

После разговора с Фучиковой я особенно почувствовал, какая ответственная должность у каждого из нас — быть советским человеком. Очень много и очень крепко нужно работать, чтоб быть достойным этой великой должности.

Ну вот, на этом кончаю. Видишь, какое письмо длинное получилось.

Ну, будь здоров, друг! Желая успеха в работе!

Николай.

Р. С. Очень хочу в ближайшее время выбраться к тебе в Краматорск. Не знаю, удастся ли, но собираюсь.

Николай Российский.

Москва, завод «Калибр», ст. мастеру Николаю Российскому

ИЗ ЛЕНИНГРАДА

1

Привет, товарищ Российский!

Получил твое письмо через Генриха Борткевича и сейчас же отвечаю. Я вот только-только приехал из Свердловска. Ездил на уральские заводы цветной металлургии опытом обмениваться. Дело разметчика этого требует: быть всегда в курсе всего нового.

Знаю, как много тебе приходится работать в цехе, да и каждый из нас должен вести большую общественную работу. Но писать друг другу нужно, делиться новыми мыслями, находками в труде.

Мне из парткома сейчас передали поручение подготовить доклад о социалистическом соревновании за 20 лет. Наш завод «Красный Выборжец» — родина социалистического соревнования. Здесь оно зародилось впервые в 1929 году. И мне, как одному из организаторов молодежи того времени, многое вспоминается. Хочу, чтобы доклад был полезен общему нашему делу.

Борткевич наверное рассказывал тебе, как мы тут работаем в Ленинграде, и я прошу тебя, как члена президиума Московского Городского Совета профсоюзов, помочь нам в одном важном деле. Уж выбери, пожалуйста, время и ради дружбы москвичей с ленинградцами помоги.

У вас в Москве, в Станко-инструментальном институте имени Сталина, работает профессор Семен Михайлович Куликов, заведующий кафедрой графики. Проездом из Свердловска я делал у него на кафедре в институте доклад о стахановских методах работы разметчика. Доклад прошел как будто хорошо. Тогда у нас возникла мысль: по опыту Ленинграда связать институт с разметчиками станко-инструментальных московских предприятий. Это будет очень полезно. Будет обобщен стахановский опыт разметчиков московских предприятий. Можно будет организовать их учебу, обмен опытом. Это дело наладить — большая заслуга в укреплении содружества стахановцев и научных работников. А о том, что у нас в Ленинграде будет нового, я со своей стороны постараюсь подробно информировать москвичей.

Теперь несколько слов о личном. В отпуску я еще не был. Думаю поехать в Сочи. Перед отъездом сообщу адрес, так что связь не потеряем. Прошу передать привет твоей супруге. Пиши мне по адресу: Ленинград, Свердловская набережная 27, завод «Красный Выборжец».

С приветом *Г. М. Дубинин.*

Как дела на твоём участке? Ты, говорят, уже там главный технолог. Как дела и успехи Василия Матросова?

2

Привет, товарищ Российский! Поздравляю тебя с праздником.

Только что слышал твой голос по радио из столицы нашей — Москвы. Разреши сообщить тебе о своих трудовых делах. Ко дню рождения И. В. Сталина закончу выполнение десятой годовой нормы. Еще хочу сообщить о том, что со стахановцами города Свердловска у нас завязалась большая дружба. О нашем соревновании с ними ты наверно не раз слышал по радио. Много времени я теперь уделяю передаче стахановского метода разметки ребятам из ремесленного училища. Хороший они народ — ребята!

Недавно я был у ребят детского дома № 43 в Калининском районе. Родители их погибли во время Великой Отечественной войны, за честь и независимость нашей родины. Детей — 125 человек в возрасте от 6 до 12 лет. Такие чудесные они все, и так им нужны ласка и внимание. Я там у них частый гость. Прошу и тебя, напиши по адресу Малая Охта, Мало-Охтинский проспект 51, Детдом № 43. Письмо из столицы будет большой радостью детишкам.

Помог ли ты профессору Куликову, Семену Михайловичу, связаться со стахановцами? Еще раз приветствую и желаю успеха в работе.

Разметчик Г. Дубинин.

Псылаю номер нашей заводской многотиражки, чтоб ты знал, как трудится коллектив — начинатель социалистического соревнования.

ИЗ КРАМАТОРСКА

Уважаемый Николай Алексеевич!

Извините за беспокойство. Я студент Краматорского машиностроительного техникума. Получил дипломное задание на тему «Проектирование участка инструментального цеха по изготовлению микрометров».

Убедительно прошу Вас помочь мне — сообщите о стахановском методе изготовления частей микрометра, о технологическом процессе. Особенно интересует меня процесс изготовления скобы микрометра, гайки, микровинта. Материал для частей микрометра, механическое оборудование, на котором обрабатываются части.

С уважением к Вам студент 4-го курса *Василий Прядко.*

ИЗ МОСКВЫ

Многоуважаемый Николай Алексеевич.

Дирекция Московского Станко-инструментального института имени Сталина, согласно договоренности с Вами, назначила Вашу лекцию на тему «Технология поточного производства микрометров» на понедельник, в аудитории 408.

Начало лекции — 13 ч. 35 м., длительность — 2 часа. На Вашей лекции будут присутствовать студенты 4 и 5-го курсов приборостроительного факультета, а также приглашенные ученые.

План или тезисы Вашей лекции просим представить заранее.

Зам. директора института по научной и учебной части.

профессор *В. С. Владиславлев.*

Зав. кафедрой профессор, доктор технических наук

И. Е. Городецкий.

ИЗ ЧЕЛЯБИНСКА

1

Здравствуй, Коля!

Шлем наш челябинский привет и желаем счастья и доброго здоровья.

Сегодня я получил твое письмо, за которое сердечно благодарю. Новостей так много, что сразу все описать трудно... Но все-таки постараюсь обстоятельно рассказать о заводе и о себе.

Мы пережили очень трудное время перестройки. В связи с этой работой цехи, что называется, были вывернуты наизнанку. Наш коллектив теперь борется за резкое улучшение показателей. И твои дельные советы очень нам помогают.

Мария Котова решила работать по методу Николая Российского, по твоему новому методу, и она повела дело не плохо. Правда, сначала было трудно с резцами, но вот уже 8—10 дней как дело идет на лад, и Маруся выходит в ряды мастеров, которые вправе соревноваться с тобой.

Поскольку пишу тебе я, то и о себе скажу несколько слов. Программу выполняю хорошо и особенно много стараюсь сделать по инструментальному отделу. Движение, начатое тобой, Коля, безусловно много дало стране для досрочного выполнения нашего пятилетнего плана. Я всем чем могу поддерживаю твой начин, что делаю и по должности своей, и по совести, и по дружбе.

Я очень рад, что мой земляк, с которым мы десять лет проработали вместе, удостоен высокой награды за свой труд. Ты молодец, Коля.

Немного о нас. Мы с Нелей живем хорошо. Она работает зам. начальника Райздравотдела Кировского района, родила сына. Девяти месяцев он весил уже девять с половиной килограммов. Сейчас ему почти год, гостит у бабушки, уже ходит и стал похож на артиста — волосы длинные, «под кружок». До свидания. Горячий привет Марусе.

Константин Ландин.

2

Здравствуйте, Николай Алексеевич!

Получила от Вас письмо, которому очень рада. Спасибо за внимание ко мне и ко всем Вашим ученикам. Многие уже нет здесь. Кормилихин служит в рядах Советской Армии. Шатров — строитель на Дальнем Востоке. Китов ушел на учебу. Бабин — молодец: кончил вечернюю школу-десятилетку и теперь учится в Сельскохозяйственном институте. Из наших друзей остались на заводе Зоя Колупаева, Юлия Побегалова, Вена Девяткин. Им я передала Ваш привет. Они хорошо работают и сами Вам напишут.

Как я Вам завидую, что Вы в Москве, видели руководителей партии и правительства. Мы все думаем, как Вы там живете, москвичи. Верно, и у Вас с каждым днем жить становится все лучше и лучше.

Привет от Веры.

Лида Бояркина

3

Здравствуйте, дорогой Николай Алексеевич!

Наконец-то мы получили от Вас письмо. Мы уж думали, что Вы нас забыли. А мы о Вас всегда помним и не можем забыть нашу совместную работу. Мы очень рады, что правительство оценило все Ваши заслуги и присвоило достойное звание лауреата Сталинской премии.

Очень мы завидуем тем, кто сейчас с Вами работает. Но и у себя стараемся не отстать. Работаем втроем. Были у нас большие трудности. Иной раз приходилось простаивать из-за того, что не поспевали с нарезкой колец. У нас в конторе цеха висит плакат «Будем работать, как Николай Российский». И прежде нам даже обидно было смотреть на этот плакат, потому что здесь все шло иначе.

Теперь наш цех подтягивается, а мы стараемся работать так, чтоб заслужить Вашу похвалу. Ждем ответа.

Доводчики: Вена Девяткин, Зоя Колупаева, Юля Побегалова.

ИЗ КИЕВА

Уважаемый товарищ Российский.

Киевское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества машиностроителей «ВНИТОМАШ» обращается к Вам с убедительной просьбой посетить Киев и его предприятия, поделиться опытом, рассказать о своем методе работы.

16-го мы проводим однодневную конференцию новаторов столицы Украины — Ваши последователей. Весьма желательно Ваше выступление на этой конференции. Ждем положительного ответа и высылки плана Вашего будущего доклада.

Зам. председателя отделения *Боридкисман.*

ИЗ Н.-СКОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Дорогой товарищ Российский!

С чувством глубокой благодарности мы прочитали Ваше письмо о том, что коллектив завода «Калибр» досрочно выполнил пятилетку.

В своем письме Вы по праву восхищаетесь патриотическим подвигом Вашего земляка Василия Матросова, который тоже внес ценный вклад в дело борьбы за сталинскую пятилетку.

Так у нас в стране заведено: каждый город, каждая область выдвигает своих героев, гордится их делами. Мы — южноуральцы — гордимся своим земляком — Героем Советского Союза рядовым Александром Матросовым, о котором писал товарищ Сталин. Трудовой подвиг рабочего Василия Матросова подстать подвигу солдата Александра Матросова. Дело Александра и Василия Матросовых, дела Вашего славного коллектива «Калибра», наша боевая учеба — все это во имя одной великой цели — торжества коммунизма.

Находясь в Советской Армии, мы стремимся честно выполнить свой священный долг перед родиной. Анатолий Ракитинский занимает первые места в соревнованиях по стрельбе из снайперской винтовки. Комсомолец Алексеев не отстает от него. Анатолий Матюхин — отличник боевой подготовки — получил благодарность командующего войсками. Таких у нас много. Вы в цехе трудитесь для укрепления нашей страны, а мы надежно защитим Ваш труд.

По поручению сержантов и солдат подразделения *Иван Шшико.*

Воинам И-ской части, находящейся за рубежом

ИЗ МОСКВЫ

Дорогие друзья! Горячий привет Вам от многотысячного коллектива завода «Калибр». Своим созидательным трудом мы обязаны Вам, советским воинам, отстаившим родину в боях. В каждом нашем трудовом успехе есть не малая доля Ваших заслуг. У Вас в Вашей почетной службе далеко за пределами родины и у нас в столице родины — Москве, у всех советских людей нет выше и благороднее задачи, чем выполнение своего долга перед отечеством.

Старший мастер завода «Калибр» *Николай Росийский*.

Почта Василия Матросова

Москва, Обувная фабрика «Парижская Коммуна», закройщику **Василию Матросову**

ИЗ ЕРЕВАНА

1

В газете «Советакан Айстан» мы прочитали Ваше письмо к рабочим легкой промышленности Армении. Это письмо очень помогло нам. Изучение богатого опыта Вашей работы подняло наши знания, научило работать производительней, беречь время и материалы. По Вашему примеру мы составили бригадные и цеховые планы внедрения передовых методов работы. Прежде всего труд разделили. Освободили закройщиков от вспомогательных работ так, чтобы они не тратили времени на доставку материалов, на обточку ножей.

Сейчас установлены дополнительные ножи, точила, раскроечные доски. Все модели приведены в порядок и тщательно пронумерованы.

Мы стали вдумчиво подходить к раскройке кожи, искать пути экономии. Можем похвалиться: только за последние полгода у нас девять с половиной тысяч метров кожи сэкономлено. Работаем сейчас уже в счет последних месяцев 1950 года. Из кожи, которую бригада экономит ежемесячно, можно сшить по 108—110 пар обуви.

По Вашему методу работают уже 25 стахановцев нашей фабрики. У нас на фабрике теперь нет ни одного рабочего, не выполняющего своей нормы.

Ваше письмо прибавило нам сил, уверенности в успехе нашей стахановской работы. В день получения письма Е. Волкова выполнила план на 358,7 процента, А. Мартиросян перевыполнила план почти вдвое, а я — в пять с лишним раз.

Сейчас наша задача: закрепить завоеванные успехи, потянуть за собой на стахановскую работу весь коллектив фабрики.

Надеемся, что и впредь будете помогать нам советами, делиться опытом.

Бригадир закройного цеха Ереванской обувной фабрики № 3
Мария Туманян.

2

Уважаемый Василий Иванович!

Псылаю Вам экземпляр брошюры, посвященной Вашей новаторской деятельности. Брошюра издана нашим министерством на армянском языке. Она у нас широко распространена среди рабочих и инженеров всех отраслей промышленности нашей республики. Очень хотелось бы получить от Вас новые и более полные материалы о Вашей работе. Этих материалов ждуг широкие слои трудящихся Армении.

С почитением *Гарник Газарян.*

Ереван, Арм. ССР, Обувная фабрика № 3, закройный цех, бригадиру М. Туманян

ИЗ МОСКВЫ

Дорогая Мария!

Рад был получить добрые вести из Армении. Цифры Ваших достижений говорят о том, что стахановский метод в закройном деле может принести прекрасные плоды. Не малый подарок советским людям — каждый месяц за счет экономии давать дополнительно сверх плана сотню пар отличной обуви. Это ведь по одной Вашей бригаде — сотня, а если по всей стране подсчитать — тысячи и тысячи пар обуви.

Я люблю цифры, они как-то нагляднее лобых, самых красивых слов говорят нам, какую пользу получает народ от наших обыкновенных, повседневных дел, от наших стахановских методов труда.

Мне особенно дорога фраза из Вашего письма о том, что к своей работе закройшики стали подходить вдумчиво. Это совершенно точно сказано. Раньше, в старинные времена, мальчишку, который думать не хотел, воротил нос от учения, грозились «отдать в сапожники». «Сапожником» обзывали нерадивого человека. А сегодня от нас, рабочих обувной промышленности, сапожников так сказать, требуется не только ловко работать руками, но и думать, крепко думать над улучшением своего дела. И если нас сегодня уважает весь советский народ, если мы изо дня в день даем все больше замечательной обуви, то это не только дело рук наших, но и результат того, что мы не плохо поработали головой, что сердце у нас горячее.

Когда работаешь от всего сердца, то самые большие трудности расступаются, и самые нерушимые пределы в технике перестают быть пределами.

Я Вам, кажется, уже писал, Мария, что меня вместе с механиком Абрамом Глейзером, инженером Сергеем Магницким и стахановкой шпиг-аппарата по затяжке носка Надей Кудиновой коллектив «Парижской Коммуны» послал во Львов. Задача у нас была такая: передать рабочим Третьей Львовской обувной фабрики наш стахановский опыт.

Львов — красивый город со множеством зданий старинной архитектуры, памятников. Украинские товарищи встретили нас, как представителей любимой столицы, и окружили теплотой и вниманием.

Мы между собой порешили, что обмен опытом не должен быть ограничен одним только лекциями и советами. Самая лучшая трибуна в таком деле — это станок. Я встал к закройной машине «Идеал» и стал работать по своему обычному методу, как работаю в Москве, а львовские обувщики смотрели, задавали вопросы, пробовали сами так раскраивать. В первый и во второй день работы я выполнял норму на 300—310 процентов. Это для Львова были совершенно новые показатели.

На третий день львовские стахановцы уже смогли со мной соревноваться. Настойчивая, хорошо знающая наше дело девушка-закройщица Алла Прохоренко перешла на новый метод работы. Экономия кожи у нее сразу поднялась до 70—80 дециметров. По обыкновению я сразу сделал Алле подсчет: при такой работе каждый месяц ее бригада будет давать дополнительно 220 пар обуви.

В цех, где я работал, пришел секретарь Львовского обкома партии вместе с другими местными партийными руководителями. Они подробно расспрашивали меня, как на «Парижской Коммуне» удалось добиться коллективной стахановской работы, говорили о новшествах, предложенных львовскими стахановцами.

Еще день спустя я познакомился с мастером швейного потока Адой Бондаренко. У нее 99 процентов всей продукции выпускается первым сортом. Словом, товарищи из Западной Украины, всего лишь несколько лет живущие нашей советской жизнью, теперь умеют работать по-стахановски, смело идти навстречу новому. Кроме «лекции у машин», мне пришлось рассказывать о новых методах механической раскройки на занятиях стахановских школ, на собраниях рабочих. Глейзер, Магницкий и Надя Кудинова тоже помогли львовским товарищам освоить темп работы, принятый у нас на «Парижской Коммуне».

Дня два назад получил письмо из Львова. Пишут, что после нашего приезда производительность труда повысилась, и с экономией кожи дело обстоит хорошо. Побывал я за это время еще в Ленинграде на известной фабрике «Скороход». Там у меня приятель работает, с которым мы давно соревнуемся, — затяжчик Михайловский. У ленинградцев интересный опыт борьбы за экономию, тут есть чему поучиться.

Несколько слов о своей фабрике. У нас реконструируются некоторые цехи. Скоро войдут в строй новые машины (уже установлен допель — подшивающая машина). Четвертый цех у нас подвергается особенно большой реконструкции. Там установлены новые машины, вводится конвейер высокой производительности. Да и сам цех выглядит очень радостно: стены отделаны под мрамор — простор, чистота. Строительные работы еще разворачиваются, а мы уже имеем не плохие показатели роста: за время начатого нами движения количество обуви с маркой «Парижская Коммуна» увеличилось втрое. А от будущего ждем еще больших перемен.

Еще одно слово — об ассортименте. У нас теперь, хоть работа и механизированная, выпускается очень хорошая модельная обувь. Из очень хорошего и дорогого товара делаем изящные дамские туфли — замшевые и лаковые.

Лично у меня новое только то, что, кроме работы, я еще и учусь. У нас при фабрике есть филиал кожевенного техникума, вот я туда и записался студентом. 20 лет не учился, а теперь решил взяться: теперь, чтобы сапоги да туфли делать, большие знания требуются, высокая культура.

Вот все мои новости. Жду Вашего ответного письма.

С товарищеским приветом *Василий Матросов.*

Только что пришла дочка моя Валя — семиклассница. Думала, я свои уроки готовлю, и говорит: «Теперь у нас вся семья учится: и брат, и я, и ты, папа».

Василий.

Василию Матросову

ИЗ КРАСНОДАРА

Уважаемый товарищ Матросов!

Ваше предложение о создании общецехового плана внедрения стахановских методов труда горячо поддерживают молодые рабочие Краснодарского края. Теперь перед всеми стоит эта почетная задача — добиться высокой производительности труда каждого рабочего, подтянуть отстающих до уровня передовых. У молодежи промышленных предприятий Краснодарского края, поддержавшей Ваше предложение, возникают некоторые затруднения в работе. Поэтому мы просим Вас рассказать нам, как был разработан план на фабрике «Парижская Коммуна», какие методы технического обучения используются Вами. Ваше письмо поможет нам.

С комсомольским приветом! Секретарь Краснодарского крайкома ВЛКСМ
Наянов.

ИЗ АСТРАХАНИ

Мы слушали о Вас по радио и очень заинтересовались Вашим методом раскрытия верхних кожевенных товаров. Однако радиопередача еще не дала ясного представления о Вашем методе работы. Для сапожных артелей Астраханской области будет очень ценно Ваше сообщение об опыте «Парижской Коммуны».

Больше всего нас интересуют следующие вопросы: 1) Какой у Вас метод укладки моделей, 2) каковы показатели по экономии материалов, 3) какова производительность труда. Ждем Вашего подробного ответа.

С товарищеским приветом! (Облремкоопромсоюз, Астрахань).

Марченко.

ИЗ КИЕВА

Срочная. Москва. Фабрика «Парижская Коммуна». Матросову. Киев.

Выполняя обязательства социалистическом соревновании, коллектив фабрики на десять дней раньше срока закончил полугодовой план, сверх плана выпустили несколько тысяч пар обуви, в июле дадим стране сверх плана новые тысячи пар. Тридцать передовых стахановцев закончили годовые нормы. По Вашему примеру организовали стахановские школы передачи опыта. Мои показатели двести двадцать процентов плана производительности труда. Экономия двадцать тысяч девятьсот тридцать девять дециметров основного кожтовара, две тысячи семьсот шестьдесят два — вспомогательного. Прошу сообщить Ваши показатели в соревновании. Желаю успехов.

Андрей Треденский.

ИЗ СТАНИЦЫ ОТРАДНОМ

Дорогой знатный закройщик Матросов!

Мы все, члены артели «Кожкоопремонт» станицы Отрадной, восхищаемся Вашим творческим новшеством, введенным в работу закройщика. Вы настоящий мастер высокой производительности труда. Мы хотим, дорогой товарищ Матросов, работать так, как Вы, и просим как можно подробнее рассказать нам, каким путем удалось достигнуть небывалой производительности труда. Очень дорог будет совет, как можно применить у нас Ваш метод. Ждем от Вас длинного и подробного письма о Вашей работе и о работе Ваших товарищей.

По поручению членов артели секретарь партийной организации
З. П. Рынский.

Почта Александра Чутких

Ленинград. Текстильная фабрика «Рабочий», бригадиру Ларенкову А.

ИЗ МОСКВЫ

Добрый день или вечер, дорогой Александр!

Ровно полгода исполнилось, как мы с тобой соревнуемся. Хоть не большая, а дата. Как я понял из последнего твоего письма, переход на новый вид пряжи стоил больших трудов и волнений тебе и твоим девочкам, но зато на показателях не отразился и позиции сдать не заставил. Душевно рад за вас.

У меня как раз сейчас гостит Шацкий Иван Петрович (помнишь, тот кубанский тракторист, к которому я ездил из Сочи). У него тоже дела хороши. Его бригада перевыполнила годовой план тракторных работ и получила звание бригады отличного качества. У них там в колхозе «Красный Аксай» нужно было обработать довольно внушительный кусок земли — полторы тысячи гектаров. Но бригада Шацкого упрямилась отлично. И хлеба уродилось много (особенно озимой пшеницы), и зябь подготовили, так что было с чем в столицу показаться.

Позавчера Шацкий был у нас на комбинате, посмотрел, как работают ткачихи; похвалил краснохолмский бостон и потом остался на нашем бригадном собрании. Мы ему, как гостю, дали первое слово.

Иван Петрович отчитался о своих делах. Потом я отчитался о работе бригады. Потом познакомил Шацкого с Олей Забродиной, Захаровой, Честновой и другими известными тебе девочками-ткачихами. Получилась очень сердечная дружеская встреча.

Помнишь ли, Саша, как мы с тобой ходили весной по Москве, какие круги нарочно делали по дороге домой, чтоб посмотреть как можно больше улиц, новых

красивых домов. Вот теперь точно так же после смены я гуляю с Иваном Петровичем.

Он первый раз в Москве, так что сам понимаешь, как он любит каждую улицу и каждым домом и какую я при этом испытываю хозяйскую гордость за нашу Москву.

Из прошлого моего письма ты знаешь, что дела на Краснохолмском идут хорошо. У нас на комбинате уже больше сотни бригад соревнуются за отличное качество. Могут сообщить приятную новость: во вторник дирекция и партком подвели итоги работы за прошлый месяц, и оказалось, что не только моя бригада, но и весь наш цех не дает ни единого метра ткани второго и третьего сорта. Цех отличного качества — это хорошо звучит! Может быть, еще и год не кончится, а у нас уже появятся целые фабрики и заводы отличного качества.

Я получаю много писем из разных городов и сел Союза от товарищей по соревнованию за отличное качество. Они меня держат в курсе дел своих бригад. Я имею возможность как-то обобщить, продумать, проанализировать первые результаты нашего всесоюзного соревнования. Взять показатели работы хотя бы моей бригады, или твоей, или Шацкого, или любой из тысяч других — можно уже сделать некоторые общие выводы. Ты в апреле совершенно верно назвал новый стиль работы «коммунистическим стилем».

Чего мы все достигли? Прежде всего того, что на Краснохолмском комбинате, на вашей фабрике, в колхозе «Красный Аксай», на бакинских нефтепромыслах, на многих других предприятиях и во многих колхозах не только забыли, что такое брак, но и что такое второй и третий сорт.

Еще не для всех бригад страны, но уже для очень многих проблема сортности больше не существует. Наши ткачихи, например, по собственному почину упразднили в своих лицевых счетах графу «качество». За ненадобностью упразднили: продукция первосортная и только первосортная, качество все время только отличное и никакого другого нет и уже быть не может.

Вот это, мне кажется, самая радостная, можно сказать, коммунистическая черта нашего дела: восемь месяцев назад наше обязательство работать без брака, без всякой второсортности и третьесортности считалось довольно смелым новаторским опытом, а сегодня это уже стало для нас и для многих тысяч других рабочих железным законом и делом совершенно будничным. И завтра, я в этом уверен, повсюду вообще отомрет понятие сортности, люди забудут, что бывают еще какие-либо сорта, кроме первого.

За несколько месяцев нашего соревнования оно изменилось не только по размаху, но и по самому содержанию своему. В ходе борьбы за отличное качество жизнь все время ставила перед нами все новые и новые задачи.

Нам посчастливилось начать всесоюзное движение, к которому присоединились тысячи и сотни тысяч людей. Но теперь мало удержаться на завоеванных позициях, надо идти вперед без передышки. И не дай бог хоть на короткое время скрестить руки на груди, залюбоваться собой: какие мы хорошие, умные и прославленные! Вслед за нами сказали свое слово об экономии сырья купавинские ткачихи Маша Рожнева и Лида Кононенко, потом выдвинул проблему высокой культуры производства Владимир Ворошин. Все это отразилось в нашем движении.

Два раза пересматривали мы с тобой (в сторону улучшения показателей) свои обязательства. И, по правильной мысли Шацкого, пришла пора вписать еще один пункт, новый, в наш социалистический договор. Мы уже решили сейчас освоить прогрессивные нормы будущего года. Думаю, что за твоей бригадой здесь дело не станет.

Саша, еще хочу тебе сообщить, что у меня завязалась дружба с болгарскими ткачами из города Русе. Они тоже соревнуются за отличное качество. Судя по показателям первых месяцев работы, они разгон взяли хороший. Хотя качество у них еще не сплошь первосортное, но сделан уже большой скачок вперед. Я им

писал о тебе, о твоей работе. Как только получу от тебя письмо с новыми показателями, обязательно сообщу их болгарским товарищам.

Счастливо тебе, Саша! Привет бригаде. Жду твоего письма.
Щацкий тебе кланяется.

Александр Чутких.

У меня теперь новый адрес. Пиши не на Бобров переулок, а на Песчаную 11/33. Новая квартира очень хороша: три комнаты, все удобства. Дом только что построенный, четырехэтажный, в пяти минутах ходьбы от метро «Сокол».

Саша.

Москва, Краснохолмский камвольный комбинат, помощнику мастера ткацкой фабрики А. С. Чутких

ИЗ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Дорогой товарищ Чутких!

Патриотическое дело, начатое Вами,—выражение заботы о высоких государственных интересах. По Вашему примеру мы, трактористы и колхозники полеводческой бригады артели имени Буденного Краснохолмского района Чкаловской области, начали областное соревнование за звание бригады высокой культуры земледелия.

Мы рады Вам сообщить, что в соревнование включились десятки бригад — тракторных и полеводческих. Наша тракторная бригада номер 8 обработала 900 гектаров земли вместо 700 предусмотренных планом, причем качество тракторных работ отличное. Весь наш коллектив хочет встретиться с Вами. Поэтому приглашаем Вас, приезжайте к нам на далекий Урал к колхозному празднику. Вы, как самый лучший, дорогой гость, осмотрите наши поля, раскинувшиеся на правом берегу Урала, полюбуетсяе стадами каракулевых овец, колхозными конями, обгоняющими ветер. У нас прекрасные люди, преданные партии и Родине, Вы познакомитесь с ними.

Ждем Вас, дорогой товарищ Чутких, в наше колхозное село.

Председатель колхоза *Ф. Кушмухаметов*, бригадир *Р. Абуязов*.

ИЗ ИВАНОВО

Уважаемый товарищ Чутких!

С большим вниманием мы следим за соревнованием бригад отличного качества. Наша молодежная бригада обсудила Ваш почин и дала слово вырабатывать только первосортную пряжу. Уже сейчас мы добились заметных результатов. Если зимой с каждого съема у нас сходило 5—6 недоброкачественных початков, то сейчас сходит по одному, а днями даем продукцию исключительно отличного качества.

Впрочем, нам неудобно хвалиться своими успехами. О качестве нашей работы Вы можете судить сами, так как наша пряжа илет непосредственно на Краснохолмский комбинат, и Ваша бригада тоже вырабатывает из нее ткань.

Из сообщений газет видно, что бригада Александра Чутких и многие другие бригады Краснохолмского комбината выпускают только первосортную ткань. А раз так, то и мы спокойны — из плохой пряжи не приготовишь хорошую мануфактуру!

Если у Вас есть какие-нибудь, хоть самые малые претензии к нам — напишите. Наша молодежная бригада постарается выполнить все справедливые требования краснохолмцев.

Заверяем Вас, что будем по-комсомольски бороться за честь нашей фабричной марки, добиваться еще лучших показателей и по количеству выпускаемой продукции и по качеству.

Желаем успехов Вам и руководимой Вами бригаде.

Прядильницы Ивановского меланжевого комбината:

*Смирнова, Круковская, Мыльникова, Гусева, Державина, Кудряшова,
Грибова, Пишеникова, Калынкина, Кузьмина и другие.*

ИЗ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Уважаемый Александр Степанович!

Мы, чабаны Конного завода имени Буденного, шлем Вам — борцу за отличное качество промышленной продукции — наш пламенный привет. Ваш патриотический почин прибавил нам энергии. Мы в сельском хозяйстве теперь постараемся сделать еще больше для обеспечения нашей легкой промышленности сырьем — тонкорунной шерстью.

Наши Сальские степи — благодатнейший край для разведения тонкорунных овец. Основное направление хозяйства на нашем заводе — коневодство, но у нас успешно развивается и овцеводство. Мы каждый год отправляем в Москву и другие города высококачественную шерсть, из которой можно сделать такие ткани, как коверкот, бостон, шевиот.

У нас тоже идет борьба за отличное качество. Сейчас как раз проходит пора стрижки племенных овец. Бригады готовят к отправке на фабрики десятки вагонов отличной шерсти. Под руководством наших зоотехников мы в прошлом году добились высоких показателей в этом деле. Например, в бригаде товарища Дедика был настриг семь с половиной килограммов шерсти от овцы и десять от барана (это в среднем).

В нынешнем году мы постараемся пораньше обеспечить ткацкие фабрики шерстью, чтобы Вы смогли досрочно выполнить план Сталинской пятилетки, как этого добились мы. Ваша деятельность в промышленности и наша в сельском хозяйстве направлены к одной благородной цели — победе коммунизма.

Мы с большим упорством боремся за подъем животноводства. Сейчас у нас выведена новая порода овец, шерсть которых подходит по длине, упругости, тонкости и другим свойствам для изготовления самых высококачественных тканей. Мы надеемся, что нашими усилиями и Вашим отличным трудом народ получит в завершающем году пятилетки тысячи и тысячи прекрасных тканей.

В нынешнем году восемь наших коневодов получили высокое звание лауреатов Сталинской премии. Коллектив нашего завода вырастил новую отличную породу лошадей — буденновскую.

Мы отдадим все силы и знания наши для расцвета животноводства, умножения богатств нашей родины и усиления ее могущества.

Передайте горячий привет Вашему коллективу от тружеников Сальских степей. Приезжайте, пожалуйста, к нам погостить.

Крепко жмем Вашу руку! С товарищеским приветом!

По поручению коллектива *Горобченко, Дедик, Чемерис.*

ИЗ Н-СКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Уважаемый Александр Степанович!

Как и у всего советского народа, среди нас — воинов — большой известностью пользуется Ваше имя, товарищ Чутких. Ведь это Вы и Ваши товарищи в годы войны по несколько суток не выходили из ткацкого цеха, работали с одной мыслью: одеть советского воина так, чтоб ему было тепло, чтоб крепче он бил врага. Мы благодарны Вам за самоотверженный труд в годы великих испытаний.

Часто слышим мы по радио о Вашем труде в послевоенной Сталинской пятилетке. Убедительная к Вам просьба: напишите нам, как работает Ваш цех, Ваша бригада. Расскажите подробно о своих товарищах. Нас очень интересуют Ваши планы на будущее: чем думаете порадовать народ?

Трудитесь спокойно, помните, что мы всегда находимся в боевой готовности. Передайте всему Вашему цеху, что мы всегда держим порох сухим и сумеем проучить поджигателей войны, если они посягнут на счастье наших людей, на честь и независимость Советской Родины.

С гвардейским приветом! Лейтенант *Пацкан*,
сержанты *Николаев, Сайко, Ломакин, Блинов.*

ИЗ ТЕРНОПОЛЯ (УССР)

Александр Степанович!¹

Ваш чудесный почин заинтересовал и взволновал нас. Мы понимаем, что борьба за качество—это патриотическая забота об улучшении жизни наших людей, о процветании нашей страны. По инициативе комсомолки Раисы Варады швейники смены, которой я руковожу, решили бороться за звание коллектива отличного качества.

Мы всесторонне обсудили, как добиться выхода только первосортной продукции. Сначала было трудно найти, на какой именно операции допущен брак. Тогда мы назначили четырех общественных контролеров, и каждая швея стала следить за качеством выполнения предыдущей операции. Как только обнаруживалась недоделка, небрежность, сами работницы добивались переделки, исправления дефекта.

На планёрках я всегда рассказываю товарищам по смене, как у нас прошла работа за день, какие были замечены дефекты и кто их допустил.

Наш коллектив завоевал звание смены отличного качества. Выполнение плана при высоком качестве продукции у нас превышает 150 процентов. Смена получила переходящее красное знамя.

Готовя школьные костюмы, осваивая новый ассортимент—спортивные костюмы, мы улучшаем свое мастерство.

Только полпроцента продукции прошло у нас во второй сорт (а брака и даже третьего сорта нет совсем). Но и эти полпроцента второсортной продукции мы изживем в ближайшее время.

Мы понимаем, что это только начало большой работы. Мы хотим улучшить продукцию нашей фабрики, которую мы любим и честью которой мы дорожим. Поэтому, Александр Степанович, нам очень хотелось бы побольше знать о Вашем опыте. Какими методами краснохолмцы осуществляют контроль за качеством? Как Вы добиваетесь сплошной первосортности продукции? Какую продукцию (в наших условиях) Вы считали бы первосортной? Как у Вас с ассортиментом? Как поставлено обучение новичков?

Ждем ответа на все эти вопросы.

Начальник смены Чертковской швейной фабрики *Н. Сидько*.

ИЗ БОЛГАРСКОГО ГОРОДА РУСЕ

Другарь Александр Чутких!²

Рабочие Государственного текстильного комбината имени Велы Писковой в городе Русе, прочтя в прессе о работе Вашей бригады и о ее решении выпускать высококачественную продукцию, сразу же, как всегда, учась, вдохновляясь опытом наших советских братьев, обсудили проблему улучшения качества нашей продукции.

Рабочие второй секции—«синяя» и «красная» смены—приняли единодушное решение следовать Вашему примеру. Мы создали две первые в нашей стране бригады отличного качества, присвоив им Ваше имя—бригады «Александр Чутких».

Итак вновь организованные бригады приняли на себя обязательство не допускать ни одного дефекта в нашей ткани, одновременно увеличить производительность, укрепить трудовую дисциплину.

Новые бригады решили заключить договор с нашим подготовительным отделением о снабжении нас хорошей основой и шпулями и договор с ремонтной мастерской о своевременном ремонте поврежденных частей станков. Кроме того, мы заключили договор с техническим руководством о его постоянном участии в нашем труде, о помощи и советах бригадирам. Бригады вступили в соревнование с прядильщиками фабрики «Христо Ботев» в городе Варна.

Мы очень хотим подробнее ознакомиться с опытом и методами работы у Вас, а также подружиться с Вашими товарищами, членами бригады.

¹ Перевод с украинского.

² Перевод с болгарского.

Наш адрес: Болгария, город Русе, Текстильный комбинат имени Велы Писковой, мастеру секции *Атанасу Костову*.

С приветом! *Куна Янкова, Атанаска Минева, Николина Ангелова, Виолета Илиева, Марийка Иорданова, Марийка Иванова, Иринка Димитрова*.

Ждем с нетерпением ответа. Мы просим Вас, товарищ Чутких, выслать нам Вашу фотографию. Мы ее увеличим и поставим на видном месте в цехе.

Заканчиваем наше письмо восклицанием:

Да здравствуют бригады, руководимые товарищем Чутких!

Да здравствует нерушимая дружба между Болгарским и Советским народами!

Да здравствует вождь и учитель прогрессивного человечества во всем мире товарищ Сталин!

**Народная Республика Болгария, город Русе, Текстильный комбинат,
бригаде А. Костова**

ИЗ МОСКВЫ

Дорогие товарищи!

Ваше письмо очень меня обрадовало: оно говорит о росте сознательности рабочих братской страны народной демократии. Мы читали Ваше письмо в бригаде, и все ткачихи шлют Вам горячий привет и горячо желают поддерживать с Вами дружескую связь, обмениваться опытом.

В прошлом месяце моя бригада в составе семнадцати ткачих выполнила план на 128 процентов. Вся продукция — первосортная.

Ежедневно я получаю письма со всех концов Советского Союза. Вот недавно пришло письмо из колхоза имени Буденного с Урала. Колхозники и трактористы писали, что они убирают урожай в сжатые сроки и без потерь, борются за высокое качество полевых работ.

Постоянная переписка у меня с ленинградскими текстильщиками. Я часто пишу помощнику мастера ленинградской фабрики «Рабочий» товарищу Ларенкову, мы с ним обмениваемся опытом работы, соревнуемся.

Я очень рад тому, что мой скромный почин, поддержанный большевистской партией, выросший во всесоюзное соревнование за качество продукции, нашел последователей и в братских странах народной демократии.

Я рад тому, что опыт нашей бригады послужил искрой, из которой разгорелось пламя социалистического соревнования, которое охватило не только текстильную промышленность, но и все отрасли промышленности и сельского хозяйства нашей страны.

Желаем Вам успехов, дорогие друзья! Множьте ряды бригад отличного качества.

Бригадир *Александр Чутких*.

В дни тяжелой утраты, постигшей Ваш народ и все передовое человечество со смертью Г. М. Димитрова,— теснее сплывайте ряды в борьбе за укрепление народной демократии.

Крепко жмем руки! Ткачихи: *Забродина, Евтюхова, Харитонова, Лапина, Захарова, Туманцева, Кольчушкина, Кронина, Рябченкова, Севастьянова, Ротнова, Подколзина, Белоусова, Кирсанова, Честнова, Воронова*.

ИЗ БОЛГАРСКОГО ГОРОДА РУСЕ¹

Здравствуй, другарь Чутких!

Мы, члены бригады имени Чутких, особенно рады и счастливы, что именно мы первые в нашей стране стали последователями Вашего примера; что мы первые в нашей стране зажгли искру борьбы за высокое качество, ту искру, которая разгорелась и продолжает разгораться в мощное пламя соревнования, ежедневно охватывающее

¹ К письму приложена фотография группы ткачей, расположившихся вокруг портрета А. Чутких.

все большее и большее количество предприятий и рабочих различных отраслей нашей промышленности.

Наше предприятие ежедневно посещают рабочие самых разных предприятий и из самых разных краев нашей страны. Все они хотят познакомиться на месте с опытом работы нашей бригады.

Мы должны сказать Вам, что результаты нашей работы удовлетворительны. На сегодня мы снизили брак: теперь не на 200, а на 500 метров приходится один дефект. А в честь 70-летия со дня рождения вождя и учителя всего прогрессивного человечества великого Сталина мы поставили своей задачей свести брак до единицы на 1000 метров, не снижая выполнения нашего плана.

После создания нашей бригады на нашем предприятии были организованы еще 15 бригад, которые поставили своей целью борьбу за высокое качество. В результате организации бригад «За высокое качество» на нашем предприятии разгорелось массовое социалистическое соревнование.

В наши бригады влились новые рабочие. Это создало некоторую опасность ослабления квалификации бригад. Руководителями наших коллективов были избраны сезонные мастера, потому что они лучше знают технологический процесс, являются организаторами, отвечают за производство.

Каждые 15 дней бригады созывают производственные совещания, на которых обсуждаются достижения, недостатки, пути улучшения трудовой дисциплины, выполнения производственного плана. Теперь мы стремимся ввести ежедневные пятиминутные совещания до начала работы.

В целях помощи отстающим рабочим у нас решили создать отдельные бригады, в которых будут собраны все исключенные из наших бригад. Эти бригады будут поставлены в условия особой заботы.

В предсентябрьском соревновании (соревнование посвящено 9-му сентября — дню освобождения Болгарии) наша бригада, товарищ Чутких, деятельно готовилась, но не смогла занять первое место. Первенство завоевала бригада имени Ивана Димитрова, покойного секретаря областного комитета и члена ЦК БКП. Эта бригада выполнила свой план на 163 процента, вытказ 25.275 метров полотна и допустив только 49 дефектов, что составило один дефект на 516 метров.

Причина, по которой наша бригада не заняла первое место, заключается и в том, что мы работаем на самых старых станках, вырабатывая самые трудные артикулы.

Трудно работается, товарищ Чутких. Но, несмотря на это, мы высоко поднимаем знамя социалистического соревнования.

Товарищ Чутких! Наше предприятие, чтобы достичь более высоких показателей, должно преодолеть немалые трудности. Но мы знаем, что наша борьба поддерживается партией, правительством, всем рабочим классом и прежде всего братской неограниченной помощью великого Советского Союза, у которого мы все учимся и за которым неуклонно будем следовать.

Примите наш братский, боевой привет! От имени бригады *Атанас Костов*.

ИЗ МОСКВЫ

Дорогие друзья и товарищи!

Ваше письмо о первых результатах работы бригад отличного качества в братской Болгарии явилось для меня радостью. Через тысячи километров соединились наши руки в дружеское сердечное рукопожатие.

Мне понятно и близко волнение, это хорошее творческое волнение, которое Вы испытываете, впервые встав на путь новаторства, на трудный и прекрасный путь ломки старых, отживших пределов. Вы решили идти круто в гору. И хоть идти в гору всегда труднее — нет на свете более благородного и достойного пути. Теперь Вы сами хозяева своей судьбы, теперь Ваш труд идет на пользу всему народу. Поэтому естественно желание многих сотен и тысяч рабочих Вашей страны двинуть вперед свое дело, дать родине как можно больше. Это чувство роднит Ваш труд, Ваше творчество с нашей работой.

Вы пишете, что многие рабочие и работницы Болгарии приходят в Ваш цех перенять опыт, научиться новым, совершенным методам работы. Это тоже черта, присущая свободному, радостному труду.

Спасибо за доброе слово о нас, советских рабочих, за решимость идти в одном строю с нами под ленинско-сталинским знаменем. Что ж, вся история нашего народа показала, что советские люди — надежные друзья, что трудовые народы могут на нас положиться.

Когда Вы пишете о первых шагах своей бригады, о трудностях, встретившихся на пути, о том, как рождается новый метод работы, я вспоминаю путь своей бригады. У нас, простых советских людей, есть драгоценный опыт творческого труда, преодоления самых крутых подъемов, самых тяжелых препятствий. У нас за плечами годы созидательной стройки сталинских пятилеток, годы напряженнейшего труда для фронта в дни войны, годы всенародного стахановского движения. И мы охотно, от всего сердца готовы поделиться драгоценным нашим опытом с Вами — братьями, товарищами по борьбе, только начинающими строить социализм.

Я внимательно прочитал Ваше письмо, обсудил его с ткачихами моей бригады, с нашими товарищами инженерами и мастерами. И мне хотелось бы дать Вам несколько товарищеских советов.

Прежде всего, борьба за отличное качество должна у Вас сочетаться с заботой об увеличении производительности труда, о росте потока продукции. Мы отбросили старую, изжившую себя поговорку: «Лучше меньше, да лучше». Теперь мы говорим иначе: «Лучше больше, да лучше».

Второе — это необходимость постоянно улучшать свои достижения. Вы с удовлетворением сообщили, что теперь у Вас один бракованный метр ткани приходится на каждые 500 метров. Очень хорошо, что сразу же поставлена новая задача снизить брак до 1:1000. Но и это не предел — нужно стремиться выпускать 100 процентов качественной продукции, изжить не только брак, но и всякую второсортность и третьесортность.

Вы пишете, что приток молодых, менее квалифицированных рабочих бригады создает опасность снижения производительности труда. У Вас даже выделены специальные бригады, куда направляют отстающих. Мне кажется (и товарищи краснохолмцы со мной согласны), что Вы неправы здесь. Жизнь показала нам, что кадры, пополнение наше, нужно воспитывать на традициях цеха и бригады, нужно зажечь их примером старшего поколения. Не думайте, что в мою бригаду отбор шел по конкурсу. Нет, среди наших ткачих есть и старые опытные работницы и совсем юные, только-только вставшие к станку. Но труд, творчество объединили нас. Думаю, что, влившись в Вашу передовую бригаду, новички скоро зажглись бы энтузиазмом и стали отличными работниками. Так у нас, например, сначала очень слабо работала ткачиха Кирсанова. Мы не удалили ее из нашей передовой бригады, а наоборот, окружили заботой, вниманием, помогли подтянуться.

Вы пишете, что бригада имени И. Димитрова победила в соревновании, заняла первое место. Что ж, таков закон соревнования: побеждают самые передовые. Ведь у нас однажды первое место заняла молодежная бригада восемнадцатилетнего Евгения Нилова, а мою бригаду отодвинула на второе место. Пришлось крепко потрудиться, чтобы снова завоевать первенство.

«...одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, — догоняй лучших и добейся общего подъема»¹, — так учит великий Сталин.

Желаю Вам всеобщего подъема, большого счастья, неизменной удачи в труде и жизни. Крепко жму руку.

¹ Сборник «Ленин и Сталин о труде». Профиздат, 1940, стр. 443.

Ваш А. Чутких.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Быстрое развитие советской науки, её величайшие успехи во всех областях знания стали возможны потому, что наука в нашей стране стала всенародным государственным делом, потому, что ученые наши в своей деятельности овладевают методом диалектического материализма, основные положения которого блестяще развивает в своих работах товарищ Сталин.

В докладе, посвященном тридцать первой годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, говоря о торжестве мичуринского учения, выпестованного партией, товарищ Молотов сказал: «Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе».

Мы предлагаем вниманию читателей очерк «Превращение видов», о том как руководящие идеи товарища Сталина помогают развитию биологической науки, приводят к познанию все новых и новых закономерностей в живой природе, к новым открытиям.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ВИДОВ

ГЕННАДИЙ ФИШ

★

1

Зеленеющие на черной, еще влажной земле всходы вызывали у Вагана Карапетяна все большую тревогу.

Пшеница «горденформе 10», в просторечии кубанка, посеянная на его делянках, скоро должна была начать выколашиваться, но уже сейчас он видел, что происходит с ней что-то неладное.

Рядом со светлозелеными, гладкими, почти без пушка, широкими и удлинеными всходами «горденформе 10» зоркий глаз селекционера заметил другие, в зелени которых было гораздо больше желтизны. Попадались и серозеленые и темнозеленые, с сильно опушенными листьями.

Пожалуй, редкий художник умеет так различать оттенки зеленого цвета, как опытный селекционер.

И по цвету, и по опушенности листьев, и по форме их казалось, что в одном и том же рядке на делянках посеяны, наперекор теме эксперимента, различные сорта пшеницы.

Так бывает только при оплошности или неаккуратности экспериментатора. Но ведь здесь каждое зернышко посеяно собственными руками. И Карапетян никак не мог объяснить причину такого беспорядка на делянке.

Вся его судьба, весь дальнейший путь ученого решался удачей или неудачей этого опыта.

Срок аспирантской учебы кончался. И если опыты, на которые ушло столько кропотливого труда, не дадут материала для диссертации, то... собирай, Ваган, вещевой мешок и уезжай во-свояси, с горьким ощущением, что несколько лет потерю напрасну, что учитель махнул на тебя рукой...

Но этого не может, не должно быть! Ведь он соблюдал все правила точного эксперимента!

И вдруг ему вспомнилось, что, предлагая тему аспирантской работы, Трофим

Денисович поглядел на него с какой-то затененной улыбкой, как будто он и сам не очень верил в выполнимость своего задания.

Он предупредил, что это важная и очень трудная тема. Ваган Карапетович думал, что понимает все ее трудности. Но только сейчас начинал понимать, что работа еще сложнее, чем он полагал вначале.

Лысенко всегда требовал от своих аспирантов, чтобы они были в курсе всех проблем, которые стоят перед наукой сегодня, чтобы своей работой они помогали разрешению этих проблем. А это возможно лишь в неразрывной связи с практикой. И только после того как Лысенко убеждался, что аспирант сможет так работать, он давал ему тему диссертации.

Это было еще в дни войны.

Тогда только возникала идея гнездового посева коксагыза, недавнего дикаря, который до этих пор давал очень низкий урожай.

И вот, чтобы помочь передовым колхозникам воспользоваться последними достижениями мичуринской науки, Карапетян был командирован на Киевщину, где освобожденная земля еще не залечила ран войны, но уже наводились взорванные мосты и буйно подымалась творческая советская жизнь. Виден был близкий победный конец, хотя война еще бушевала совсем рядом.

К осени сорок четвертого года определилась тема диссертации. Три года кропотливой и трудной работы затратил на нее Ваган Карапетян. И вот теперь стоял он у своих делянок, словно над разбитым корытом...

В воскресный день 15 июня 1947 года Лысенко обходил опытные поля в Горках-Ленинских и остановился у делянок Карапетяна.

Он внимательно рассматривал листья, стебли, пошедшие в трубку. Потом присел около них — потрогал, погладил.

Некоторые листья были покрыты легким пушком, другие — совсем гладкие. Поглощенный тем, что увидел на прямых строчках посева, не подымая головы, Лысенко спросил у аспиранта:

— Что на этой земле в прошлом году сеяли?

— Здесь был черный пар, — ответил Карапетян.

— Ведите точные фенологические наблюдения и записывайте их. Следите за растениями. Как они будут себя вести? Когда начнут колоситься? Какие будут колосья? — И академик пошел дальше, оставив около делянок встревоженного и взволнованного аспиранта.

— Возможно, что мы накануне открытия! — сказал Лысенко, уже уезжая в Москву.

2

Создать из твердой яровой пшеницы твердую озимую — так сформулирована была тема диссертации Карапетяна.

Еще совсем недавно озимость и яровость растений считались неизменными качествами, наследственно predeterminedенными, не подвластными воздействию человека.

Однако академик Лысенко, вопреки всем установившимся теориям, доказал, что озимость и яровость — свойства, которые растения приобретают под воздействием внешней среды.

А значит, управляя этими условиями, утверждал он, человек может изменять наследственную природу растений. Любой озимый сорт можно переделать в яровой, и яровой — в озимый.

И в 1935 году он доказал эту возможность, превратив озимую пшеницу «кооператорку» и озимую рожь «тарашанскую» в яровые.

Вслед за ним ученые-мичуринцы Д. Долгушин, А. Авакян, Н. Шиманский, А. Котов, В. Хитринский, В. Столетов превратили не один озимый сорт пшеницы и ржи в яровые.

На станции юных натуралистов в Одессе научный работник Г. Соловей перевоспитал яровой ячмень «паллидум» в озимый. Этот ячмень, превращенный из ярового в озимый, стал одним из наиболее зимостойких сортов. Рожденный на жарком

юге, он хорошо переносит зиму и под Москвой, и в Северном Казахстане, где раньше ячмень никогда не зимовал. На полях Алтая, вблизи от Барнаула, суровую бесснежную зиму, когда мороз достигал 29 градусов, перенесла озимая пшеница, выведенная А. Авакяном из южной одесситки «лютесценс 1163». Теперь это одна из самых морозостойких пшениц мира.

Когда растения попадают в непривычную для них обстановку, наследственность их расшатывается, и ее легче изменять. Умело воздействуя на такие растения из поколения в поколение, все более жестокими условиями зимовки можно закрепить и усилить приобретенные ими новые свойства. Так объясняет эти чудесные превращения академик Лысенко.

Однажды в Институт генетики Академии наук заглянул один из столпов морганистики.

Ознакомившись с опытами по переделке озимых в яровые, он, с высоты своей «сверхчистой теории», насмешливо сказал:

— Вы заблуждаетесь. Это только кажется, что у вас что-то получается. Носители свойств яровости и озимости — гены, и изменить их невозможно. Просто в мешке, из которого вы взяли семена, было много разных форм. Обычный семенной материал! Природа сама произвела отбор на ваших делянках. Высейные под зиму чистые яровые погибли, а вызрели только те, которые и без этого имели ген озимости.

С таким убеждением он и покинул стены института.

Это умозрительное возражение морганистов еще раз было опровергнуто экспериментом.

В. Столетов взял для эксперимента только одно зерно озимой пшеницы. Здесь уж не могло быть речи о смешанном материале. Из урожая, полученного от этого зерна, он вывел яровое потомство.

— Переделка яровых в озимые или озимых в яровые по мягким пшеницам — для нас уже дело ясное, — сказал Карапетяну Лысенко. — Не попробовать ли вам твердую яровую пшеницу переделать в твердую озимую? В мировой практике твердых озимых пшениц нет. А хорошо бы их создать. Или хотя, по крайней мере, узнать, почему их нет. Тоже польза для науки.

— Твердая озимая! — задумчиво повторил он. — Колхозники бы за нее обеими руками ухватились!

Бывшему заведующему селекционной станцией Карапетяну не надо было объяснять, что такое твердая пшеница, эта царица яровых пшениц.

Не раз взвешивал на своей ладони Карапетян крупное, тяжелое, точно из стекла, зерно твердой пшеницы, самой ценной из всех пшениц. Мука ее — крупчатка — славится среди пекарей, кондитеров и хозяек и отменным вкусом, и большим припеком.

Химики определили, что в твердой пшенице больше белка, чем во всех других. У русской твердой пшеницы мировая слава. Однако в последнее время посевная площадь под твердой пшеницей не только не увеличивалась, но даже падала, потому что эту замечательную пшеницу можно сеять только в яровом клину. Яровая по своей природе, она не переносит зимовок и самым хорошим старопашотным угольям предпочитает землю из-под целины.

Травопольное земледелие, ставшее законом в советском земледелии, заново создавая «пласт», дает возможность расширить площадь под твердую пшеницу. Но как заманчиво создать уже сейчас, в ближайшие сроки, такую зимостойкую твердую пшеницу, которую можно было бы сеять и осенью, в озимом клину.

Создать озимую твердую пшеницу!

И Ваган Карапетович с радостью взялся за дело.

3

Надо было перечитать немало книг и статей о твердых и мягких пшеницах, надо было узнать, кто еще пробовал превратить яровую твердую в озимую, и что из этого получалось.

Конечно, были люди, которые немало трудов положили на то, чтобы изменить природу твердой пшеницы.

И среди них сам патриарх русской агрономии, воспитатель не одного поколения ученых агрономов — А. Стебут.

Тридцать шесть лет тому назад, принимаясь за работу с твердыми пшеницами, Стебут знал, что он берется за труднейшую задачу. В «Трудах Саратовской сельскохозяйственной опытной станции», изданных в 1913 году, он писал:

«Приспособление растительной формы к непривычным для нее условиям произрастания, да еще тогда, когда она по всем данным противится такому изменению, надо думать — дело нелегкое, тем более, что мы даже не знаем, какова причина упорного противодействия твердой пшеницы возделыванию ее на старопахотных землях...»

После смерти А. Стебута в 1923 году его талантливый ученик А. Шехурдин, на той же Саратовской станции (ныне Институте зернового хозяйства Юго-Востока), много лет занимался этой задачей, решить которую оказалось не под силу его учителю. Шехурдин вывел путем отбора отличные сорта мягкой яровой пшеницы. Однако многолетние попытки путем только гибридизации создать сорт, соединявший в себе видовые качества зерна твердых пшениц с продуктивностью мягких, на старопахотных землях кончались неудачей.

Между тем по утверждению менделистов достаточно скрестить гены, управляющие, по их теории, отдельными признаками вида, чтобы добиться желанного результата.

И селекционеры, которые разделяли в той или иной степени взгляды морганистов, ограничивались комбинаторикой.

Но в реальной жизни так не получалось. Даже расщепления по Менделю не получалось!

Многолетние труды опытейших практиков-селекционеров не дали никакого результата. Твердой озимой пшеницы нет!

Но ведь мичуринцы добивались успеха в создании озимой пшеницы из яровой без всякой гибридизации, только воспитанием, только длительным изменением привычной растению среды! Этим же путем предстояло идти Карапетяну.

4

Нужно было выбрать такие сорта твердой яровой пшеницы, превращение которых в озимые сулило бы наибольшие выгоды колхозному хозяйству.

Остановились на двух сортах.

«Горденформе 10», выведенный около двадцати лет назад на Днепропетровской опытной станции селекционерами Талановыми, дает высокие урожаи, устойчив к болезням и среди твердых пшениц имеет наиболее крупное зерно с высоким выходом муки.

Другой сорт, с которым решил вести работу Ваган Карапетович, — «мелянопус 69», выведен П. Константиновым, Е. Пальмовой и Н. Корсидзе на Краснокутской государственной селекционной станции. За четверть века своего существования он был проверен на огромных производственных площадях. Он высокоурожаен и наиболее засухоустойчив.

Ваган Карапетян решил одновременно следить и за тем, как в таких же условиях будут перевоспитываться в озимые два сорта мягкой яровой пшеницы: «лютесценс 62», выведенный Шехурдиным в Саратове, и «мильтурум 321» — Талановыми в Омске.

Надо было достать самые чистые семена, чтобы потом никто не мог сказать, что новые формы не созданы заново, а только отобраны самой природой. Из Каменно-степной государственной селекционной станции Карапетян получил семена «гордеи-форме», от Государственной комиссии по сортоиспытанию — семена других сортов.

Наслаждением было опустить руку в мешочек и перебирать текущую под пальцами прохладную пшеницу, вынимать, рассматривать эти словно сделанные из стекла яйцевидные, белоянтарные зерна «горденформе 10», овальные зерна «мелянопуса 69».

В мешочке был и колос этого «мелянопуса», колкий, с длинными черными остями.

Карапетян готовил землю для посева. Почва должна быть совершенно чистой от сорняков. Поэтому все лето он держал предназначенные для опыта делянки под чистым паром. В прошлом году эта земля была занята картофелем.

Это было почти в самой Москве, за Калужской заставой. Здесь, неподалеку от шоссе, высилось здание Института генетики Академии наук, с его небольшим земельным участком и теплицами для экспериментов. И хотя бои бушевали сейчас уже ближе к Берлину, чем к Москве, все же в теплицах по вечерам приходилось опускать черные шторы светомаскировки.

И закладывая свои опыты, Ваган Карапетович ощущал себя одним из бойцов армии Советского народа. Здесь, в глубоком тылу войны, селекционеры боролись на переднем крае советской науки, за победу Родины.

Чтобы превратить яровое растение в озимое, нужно развить у него способность проходить стадию яровизации при двух градусах тепла.

Если яровой пшенице сразу дать непривычно низкую температуру, она погибнет. Пшеница должна расти в нормальной для нее температуре. И лишь к концу яровизации ее можно снизить. Часть растений не выживет, но оставшаяся будет уже гораздо более озимой, чем **родители**. Наследственно, из года в год накапливая новые свойства, яровое растение может **стать** озимым.

Но как же сделать, чтобы пшеница начинала яровизацию при нормальной температуре, а завершала при пониженной?

Посев осенью в разные сроки дает возможность найти такой вариант. И 27 августа 1944 года Карапетян засеял первую делянку.

Каждому сорту отводился квадратный метр. Каждое зернышко сеялось отдельно. Пять рядков по пятьдесят зерен в каждом.

В один срок на четырех делянках высевалась тысяча зерен.

— Побольше сроков! — сказал Карапетяну Лысенко, рассматривая план его работы, и затем добавил: — Я сам вырос на сроках!..¹

Второй раз Карапетян сеял 1 сентября, и затем уже точно через каждые пять дней — до тех пор, пока не пошел снег. А он выпал только перед праздниками — 5 ноября. Так 5 ноября стало днем последнего посева в этом году.

В ту осень бег времени отмечался приказами Главнокомандующего и торжественными салютами, знаменовавшими победное движение наших войск.

Взлетающие в высокое московское небо многоцветные фейерверки и ракеты были видны далеко за Калужской заставой, и от артиллерийских салютов тихонько позвякивали стекла в окнах института.

Карапетян записал в свой дневник наблюдений, что всходы появились только на тех сорока делянках, где он сеял с 27 августа по 10 октября, а остальные, засеянные позже, ушли под снег, так и не дав всходов.

Как он ждал весны! Зима была на редкость морозной, температура падала до 32 градусов ниже нуля!

Когда, наконец, с вешними водами сошел снег с полей Подмосковья, Ваган Карапетович бросился к делянкам. Увы, так радовавшие его всходы первых августовских и сентябрьских сроков посева — погибли.

Он стоял у делянок и сверял то, что видел, с записями дневника.

Шестнадцать сроков посева. Уцелели только всходы на делянках, засеянных 30 сентября, 5 и 10 октября. Но и там строгий селекционер — мороз — произвел свой

¹ И в самом деле, если внимательно посмотреть на первый большой научный труд, подготовленный к изданию в декабре 1927 года старшим специалистом селекционной станции в Гандже Т. Лысенко, «Влияние термического фактора на продолжительность фаз развития растений», то можно увидеть, что из 210 страниц работы — 150 отведены таблицам, посвященным изучению разных сроков посева, полива, всхода, кушения, цветения, колошения на разных сортах овса, пшеницы, ячменя и хлопчатника.

нелицеприятный отбор. Из 102 кустов «гордеформе» уцелело 7. На делянке 5 октября из 95 — осталось 22. Из гех 100, что взошли осенью на делянке 5 октября, — 45.

Из 4 тысяч зерен «гордеформе» перезимовали только 84 всхода!

Почти то же было с «мелянопусом» и лишь немного лучше — с мягкими сортами.

Но даже и 84 живых всхода из 4 тысяч дают большие возможности селекционеру!

И надо было радоваться, что еще так много уцелело. Ведь эти уцелевшие несомненно должны были изменить свою наследственность. Теперь надо было только получше следить за ними. Почувствовав весну, из земли, словно язычки зеленого пламени, потянулись всходы пшеницы на тех делянках, которые ушли в зимовку без признаков жизни.

Весною эти свежие всходы дружно появились на самых поздних осенних посевах — от 15, 20, 25 октября — и на гех, что засевались в последний день перед снегом — 5 ноября.

Весною же Карапетян высеял «контроль» — семена всех подопытных яровых сортов пшеницы. Весною — как и положено для яровых.

Теперь оставалось ждать и записывать сроки выколашивания, цветения, созревания. Ждать, ждать и ждать.

Может быть, так, в ожидании, Карапетян и провел бы все лето, если бы он был аспирантом у какого-нибудь другого профессора. Но...

— Пока они тут растут, — показал рукой на делянки Лысенко, — вы поезжайте в Черкасский район и посмотрите, как там идут дела. Сами поучитесь и другим посоветуете...

Это был год, когда впервые в производственных условиях, на полях Черкасского района Киевщины, колхозники, осуществляя предложение Академии сельскохозяйственных наук, провели гнездовой посев коксагыза.

Посеяно было по новому методу триста гектаров.

Это был год, когда и на делянках Института генетики, и на полях экспериментальной базы ВАСХНИЛ'а в Горках-Ленинских, и на колхозных полях Киевщины ставились одни и те же опыты, результаты которых привели потом к широкому внедрению гнездовых посевов и очень много дали агробиологической теории.

Но в те дни результаты еще не были известны.

Из каждого колхоза Карапетян посылал телеграммы в Москву, сообщая Академии, сразу же после уборки урожая, сколько весят корни в гнезде, сколько их, каков вес самого крупного и самого мелкого корня.

Телеграммы из Черкасского района говорили о большом, настоящем успехе киевских колхозников.

Карапетян вернулся в Москву в августе, к уборке на делянках за Калужской заставой.

В сравнении с контрольным посевом на его делянках все подопытные растения созрели на неделю раньше.

Зерно их ничем не уступало контролю и даже было полновеснее.

Что же, лучших результатов первого года зимовки яровых и нельзя было ожидать!

Урожай был собран отдельно по каждому сроку. Внимательное изучение каждого колоса показало, что все они ничем внешне не отличались от своих родителей.

Каждый колос Ваган Карапетович обмолотил своими руками. Вышелушил, растая между ладонями, подносил к губам и дыханием своим сдувал, развеивал колосковую шелуху. На ладони оставались крупные, твердые, стекловидные зерна.

Семена этого урожая теперь нужно было высевать для второй зимовки через каждые пять дней, начиная с 27 августа. Но они уже разнились друг от друга. Растения, с которых собрали эти семена, сеялись и всходили в разные сроки. И новые зерна в каждом сорте разделили на три группы.

Рядом с ними посеяли для контроля обычные семена тех же сортов, над которыми еще не «колдовали» селекционеры. Это было поколение, которое впервые ухо-

дило под снег. Как и в прошлом году, сеяли по чистому пару, на земле, ранее бывшей под картошкой.

Осенью Лысенко снова командировал своего аспиранта в Черкасский район, на полях которого убирали и учитывали урожай гнездовых посевов коксагыз.

В колхозе «Пролетар» Ваган Карапетович встречал день победы над Японией.

Сидор Антонович Кузнец, председатель колхоза, поставил на стол мед, пышки с маслом и всякую прочую снесь.

Собравшиеся гости вели разговор о победе над Гитлером и над Японией, аспирант рассказывал о том, как нужен стране отечественный каучук — коксагыз.

Урожай коксагыз, посеянного в этом году гнездами, раз в десять был больше обычного.

— Я думаю, — сказал Сидор Антонович, — что наш урожай поперек горла всем империалистам встанет... А рабочему классу за границей дух придает.

...Вернулся Карапетян в Москву перед первым снегом, который выпал тогда слишком рано — сразу же после посева, 10 октября. А там наступили заморозки.

Весной опять оказалось, что растения, посеянные в первые семь пятidineвок и давшие осенью всходы, зимой погибли.

На делянке, засеянной одной из последних семенами тех растений, которые зимовали один год, выжило только 9 процентов, а из тех, кто второй год, — 20 процентов.

Мягкие пшеницы давали еще лучшие результаты.

Зимостойкость подопытных растений возросла вдвое! Причем, все остальные признаки и свойства оставались те же, что и у родителей.

Зимостойкость повышается и «твердость» остается!

Значит, не напрасны все труды, все хлопоты и заботы. И твердая озимая уже не за горами!

Радость Карапетяна разделяли многие работники института.

Трофим Денисович внимательно рассматривал делянки, убранные колосья, вымолоченное зерно и в ответ на все восторги улыбался.

Ваган Карапетян не мог понять, чему он улыбается. То ли считает радость преждевременной, то ли знает что-то такое, чего еще не знают другие.

5

Так обстояло дело до того памятного и тревожного июньского дня в 1947 году, с рассказа о котором началось это повествование.

Лысенко уехал из Горок-Ленинских в Москву, аспирант снова и снова в тревоге смотрел на появившиеся нивесть откуда стебли и листочки пшеницы, резко отличающиеся от своих соседей.

Так, наверное, в сказке Андерсена, в птичнике, смотрели на испортившего весь выводок гадкого утенка.

Ваган Карапетян не знал, что еще в прошлом году Трофим Денисович распорядился, чтобы на полях Сибнисхоза под Омском засеяли под зиму два гектара твердой яровой пшеницы «горденформе 10».

Но об этом контроле аспирант узнал двумя годами позже, а в тот июньский день сорок седьмого года он постоял в сокрушении у своих делянок, потом пошел к контрольным и снова продумывал опыт, отыскивая уязвимое место.

Осенью сорок шестого Лысенко предложил перенести эксперимент на базу Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина в Горки-Ленинские.

— И с воробьями там лучше умеют бороться, — улыбаясь, сказал он, — и рядом с Арто Аркадьевичем Авакьяном будете... Он вам в случае необходимости поможет.

На этот раз решили сеять только в три срока. Начали 17 сентября.

В Горках аспиранту помогала Полина Константиновна Князева, сотрудница Авакьяна.

Весною сорок седьмого года, когда сошел снег и появились новые всходы, Карапетян и Князева подолгу стояли около делянок, с радостью разглядывая каждый живой листик, каждую перезимовавшую и вновь пробудившуюся из земли травинку.

И в самом деле, было чему радоваться.

Растения становились все более озимыми. Даже издали было видно, как на одних делянках чернела голая земля, на других колебались одинокие всходы, как пламя свечи, а на иных всходы в рядках сливались в длинные шелковые зеленые шнуры.

— Давайте снова пересчитаем! — сказал Карапетян, стоя у делянки, засеянной 17 сентября. Он вытаскил записную книжку.

— Сколько пошло растений под снег в первую зимовку?

— 690.

— Сколько перезимовало?

— 77.

— Во вторую зимовку?

— 885.

— Сколько перезимовало?

— 308.

— А в третью?

— 1376.

— Сколько перезимовало?

— 784! Больше половины..

Так было и на других делянках, во всех сортах всех трех сроков посева.

Меньше всего выжило растений, зимовавших один год, больше всего — среди поколения третьего года зимовки. Этого и ожидал Карапетян, на это он и рассчитывал.

Все шло прекрасно до того июньского дня, когда Карапетян и Лысенко заметили «гадких утят», нивесть откуда появившихся в чудесном выводке «гордеиформе 10» и «мелянопуса».

И сколько Карапетян ни думал, он не мог найти причину ошибки.

Теперь он почти не уходил с поля, ведя фенологические записи по каждому растению. И чем больше появлялось точных и кропотливых записей, тем смутнее становилось на душе экспериментатора.

18 июня, раньше всех остальных, заколосились рядки третьего года зимовки. Заколосились они в один и тот же день. В ясный, солнечный июньский день, который принес Вагану Карапетовичу необычайное смятение.

Перед ним, на грядке «гордеиформе», прорезался безостый колос. Крупный и безостый!

«Гордеиформе 10» всегда был с длинными красноватыми остями, поднятыми вверх, как пики, чуть ли не удваивающими длину колоса. А тут — бесхвостый, как ошипанная курица, — колёблется на стебле безостый колос! И рядом, тут же, другой — с остями. Но какие же это ости?! Слово иголки ежа торчат во все стороны, как у обыкновенной мягкой пшеницы!

Казалось, будто в насмешку над экспериментатором, тайком от него кто-то на этих делянках посеял другие семена.

Или, может быть, среди пшениц есть «кукушки», подкидывающие свои яйца в чужие гнезда? В первое мгновение руки инстинктивно потянулись к этим неожиданным уродцам, чтобы вырвать их. Сорная трава с поля вон!

Но добросовестность естествоиспытателя заставила удержаться от невольного порыва.

Теперь аспирант понял, что диссертация срывается, любой оппонент скажет, что опыты производились не чисто. Три года работы пойдут насмарку.

Он продолжал вести фенологические записи и наблюдения, ни на минуту не переставая думать о том, где и как вкралась в опыты ошибка.

Стала выколосиваться пшеница и на других делянках. У «миллутурум» и «лютеценс» все дети, капелька в капельку, были похожи на своих родителей. На делянках же твердых пшениц дети — ни в мать, ни в отца!

Но кто бы и что бы ни говорил, сам Карапетян знал, что опыт он производил чисто. Сам обмолачивал каждый колос, сам опускал в землю каждое зернышко. Земля была чистая. И если какое-нибудь чужое зернышко и мог занести разбойник

воробей (здесь, за Калужской заставой, налеты воробьев на посевы были сущим бедствием), то почему же он выбирал строчки твердых пшениц, и только те, которые зимуют второй и третий год?! И ведь не одно зернышко принес этот воробей, а...

И Карапетян снова принимался считать и насчитывал уже больше сотни колосьев, не похожих ни на своих родителей, ни друг на друга.

Он вспомнил, как Лысенко не раз говорил своим ученикам, что техника эксперимента в настоящее время стоит так высоко, что почти всегда хороший экспериментатор может добиться в опыте оправдания своих предположений.

Однако, если опыт удался, он в лучшем случае подтверждает истину, уже известную ученому. А вот если хорошо задуманный и точно проделанный опыт не удался, тогда экспериментатор стоит на пороге открытия. Если это настоящий ученый, он непременно задумается над тем, что, значит, есть какие-то закономерности, которых он до сих пор не знал и не мог предвидеть. Неудачный опыт может привести к открытию.

Но как аспирант ни ломал голову над тем, какое же открытие можно сделать из его неудачи, он ничего придумать не мог.

В воскресенье Трофим Денисович вместе с Долгушиным и Авакяном, учеными, постоянно работающими на базе в Горках-Ленинских, осматривая поля, остановился у делянок Карапетяна.

В свете яркого летнего солнца темные ости среди красных казались еще чернее. Колосья с торчащими во все стороны, как у ежа, иглами перемежались с теми, у которых ости стройно устремлялись вверх.

— Что посеяно в этом рядке? — спросил Лысенко.

— «Гордеиформе 10». Третий год зимовки! — с замиранием сердца отозвался Карапетян, боясь, что учитель не поверит ему и высмеет, как умеет высмеивать нерадивых работников.

Но Трофим Денисович молча, внимательно продолжал рассматривать колосья, нарушавшие единый строй.

— Та-ак, та-ак! — протянул он. — А что высевалось в прошлом году на этой земле?

Карапетян понимал, что это означает — не была ли засорена земля чужими семенами.

— Нет, — ответил он, — земля была чистая... Я сеял по черному пару...

— Не похожи ли эти колосья на посев «псевдолютесценс»? А вот это — на «це-зиум»? — размышлял вслух Лысенко. — Не могли ли они случайно попасть сюда с соседних делянок?..

— Этими сортами мы не занимались, — ответил Авакян, тоже пристально рассматривая колосья. — У нас в Горках-Ленинских их не было и нет.

— Да, сдается мне, что это не твердая пшеница, а уже мягкая, — продолжал Трофим Денисович. — Как бы сейчас определить, твердая она или мягкая?

Вопрос был обращен к Долгушину.

Донат Александрович вынул из кармана лезвие безопасной бритвы.

— Попробуем надрезать соломинку под самым колосом.

Если соломинка полая — значит пшеница мягкая, если выполненная — значит твердая.

Осторожно, чтобы не повредить растение, Долгушин, с присущей ему сноровкой, сделал тонкий продольный разрез на нескольких стеблях пшеницы, не схожей с «гордеиформе». Одни соломинки оказались полыми, другие — сплошными, выполненными.

— Мой обычай такой, — сказал Трофим Денисович аспиранту, — другим можно верить, а себе не верь. Себя всегда проверяй. Самое страшное в науке — это обмануть себя. Можно так разбиться, что и не встанешь!

В одноэтажном каменном доме, называемом в Горках запросто «генетикой», в маленьком кабинете Долгушина научные работники базы в это воскресенье оживленно обсуждали, что же произошло на делянках Карапетяна.

Воскресного дня на базе всегда ждали с нетерпением. Потому что почти каждое воскресенье, обойдя поля, в этом маленьком кабинете, где вокруг двух письменных столов можно расставить не больше десятка стульев, Трофим Денисович делился мыслями и сомнениями, возникшими у него по ходу опытов, высказывал предположения, изменял направление эксперимента, если этого требовали обстоятельства.

Беседы эти, несмотря на то, что Трофим Денисович никогда к ним не готовился, обычно представляли живейший интерес, открывали много нового. Казалось, можно было положить руку на пульс только что рожденной мысли и следить, как она бьется и развивается.

— Как же проверить, не произошло ли тут механическое засорение в семенном материале? — вслух размышлял Лысенко.

И Карапетян еще раз рассказал, откуда были получены семена, как сеял он каждый раз по чистому пару, на земле, где раньше рос картофель...

— Это всё — дело прошлое. Тут можно только верить, но нельзя проверить, — сказал Трофим Денисович. — А надо, чтобы можно было сегодня же и завтра все проверить.

И, подумав, спросил:

— Что у вас в контроле посеяно?

Ваган Карапетович заволновался:

— По твердым пшеницам мы этой весной, 19 мая, посеяли для контроля семена исходного материала — раз! И семена растений, один год зимовавших...

Он уже понимал, какой ответ заключен в вопросе. Если для контрольного посева пошли семена из того же пакетика, что и на опытные делянки, и если на контроле выколосится пшеница, ничем не отличающаяся от родителей, — значит механического засорения не было.

Карапетян чуть не сорвался с места, чтобы побежать к контрольным делянкам, но вспомнил, что им еще далеко до колошения.

А Лысенко продолжал думать вслух:

— Предположим, Карапетян прав, и механического засорения нет. Тогда появление новых форм можно объяснить иначе: произошло переопыление. Короче говоря, у нас получились гибридные семена, и на наших глазах происходит так называемое расщепление.

— Но ведь пшеница — самоопылитель... Чтобы получить пшеничные гибриды, надо специально для этого работать. Кастрировать колосья, — отозвался кто-то из научных сотрудников.

— А если 'они все-таки сами переопылились? Это не встречается в практике, но теоретически возможно... Что тогда? — и Лысенко испытующе поглядел на аспиранта.

Карапетян сосредоточенно думал. И все присутствующие думали вместе с ним.

— Тогда, — робко ответил, наконец, аспирант, — на контрольных посевах обязательно должно произойти такое же расщепление. Должны появиться такие же колосья.

— Ну, может быть, и не такие, но разные! — отозвался Трофим Денисович...

Теперь оставалось следить за контролем.

Через пять дней на опытной делянке выколосились растения первого года зимовки. Все колосья были абсолютно схожи с родителями. Ости «гордеиформе» — подняты вверх, красноватые, покрыты редкими зубчиками, мелкими у основания и всё укрупняющимися к вершине. Они были почти в два раза длиннее колоса. Темные ости «мелянопуса» на белом колосе, как и полагалось, казались еще темнее. И зубчики на остях были частые, грубые и ровные — один в один.

Нет, не могло быть и речи ни о засоренности, ни о гибридности. Но на контрольных делянках, засеянных весной, растения упрямо не хотели колоситься.

Твердая пшеница, высеянная весной после года зимовки, поднялась выше, листья ее были больше, мощнее, чем обычно. И выколосилась она раньше. Восьмого июля! Она стала еще более яровой!

Эти двенадцать дней ожидания на всю жизнь останутся в памяти Карапетяна.

Прошло еще четыре томительных дня — и двенадцатого июля, раздвигая зеленые пластины листьев, вышли на широкий и ясный свет колосья «гордеиформе 10», а на другой день — колосья «мелянопуса», настоящие яровые, взошедшие в свои обычные сроки.

Все они были такие же, как и родители.

Нет, «исходный материал» не засорен! Нет и не могло быть речи о гибридной природе семян.

Эксперимент сделан безукоризненно. Но тогда абсолютно непонятно, откуда же взялись на опытных делянках эти чуждые «гордеиформе» и «мелянопусу» колосья мягкой пшеницы?

И еще было непонятно, чем так доволен Трофим Денисович. И почему сказал, что много лет думал о такой возможности, о таких результатах.

— Во всяком случае примите все меры, чтобы ни воробьи, ни насекомые — ничто не испортило ваши колосья.

6

Полина Константиновна Князева склеила из пергаментной бумаги конверты-колпачки. Их надели на те колосья, которые хоть чем-нибудь отличались от родителей. Теперь воробьи были не страшны.

Надевая колпачки, Ваган Карапетович заметил странную вещь: в одном и том же кусте пшеницы на одном стебле покачивался колос «гордеиформе 10» с вертикально поднятыми боевыми пиками красноватых остей, на другом — родном брате первого — совсем непохожий, словно обритый, безостый колос...

Аспирант долго стоял у куста. Воистину, сама земля на этих делянках была заколдована, такие здесь творились чудеса! Чудо повторилось: на соседней делянке, тоже в одном кусте, было два колоса, выросших из одного зерна и так непохожих друг на друга, как фокстерьер и лисица.

Но интереснее всего и всего непонятнее было то, что один колос принадлежал к твердым видам пшеницы, а другой, повидимому, был мягкий.

— Возможно, срослись два посеянных зерна, мягкое и твердое, и каждое дало потомство по образу и подобию своему, — сказал Карапетяну один из товарищей, с которым он поделился новостью.

Но этого не могло быть.

Один такой случай можно предположить, но два... Это было бы слишком невероятным совпадением редчайших случайностей.

Нет, несмотря на всю свою несхожесть, эти колосья были детьми одной матери.

В воскресенье сняли пергаментные колпачки, и Трофим Денисович снова осматривал поля и внимательно разглядывал каждый «незаконнорожденный» колос. И чем дольше он разглядывал, тем все больше прояснялось его лицо... А когда увидел куст с двумя различными колосьями, радостно засмеялся:

— По-моему, все уклонившиеся от материнских форм колосья — мягкая пшеница, — сказал он.

По всей вероятности, так и было...

Но ведь задача — создать твердые озимые. Чему же так радуется Лысенко?

— Значит диссертация провалилась, значит мне не удалось создать твердую озимую? — с горечью спросил Карапетян.

— Да, — весело ответил Лысенко, — не удалось! Нам удалось гораздо больше!.. Вы превратили один вид в другой... Один, точно определенный всеми систематиками вид вы превратили в другой, тоже точно определенный вид!.. Вст на этих растениях, — он указал на разные колосья одного и того же куста пшеницы, — вы показали переход из одного вида в другой!

— Но мне не поверят, пока у меня нет промежуточных форм. — ответил Ваган Карапетович, теперь понявший, чему так радуется Лысенко, давно уже занятый мыслями о видообразовании.

— А кто вам сказал, что должны быть промежуточные формы? — нахмурился академик.

— Дарвин...

— Дарвин — великий ученый! Но это не дает нам права не думать, не искать... Смотрите же, хорошо проведите уборку, ничего не потеряйте.

Уборочная кампания на делянках Карапетяна растянулась на целый месяц.

К концу страды на делянках, где высевалась твердая пшеница, было убрано 857 растений.

Карапетян разложил колосья на белых листах бумаги — каждое отдельно. И все увидели, что колосьев мягкой пшеницы, возникших на посевах твердой, было не два, не три десятка, а сотни полторы.

— Вызовите Лепина, — сказал Лысенко, всматриваясь в эти колосья.

Доктор биологических наук Т. Лепин работал в Институте генетики еще с тех пор, когда здесь безраздельно главенствовали неodarвинисты, и сам был убежденным менделистом.

Когда в институте хотели узнать, как отнесутся к тому или иному открытию мичуринской науки люди другого толка, достаточно было узнать мнение Лепина — оно полностью отражало мнение неodarвинистов. Но при этом он был эрудированным знатоком форм пшеницы.

— Вот вам пшеница, — сказал ему Лысенко, указывая на листы, где лежали безостые, и краснозерные, и с растопыренными остями колосья, не схожие с «гордеи-форме» и «мелянопусом», — дайте мне письменное морфологическое описание их.

Это был кропотливый труд, и, окончив его, Лепин заявил, что все 117 колосьев принадлежат к мягкой озимой пшенице, к различным ее разновидностям. Он назвал их: «феругиннеум» — с красными остистыми колосьями; «эритроспермум» — с белыми остистыми колосьями и красными зернами; «цезиум» — с остистым колосом, серодымчатый на фоне красных зерен; «милтурум» — с безостым колосом и тоже краснозерный.

Всё это разновидности — озимые, мягкие, краснозерные...

— А ведь они произошли от яровых, твердых, у которых, как вы сами знаете, зерно белое, и притом без всякого скрещивания! — сказал Лысенко, испытующе глядя на морфолога.

— Этого не может быть! — быстро ответил тот. — Ваши утверждения противоречат науке.

— А как вы объясните появление этих мягких пшениц из твердой?

Доктор биологических наук покосился на аспиранта.

— Как объяснить? Во-первых, засорением семенного материала, во-вторых, засорением почвы, в третьих, гибридной природой растений...

— Эксперимент был проделан чисто. Этому я свидетель, — сказал Авакян.

— Все эти возражения мы предусмотрели, — продолжал Лысенко. — Перед вами пример того, как один чистый вид произошел из другого по воле человека.

— То, что вы говорите, неправдоподобно. И напрасно вы верите в это. Здесь нет ни одной промежуточной формы. Вот если бы вы могли представить промежуточные формы, тогда, пожалуй, я вам поверил бы.

— А откуда вы взяли, что должны быть промежуточные виды? — спросил Лысенко.

— Так учит Дарвин...

— Вот в этом-то он и ошибался. Сам не мог найти переходные промежуточные формы между видами. Больше того, даже в раскопках палеонтологи не находили этих переходных форм между видами.

— Дарвин говорил, что летопись земли еще плохо прочитана, что еще будут найдены следы этих промежуточных форм.

— Вот, вот! А палеонтологи, как ни старались, за сто лет не нашли, не правда ли? — усмехнулся Лысенко. — И не найдут! — уверенно сказал он. — Потому что эти промежуточные виды существовали только в воображении Дарвина. Существой они

в природе, поверьте, следы их давно были бы найдены. Признавая эти несуществующие промежуточные виды, мы вслед за Дарвином будем видеть в развитии одну только линейную эволюцию, одни только количественные изменения. Там же, где произошли качественные, он уверяет нас, что никакой революции, никакого скачка не произошло и не может быть. А вот Сталин сорок лет назад говорил об этом.

Лысенко вытащил из ящика письменного стола томик в темновышневом переплете, раскрыл его и прочитал:

— «...дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественные и качественные изменения, — это две необходимые формы одного и того же движения»¹. Так то диалектика, а это — генетика, скажете вы? — обратился он, закрывая книгу, к Лепину.

Лепин молчал. Потом повторил то, что сказал раньше:

— А все-таки я не вижу переходных форм... Думаю, что здесь ошибка экспериментатора. Но возможно, я ошибся в определении и описании всех этих видов и разновидностей, — он показал на разложенные на столах бумажные листы с колосьями, — потому что это нонсенс, сущая чепуха, чтобы вид, имеющий 42 хромосомы, превращался — за здорово живешь — в вид с 28 хромосомами. Так не бывает и быть не может!

Из Ленинграда, из Всесоюзного института растениеводства, был вызван известный специалист, заведующий лабораторией пшениц М. Якубинер. Он внимательно разглядывал каждый колос, брал на ладонь, словно взвешивая, как ювелир жемчуг, подносил к лицу, рассматривал на вытянутой руке, как художник рассматривает редкую гравюру, и, словно слова заклинаний, произносил:

— Колосья остистые, белые, чешуя неопушенная, зерна красные, плечо чешуи в верхней части приподнятое, совсем как у «голубой дамы»².

Или изрекал:

— Бесспорно «эритроспермум»!

И вдруг бормотал:

— Ости серодымчатые, голубоватые, зерна яйцевидные, киль колоска хорошо развит, но до основания не доходит — типичный «цезиум».

Нет, в определениях Лепин не ошибся!

* *
*

Это было в Горках-Ленинских, в теплицах. 20 сентября Ваган Карпетович обмолотил каждый колосок отдельно, вернее сказать, вышелушил, растирая между ладонями. Часть семян он высеял в вазоны, тут же в теплице, чтобы узнать, как поведут себя дальше зерна мягкой пшеницы, возникшие из твердой.

Через неделю, у входа в теплицы, он встретил Лысенко.

— Ну, как дела, Ваган?

— Да вот Лепин и Прокофьева говорят, что если даже я чисто работал, то полученные результаты — это случайные ненаследственные изменения, то есть модификация.

— Они правы! Так и скажите им! Модификация! Мы, мичуринцы, понимаем это по-своему. Пусть посмотрят в словари и увидят, что модификация — по-русски значит изменение. А то, что изменения не наследуются, — ерунда, выдумка морганистов!..

В теплицах Трофим Денисович остановился около вазонов Карпетяна. Острые шильца всходов уже пробилась из земли. Трофим Денисович долго и внимательно рассматривал их, улыбулся и сказал:

— Морганисты биты по всем пунктам! Разве вы не видите, что эти изменения стали наследственными! У нас есть способ доказать это. Выезжайте немедленно в

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 309.

² Название сорта пшеницы.

Одессу. Теперь вам надо торопиться с диссертацией! — И добавил, хитро поглядев на аспиранта: — А не то Авакян и Долгушин раньше вас напишут обо всем этом Уезжая из Горок, Лысенко еще раз подошел к вазонам Карапетяна.

— Случайная и неповторимая игра природы! Так они говорят? — язвительно спросил он. — Интересно, что они будут говорить в будущем году?

В тот же день академик распорядился, чтобы в Омске снова повторили подзимний сев «гордеиформе» на двух гектарах.

Но об этом в Горках-Ленинских никто не знал.

7

Самолет шел на Одессу. И когда, попадая в «воздушную яму», он внезапно подпрыгивал вверх и затем стремительно проваливался, Ваган Карапетович крепче прижимал к груди объемистый портфель, наполненный конвертиками с пшеницей. В них сейчас — его надежда, его четырехлетний труд.

Через час после того как самолет снизился, Ваган Карапетович в Институте селекции и генетики рассказывал директору института А. Родионову и научному руководителю М. Ольшанскому, зачем он прибыл в Одессу. Нужно было немедленно высеять семена мягкой пшеницы, полученной в эксперименте, чтобы посмотреть, как они будут себя вести, какая с ними произошла модификация — менделистская или мичуринская? Какие у них произошли изменения — наследственные или ненаследственные?

Институт генетики в Москве и его теплицы были сооружены в то время, когда там верховодили морганисты, предпочитавшие иметь дело с дрозофилой, и теплицы не были приспособлены для того, чтобы зимою в них растить пшеницу. Другое дело — Одесский институт ВАСХНИЛ'а. Здесь была открыта и разработана теория стадийного развития Лысенко. Здесь на ее основе были созданы в рекордные сроки, по заранее определенным заданиям, по плану, новые сорта; изменена природа «кооператорки»; здесь выросла плеяда новых, советских ученых, на труды которых в своей диссертации ссылался Карапетян.

1020 зерен мягкой пшеницы, полученной из твердой, было высеяно в 102 вазонах, по десять зерен от каждого колоса. Надо было определить, стали они озимыми или остались яровыми, стала ли их мягкость наследственной.

Для контроля Ваган высевал яровую пшеницу «лютесценс 062». И еще посеял семена твердой яровой пшеницы, потомство которой зимовало один, два, три года, и семена, которые никогда не зимовали. Всего 500 вазонов. И у каждого своя история.

И только успел он высеять все это в вазоны, записать и разметить, как уже надо было лететь обратно в Горки-Ленинские, чтобы там на делянках продолжить свой эксперимент.

Закончив посевы в Горках, Карапетян вернулся в Одессу продолжать наблюдения.

В вазонах, где 4 сентября высеяно было мягкое потомство твердой «гордеиформе», уже 10-го появились шильца всходов, а кущение началось 20 сентября.

Контрольные яровые начали выходить в трубку 16 октября — это были настоящие яровые.

Подопытные растения развивались иначе. Часть из них начала выходить в трубку 23 октября. К 28 октября Карапетян насчитал 80 вазонов с такими растениями. Было ясно, что они остались яровыми. Спустя месяц, в конце ноября, «перемучившись», пошла в трубку пшеница и в других вазонах. Это была уже полуозимая.

В оставшихся вазонах пшеница только кустилась, росла, густела травой, но не шла в трубку. Ей явно нехватало холода. Это была уже настоящая озимая. Таких было 92 куста в девяти вазонах!

В пяти вазонах часть растений стала озимой, другая словно закоренела в яровости. Такое расщепление наблюдалось раньше только при гибридизации...

«Вот те и на! — Карапетян растерянно глядел на эти вазоны. — Час от часу не легче. Опять новость. Гибридизация путем воспитания?!»

Но как бы то ни было, и яровые и полуозимые, и озимые — все принадлежали к мягким формам пшеницы, резко отличаясь от твердых прадедов. Они унаследовали свойства, приобретенные родителями. Ни о какой «модификации по-моргановски» не могло быть и речи.

Правда, и для таких случаев менделисты среди многих, ничего не значащих терминов изобрели термин «длительная модификация». Но так как длительность сия не ограничивается никакими сроками и может продолжаться сотни поколений, — термин этот лишен какого бы то ни было реального смысла.

Когда в начале 1948 года Карапетян, приехав в Москву, сообщил о полученных в Одессе результатах, Трофим Денисович сказал:

— Теперь садитесь за диссертацию. Теперь, Ваган, надо торопиться.

«Неудача» Карапетяна стала удачей всего института.

Русскому языку Ваган Карапетович стал учиться уже в зрелом возрасте, а диссертацию нужно было представить на русском языке. В работе над диссертацией ему не мало помог заместитель директора Института генетики В. Столетов. И десятого мая аспирант положил на стол академика объемистую диссертацию с десятками таблиц, фотографиями, схемами, цитатами, списком литературы.

Новая постановка вопроса о видообразовании!

Трофим Денисович взял объемистую рукопись, взвесил ее на руке.

— Не слишком ли много написано? — сказал он, как бы советуясь с самим собой. — Впрочем, кажется, чем толще кандидатская диссертация, тем с большим уважением к ней относятся, — улыбнулся он и добавил: — К тому же вопрос ставится по-новому.

Он положил рукопись на стол, вытащил из своего портфеля сигнальный экземпляр второго номера журнала «Агробиология» и стал его перелистывать.

— Вот нас ругают на чем свет стоит за то, что мы не хотим считать внутривидовую борьбу краеугольным камнем развития, а между тем мы выясняем важнейшие вопросы, выясняем, что виды образуются по законам, открытым диалектическим материализмом...

Речь шла о недавней публичной лекции профессора И. Парамонова в Политехническом музее о конференции, созванной менделистами из МГУ, на которой они пытались скомпрометировать мичуринцев и Лысенко.

Это были те годы, о которых английский профессор-менделист Э. Эшби, бывший атташе британского посольства в Москве, тоскуя, что они миновали, писал: «Академики повели себя очень осмотрительно. Под тактическими предложениями они перестали помещать лысенковские работы в академических журналах. Потихоньку они поощряли проведение работы по ортодоксальной биологии в других институтах и даже умудрились создать в 1945 году второй институт генетики (первый уже находился под контролем Лысенко), в котором смогли бы обосноваться ортодоксальные генетики. Таким образом, они хотели изолировать школу Лысенко и воспрепятствовать ее проникновению в основной поток советской биологии. Два года назад, — меланхолически добавляет он, — казалось, что так и будет».

Редко видел Карапетян своего учителя таким расстроенным, как в тот ясный майский день.

Борьба была его стихией, но слишком уж много в эти дни его противники клеветали на него, пытались отбросить все, что сделал он за много лет, обходили сущность выдвинутых им доводов

— Они говорят, Ваган, что мы мешаем развитию науки, отрицая внутривидовую борьбу, а мы, на самом деле, открываем все новые и новые факты, доказывающие, что этой борьбы нет и для видообразования она не нужна. Ну, ладно, — вздохнул он, — пусть занимаются заседаниями и разговорами, а мы должны работать еще больше, еще усердней, чтобы познать и создавать новые факты.

Трофим Денисович открыл номер «Агробиологии» на той странице, где кончалась статья известного селекционера П. Лукьяненко «Изменение природы сортов озимой и яровой пшеницы путем изменения условий прохождения стадии яровизации».

Это было обобщение большой работы, проведенной на Краснодарской селекционной станции. Автор рассказывал и о своих экспериментах, попытках перевоспитать твердую яровую в озимую, об изменениях, которые с ней при этом происходят. Но главное сейчас было не в статье, а в небольшом восьмистрочном, набранном петитом примечании к ней редактора журнала. В этом примечании Лысенко объяснял полученные Лукьяненко результаты тем, что твердая яровая пшеница при изменении ее в озимую скачкообразно превращается в мягкую. Вот причина того, что, несмотря на все старания селекционеров, в практике нет озимой твердой пшеницы.

Это примечание бросало вызов всем старым представлениям о том, как образуются виды: оно отвергало идею линейной эволюции и как бы подливало масла в огонь вспыхнувшей дискуссии.

— Нам не удалось создать твердую озимую пшеницу, — сказал Лысенко, — но мы узнали важную вещь: почему и прежде никому это не удавалось. Удалось гораздо больше! Решен по-новому, диалектически, коренной, важнейший вопрос биологии: проблема образования видов. Теория плоского эволюционизма окончательно опровергается этими экспериментами.

Он посмотрел на толстую рукопись в коленкоровом переплете.

Как часто под самыми ширококвещательными заглавиями, обещающими чуть ли не коренные перевороты в науке, скрываются пустейшие словоизвержения; но бывает и так, что за скромным заголовком, объявляющим, казалось бы, о каком-то частном случае, открываются новые, важнейшие закономерности.

Теперь диссертация называлась: «Экспериментальные данные по изменению природы растения рода Тритикум путем воспитания».

— Надо пригласить оппонентами людей, которые не связаны с институтом и пусть даже не согласны с нами... Посмотрим, что они думают об этой работе, — сказал Трофим Денисович. — Ну, в добрый час!

И диссертация пошла к ученым оппонентам.

8

Жарким вечером московского лета в старинном доме, где теперь помещается Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, в большой комнате с потолком, расписанным киноварью и суриком, в кабинете президента шла оживленная беседа.

Здесь были друзья и соратники Лысенко. Приехавший из Ленинграда И. Презент, В. Столетов, помощник президента Н. Телятник^{ов}, И. Варунцян, Ф. Дворянкин и другие. Обсуждались основные тезисы доклада Лысенко «О положении в биологической науке», и сейчас разговор шел о выводах, которые нужно сделать из экспериментов В. Карапетяна.

— Всю жизнь мы твердили по Дарвину, что вид происходит из вида, — говорил Лысенко. В его глубоко сидящих глазах поблескивала лукавинка.

— И правильно твердили! — сказал Презент.

Лысенко насмешливо покачал головой:

— Еще бы не правильно! Однако ошибка Дарвина — в том, что он видел только эволюционную сторону развития, и не признавал революционную. Кто из нас не помнит слова товарища Сталина об этом? Ты, наверное, не раз сам цитировал их?

— Замечательные слова! — отозвался Презент, в волнении вскакивая со стула.

— А какие выводы делали биологи из этой правильной сталинской критики? — продолжал Лысенко. — Никаких не делали! Повторяли, что Дарвин ошибался, а затем переходили к изложению его учения со всеми ошибками, которые и приводили к линейной эволюции, к постепеннице! Во всех учебниках то же самое: сначала, мол, хвоста не было, потом появился малюсенький, едва заметный, и был этот хвостик

в сантиметр. Потом прибавился еще сантиметр. Через сто лет — десять сантиметров... Медленно, заметно и механически измеримо. Пришел ученый, измерил и установил — вот, мол, новый вид появился, на девяносто сантиметров хвост длиннее. А если на пятьдесят? Новый это вид или старый? Ведь так учили?

— Так, — сказал Варунян.

А Трофим Денисович продолжал:

— Вот многие и полагают, что виды придуманы для удобства систематиками. На самом деле, мол, грани между ними нет, и они непрерывно один в другой переходят. Если верить в линейную эволюцию, так и получается...

Он оглядел собравшихся, словно вызывал их ответить на вопрос: «а ну-ка скажите, что вы думаете об этом?»

Один из собеседников, до сих пор не проронивший ни слова, спросил:

— А как же бывает на самом деле?

И Лысенко, словно он все время ждал этого вопроса, живо ответил:

— А вот так, как написано здесь.

Из стопки книг, лежащих на столе, Лысенко взял верхнюю, раскрыл на заложенной странице, передал Презенту и указал абзац:

— Прочтите, товарищ академик, вслух, — он повернул выключатель, под зеленым абажуром вспыхнул свет.

Презент прочитал:

—...«В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, — а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений.»¹

— Вот так и бывает, — сказал Лысенко и торжествующе оглядел присутствующих. — Точно так... Новый вид — это новое качество. Прочти еще раз то, что подчеркнуто! — обратился он к Презенту.

Красным и синим карандашом были подчеркнуты слова: «скрытых количественных изменений», «качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в результате накопления незаметных...»

— «Скрытых», «быстро», «незаметных», — повторил Лысенко слова, подчеркнутые в книге, — это не значит непознаваемых. Но раскрыть их и сделать заметными мы сможем только тогда, когда будем знать, что они скрыты и незаметны... И образованные виды — это скачок!

Он взял из рук Презента книгу, положил ее на место. На обложке было: «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

— До сих пор и в голову не приходило, что эти прочитанные вами слова имеют отношение к видообразованию, — сказал кто-то из собравшихся.

— Вот так и учим. Отдельно биология, отдельно диалектика и история партии! — с укоризной сказал Лысенко. — А ведь и эксперимент Карапетяна можно понять и объяснить только так, как написано здесь, — он показал на «Краткий курс», — только в свете сталинских идей. Плоский эволюционизм заводит биологию в тупик. Сталинская же диалектика открывает перед нами широчайшие перспективы!

— Но, значит, многие из тех задач, которые нам уже казались ясными и решенными, нужно будет решать заново, — сказал один из собеседников.

Лысенко посмотрел на него почти сурово.

— Конечно, придется поработать. И еще как! А кто сказал, что у биологов должна быть легкая, спокойная жизнь?!

— Трофим Денисович, но ведь у вас пока только один пример... Не мало ли? — спросил я.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс». Глава IV, стр. 102.

— Один! — загорелся Лысенко. — Первый раз в истории науки человек экспериментально превратил один вид в другой... А вам этого мало!.. Дайте срок — будут примеры. И много! Потому что в природе развитие идет именно так, как говорит Сталинская диалектика.

9

— ...Я не могу в данном докладе затрагивать многие теоретические вопросы, имевшие и имеющие большое практическое значение, — говорит Лысенко и перелистывает страницу.

— Надо понять, — продолжал докладчик, — что образование вида есть переход от количественных изменений к качественным в историческом процессе. Такой скачок подготавливается собственной жизнедеятельностью органических форм, а это вполне доступно для изучения и управления. Живая природа — это биологическая цепь, как бы разорванная на отдельные звенья — виды. Поэтому неправильно говорить, что виды ни на какой период не сохраняют постоянства своей качественно видовой определенности. Говорить так — это значит признавать развитие живой природы, как плоскую эволюцию без скачков.

Карапетьян, побледнев от волнения, вслушивается в каждое слово. И вот он слышит:

— В этих мыслях меня утверждают экспериментальные данные по превращению твердой («дурум») пшеницы в мягкую («вульгаре»). Отмечу, что оба эти вида всеми систематиками признаются хорошими, бесспорными, самостоятельными видами.

Карапетьян глубоко и шумно вздыхает. Долгушин глядит на него с дружеской усмешкой.

— Мы знаем, что среди твердых пшениц нет форм настоящих озимых, — звучит с трибуны. — Мичуринцы овладели хорошим способом превращения яровой в озимую. Но все это относится к виду мягкой пшеницы. Когда же приступили к превращению твердой пшеницы в озимую, то оказалось, что после двух-трех-четырёхлетнего осеннего посева (необходимого для превращения ярового в озимое) «дурум» превращается в «вульгаре», то есть твердая 28-хромосомная пшеница превращается в различные разновидности мягкой 42-хромосомной пшеницы, причем переходных форм между этими двумя видами мы не находим.

Лысенко остановился, оглядел зал и громко, отчетливо, подчеркивая каждое слово, сказал:

— Превращение одного вида в другой происходит скачкообразно.

Карапетьян сидит красный от волнения, словно на него обращены взоры всего зала.

Два известных морганиста, спускаясь по лестнице, обмениваются впечатлениями:

— Слышали про скачок? — говорит один из них. — Обыкновенные мутации, полсотни лет назад открытые де Фризом, он выдает за новинку.

Собеседник в ответ поощрительно засмеялся.

Когда на другой день после доклада участники сессии поехали на экскурсию в Горки-Ленинские, их внимание было поглощено ветвистой пшеницей.

И мало кто обратил внимание на скромные делянки Карапетьяна. Снова из твердой, третий год зимовавшей пшеницы получалась мягкая пшеница всех видов.

Один только Л. Декапрелевич, старейший и умудренный опытом ученый-селекционер из Закавказья, долго стоял у делянок, внимательно расспрашивал об эксперименте, потом сокрушенно сказал:

— Ну и дал же я маху! Значит, он ни в чем не виноват!

И отвечая на недоуменный взгляд Карапетьяна, рассказал, что однажды на делянках его станции после подзимних посевов твердой пшеницы были обнаружены колосья нескольких разновидностей мягкой. Он счел эксперимент неудавшимся и обвинял в этом работника, проводившего опыт.

— !Придется теперь просить у него прощения. Ну а впрочем, кто же мог предполагать?

Долго стоял у делянок Карапетяна и М. Якубцинер.

Кроме тех разновидностей мягкой пшеницы, которая возникла из твердой в прошлом году, он сейчас увидел еще одну. Зерна в коротком, словно обрубленном колосе были плотно пригнаны одно к другому. Будто спрессованы. Не зря ее называют «компактоид»... На полях Советского Союза ее не возделывают. Еще новое подтверждение, что в опыте Карапетяна не могло быть и речи о засорении почвы чуждыми семенами! Якубцинер часто встречал одиночные колосья «компактоида» еще в далекие дни своей молодости, когда бродил в предгорьях и горах Армении и Азербайджана, исследуя бурное разнообразие форм пшеницы в Закавказье.

Именно тогда, в Гандже, познакомился он с научным работником Ганджинской селекционной станции Лысенко.

В эти же августовские дни 1948 года вместе с академиками И. Эйхфельдом, И. Варуняном и работником ВИР'а М. Якубцинером Трофим Денисович ехал на просмотр кинохроники, посвященной сессии. В машине Якубцинер рассказал о том, что нашел в посевах Карапетяна колос «компактоида», совсем такой, какой он находил в Дагестане на посевах твердой пшеницы.

— А кто его там сеял, в Дагестане? — спросил Трофим Денисович.

— Никто, — отвечал Якубцинер. — Его вообще у нас в Советском Союзе не сеют.

— Значит, опять засорение неизвестно откуда взявшимся видом? Или какие-нибудь перелетные воробьи его туда занесли? — допытывался Лысенко.

— Кто ж его знает, как он туда попал! Но, во всяком случае, именно там я и познакомился с ним в природе.

— А не приходит ли вам на ум еще один злак, с которым спокон века всячески борются в Закавказье и никак не могут изгнать с полей и который растет там, хотя никто его не сеет?

Для всех было ясно, что Трофим Денисович имеет в виду рожь.

Якубцинер вспомнил о непрерывной борьбе, которую издавна ведут крестьяне с рожью, засоряющей пшеничные поля в горных районах и предгорьях Закавказья. Они едут в долину, достают семенную пшеницу, сеют ее. Проходит год-другой, и поля засорены рожью, и опять надо доставать чистые семена. Дошло до того, что крестьяне там называют рожь сорняком пшеницы. Якубцинер вспомнил свои разговоры со стариками крестьянами. Сидя на корточках среди вороха колосьев пшеницы, они обстригали нижнюю и верхнюю часть колосьев, отбрасывали их прочь, оставляя на семена середину. И так по колоску.

— Все равно самая лучшая пшеница перерождается в рожь! — с сокрушением сказал глубокий старик горец.

«Перерождается» — это утверждение стариков крестьян ученые считали суеверием. Гораздо легче было предположить, что почва засорена чуждыми семенами.

«А впрочем, откуда они могли взяться?» — спросил сейчас себя Якубцинер. — Неужели Лысенко думает, что как скачком рождается «компактоид» из «гордеиформе», так из пшеницы рождается рожь?».

Через несколько дней после сессии на самолете из Омска прилетел помощник Лысенко Н. Телятников. Он вез с собой сноп пшеницы, только что убранной с поля в Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства, где на двух гектарах уже второй год сеяли под зиму «гордеиформе 10».

Прямо с аэродрома Телятников поспешил в Академию.

Перед отлетом в Москву он, выполняя поручение Лысенко, попросил в Сибнихозе сноп пшеницы с экспериментального поля, где дважды зимовала «гордеиформе 10».

— Ладно, — отвечают, — подождите немного.

И вдруг он увидел, что из скошенного снопа сибиряки быстро выбрасывают какие-то колосья.

— Что вы делаете?

— Очищаем... Выбрасываем всякие случайные примеси и оставляем то, что сеяли,— «гордеиформе Ю».

— Ни в коем случае ничего не надо выбрасывать,— заволновался Телятников.— Трофиму Денисовичу нужна именно такая пшеница, которая выросла на этом поле. Давайте все, как есть!

Когда Трофим Денисович увидел этот сноп, глаза его засветились такой радостью, словно он встретился с долгожданным другом.

— Смотрите, белоколосая «эритроспермум», красноколосая «феругинеум», безосый «мотесценс»!

И он обвел всех торжествующим взглядом.

— Такое же разнообразие, такие же разновидности, как у Карапетяна в Горках! Мягкие из твердых! Скачок, превращение одного вида в другой. Можно ли после этого верить тому, что говорят неодарвинисты о мутациях! Причины мутации неизвестны, мутациями нельзя управлять. Они непознаваемы, их нельзя предсказать. Метафизика!.. Между ними и Сталинской диалектикой нет ничего общего. Мы умеем предсказать скачок и вызвать его на делянках в Горках-Ленинских и повторить на полях Сибири!

10

В погожее сентябрьское воскресенье Ваган Карапетович в Горках-Ленинских, в кабинете Авакяна, обмолачивал свой урожай сорок восьмого года: каждый колос растирал между ладонями, сдувал легкие чешуйки, а зерна ссыпал в конвертик.

Как всегда, обойдя теплицы и поля, в маленький кабинет Авакяна пришел Лысенко.

— Итак,— сказал Трофим Денисович, усаживаясь в кресло у окна,— теперь-то мы узнали, что твердые пшеницы превращаются в мягкие. Но ведь это только начало работы. Сколько новых, еще даже не поставленных вопросов мы должны разрешить!.. Ну вот хотя бы первый: откуда начинается этот скачок, это коренное изменение, когда мы сеем зерно твердой пшеницы, а получаем колос мягкой? — И он поглядел на Долгушина.

— Я полагаю,— ответил Донат Александрович,— что изменение происходит в самом зерне. Отсюда начинается новый цикл развития.

Карапетян поднес к губам ладонь, сдунул легкую шелуху и, внимательно слушая, о чем шла речь, стал рассматривать тяжелые зерна, лежавшие на ладони.

— По-моему,— сказал Авакян,— уже в самом растении клетки изменяются, становятся другими, а затем уже эти изменения доходят и до зерна.

Наступило молчание.

— Вот видите, сколько важнейших вещей мы еще не знаем,— подумав, сказал Лысенко.

И вдруг Карапетяну показалось, что на его ладони среди твердых стекловидных зерен лежит одно немного отличающееся по форме. Оно и розоватее, и мучнистее... Ну да, мягкое зерно!.. Он замер от удивления и тихо шепнул Авакяну:

— Арто Аркадьевич, посмотрите!

Через мгновение все уже толпились вокруг Карапетяна и глядели, сравнивали, ощупывали зерна. В кучке твердых — одно зерно было, бесспорно, мягкое. И все это были родные братья и сестры, зерна из одного колоса — третьего поколения зимовки.

В одном колосе — два разных вида! Разве это не чудо?

Карапетян вытаскивает из ящика конверты, высыпает из них зерна и снова начинает рассматривать.

— Вам, Ваган, надо завтра же высеять эти семена. Надо поскорее узнать, действительно ли из этого зерна выйдет мягкая пшеница. Как себя будут вести другие растения из зерен этого же колоса.

И уже обращаясь к другим, Лысенко, не то раздумывая вслух, не то убеждая, говорит:

— Вот точно так же на посевах в Закавказье в колосе пшеницы возникает, появляется зерно ржи. И там нет никакого засорения, а есть превращение вида, пере-

рождение. Процесс этот идет все время, хотя морганисты и твердят о затухании эволюции. Рожь рождается из пшеницы, она вовсе не сорняк пшеницы... Впрочем, может быть, таково происхождение многих сорняков?

Пшенице, просу, льну сопутствуют сорняки, которые являются продуктом только этих условий жизни. И появляются они только на возделанном человеком поле.

Конференц-зал отделения биологических наук Академии наук СССР — переполнен. Здесь работники Института генетики, ученые из Института биохимии, преподаватели биофака Московского университета, научные работники ВАСХНИЛ'а, работники из Горько-Ленинских, из Армении. Тихо, монотонно читал по написанному свой доклад диссертант. И могло показаться, что ничего особенного, неожиданного, острого в этом докладе нет. Официальные оппоненты склонны были признать переход из одного вида в другой в том случае, если соответственно изменялось и количество хромосом. В диссертации такого анализа не было. Но, предупреждая выступления оппонентов, аспирант в докладе сказал, что и цитологический анализ, произведенный работниками Института генетики Г. Медведевой, В. Базавлук и А. Шушняковой, подтвердил, что мы имеем дело с двумя разными видами.

— Бывает так, что оппонент не все выскажет в рецензии и оставит несколько камней за пазухой, чтобы внезапно пустить их во время обсуждения, — сказал профессор П. Генкель, — но здесь получилось наоборот: диссертант припас сюрпризы для оппонентов, крупные козыри.

И профессор с открытой душой присоединился к тезису докладчика о том, что «эксперименты по превращению одного вида пшеницы («дурум») в другой вид («вульгаре») на основе воздействия внешней среды по-новому ставят вопрос о видообразовании».

Генкель привел несколько случаев, описанных в литературе, подтверждающих положения докладчика. Выдающийся ботаник Н. Цингер установил, что один и тот же экземпляр подорожника в два резко отличные по погоде года дал в потомстве два разных вида. Академик Б. Келлер наблюдал переход одной формы полыни в другую. Профессор А. Генкель, отец оппонента, описал такие же изменения у плактонных диатомей, живущих в Каспийском и Карском морях. У них под влиянием изменения солености воды происходило превращение одних форм в формы двух резко отличных друг от друга видов. Все это смущало тех систематиков, которые утверждали, что это быть не может и противоречит науке. Выводы же из эксперимента Карапетяна позволяют понять образование новых форм без переходов, как диалектическое скачкообразное превращение количественных изменений в качественное. И тогда становятся понятными эти до сих пор необъяснимые факты.

Следующий оппонент Б. Козо-Полянский, признавая огромную важность вопроса, спрашивал:

— А не получил ли диссертант какой-нибудь совершенно новый, до сих пор не существовавший вид, и тогда не напрасно ли он называет его старым названием? Австрийского ученого Пауля Камерера, защитника наследственности приобретенных свойств, упрекали в том, что его опыты при повторении не удаются. Он отвечал, что не были воспроизведены все условия его опытов.

Профессор Козо-Полянский хотел бы убедиться, что ничего подобного не могло произойти с опытами Карапетяна.

В ответ на сомнения Б. Козо-Полянского А. Авакян, на глазах которого проходил эксперимент, с жаром вступил с ним в спор.

— Есть определенный порядок защиты, — остановил его академик Лысенко. — Выступающие в прениях не имеют права спорить с оппонентами. Это обязанность диссертанта. Он должен сам возражать своим оппонентам, должен сам защищаться. Я считаю, что оппоненты мало нападали. Они ведь не видели своими глазами колосья, которые диссертант только что положил на стол, и потому могли предполагать, что создан какой-то новый вид мягкой пшеницы. Нам поверить диссертанту легко

потому, что на наших глазах все это делалось, и мы видели чистоту эксперимента. Козо-Полянский имел право спросить: а можно ли повторить опыт? Он не знал, что результаты опыта 1947 года повторились в Горках и в 1948 году. Он не знал, что, повторенный под Омском, на полях Сибнисхоза, этот опыт принес такие же результаты. Напрасно диссертант не сказал о том, что в колосе твердой пшеницы после нескольких лет зимовки можно найти зерно мягкой. Месяц назад мы высеели несколько зерен твердой пшеницы. Через неделю появились всходы. Опушенные — значит бесспорно будет мягкая пшеница. Произвели цитологический анализ. В клетках корня 28 хромосом, в листе 42 хромосомы — признак мягкой. Процесс изменения идет уже при развитии растения. Вот возьмите эти колосья, — и он протянул Козо-Полянскому снопок, лежавший на кафедре. — Неправда ли, обычная мягкая пшеница? Да? А семена были твердой! Для нас дело ясное. На глазах один вид превращается в другой.

— У твердой пшеницы, — продолжал Трофим Денисович, — которую в ряде поколений сеяли осенью, под влиянием новых условий жизни произошел изменения. Изменения эти хотя и не проявляются во внешнем виде растения, но из поколения в поколение незаметно, скрытно накапливаются, усиливаются. Наступает момент, когда эти количественные накопления внезапно быстро переходят в коренные качественные изменения. Происходит скачок: твердая пшеница становится мягкой! Постепенных переходов между ними нет. Это объяснение проще, чем знакомая вам дарвиновская схема расхождения признаков (дивергенция), и, главное, вернее. Такое представление соответствует диалектическому материализму. Так оно и происходит в природе на самом деле. Вид один от другого отличается качеством. Между настоящими видами нет переходов, потому что в природе не бывает переходов между качеством. Нет перехода между водой и паром! Накопление количественных изменений в историческом процессе развития организма приводят к скачкообразному переходу одного качества в другое. А если это так, то я беру на себя смелость сказать, что не исключена возможность превращения пшеницы в рожь. Ведь есть же районы, например в Западной Грузии, где никто не сеет рожь и где все же люди столетиями не могут очистить пшеницу от ржи! Хорошо, если бы появилась еще одна диссертация, которая покажет, как из пшеницы получается рожь. Но принципиально эта диссертация ничем не будет отличаться от сегодняшней. Вид происходит из вида — это утверждение Дарвина правильно. Однако до сих пор мы имели примеры только создания разновидностей. И только теперь стало ясно, как именно один вид переходит в другой. В этом нашем понимании мы опираемся на марксистскую, на сталинскую диалектику.

Когда счетная комиссия Ученого совета, обсуждавшего диссертацию, подытожила глосса, один из академиков — мичуринец — сказал:

— Как быстро растет наша наука, какими семимильными шагами идет она, если из работы аспиранта, труд которого раньше посчитался бы неудачей, теперь можно сделать такие неожиданные, великолепные выводы! Понимаете, как это здорово: виды образуются не так, как утверждалось в «Происхождении видов», а согласно законам развития, так, как сказано в четвертой главе «Истории ВКП(б). Краткий курс».

Вечером 6 ноября 1948 года, включив радио, я слушал речь Вячеслава Михайловича Молотова. Он говорил о великом трудовом подвиге советского народа — и перед глазами вставали новые корпуса заводов, поднявшихся из руин, карта великого творческого преобразования земли.

Перечисляя замечательные события, происшедшие за год в нашей стране, говоря о победе мичуринского учения, Вячеслав Михайлович сказал: «Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе»¹.

И я вспомнил зимний вечер в Москве, в большом кабинете Трофима Денисовича в Академии.

¹ В. М. Молотов. Доклад на торжественном заседании Московского совета 6/XI—1948. «Правда» от 7 ноября 1948 года.

Лысенко сидел за столом, на котором лежали снопики пшеницы, клубни картофеля, корешки кокасыга от гнездового сева. Глаза его блстели. На столе перед ним лежал только что вышедший в свет первый том сочинений Сталина.

— Это написано молодым Сталиным в 1906 году! — сказал Лысенко. И он показал статью «Анархизм или социализм?» — Когда я еще пешком под стол ходил, Сталин уже боролся с вейсманистами! Это линия партии, — продолжал Лысенко. Он был счастлив, сознавая себя учеником величайшего из ученых и мыслителей мира.

И в самом деле! Когда в дни своей молодости, работая в Гандже, а затем в теплицах и на полях Одесского института, наблюдая, как гибнет пшеница, рожь или ячмень, посеянные в одни сроки, а точно такая же пшеница, посеянная в другие сроки, выживает, Лысенко понял, что рост и развитие — не одно и то же, когда он доказал, что развитие это не просто рост, но непременно качественные изменения, превращения, переход из одного качественного состояния клеток в точках роста в другое; когда на основании своих наблюдений и экспериментов он открыл новые, тогда еще непознанные закономерности живой природы и создал теорию стадийного развития, — разве мог он это сделать, не овладев методом диалектического материализма, так гениально развиваемого в трудах товарища Сталина?

Сколько было на протяжении целого века схваток, боев, дискуссий о наследственности, вопрос о которой завел, по выражению Бальзака, «науку в лабиринт тупиков»! Но только раскрыв пути индивидуального развития растений и животных, как это сделали Мичурин и Лысенко, можно правильно понять основные закономерности наследственности и показать всю ненаучность неodarвинизма и вейсманизма.

Так был разбит в биологии оплот идеализма. Но все это можно было сделать, лишь идя по пути, озаренному мощным светом сталинских идей.

А когда на основе теории стадийного развития мичуринцы в небывало краткие сроки создали новые сорта растений; когда в разработку этой теории включились миллионы ученых и колхозников, применяя на сотнях тысяч гектаров яровизацию, летние посадки картофеля, внутрисортные скрещивания; когда в результате этих и других опытов правильность мичуринской теории была доказана миллионами пудов дополнительного урожая — разве это не было претворением в жизнь сталинской идеи о единстве науки и практики?

Все замечательные открытия и достижения мичуринской науки, и ее упорная и принципиальнейшая борьба за победу материалистического естествознания, и блестящее развитие учений Мичурина и Вильямса, сливающихся в едином потоке материалистической биологии, и новое, диалектическое разрешение центрального вопроса теоретической биологии — вопроса о видообразовании, — все это озарено руководящими идеями товарища Сталина.

В августе сорок девятого года Лысенко беседовал с преподавателями биологии, приехавшими из Киева. Мне довелось быть на этой беседе.

Академик говорил о том, что внутривидовой конкуренции в природе нет, рассказывал, как твердая яровая 28-хромосомная пшеница становится мягкой озимой 42-хромосомной — и переходов между ними нет. Речь шла о видообразовании, о сложнейших вопросах теории.

Учителя слушали со вниманием и в то же время с некоторым недоверием. Здесь были девушки, только что окончившие вуз. Их учили в институте другому. Здесь были уже седые, опытные педагоги. И всю долгую жизнь они сами объясняли школьникам превращение видов совсем не так.

— Этой глубокой теорией — проблемой вида, вопросом о внутривидовых отношениях я занимаюсь не просто из любознательности, — говорил педагогам академик, — не просто из любви к теоретизированию. Это необходимо, чтобы правильно решить сугубо практические задачи. Как бороться с сорняками, как подбирать смеси трав, чтобы успешнее внедрять травопольную систему, как быстрее и лучше разводить леса в степных районах, чтобы еще успешнее народ мог осуществлять великий Сталинский план преобразования природы...

В самый разгар беседы Лысенко принесли телеграмму из Ленинакана. Он распечатал и прочитал:

— «В Ахурянском, Иджеванском районах засоренность рожью озимых пшениц до 25 процентов. Встречаются колосья ржи, содержащие типичные зерна пшеницы. В Иджеванском районе случаи перехода твердой пшеницы в мягкую вынуждают один раз в три-четыре года производить обмен семян путем завоза из Азербайджана. При осмотре посевов в колосьях твердой пшеницы «апуликум» обнаружены зерна мягкой пшеницы. Разрешите задержаться до десятого августа для изучения посевов Сезанского бассейна. Карапетян».

— Николай Наумович, телеграфируйте, чтобы он обязательно привез с собой колосья, — сказал своему помощнику Лысенко и обратился ко мне:

— Вы спрашивали, нет ли еще примеров? Вот вам! Твердая превращается в мягкую — раз! В колосе мягкой появляется зерно ржи — два! Скоро будут и другие примеры. Все это, конечно, было и раньше. Но всего этого не видели, пока на глазах были шоры плоского эволюционизма, — и все это понятно только с позиций Сталинской диалектики!

Через несколько дней пришла телеграмма от известного селекционера Громачевского из Закатал: «Получено сообщение Гарова — найдено одно зерно ржи в колосе мягкой пшеницы».

О таких же своих находках в Нагорном Карабахе телеграфировал и М. Якубцинер.

К осени число таких находок в Грузии, Армении, Азербайджане превысило сотню. Научное предвидение оказалось точным.

Есть ли большее доказательство правильности теории!

Но теперь новые трудные, еще не разрешенные задачи вставали перед биологической наукой. Сколько старых решений надо пересмотреть, сколько еще необъясненного и не укладывающегося в схемы.

Впрочем, так всегда и бывает: настоящее большое открытие — не конец, а начало новых работ. Оно не только заставляет отказаться от устаревших мнений, теорий — оно заставляет искать новые решения того, что раньше казалось общеизвестным, по-новому освещая уже известные факты. Оно требует все новых и новых фактов и рождает дальнейшие открытия.

Как богата природа, сколько еще нужно познать! И как хорошо сказал Ленин: «.. для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны»¹.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XIII, стр. 105.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

Борис Агапов. Сила нравственного идеала большевиков. — Полковник Н. Денисов. Герой сталинских маршрутов. — Ярослав Смеляков. Дорога к счастью. — Полковник М. Толченев. Книга, разоблачающая поджигателей войны.

Литература и искусство

Сила нравственного идеала большевиков

Этот роман принадлежит к тем произведениям, которые рождаются от фактов жизни, от практики трудящихся людей, от горячей любви советского человека к своему отечеству. Книга А. Волошина формировалась в общежитиях рабочих, на стахановских слетах, в штреках и лавах. Она подобна керну, который вынут из глубин земли и сам состоит из элементов этой земли.

Но в отличие от керна этот роман вынут из областей, полных света, хотя и подземных. Недаром в нем один из героев называет шахтеров светоносцами. Светятся в романе души людей. Великая сила человечности торжествует в рабочем классе, чистота побуждений, благородство определяют отношение людей друг к другу. «Земля Кузнецкая» — книга о чистых людях, рожденных и воспитанных социализмом.

С большой любовью к своим героям ведет повествование автор. Чувство единой семьи, единого дружного коллектива заполняет всех участников романа. Это чувство поддерживает их, в нем они черпают силу для своей вдохновенной работы.

Как только инженер Рогов попадает на шахту, читатель сразу входит вместе с ним в этот шахтерский мир, который становится ему близким и знакомым.

«...Был час дневного наряда. Из верхних окон на цементный пол раскомандированного зала падали косые солнечные лучи. В них клубились мириады золотых пылинок.

Александр Волошин. «Земля Кузнецкая». Журнал «Сибирские огни» №№ 1, 2, 3 за 1949 год.

Говор сотен голосов, приглушенный смех, обрывки торопливых фраз — все сливалось в сплошной гул, и множество шахтеров отчетливо ощущалось как одна большая работающая семья. От всего этого убыстрялось дыханье, шагало шире...»

И люди романа шагают широко. Не только инженер Рогов, для которого нет жизни без стремительного движения вперед, но и все возле него.

Вопреки старым литературным традициям, в романе почти нет отрицательных персонажей. Автор устраняет их в первых частях книги (Дробот, Очередько), оставляя до конца только инженера Стародубцева, но почти не занимаясь им. И несмотря на такое «обилие положительных персонажей», роман отнюдь не слащав, совершенно лишен всякой лакировки и, что особенно важно, не оставляет читателя равнодушным до последней строки.

Радостно, интересно читать о самоотверженных и добрых людях и их благородных поступках!

Вот бригада Черепанова, состоящая из молодых ребят, вызывает на соревнование опытного шахтера, и этот шахтер сурово, но отечески учит «косопалых стригунков», как его победить. Вот Черепанов приходит в лаву своего постоянного, еще с детства соперника Савостьянова и налаживает там работу. Вот нежная и чистая любовь Аннушки и Николая, вот зарождающиеся светлой любви Черепанова к Шуре, вот преданность Данилова Тоне.

Однако вовсе не легко идет жизнь у всех этих людей.

Как трагична судьба любви между Даниловым и Тоней! Как тяжело переживает разлуку с любимой Рогов! Как трудно работать ему, когда неумолкающий шум контузии терзает его голову!..

А разве не страшные часы проводит Дубинцев после обвала в лаве — эпизод, написанный с настоящим вдохновением! Какие мучительные чувства потрясли в эти часы не только Аннушку, но и Рогова и всех товарищей Николая!

Или разве не тяжелый конфликт возник между отцом и сыном Вошинными, когда молодой шахтер пренебрег советами отца, позабыл об опыте стариков и, отдавшись порыву молодости, вызвал аварию в шахте?

Нет, много трудного в жизни советских людей, борцов и новаторов, однако среди этих трудностей все меньше становится таких, которые зависят от злой воли, происходят от личных, стяжательских стремлений. Эти явления уже не могут быть двигателями биографий, как в мире капитализма. Стяжатели, мошенники, подлецы, карьеристы перестают интересовать многих наших писателей. Ибо факт первостепенного значения вступает в силу и отодвигает на задний план остатки тяжкого эгоистического прошлого. Этот факт — приближение коммунизма, и его-то и хочет показать автор «Земли Кузнецкой».

С приближением коммунизма зреет новое мироощущение, мировоззрение широчайших масс людей, и в этом созревании коммунистического сознания великую роль играет новое чувство чести. Оно воспитывалось в боях гражданской войны, в трудностях пятилеток, в партийной работе на протяжении тридцати лет Революции. Но особенно обострилось и окрепло чувство советской чести за годы Великой Отечественной войны. Рогов, Данилов, Тоня — люди, воспитанные войной. От военных лет в их сердца вошла целеустремленность, стальная твердость в движении к цели, самоотверженность, преданность долгу.

Данилов говорит Рогову, что напрасно тот не поберегся, потому его и контузило. Рогов отвечает:

— Нельзя было! До Зееловских высот оставалось километра полтора, а от этих высот до Берлина — рукой подать...

Так Рогов действует и на шахте. Он, как командир в бою, видит уже близкой, уже

захваченной очередную высоту и тем яростнее стремится к ней.

Свет героизма военных лет — достояние всего народа. Рогов поднимает бригаду Черепанова на героическую работу, рассказав о своем друге — герое войны.

Этически обостренный, весь направленный к коммунистическому сознанию, роман А. Волошина представляет собою значительное произведение литературы нашего послевоенного времени, правильно отображает новых людей социалистического общества. В этом его основная ценность.

В книге А. Волошина горячо и правдиво показано то, что составляет содержание жизни наших советских людей — творческий труд. Этот труд прекрасен тем, что он направлен к благу всего народа. О благе всего народа думают те, кто добывает под землей уголь, кто создает новые машины, кто организует по-новому всю угледобычу. Освещенный высокой целью, этот труд становится полным значения, интереса, увлекательности. Он зажигает и героев романа и тех, кто читает о них. Он делает книгу волнующей, динамичной.

Препятствия, которые встают на пути смелых и умных новаторов, — это сопротивление природы, косность и непонимание отстающих, не зависящие от людей обстоятельства жизни вроде болезней, вынужденных разлук, несчастных случайностей, наконец внутренние конфликты любви, которые тем сильнее, чем сильнее натура человека. Со всем этим вступает в спор человеческая воля, человеческий разум, вера советских людей в справедливость общественного строя и свои собственные силы.

Написанный стремительным пером, которое часто рвет бумагу или заливают строки чернилами, а то вдруг и лишается этих чернил на многие страницы, так что образы героев становятся подчас еле различимы, — этот роман столь же нов, сколь и молод. Иногда кажется, будто у автора не нашлось либо времени, либо терпения оглянуться на рассказанное, пронизать его критическим лучом, отбросить черновики, замешавшийся в гущу законченного, наконец привести к концу незавершенные начала, найти нити, оборванные или заплетенные неверно.

Чем решился конфликт между Роговым и Бондарчуком, возникший из-за увеличения плана? Почему он возник? Как мог

новатор Рогов отринуть путь к новому, предлагаемый партгоргом? Все это неясно ни для автора, ни, тем более, для читателя.

Что происходит между Роговым и Валецкой? Почему их отношения столь неясны и безвыходны?

Кто такая эта Валецкая, чем отличается она от Гали Воиной и как они обе отличаются от Тони? Неужели только Аннушке выпало во всем романе быть ярким женским образом?

Часто сетует читатель и на то, что автор, столь точно и тонко знающий шахту и шахтеров, обидно мало дает увидеть мир подземного труда, зрительно представить и обстановку и самих героев. Чрезмерно уж скуп на краски А. Волошин, как будто кто-то убедил его, что о трудовых людях надо писать сурово и жестко. Это — ошибка, и автору в дальнейшей работе над романом следует дать больше свободы своему живописному дару.

Однако все эти ошибки и недорисованные черты можно поправить и дорисовать. Главная суть произведения остается — мо-

ральная красота людей, в нем изображенных.

Народ Советского Союза может гордиться нравственной высотой своей, созданной поколениями борцов за правду, и трижды права литература, утверждающая за народом эту нравственную высоту.

Мы гордимся небывалыми съемами стали, гордимся превышением всех рекордов урожайности, высотой полетов, глубиной шахт... но пуше всего имеем право на гордость, когда сравним людей нашего Союза с теми, кого противопоставляет им мир капитализма. Когда устами своих представителей говорит с народами земного шара мир будущего, мир коммунизма — мы знаем: сила этих речей — сила нравственного идеала большевиков.

Роман А. Волошина показывает миру тех, от чьего имени говорят делегаты советской страны с трибун международных собраний, чье существование приводит в бешенство черчиллеобразных обезьян капитализма и чье творчество вдохновляет к борьбе истинных демократов во всем мире.

Борис АГАПОВ.

★

Герой сталинских маршрутов

Нынешним летом, уходя с Тушинского аэродрома после красочного воздушного парада в честь Дня Сталинской авиации, москвичи уносили с собой томик только что вышедшей из печати книги Н. Боброва «Чкалов». В память о славных подвигах народного героя советские люди назвали его именем города, поселки, заводы, фабрики, училища, корабли, улицы. В дни Великой Отечественной войны имя богатыря Сталинской авиации, начертанное на броне грозных танков и фюзеляжах краснозвездных самолетов, вдохновляло советских воинов, призывало к борьбе с врагом. Цель своей жизни Чкалов видел в неутомимой борьбе за достойное решение задачи, поставленной советским народом перед своим Воздушным Флотом, — летать выше, дальше, быстрее всех.

Любовь советских людей к Чкалову объясняет то внимание, с которым была встречена новая книга Н. Боброва. Писатель давно трудится над избранной им благородной

и важной темой. Первые издания его книги вышли в свет в самом непродолжительном времени после гибели Чкалова в декабре 1938 года.

Достаточно ли полно сумел обрисовать писатель образ одного из самых крупных людей нашей авиации, раскрыть его большевистское новаторство, ввести читателя в творческую лабораторию Чкалова? Эти и многие другие вопросы взволнованно обсуждались недавно в Центральном Доме авиации имени М. В. Фрунзе. Сюда, для серьезного товарищеского разговора о последнем издании книги Н. Боброва, пришли летчики, штурманы, журналисты, авиационные инженеры, близкие и знакомые Чкалова, представители авиационной общестственности. Много ценных замечаний было сделано здесь и членом экипажа легендарной чкаловской машины «АНТ-25» Героем Советского Союза Г. Байдуковым, и инженер-полковником К. Гранкиным, в свое время работавшим бортмехаником на самолете Чкалова, и известным полярным летчиком Б. Чухновским, и женой Героя

Николай Бобров. «Чкалов». «Советский писатель», 1949.

О. Чкаловой, майором Е. Дыриным, полковником А. Кравченко, директором музея В. П. Чкалова — Е. Боевым и многими другими.

Отнюдь не умаляя известных достоинств труда Н. Боброва, большинство выступавших довольно подробно говорило о некоторых принципиальных ошибках в трактовке образа Чкалова и о досадных пробелах, допущенных автором при описании ранних лет жизни летчика. И это действительно так. На страницах книги детство и юношество Чкалова показано односторонне. Приводя только внешне эффектные эпизоды, автор недостаточно полно раскрыл подлинный образ Чкалова-подростка: смышленного, вдумчивого, любознательного. Эпизоды книги, связанные с пребыванием Чкалова в авиационном училище, плохо показывают главные, важнейшие качества его, как курсанта. А между тем вот перед нами аттестация тех времен. В ней написано: «Чкалов являет пример осмысленного и внимательного летчика, который при прохождении летной программы был осмотрителен, дисциплинирован...»

Известно, сколько легенд сложилось вокруг смелых полетов Чкалова, когда он, проходя службу в строевой части, «петлил» над Ленинградом, пролетал под аркой Троицкого моста, выполнял рискованные полеты над Финским заливом. Автор, к сожалению, не сумел и в последнем издании книги более правильно оценить эти эпизоды, решительно преодолеть когда-то навязанное нам ошибочное представление о молодом летчике Чкалове, как летчике-«лихаче», убедительно развеять, наконец, этот миф. Если вдумчиво вникнуть в этот период жизни Чкалова, можно установить, что все его «трюкачество» имело под собой твердую и прочную основу. И основа эта — подлинное новаторство, поиски скрытых резервов, новых качеств машины — и той, на которой летал Чкалов, и той, которая по его убеждению во что бы то ни стало должна была быть создана для советского летчика, готовящегося к защите своей Родины. Об этом говоря, и дневники Чкалова, и его переписка с близкими, и воспоминания сослуживцев по эскадрилье.

Нельзя не согласиться с метким замечанием одного из летчиков-истребителей о том, что ранние искания Чкалова не сразу были поняты всеми, что консервативные лю-

ди видели в них только вред. Надо добавить, что на заре летной жизни Чкалова его творчеству немало мешали и враги, пробравшиеся в нашу авиацию. Эти люди всячески травили Чкалова, чернили его творческие поиски. Характеризуя Чкалова, как летчика низкой дисциплины, они добивались отстранения его от работы в Воздушном Флоте.

Не удивительно, что в такой обстановке энергия, бурлившая в одареннейшем летчике, не всегда находила себе нужное русло. Но большевистская партия направила ее на верный путь. Любовно и внимательно выращивая молодое, новое, она воспитала Чкалова таким, каким впоследствии знала его вся наша страна, весь мир. И нельзя было без волнения слышать, как генерал Г. Байдуков — второй пилот легендарного самолета «Сталинских маршрутов», делясь своими замечаниями о книге, проникновенно рассказывал, как много заботились коммунисты о судьбе Чкалова, как рядовые большевики, работавшие с ним на испытательном аэродроме, старались поддерживать талантливого летчика в его исканиях. Приходится только сожалеть, что у автора не нашлось достаточного количества средств и красок, чтобы в полную силу показать это могучее влияние коллектива советских людей, партийной организации на Чкалова.

Он рос и мужал в труде летчика-испытателя. Какое широкое поле деятельности для исследователя представляет собою эта пора жизни Чкалова! Как много нового, важного, еще не раскрытого до конца могли бы подсказать писателю документальные материалы о совместной работе Чкалова с авиационными конструкторами, отчеты о его полетах на только что созданных машинах, акты их испытаний, его меткие и глубокие замечания о самолетах, рождающихся на заводе! Нельзя забывать, что Чкалов дорог нашему Воздушному Флоту еще и как виднейший создатель советской школы летно-испытательной службы, как пилот, подходивший к своему труду с государственной точки зрения.

Огромным событием для Чкалова была его первая встреча с товарищем Сталиным в мае 1935 года. Автору удалось содержательно рассказать и об этой знаменательной встрече, и о тех чувствах, которые возбудила она в летчике.

Мы знаем, что сталинская забота и внимание укрепили в Чкалове его лучшие качества, раскрыли перед ним новые, еще не изведенные маршруты, по которым должен был пойти наш Воздушный Флот и на которых флагманским самолетом доверено было быть самолету Чкалова.

«Он — наш отец, — с любовью говорил Чкалов о товарище Сталине. — Он нас учит, воспитывает, как дорогих сердцу детей, предупреждает от рискованных шагов, наставляет на верный путь, радуется успехам нашим, и мы, советские пилоты, каждодневно чувствуем на себе любящие, внимательные, отеческие его глаза».

Чкалову много раз посчастливилось встречаться с товарищем Сталиным, беседовать с ним. Это окрыляло летчика, вдохновляло его на новые подвиги во славу любимой Родины. Товарищ Сталин отечески учил Чкалова, а вместе с ним и всех советских летчиков, величайшей выдержке и дисциплинированности. Когда Правительством решался вопрос об одном из перелетов экипажа Чкалова, товарищ Сталин специально потребовал обязать экипаж прекратить полет, если на маршруте создастся обстановка, грозящая успеху дальнейших действий. Товарищ Сталин учил Чкалова, а с ним и всех советских авиаторов, никогда не унывать при неудачах. «Если не выходит, надо второй раз попытаться, — говорил он Чкалову. — Если прямо нельзя взять, надо со стороны обойти — этому нас, большевиков, еще Ленин учил». Товарищ Сталин указывал Чкалову и всем советским летчикам на необходимость повседневно выращивать молодые авиационные кадры. «Вам нужно, — говорил Чкалову товарищ Сталин, — передавать молодежи свой опыт и искусство». Товарищ Сталин призывал Чкалова, а с ним и всех воинов Воздушного Флота, к новым подвигам во славу советского народа. «Я за людей, — говорил товарищ Сталин, отвечая Чкалову, — которые хотят жить; жить как можно дольше, бороться во всех областях, разить врагов и побеждать»¹.

Правы те читатели, которые хотели бы увидеть в книге о Чкалове больше ярких эпизодов, характеризующих, как великий

¹ А. Орди н. Великий летчик нашего времени Валерий Павлович Чкалов. Изд. «Правда», 1949, стр. 15, 22, 18.

летчик нашего времени живо воспринимал указания вождя, с какой страстностью передавал он их всем советским авиаторам.

— Советские люди хотят знать больше о своем Чкалове, — говорили многие из участников обсуждения книги.

Автор получил много ценных советов, касающихся и отдельных эпизодов и самой структуры его работы. Ему следовало лучше показать тесную связь жизни Чкалова со всей историей становления нашего Воздушного Флота. Необходимо было более ярко выразить само существо творческих исканий Чкалова и, если можно так выразиться, научно подойти к его вкладу в борьбу за высокое летное мастерство, отчетливо показать чкаловские находки в высшем пилотаже, в тактике воздушного боя. Следовало бы точнее передать не только внешнюю сторону полетов, но и переживания летчика в воздухе. В книге следует гораздо полнее и ярче рассказать и о роли чкаловских традиций, приумноженных советскими летчиками в воздушных сражениях Великой Отечественной войны и свято хранимых теперь, в наши дни, когда отечественный Воздушный Флот вплотную подошел к тем скоростям полета, о которых мечтал Чкалов. Больше подробностей, живых человеческих черточек хотят узнать советские люди и о Чкалове — депутате Верховного Совета СССР, Чкалове — партийном работнике, члене Горьковского обкома и горкома ВКП(б). Надо решительно отсеять все ненужное, наносное, что только затемняет светлый образ великого советского летчика, показать его именно таким, каким знает его советский народ, каким воспитала его наша партия, наш Сталин.

Высокие требования предъявили автору читатели, собравшиеся в Доме авиации. Страстность, деловитость и принципиальность, пронизывавшие большой товарищеский разговор о книге Н. Боброва, показывают, как горячо хочет наша авиационная общественность помочь писателю лучше, полнее нарисовать облик богатыря советского неба, как она стремится вместе с автором донести до советских людей каждую крупницу того чкаловского, что является предметом законной гордости нашего народа.

Полковник Н. ДЕНИСОВ.

Дорога к счастью

Уже пятнадцать лет Александр Коваленков пишет стихи о родной земле. Но если прежде, в первые годы, в его лирических стихах безраздельно царствовал лишь подмосковный или новгородский пейзаж — хвоя, орешник, кувшинки, полевые цветы, — то теперь любовь поэта к своей земле наполнилась политическим содержанием, приобрела социальный смысл, наиболее четко выраженный в заключительной строфе стихотворения «Клятва»:

Вражеской черной грохочущей стали
не уступлю даже горсти земли,
той драгоценной, где Ленин и Сталин
в наши сердца безраздельно вошли.

Не следует думать, что этот благотворный процесс идейного наполнения творчества поэта шел без толчков и срывов. Среди военных стихов А. Коваленкова есть написанное в 1943 году «Счастье». Автор говорит:

«Счастье казалось мне жар-птицей ручной,
прохладой речной, тропинкой, где
встретились двое» (прислушайтесь к признанию поэта, читатель, обратите внимание на эпитет «ручной» — и вы поймете, как представлял себе поэт счастье раньше: даже не той жар-птицей, за которой надо охотиться, а уже пойманной, уже прирученной).

Но это лишь начало стихотворения, нужно затем, чтобы утвердить новое понимание счастья:

Оно не цветок,
а из фляги глоток,
воздух махорочный, едкий,
землянка,
где снова собрались в кружок
друзья
после трудной разведки.
Оно не цветок,
а взведенный курок...

Так на великой войне, среди болот и валунов Карельского фронта поэт завоевал новое понимание счастья.

Счастье, конечно, не цветок. Но вель под словом «цветок» у А. Коваленкова скрывается гораздо большее; цветок здесь символизирует прохладу леса, вечернее течение реки, солнце, просквозившее полянку, чистый березняк и звездное небо. Зачем

А. Коваленков. «Семь холмов». «Московский рабочий», 1949.

же из нашего понимания счастья исключать дорогую нам русскую природу?

И со временем жизнь объясняет поэту его ошибку. Появляются новые строки, новые зрелые стихотворения, воплощающие и большую красоту земли и мужественную красоту советского человека, в неустанном труде преобразующего и украшающего ее — свою землю.

Стихотворение «Земля» начинается так:

Кольшется на взгорьях лен
с такой голубизною,
что нет сомнений: был влюблен
здесь тракторист весною.

Строки эти хороши и радостны вдвойне: и мыслью о том, что красота поля зависит от человека, и мастерством, с которым они написаны.

Или возьмем стихотворение «Стремнина» — о Ленинградском шоссе. Оно написано точно и экономно, оно стремительно летит вперед и заканчивается строкою движения: «Дай, водитель, полный газ!»

А. Коваленков насытил это стихотворение быстротой и скоростью: «ночной троллейбус хлябь бьет резиною сердито»; «ветра свежего стезя, дальнорорких глаз отрада»; «твой собрат аэродром, стадион тебе соседом»; но не бесцельной скоростью и не азартом быстроты, а движением нашего времени. «По тебе не тормозя мчаться в будущее надо»; «им известен путь к победам, пафос скорости знаком»; «наших празднеств ликованье, нашей молодости след» — вот строки, определяющие ценность этого отличного стихотворения, не уступающего коваленковскому «Снегирию», получившему год назад премию «Огонька».

Лирические стихи А. Коваленкова написаны на хорошем литературном уровне: у автора их верный вкус, точный глаз, правильное ощущение языка. Вы не найдете в книге «Семь холмов» неуклюжих выражений, претенциозных рифм, ошибочных эпитетов. А. Коваленков работает требовательно по отношению к себе и без спешки. Он вышел на правильную дорогу и уверенно идет по ней: от отдельного пейзажа к описанию всей Родины, от альбомной лирики к массовой песне.

Ярослав СМЕЛЯКОВ.

Книга, разоблачающая поджигателей войны

Буржуазные фальсификаторы истории едят хлеб не даром. Реакционные литераторы, историки и философы США и маршаллизованных стран Европы тщательно скрывают от народов правдивую историю происхождения второй мировой войны и роль, которую играли в ее разжигании верные оруженосцы монополий — люди, которые и теперь занимают командные посты в политике.

Роман «Поджигатели» разоблачает американских империалистов и их западноевропейских подголосков, которые под прикрытием дымовой завесы космополитизма создают агрессивные союзы (Западный, Северо-атлантический и т. п.), направленные против Советского Союза и стран народной демократии.

Идеяка «единства западного духа», «западной духовной империи» пришла на смену расистским бредням Геббельса и Розенберга. Сейчас такие духовные недоноски, как Мейнеке, Юнгер, Вебер и другие немецкие проповедники «западного единства», стоят навтыжку перед англоамериканскими идеологическими «боссами» вроде Кульбертсона, Комптона и прочими, откровенно заявляющими о том, что органы «западного единства» должны быть по существу не чем иным, как европейским провинциальным управлением мировой американской державы. Как видим, от замены терминов: «раса» на «дух», «господство» на «единство» существо дела не изменилось. Поэтому слово правды о том, что произошло в недавнем прошлом на международной арене, облеченное в художественную форму, — это могучее средство в арсенале борцов за дело мира, против поджигателей новой войны.

Содержание книги как нельзя более точно определяется ее заглавием «Поджигатели». Роман является беллетризованной иллюстрацией событий, свидетелями которых мы являлись. Автор показывает читателю предвоенную Европу — от захвата фашистами власти в Германии до вторжения гитлеровцев в Чехословакию. Это, так сказать, историческое ядро романа. Оформление, в виде пространного пролога и столь же широкого эпилога, переносит читателя в сегодняшний день.

Н. Шпанов. «Поджигатели». «Молодая гвардия», 1949.

Мы менее всего склонны делать какие-либо скидки на «современность» темы. Но вместе с тем нельзя не заметить серьезных трудностей, с которыми неизбежно сталкивается писатель, когда он берется за перо, чтобы воплотить в художественных образах только что пережитые человечеством драматические события. Н. Шпанов создал правдивые, запоминающиеся портреты представителей капиталистического мира и противостоящих им борцов за дело демократии, показал увлекательно, с политической страстностью борьбу сил демократии и прогресса против темных сил реакции и фашизма.

Со страниц первой главы на читателя глядят звериные лики Джона Ванденгейма Третьего и его пособника Долласа. Они едут в предгитлеровскую Германию, чтобы проверить, как расходуются миллиарды долларов, отпущенные магнатами Уолл-стрита немецким монополистам. Американских заимодавцев не устраивает социал-соглашательская Веймарская республика: они стремятся быстрее возродить германский милитаризм, они хотят иметь надежные гарантии того, что германская агрессия будет направлена в нужную им сторону — на Восток, где развивается и крепнет Советское государство. По поручению своих единомышленников Ванденгейм должен помочь немецким стальным и химическим королям установить в Германии власть «твердой руки». Американские поджигатели войны не возражают против кандидатуры в диктаторы Германии рейхсверовского шпика из бывших ефрейторов — Адольфа Гитлера.

Перед нами проходит галерея отвратительных гангстеров, которым международная реакция поручила навести «твердый порядок» в Германии, — гитлеровская клика.

Автор настойчиво напоминает, что в отличие от гитлеровской есть другая, демократическая, борющаяся Германия. Посмотрите, говорит он, на высоту духа, которую проявляет в заключении Эрнст Тельман, посмотрите на партийное подполье — и вы поймете, что в Германии есть коммунисты. Посмотрите на простых людей — шофера Лемке и полотера Бойса — и вы убедитесь в том, что дух народа, его веру в свободу и право на лучшую жизнь не может убить

даже такая свирепая диктатура капитализма, как фашизм.

Олицетворением сложной и болезненной эволюции широких слоев немецкой интеллигенции является в романе инженер Эгон Шверер. От пассивного пособничества фашизму своими военными изобретениями он приходит, наконец, к пониманию истины и еще робко, неуверенно протягивает руку коммунисту Зинну, ставшему для него политическим наставником.

Отправной точкой трактовки германского вопроса, занимающего в романе большое место, для Н. Шпанова являются исторические слова товарища И. В. Сталина о том, что «было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается»¹, что «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»².

Во вступлении к роману и в его конце Н. Шпанов подчеркивает как характернейшую черту советского человека его высокий гуманизм. Автор как бы смотрит на события глазами рядового советского человека, простого русского солдата-сибиряка, прошедшего весь страдный путь от Волги до Берлина. На второй день после падения Берлина Солдат всходит на развалины рейхстага и, глядя вдаль, видит «...все могилы, через которые пришлось ему перешагнуть, чтобы прийти сюда, к этим закопченным камням; все сожженные советские города и села, скорбным дымом которых пропахла его гимнастерка; родную Москву с Кремлем и мавзолеем... Солдат глядел и видел гордо высящуюся на волжском откосе твердыню Сталинграда, и овеянный духом Ленина его град на Неве, и обожженную солнцем матросскую кровь на священных камнях Севастополя..»

Внизу, под остатками портала, он поднял зазубренный осколок снаряда и стал писать по густо закопченному камню колонны: «Развалинами Берлина удовлетворен».

Но вот проходит три года, и по дороге на родину Солдат снова подошел к тем же развалинам рейхстага: «...и среди тыся-

чи полустертых надписей на его фронте он поискал свою...

— Теперь я написал бы: «Живи счастливо», но того, что написал тогда, не сотру — такого справедливость!»

Много внимания уделено автором событиям в Испании. В книге показана героическая борьба испанского народа против банды Франко, закулисные интриги правящих кругов Англии, стремившихся подавить освободительное движение испанского народа, предательская роль французских правых социалистов во главе с Блюмом — одним из главных виновников временной победы франкистов над демократическими силами Испании, Блюмом, который и сейчас подвизается на политической арене маршаллизованной Франции. Автор обнажает нити, связывающие Геринга с Интеллидженс Сервис, показывает роль британской разведки в организации генеральского мятежа в Испании.

Но Испания тех дней — это не только средоточие темных сил мировой реакции, помогающих укрепить кровавый режим Франко. Влекомые лучшими побуждениями, туда устремились посланцы всего прогрессивного человечества. Озаренные светом идей Ленина — Сталина, рука об руку с испанскими демократами, беззаветно сражались за испанскую республику бойцы интернациональных бригад. Запоминается образ командира интербригады генерала Тибора Матрай — венгерского патриота-коммуниста, спасшегося в Советском Союзе от террора Хорти и по первому звуку боевой трубы испанской революции устремившегося за Пиренеи.

Большая и едва ли не самая политически заостренная часть романа посвящена захвату гитлеровцами Чехословакии, подготовленному усилиями мюнхенцев. Автор показал чешский народ, не желавший склонить голову ни перед угрозами Геринга, ни перед подлейшим шантажом Чемберлена, Даладье, ни перед диверсиями и провокациями англо-американо-немецких разведчиков. Эти страницы книги — правдивый рассказ о гнусном мюнхенском сговоре империалистов.

С большим интересом читается глава, где описывается сцена напутствия британского тайного агента Роу, отправляемого руководителем Интеллидженс Сервис в СССР. Его посылают в качестве фиктивного участника делегации в московских

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 46.

² Там же, стр. 3.

переговорах в марте-мае 1939 года, а в действительности для организации в Советском Союзе английской шпионской сети.

Роман «Поджигатели» — остро сюжетен. Нам кажется, что это органический признак жанра разоблачительного политического романа. Ведь основой тайной подрывной деятельности империалистов является их широко разветвленная разведка. Для своих грязных целей они имеют полчища профессиональных убийц, диверсантов, шпионов, политических ренегатов и двурушников в литературе, искусстве, науке. Официальная дипломатия капиталистических государств служит кулисами для тех же разведывательных органов. Больше десяти лет назад товарищ Сталин говорил: «Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?»¹.

Следовательно, мы должны не только прислушиваться к подрывным речам англо-американских поджигателей войны и звериному вою их продажной печати, но и внимательно следить за руками таких политических разбойников, как братья Даллес, Буллит и им подобные, стараться различить в тумане тайны, которой окутывается деятельность разведок, темные фигуры секретных агентов. Они не выступают с речами и широковещательными программами, но именно они являются теми пружинами, которые приводятся в действие при подготовке к военному нападению. Об этом и напоминает нам роман «Поджигатели».

Книга Н. Шпановз показывает, что идея мира овладела народами и стала материальной силой, которую не могут преодолеть поджигатели новой войны. Один из главарей Уолл-стрита Джон Ванденгейм в припадке откровенности, а может быть и отчаяния говорит в романе международному шпиону Фостеру Долласу:

«За каким чортом вы мне тут втираете очки этой атомной бомбой, как будто я избиратель, которого нужно уверить, что ему больше никогда не придется посылать своего сына на войну, что мы поднесем ему победу на блюдечке, если он проголосует за нас... Вы бы сделали лучше,

если бы дали себе труд подумать: как мы будем вербовать солдат, на какого червяка мы выудим несколько миллионов дурней, которые ползут в огонь, чтобы таскать для нас каштаны».

Роман «Поджигатели» не свободен от недостатков. К их числу относится прежде всего то, что автор прервал действие исторической части на событиях в Чехословакии. Не может быть спора о политической важности мюнхенского периода. Но хотелось бы видеть в книге события, более близкие к тому периоду, который определил ход истории на последующее время, — к коварному нападению гитлеровцев на СССР и разгрому их полчищ на советско-германском фронте. События от «московских переговоров» до начала Великой Отечественной войны очень характерны для темы романа. Все это — неотрывные части единой темы разоблачения поджигателей войны. Однако не менее, разумеется, важны и интересны события, разыгравшиеся за кулисами фронта в 1941—1945 гг., и, наконец, то, что происходит в империалистическом лагере сейчас, после войны.

Недостатком романа является также и то, что, рассматривая события в широком, мы бы сказали, мировом плане, автор игнорирует Азию. Те две главы, которые посвящены пребыванию генерала Шверера в Китае на службе у Чан Кай-ши, ни в какой мере не исчерпывают огромного международного значения, какое имели и имеют события на Дальнем Востоке. Туда направлены теперь взгляды всего человечества, внимательно наблюдающего за победной, величественной борьбой молодой Народной республики Китая против темных сил реакции, за гнусными попытками американских империалистов превратить Японию в свою колонию и военный плацдарм, за ростом и укреплением национально-освободительных сил в Индонезии, Вьетнаме, Бирме, Малайе и т. д.

Местами публицистические рассуждения автора, необходимые для понимания событий того времени, не связаны с непосредственными действиями его героев. Включение в международный роман больших публицистических отступлений вполне закономерно и целесообразно, но совершенно ясно, что такой прием оправдан лишь в том случае, если материал, используемый автором, органично вплетен в сюжетную ткань романа.

¹ И. Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат, 1937, стр. 12—13

Одним из серьезных недостатков романа является схематизм ряда выведенных в нем персонажей, как, например, адвоката Трейчке, играющего существенную роль в развитии событий. Некоторые герои романа (например, генерал Гаусс и др.) уходят, так и не сказав своего «последнего» слова. Читатель должен знать судьбу каждого из героев, ясно представлять себе завершение каждого образа. Недостатки раскрытия характеров героев в романе Н. Шпанова находятся в прямой связи с излишним увлечением автора авантурными эпизодами. Кстати говоря, само обилие действующих лиц (быть может, при огромном масштабе исторических событий, охваченных автором, его трудно было избежать) нельзя отнести к числу достоинств романа.

В романе Н. Шпанова встречается много различных терминов. Еще больше в нем имен политических деятелей, часть которых забыта читателями, а часть, может

быть, и неизвестна молодежи. Оставлять эти имена без пояснений нельзя. Поэтому ошибкой является отсутствие вспомогательного словаря. Такой словарь особенно необходим в книге, издаваемой «Молодой гвардией». Автор и редакторы книги заслуживают упрека и в том, что они не освободили текст романа от длиннот в ряде диалогов и довольно многочисленных языковых и стилистических погрешностей.

В заключение следует сказать, что при всех недостатках романа «Поджигатели» он неплохо служит делу, которое В. И. Ленин считал чрезвычайно важным, говоря: «Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...»¹.

Полковник М. ТОЛЧЕНОВ.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. XXVII, стр. 372.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Октябрь — ноябрь 1949 года

★

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Ажаев. Далеко от Москвы. Роман. 748 стр. Цена 16 р.

Сергей Алымов. Стихи и песни. 184 стр. Цена 5 р. 50 к.

Евг. Долматовский. Слово о завтрашнем дне. Книга стихов. 148 стр. Цена 5 р.

Иван Егоров. Третий эшелон. Роман. 376 стр. Цена 10 р. 50 к.

Николай Задорнов. Амур-батюшка. Книжки первая и вторая. 496 стр. Цена 13 р. 50 к.

Леонид Зайцев. Простор. Роман. 192 стр. Цена 6 р. 50 к.

Ф. Запорожский. Янки в Китае. 152 стр. Цена 3 р. 50 к.

В. Ильенков. Большая дорога. Роман. 348 стр. Цена 10 р.

Лахути. Избранное. 184 стр. Цена 6 р.

В. Лебедев-Кумач. Избранное. 280 стр. Цена 7 р. 50 к.

С. Маршак. Избранные стихи. 320 стр. Цена 7 р. 50 к.

Мирсаид Миршакар. Стихи и поэмы. Перевод с таджикского. 88 стр. Цена 4 р. 50 к.

Михаил Никулин. Жизнь впереди. Повести и рассказы. 292 стр. Цена 9 р.

Осетинские нартические сказания. Перевод в литературной обработке Ю. Либедицкого. 312 стр. Цена 11 р. 50 к.

Сердце Молдавии. Сборник. Стихи советских молдавских поэтов. 164 стр. Цена 6 р.

А. Гвардовский. Книга лирики. 1934—1949. 364 стр. Цена 10 р.

Николай Тихонов. Грузинская весна. Стихи 1948 года. 72 стр. Цена 2 р. 50 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

А. Безыменский. Избранное. 388 стр. Цена 12 р. 50 к.

Д. Д. Благой. Александр Радищев. 1749—1949. 64 стр. Цена 1 р.

Э. Вилде. Война в Махтра. Роман. Перевод с эстонского. 428 стр. Цена 8 р.

А. И. Герцен в русской критике. Сборник статей. 256 стр. Цена 5 р.

Гомер. Илиада. Перевод В. Вересаева. 552 стр. Цена 17 р.

Виктор Гюго. Отверженные. Роман. Том I. 780 стр. Цена 16 р. Том II. 572 стр. Цена 12 р.

В. А. Добровольский. Трое в серых шинелях. Повесть. 208 стр. Цена 5 р. 50 к.

С. Жеромский. Бездомные. Роман. Перевод с польского. 348 стр. Цена 6 р. 50 к.

Эмиль Золя. Карьера Ругонов. Перевод с французского. 368 стр. Цена 6 р.

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. 412 стр. Цена 7 р. 50 к.

И. Новиков. (Переводы) Русские героические повести. 176 стр. Цена 6 р. 50 к. Содержание: Слово о полку Игореве. Батый на Рязани. Задонщина. Про Маюя безбожного изустная сказка. Азовское сидение дожских казаков.

Н. А. Островский. Романы. Речи. Статьи. Письма. 640 стр. Цена 15 р.

Анна Саксе. В гору. Роман. Перевод с латышского. 440 стр. Цена 9 р.

Т. З. Семушкин. Алитет уходит в горы. Роман. Книга 1 и 2. 464 стр. Цена 8 р.

К. Симонов. Друзья и враги. Книга стихов. 56 стр. Цена 1 р.

Стендаль. Красное и черное. Хроника 1830 года. Перевод с французского. 560 стр. Цена 11 р.

Лоренс Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Перевод и примечания А. А. Франковского. 688 стр. Цена 11 р.

Мирзо Турсун-заде. Стихи об Индии. Перевод с таджикского. 72 стр. Цена 3 р. 25 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. 48 стр. Цена 25 к.

Комсомол — помощник ВКП(б) в годы послевоенного строительства. Выпуск IV (серия «В помощь изучающим Устав ВЛКСМ»), 40 стр. Цена 60 к.

Ленинско-Сталинский комсомол. Сборник. 162 стр. Цена 4 р. 50 к.

Опыт пропагандистов начальных политкружков. Сборник. 112 стр. Цена 1 р. 25 к.

Опыт пропагандистов политшкол. Сборник. 72 стр. Цена 85 к.

Слово о Горе. Благодать. 318 стр. Цена 12 р.

К. Федин. Первые радости. 282 стр. Цена 11 р.

А. Чаковский. Это было в Ленинграде. 472 стр. Цена 16 р.

Что читать комсомольскому пропагандисту. Указатель литературы. 48 стр. Цена 75 к.

Что читать слушателю комсомольского начального политекружка. Указатель литературы. 16 стр. Цена 25 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Н. Ашукин. Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина. 216 стр. Цена 9 р. 50 к.
Беседы об Уставе ВЛКСМ. 86 стр. Цена 1 р. 35 к.

Клавдия Желтова. Владимир Ворошин и его бригада. 58 стр. Цена 1 р. 35 к.

А. Захаров. Строитель метро Павел Ананков. 54 стр. Цена 1 р. 25 к.

С. Индурский. Сила большевистского слова. 112 стр. Цена 2 р.

Колхоз высоких урожаев. 120 стр. Цена 3 р. 25 к.

Федор Кравченко. Любимый город. 218 стр. Цена 5 р. 50 к.

П. Миرونв. Конькобежный спорт. 96 стр. Цена 1 р. 80 к.

На охоте. Сборник. 362 стр. Цена 20 р.

Партийно-политическая работа в ночных и вечерних сменах. Сборник. 42 стр. Цена 80 к.

Сельский агитколлектив. 74 стр. Цена 1 р. 50 к.

К. Семенов. О бдительности советских людей. 68 стр. Цена 1 р. 35 к.

М. Чернин и А. Карташов. Дорогое чувство. 168 стр. Цена 5 р. 50 к.

А. Юсов. Полвека у станка. 66 стр. Цена 1 р. 50 к.

ПРОФИЗДАТ

Второй пленум ВЦСПС. 28 стр. Цена 50 к.

В. Дегтярев. Моя жизнь. 160 стр. Цена 7 р. 50 к.

Б. Кудинов. Альпинистские лагеря. 132 стр. Цена 1 р. 50 к.

Ф. Поташников. Работа жилищно-бытовых комиссий ФЗМК. 121 стр. Цена 2 р. 60 к.

А. Чутких. Бригады отличного качества. 88 стр. Цена 1 р. 65 к.

ГОСПОЛИТЗДАТ

К. Маркс. Капитал. Том 1. 794 стр. Цена 20 р.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. 72 стр. Цена 1 р.

В. И. Ленин. Аграрный вопрос и «критика Маркса». 164 стр. Цена 2 р.

В. И. Ленин. Апрельские тезисы. 64 стр. Цена 1 р.

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. 128 стр. Цена 2 р.

В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. 144 стр. Цена 1 р. 75 к.

В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Военная программа пролетарской революции. 24 стр. Цена 40 к.

В. И. Ленин. Социализм и война. 52 стр. Цена 60 к.

В. И. Ленин. Три источника и три составные части марксизма. 16 стр. Цена 15 к.

В. И. Ленин. Что делать? 196 стр. Цена 3 р.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? 216 стр. Цена 3 р.

И. В. Сталин. Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии. 32 стр. Цена 35 к.

И. В. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. 32 стр. Цена 30 к.

И. В. Сталин. Сочинения. Том 12. 398 стр. Цена 6 р.

М. Аркадьев. О жилищном строительстве в СССР. 72 стр. Цена 1 р.

С. Генин. Повышение материально-культурного уровня жизни трудящихся СССР. 76 стр. Цена 1 р.

Д. Гогинова. Партийный контроль на предприятии. 72 стр. Цена 85 к.

«Г. М. Димитров. 1882—1949 г.г.». 96 стр. Цена 60 к.

В. Лесаков. Румыния на пути к социализму. 150 стр. Цена 2 р.

Л. И. Любошиц. Вопросы марксистско-ленинской теории аграрных кризисов. 468 стр. Цена 10 р.

А. Ляпин. От социализма к коммунизму. 64 стр. Цена 75 к.

Ф. Матросов. Как пользоваться художественной литературой в агитационной работе. 72 стр. Цена 70 к.

И. П. Павлов. Избранные произведения. 568 стр. Цена 12 р.

Ю. Палецкис. Советская Литва. 136 стр. Цена 1 р. 75 к.

А. П. Петров. Электрификация сельского хозяйства Московской области в послевоенной пятилетке. 64 стр. Цена 60 к.

Ю. Н. Семенов. Фашистская геополитика на службе американского империализма. 120 стр. Цена 2 р.

С. Смирнов. Из истории строительства социалистической культуры в первый период советской власти. 246 стр. Цена 4 р. 50 к.

Н. С. Тихонов. Защита мира и борьба против поджигателей новой войны. 32 стр. Цена 30 к.

К. А. Федосеев. Оборотные средства промышленных предприятий. 111 стр. Цена 1 р. 50 к.

В. Чепраков. Американские монополии—враги мира и демократии. 175 стр. Цена 2 р. 60 к.

ДЕТГИЗ

С. Айни. Школа. Перевод с таджикского. 64 стр. Цена 2 р. 80 к.

Н. Александров. Каменная степь. 102 стр. Цена 3 р. 30 к.

Н. Артюхова. Лето. Стихи и загадки. 14 стр. Цена 1 р.

Балтийцы. Рассказы и стихи о моряках Балтийского флота. Составил М. Фридман. 168 стр. Цена 5 р. 60 к.

Е. Буков. Страна моя. Сокращенный перевод с молдавского Вл. Державина. 124 стр. Цена 3 р. 70 к.

П. Гаврилов. Егорка. 192 стр. Цена 6 р.
Б. Емельянов. Город в лесу. 48 стр. Цена 2 р.

О. Иваненко. Тарасовы шляхи. Авторизованный перевод с украинского Е. Живоной. 160 стр. Цена 4 р. 50 к.

В. Козаченко. Аттестат зрелости. Авторизованный перевод с украинского М. Фрезиной. 118 стр. Цена 4 р. 40 к.

А. Кононов. У железного ручья. 112 стр. Цена 4 р. 50 к.

Г. Кублицкий. Открыватели. 158 стр. Цена 5 р.

М. Миршакар. Золотой кишлак. Стихи и поэма. Перевод с таджикского. 32 стр. Цена 70 к.

П. Павленко. Степное солнце. 48 стр. Цена 1 р.

М. Пришвин. Разговор птиц и зверей. 94 стр. Цена 2 р.

Рассказы и стихи. Книга 1. Составил Ф. Советкин. 222 стр. Цена 4 р.

Т. Семушкин. Чукотка. 304 стр. Цена 5 р.

И. З. Суриков. Детство. Стихи. 32 стр. Цена 30 к.

Я. Тайц. Под горой Гедимина. 152 стр. Цена 6 р.

Твои приятели. 142 стр. Цена 2 р. 70 к.

Г. Фаст. Последняя граница. Перевод с английского Е. Валишевской. 264 стр. Цена 9 р. 50 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Бек. Волоколамское шоссе. 245 стр. Цена 7 р. 75 к.

Е. А. Болтин. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). 136 стр. Цена 8 р.

Е. Воробьев. Пять лет спустя. Рассказы 102 стр. Цена 1 р. 40 к. («Библиотека солдата и матроса»).

И. Всеволожский. Уходим завтра в море. 296 стр. Цена 8 р.

М. Ефетов. Мосты победы. 128 стр. Цена 2 р.

Кампания войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. Перевод с английского. Под общей редакцией адмирала флота Исакова И. С. 512 стр. Цена 19 р.

А. М. Кочуров. Армейская газета в наступлении. 196 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. Н. Крылов. Воспоминания и очерки. 434 стр. Цена 18 р.

Новаторы русского флота. Сборник статей. 142 стр. Цена 2 р. 25 к.

Партизанка Бела. Рассказы и очерки. Перевод с болгарского. 64 стр. Цена 50 к.

Г. Пенежко. Записки советского офицера. Книга 2-я. На Одесском плацдарме. 348 стр. Цена 10 р.

Н. Рыбак. Переяславская Рада. Роман. Перевод с украинского. 596 стр. Цена 16 р. 50 к.

Л. Савельев. Хранить военную тайну. 50 стр. Цена 70 к.

В. И. Сидоров. Первая Конная армия. 95 стр. Цена 3 р. 50 к.

К. Симонов. Друзья и враги. Стихи. 64 стр. Цена 50 к.

М. Сонкин. Русская ракетная артиллерия (Исторические очерки). 114 стр. Цена 2 р. 75 к.

Такова Америка. Рассказы. Перевод с английского. 64 стр. Цена 50 к.

Н. И. Тарасов. Море живет. 288 стр. Цена 9 р.

С. С. Хесин. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 г.г. Военно-политический очерк. 150 стр. Цена 4 р.

И. Чернышев. На морском охотнике. (Записки офицера). 194 стр. Цена 6 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. Абрахамс. Тропюю грома. Перевод с английского. 244 стр. Цена 11 р. 20 к.

Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. Перевод с болгарского. 496 стр. Цена 31 р.

Э. Бааш. История экономического движения в XVI—XVIII веках. Перевод с немецкого. 394 стр. Цена 27 р. 50 к.

О. Бернар. Северная и Западная Африка. Перевод с французского. 536 стр. Цена 46 р.

Э. Вессен. Скандинавские языки. Перевод со второго шведского издания. 166 стр. Цена 10 р. 70 к.

Дж. Грей. Правда об американском лагине. Перевод с английского. 186 стр. Цена 9 р. 20 к.

Ч. Дарвин. Путешествие на корабле «Бигль». Перевод с английского. 286 стр. Цена 16 р. 50 к.

Дин Лин. Солнце над рекой Сангань. Перевод с китайского. 298 стр. Цена 15 р.

Х. Искарый. Борьба продолжается. Перевод с испанского. 134 стр. Цена 3 р. 50 к.

К. Кени. Основы уголовного права. Перевод с английского. 600 стр. Цена 42 р.

Л. Опенгейм. Международное право. Том 1, полутом II. Перевод с 6-го английского издания. 548 стр. Цена 34 р. 50 к.

М. Пуйманова. Игра с огнем. Перевод с чешского. 274 стр. Цена 12 р. 20 к.

М. Пуйманова. Люди на перепутьи. Перевод с чешского. 366 стр. Цена 16 р.

Дж. Спивак. Американский фашизм. Перевод с английского. 72 стр. Цена 2 р. 90 к.

Г. Треварта. Япония. Сокращенный перевод с английского. 602 стр. Цена 44 руб.

Чжао Шу-ли. Перемены в Лицзячжуане. Перевод с китайского. 172 стр. Цена 6 р. 75 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

П. Н. Берков и В. М. Лавров. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899. 996 стр. Цена 51 р.

Н. Д. Иерусалимский. Азотное и витаминное питание микробов. 168 стр. Цена 7 р.

Исторические записки. Выпуск 29. Ответственный редактор акад. Б. Д. Греков. 244 стр. Цена 19 р.

Литературное наследство. 51—52. Н. А. Некрасов. II. 676 стр. Цена 45 р.

Б. С. Маньковский. Проблема ответственности в уголовном праве. 124 стр. Цена 6 р.

В. С. Нечаева, В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 448 стр. Цена 25 р.

Л. А. Орбели. Вопросы высшей нервной деятельности. 804 стр. Цена 31 р. 50 к.

З. Г. Пинскер. Дифракция электронов. 404 стр. Цена 30 р.

С. Л. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. 608 стр. Цена 30 р.

МАШГИЗ

Н. Н. Дорохов и М. Г. Златкин. Опыт работы бригады прессовщика Алексея Александрова. 32 стр. Цена 90 к.

П. В. Камнев и Г. Т. Оболдуев. Лучшие кузнецы Ленинграда. 95 стр. Цена 3 р. 15 к.

Д. А. Любимов. Опыт работы знатного литейщика П. Е. Антонова. 31 стр. Цена 85 к.

М. П. Мерперт. Универсальный резьбошлифовальный станок ММ582. 87 стр. Цена 7 р. 30 к.

И. С. Олиंपиев и П. Н. Побегалов. Новатор-скоростник Василий Бирюков. 54 стр. Цена 2 р. 50 к.

И. М. Пинтусов. Новая система планирования и учета. 36 стр. Цена 1 р. 05 к.

И. З. Ясногородский. Нагрев металлов и сплавов в электролите. 128 стр. Цена 8 р. 20 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

И. Винокуров и Ф. Флорич. Подвиг адмирала Невельского. 120 стр. Цена 3 р. 20 к.

Дм. Голубев. Русские в Антарктике. 70 стр. Цена 3 р.

Юрий Долгушин. У истоков новой биологии. 72 стр. Цена 2 р.

За мир, за демократию. Репертуарный сборник. 207 стр. Цена 6 р. 50 к.

Коллектив авторов. Наука и жизнь. 460 стр. Цена 25 р.

Коллектив авторов. 500 игр и развлечений. 346 стр. Цена 6 р.

Пьесы для русского оркестра. 192 стр. Цена 5 р. 80 к.

В. И. Розенгарт. Химия жизни. 78 стр. Цена 2 р.

Сборник детских песен «Под баян». Вып. II. 92 стр. Цена 5 р.

К. Симонов. Чужая тень. 88 стр. Цена 3 р.

ГЕОГРАФИЗ

И. И. Бабаков. По Африке. 88 стр. Цена 1 р. 50 к.

Г. Ю. Верещагин. Байкал. 228 стр. Цена 5 р. 50 к.

Вопросы географии. Сборник четырнадцатый. 1949. География населения. 192 стр. Цена 6 р. 50 к.

В. Л. Котельников. Преобразование природы степи и лесостепья. 152 стр. Цена 3 р. 25 к.

А. С. Мухин и В. Ф. Гусев. Фанские горы. 152 стр. Цена 2 р. 50 к.

Л. Родин. Пять недель в Южной Америке. 256 стр. Цена 6 р.

Г. В. Яников. Великая северная экспедиция. 164 стр. Цена 3 р.

«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»

Б. Гвоздев, Н. Зарудный, Б. Виноградов. 500.000 физкультурников одной области. 72 стр. Цена 1 р. 25 к.

И. И. Куперман. Новая теория шашечных дебютов. 64 стр. Цена 2 р.

Н. Озолин. Путь к силе и выносливости. 72 стр. Цена 1 р.

В. Пластинин. На старт! 128 стр. Цена 2 р. 25 к.

Ученые записки. Выпуск 4-й Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры им. Сталина. 212 стр. Цена 11 р. 70 к.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»

за 1949 год

★

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Анна Вальцева, Вадим Лукашевич. У большой магистрали, рассказы. XI—56.

Всеволод Вишневский. Незабываемый 1919-й, пьеса. XII—41.

Федор Гладков. Повесть о детстве. II—22; III—71; IV—113.

Александр Гончар. Злата Прага, роман. Перевел с украинского Лев Шапиро (Третья книга, завершающая трилогию «Знаменосцы». См. «Новый мир» №№ 3 и 8 1947 года). I—17.

И. Горелик. Сталинский лауреат, документальная повесть. XII—102.

Георгий Гулиа. Добрый город, повесть. V—12.

В. Каверин. Открытая книга. Роман. IX—35; X—96.

Валентин Катаев. За власть Советов, роман. VI—21; VII—49; VIII—21.

Вадим Кожевников. Огненная река, пьеса. III—15.

А. Митрофанов. Под старым вязом, повесть. I—115.

Сергей Михалков. Илья Головин, пьеса. XI—112.

А. Пантиелев. Первая неделя, повесть. X—5.

Константин Паустовский. Наш современник (Пушкин), пьеса. VI—95.

Анатолий Софронов. Карьера Бекетова, пьеса. IV—44.

Анатолий Суров. Зеленая улица, драма в 4-х действиях. V—82.

ПОЭМЫ И СТИХИ

А. С. Пушкину. Стихотворения:

Николай Тихонов. Великан. VI—5.

Николай Грибачев. Поэт. VI—6.

Константин Симонов. Заря. VI—8.

Ярослав Смеляков. Здравствуй, Пушкин! VI—9.

Михаил Светлов. Сон. VI—9.

Александр Яшин. Вершины. VI—10.

Максим Рыльский. Венок тебе сплетает Украина... Перевел с украинского Мих. Магусовский. VI—11.

Максим Танк. Твоя песня... Перевел с белорусского В. Журавлев. VI—12.

Ованес Гукасян. Нет, весь я не умру... Перевел с армянского Л. Гинзбург. VI—12.

Самед Вургун. Слово переводчика. Вольный перевод с азербайджанского Ильи Френкеля. VI—14.

Халижан Бекхожин. Голос России. Перевел с казахского Ярослав Смеляков. VI—14.

Мирдза Кемпе. У памятника Пушкину. Перевел с латышского Леонид Мартынов. VI—16.

Расул Гамзатов. Слова свободы, мужества и гнева. Вольный перевод с аварского А. Межжирова. VI—16.

Емилиан Буков. Светлый домик. Перевел с молдавского Леонид Мартынов. VI—18.

Ахмед Ерикеев. Наш Пушкин. Перевел с татарского Л. Гинзбург. VI—19.

Александр Жаров. Гибель Пушкина. VI—22.

«И песня и стих — это бомба и знамя».

В. Маяковский. (Поэзия народов в борьбе за мир и демократию против поджигателей войны):

Рауль Гонсалес Туњон (Аргентина). Сталин. Перевел Федор Кельин. VII—3.

Лазарь Силичи (Албания). Дорога к счастью. Перевел Вл. Прибытков. VII—5.

Людмил Стоянов (Болгария). Русскому народу. Перевела В. Потапова. VII—7.

Жоржи Амаду (Бразилия). Спасительница мира. (Из поэмы «Песнь о советской земле»). Перевел Федор Кельин. VII—9.

Золтан Зелк (Венгрия). Диалог. Перевел Леонид Мартынов. VII—11.

Ведамуту, сын Вигавазама (Вьетнам). Обитатель улицы Тирумалайпалам. Перевела О. Граевская. VII—13.

Куба (Германия). Победа людей. Перевел Л. Гинзбург. VII—15.

Карл Шног (Германия). Жив ли Гитлер? Перевел Л. Гинзбург. VII—17.

Автор неизвестен (Греция). Партизану. Перевела Т. Сикорская. VII—18.

Моди (Западная Африка). Людоеды. Перевел Я. Смеляков. VII—20.

Бишну Де (Индия). Народ бессмертен. Перевел Я. Смеляков. VII—21.

Антонио Апарисио (Испания). Приветствие Красной Армии. Перевел Федор Кельин. VII—22.

Либеро Биджиаретти (Италия). Старым друзьям-каменщикам. Перевел О. Савич. VII—24.

Эми Сю (Китай). Послание на фронт в мешочке с подарками. Перевел Илья Френкель. VII—26.

Мин Бен Гюн (Корея). Воинам Советской Армии. VII—27.

Николас Гильеп (Куба). Моя родина кажется сахарной. Перевел Илья Эренбург. VII—29.

Владислав Броневский (Польша). Песня. Перевел Марк Живов. VII—31.

Ариндо Родригес (Португалия). Вперед. Перевел О. Савич. VII—32.

Раду Боуриану (Румыния). Встанем стеной! Перевел Я. Смеляков. VII—33.

Тит Чон (Сиам). Предатели. Перевел О. Савич. VII—34.

Ленгстон Хьюз (США). Поезд Свободы. Перевели С. Вологин и Т. Сикорская. VII—35.

Норман Ростен (США). В Сан-Франциско. Перевел Мих. Зенкевич. VII—38.

Назым Хикмет (Турция). Письма из тюрьмы. Вольный перевод Ильи Френкеля. VII—39.

Луи Арагон (Франция). Тысяча девятьсот сорок шестой год. Перевел Н. Заболоцкий. VII—42.

Франтишек Грубин (Чехословакия). Честь труду! (Отрывок из поэмы «Ночь Иова»). Перевел Д. Самойлов. VII—44.

Пабло Неруда (Чили). Нет прощенья! Перевел О. Савич. VII—46.

Хулио Монкада (Чили). Владимир Ильич Ленин. Перевел Федор Кельин. VII—48.

ВОЖДЮ НАРОДОВ И. В. СТАЛИНУ в день его семидесятилетия

Стихи поэтов шестнадцати Советских республик и стран народной демократии:

Алексей Сурков. Имя — знамя. XII—3.

С. Маршак. Памятная страница. XII—6.

Максим Рыльский. Великое имя. Перевел с украинского Мих. Матусовский. XII—8.

Аркадий Кулешов. Слово о вожде народов. Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского. XII—9.

Мирмухсин. Сестра вождя. Перевел с узбекского Семен Гудзенко. XII—14.

Абу Сарсенбаев. Свет в пустыне. Перевел с казахского Илья Сельвинский. XII—15.

С. Чиковани. В Потсдаме. Перевел с грузинского Н. Заболоцкий. XII—17.

Сулейман Рустам. Ученик Сталина. Перевел с азербайджанского Павел Панченко. XII—19.

Вл. Мозурюнас. С именем вождя. Перевел с литовского Д. Самойлов. XII—23.

Ливию Деляну. Всенародная любовь. Вольный перевод с молдавского Ник. Сидоренко. XII—24.

Андрис Велн. Латгальский колхозник — Сталину. Перевел с латышского В. Журавлев. XII—25.

Аалы Токомбаев. Сталину. Вольный перевод с киргизского Юлия Яковлева. XII—26.

Мирзо Турсун-заде. Солнце мира. Перевел с таджикского Владимир Державин. XII—27.

Геворг Эмигн. Ему я верен неизменно... Перевела с армянского Вера Звягинцева. XII—28.

Кара Сейтглиев. Источник побед. Перевел с туркменского А. Тарковский. XII—30.

Март Рауд. Почетная вахта. Перевела с эстонского Вера Звягинцева. XII—32.

Т. Гутари. Я голосую за Сталина. Перевел с финского Леопид Хаустов. XII—33.

Алекс Чачи (Албания). Сталин с нами. Перевел с албанского Д. Самойлов. XII—34.

Людмил Стоянов (Болгария). На рассвете. Перевел с болгарского Лев Озеров. XII—37.

Реткеш Арпад (Венгрия). Красная звезда. Перевел с венгерского Л. Мартынов. XII—38.

Ким Де Гю (Корея). Приветствие Сталину. Перевел с корейского В. Журавлев. XII—38.

Георгий Майореску (Румыния). Москва моя! Перевел с румынского Александр Гевелинг. XII—39.

Ольдржих Земек (Чехословакия). Великий друг. Перевел с чешского Семен Гудзенко. XII—40.

Халижан Бекхожин. Улы-Тау, стихотворение. Перевел с казахского Лев Озеров. Из джеказганских песен: Исхак Иваныч, Инженер Байнокуров, стихотворения. Перевел с казахского Я. Хелемский. V—6.

В. Богатырев. Мечта, стихотворение. III—9.

Петрусь Бровка. Пути моей Беларуси, стихотворение. Перевел с белорусского Дмитрий Осин. I—195.

Емилиян Буков. Моя Республика, поэма. Перевел с молдавского Владимир Державин. IX—3.

А. Велюгин. Вершина на Алтае, стихотворение. Перевел с белорусского А. Коренев. II—155.

Расул Гамзатов. Горцы в Кремле, стихотворение. Перевели с аварского Л. Озеров и Д. Самойлов. I—9.

Иоган Вольфганг Гете. Фауст. Отрывок из 2-й сцены «У ворот». Перевел с немецкого Борис Пастернак. (К 200-летию со дня рождения Гете). IX—175.

Петро Глебка. Райком, стихотворение. Перевела с белорусского Вера Звягинцева. II—149.

Николай Грибачев. Наша земля, стихотворения. III—3.

Семен Гудзенко. Голос мира, стихотворение. X—3.

Абдусалом Дехоти. О тех, кто глумится над именем Фирдоуси, стихотворение. Перевел с таджикского Семен Липкин. IV—102.

Евг. Долматовский. Слово о завтрашнем дне. Из книги. VII—164.

В. Журавлев. В колхозе, стихотворение. X—94.

Микола Засима. Стихи: О себе. Парагвай. Сестре. О любви. Встреча. Тому, кто сражался... Предисловие и перевод с белорусского М. Твардовского. IV—172.

Кастусь Кириенко. Письмо, стихотворение. Перевел с белорусского Н. Рыленков. II—146.

Якуб Колас. Лесам Белоруссии, стихотворение. Перевел с белорусского В. Журавлев. II—144.

Аркадий Кулешов. Живой Ленин, стихотворение. Перевел с белорусского Яков Хелемский. I—3.

Аркадий Кулешов. Простые люди, поэма. Перевел с белорусского М. Исаковский. VIII—3.

Сай Кэ. Прочь, американская армия! (Песня Китайской Народно-освободительной

армии). Перевели С. Волотин и Т. Сикорская. XI—111.

Михаил Луконин. Великий сад, стихотворение. III—8.

С. Маршак. Переводы из поэмы «Калевала»: Рождение кантеле (из 44-й руны); Золотая дева (из 37-й руны). III—61.

Мирсаид Миршакар. В гостях, стихотворение. Перевел с таджикского Семен Липкин. IV—106.

Пабло Неруда. Беглец. (Из книги «Всеобщая песнь»). Перевел с испанского Илья Эренбург. X—191.

Розия Озод. Счастливая страна, стихотворение. Перевел с таджикского Семен Липкин. IV—109.

Пимен Панченко. Комсомольская улица, стихотворение. Перевел с белорусского Илья Френкель. II—153.

Шандор Петефи. Три стихотворения: К вершинам Венгерца вновь венгерцем стал. В альбом К. Ш. Перевел с венгерского Л. Мартынов. VII—174.

Сергей Поделков. Строитель, поэма. IV—3.

Боки Рахим-Заде. Письмо из берлинской чайханы, стихотворение. Перевел с таджикского Семен Липкин. IV—103.

Жумагали Саин. Помню тебя, река Айдар, стихотворение. Перевел с казахского А. Гатов. Колхозная ночь, стихотворение. Перевела с казахского С. Мар. V—10.

Капан Сатыбалдин. Русскому народу; В полете, стихотворения. Перевел с казахского Н. Сидоренко. V—3.

Ярослав Смеляков. Лампа шахтера, стихи. II—3.

Михаил Спиров. Три стихотворения: Армия Мичурина. Пионерский лес. Художник. III—11.

Ван Сюэбо. Без коммунистов нет Китая! (Песня Китайской Народно-освободительной армии). Перевели С. Волотин и Т. Сикорская. XI—110.

Максим Танк. Дорога, стихотворение. Перевел с белорусского Н. Рыленков. II—151.

Александр Твардовский. Памяти Ленина, стихотворение. I—5.

Николай Тихонов. Ночь в Смольном, стихотворение. I—12.

Мирзо Турсун-заде. Путешественник по Индии: Возвращение. Путешественник по Индии. Мой гост. Шляпа профессора Ахвледяни, стихотворения. Перевел с таджикского Семен Липкин. IV—90.

Тянь Хань. Марш добровольцев (Песня Китайской Народно-освободительной армии). Перевели С. Волотин и Т. Сикорская. XI—109.

Хо Цзинджи. Весенний ветер (Песня Китайской Народно-освободительной армии). Перевели С. Волотин и Т. Сикорская. XI—110.

Аминджон Шукухи. Песня ключа, стихотворение. Перевел с таджикского Семен Липкин. IV—111.

Степан Ципачев. Начинается день, стихотворение. I—8.

Александр Яшин. Алёна Фомина, повесть в стихах. XI—3.

ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

Капитан Б. Изюмский. Записки офицера. II—157; III—151.

Переписка стахановцев. XII—192.

А. Ф. Федоров, дважды Герой Советского Союза. Подпольный обком действует. Литературная запись Евг. Восняцкого. (См. «Новый мир» № 2, 1947 года). IV—176; V—121.

Илларион Янкин. Заметки стахановца. Литературная запись Михаила Шур. IX—181.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Сокровищница ленинизма. Издание произведений В. И. Ленина в СССР (По материалам Всесоюзной Книжной палаты). I—197.

Сокровищница русской литературы. Издания произведений А. С. Пушкина (По материалам Всесоюзной Книжной палаты). VI—212.

Борис Агапов. Советский очерк сегодня. VIII—216.

Сергей Артемьев. Пушкин у славян. VI—216.

С. Бабенюшева, П. Михайлов. Дороги ведут к коммунизму. XI—190.

Д. Благой. Пушкин-патриот. VI—162.

К. Богаевская. Пушкин и молодые писатели. VI—170.

Ф. Вигдорова, Р. Облонская. Заметки о прозе для детей. XI—210.

Борис Горбатов. О советской сатире и юморе (Заметки писателя). X—214.

Александр Дроздов. Очерки абхазской прозы. IV—256.

Александр Еголин. А. С. Пушкин — родоначальник новой русской литературы. VI—147.

К. Зелинский, Е. Ковальчик. Литературный дневник (Ноябрь — декабрь 1948 года). I—218.

К. Зелинский, Е. Ковальчик. Литературный дневник (Январь 1949 года). II—204.

К. Зубов, главный режиссер Государственного академического Малого театра. Гордость советского искусства (К 125-летию Малого театра). X—200.

Анна Караваева. Оруженосцы космополитизма. Заметки писателя. IX—218.

Анна Караваева. О самом дорогом человеке. Заметки писателя. XII—175.

Лев Кишкин. Пушкин в Чехословакии. VI—241.

Н. Ковалев (Парторг ЦК ВКП(б) на автозаводе имени Сталина). Читательские конференции. VII—206.

Вадим Кожеников. Советская проза 1948 года. V—245.

Александр Лидин. Пушкин в Венгрии. VI—234.

Вл. Лидин. Колхоз «Родина Радищева» (К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева). VIII—241.

Ю. Лукин. Борец за нового человека. К 10-летию со дня смерти А. С. Макаренко. IV—246.

Владимир Рудман. Пушкин в Китае. VI—227.

Иван Рябов. Великий путь (К 26-летию массового колхозного строительства). XI—181.

Константин Симонов. Задачи советской драматургии и театральная критика. II—182.

Ник. Смирнов-Сокольский. Заметки библиофила (К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева). VIII—247.

Илья Фейнберг. Незавершенная книга Пушкина («История Петра I»). VI—183.

Мариэтта Шагинян. Калевала. I—202.

В. Шербина. Вопросы советской кинодраматургии. IV—219.

Трибуна читателя

Майор К. Поздняев. Облик воина-гражданина. II—232.

Очерки наших дней

И. Горелик. Днепродзержинск, как он есть. Рассказ об одном советском городе. (Повесть о двух городах). V—213.

Рут Маккени. Под крышами Акрона. Рассказ об одном американском городе. (Повесть о двух городах). V—185.

Геннадий Фиш. Превращение видов. XII—209.

А. Хавин. Скорости резания. VII—176.

Советская наука

Руд. Бершадский. На раскопках древнего Хорезма. XI—149.

Проф. Ю. Фролов. Пути советской физиологии (К 100-летию со дня рождения И. П. Павлова). IX—210.

На зарубежные темы

Николай Габинский. Интервенция доллара (Латино-американская литература и борьба против империалистической экспансии Соединенных штатов). VII—220.

Ф. Запорожский. Янки в Китае (Из виденного). III—208.

Сергей Козельский. Империя Форда. X—230.

В. Хмелевский. Портрет военного героя буржуазии. II—243.

Илья Эренбург. Поэзия Пабло Неруды. I—240.

Международные отклики

И. Потехин. Южнее тропика Рака. V—273.
Акад. Е. Тарле. Северо-атлантический пакт. V—270.

Дмитрий Шостакович. Великая битва за мир. V—265.

Книжное обозрение

Литература и искусство

Борис Агапов. Сила нравственного идеала большевиков. (Александр Волошин. «Земля Кузнецкая») XII—233.

Всеволод Азаров. Поэма о комсомольце (Наталья Грудинина. «Слово о комсоре»). Поэма). VII—256.

С. Бабенышева. Счастье борьбы (Вилис Лацис. «Буря»). VII—243.

Виктор Важдаев. Первая книга поэта для детей (Степан Щипачев. «В добрый путь»). I—271.

Виктор Важдаев. Формалистская арифметика и ее политический смысл. (А. С. Бушмин. «Идейно-образная концепция «Разгрома» А. Фадеева»). III—254.

Николай Габинский. Директива космополитов из журнала „Hispania“ и аполитичный сборник статей о Сервантесе («Сервантес». Статьи и материалы). VIII—266.

Б. Галанов. Звезда Стожар (Алексей Мусатов. «Стожары»). Повесть. III—257.

В. Гальченко. «Бабушкино море». (С. Георгиевская. «Бабушкино море»). X—252.

Валерия Герасимова. Повесть молодого писателя (Сергей Антонов. «Лена»). III—264.

Юрий Герман. Писатель идет по стране (Семен Бытовой. «Камчатские встречи»). I—259.

С. Голубов. Наука и революция (М. Папава. «Академик Иван Павлов»). IX—235.

С. Григорьева. Повесть о белорусских строителях (Макар Паслядович. «Цеплае дыханне»). I—263.

С. Григорьева. Глубокое течение (Иван Шамякин. «Глыбокая плынь»). II—261.

З. Гусева. Сто писем из Франции (Semouchkine. „Dehors le vent burlait“). VIII—261.

Полковник Н. Денисов. Герой сталинских маршрутов. (Николай Вобров. «Чкалов») XII—235.

Ф. Дубровская. Жизнь и орнамент (Вл. Лифшиц «Девочка», «Начальство», «Хирурги»). II—259.

С. Евгенов. Роман о грузинском колхозе (А. Чейшвили. «Лел»). Роман. Перевод с грузинского Н. Г. Аккермана и А. С. Кочеткова). III—252.

С. Евгенов. Поэма о дружбе и верности (Мамед Рагим. «Над Ленинградом»). Поэма. Перевели с азербайджанского А. Адалис, Л. Длигач, В. Потапова). IV—289.

С. Евгенов. Новый роман Л. Киачели (Лео Киачели. «Человек гор»). Перевод с грузинского Э. Ананиашвили). XI—231.

Н. Калитин. Московский характер (Анатолий Софронов. «Московский характер». Пьеса). IV—274.

Ю. Капусто. Книга эпического звучания (Т. Семушкин. «Алитет уходит в горы»). II—257.

З. Кедрина. Будьте бдительны! (А. Якобсон. «Два лагеря»). III—266.

З. Кедрина. Народная поэма (Якуб Колас. «Хата рыбака»). IV—284.

З. Кедрина. Торжество казахской литературы (М. Ауэзов. «Абай»). V—278.

З. Кедрина. Поэма о Пушкине (Александр Смердов. «Пушкинские горы»). IX—246.

З. Кедрина. На подъеме (Г. Мусрепов. «Солдат из Казахстана»). XI—221.

С. Кирьянов. Сила патриотизма (Тутельбай Сыдыкбеков. «Люди наших дней»). Роман. Авторизованный перевод с киргизского). VII—240.

Е. Книпович. Грузинские стихи Николая Тихонова (Н. Тихонов. «Грузинская весна»). IV—277.

Е. Книпович. Новое русло жизни (А. Кулешов. «Новое русло»). VII—238.

Е. Книпович. Самое сильное на свете (Анна Зегерс. «Седьмой крест»). XI—235.

Сергей Колдунов. Поэзия в походе (Ник. Грибачев. «В походе»). I—261.

Лев Крупеников. Умение всматриваться (Анатолий Медников. «Немеркнущие огни»). X—257.

Федор Левин. «Своя правда» и правда государственная (Ю. Лаптев. «Заря»). Повесть. I—256.

А. Лейтес. Облик предателей (Вилли Бредель. «Родные и знакомые»). Роман, Сокращенный перевод с немецкого И. А. Горкиной и Р. А. Розенталя. I—274.

А. Лейтес. О спекулирующих чужой кровью (Эйвинд Волстад. «Спекулянт»). Сокращенный перевод с норвежского Н. Довгалевской и Н. Крымовой. VIII—269.

Г. Ленобль. «Остраненный» Грибоедов (Юрий Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара»). II—254.

Г. Ленобль. Студенты (Владимир Добровольский. «Трое в серых шинелях»). Повесть. VII—250.

Г. Ленобль. «Вторая природа» (Константин Паустовский. «Повесть о лесах»). IX—249.

Г. Ленобль. Жизненный конфликт (Вера Панова. «Ясный берег»). XI—233.

Н. Лесючевский. Это *и есть социализм (Паша Ангелина. «Люди колхозных полей»). I—265.

Н. Лесючевский. Красноречивые факты (И. Бобров. «Культура села Великого»). II—249.

Вл. Лидин. Певец Дальнего Востока (Трофим Борисов. Избранное. Тома I и II). IX—242.

Ю. Лукин. Поэзия нашей жизни (Галина Николаева. «Черты будущего»). III—249.

Сергей Львов. Свет колхозной правды (Г. Леберехт. «Свет в Коорди»). Повесть. IV—279.

Сергей Львов. Солнечный день Казахстана («Солнечный день»). Из казахских поэтов. V—282.

Алиса Марголина. Однополчане (Семен Гудзенко. «Закарпатские стихи»). I—267.

С. Марголис. Маленькие рассказы о большой жизни (С. Антонов. Рассказы. «По дороге идут машины», «В трамвае», «Станция Щеглово», «Утром»). IX—244.

Мих. Матусовский. Песня о Родине (М. Исаковский. «Стихи и песни»). V—295.

Мих. Матусовский. Поэма о сталинградской юности (М. Луконин. «Рабочий день»). VIII—259.

Л. Михайлова. По ту сторону Пиренеев (Жан Грива. «По ту сторону Пиренеев»). III—268.

Л. Михайлова. Голос народа (Н. Вирта. «В одной стране»). Драма в 4-х действиях. VII—247.

Ник. Москвин. Недоверие к читателю (Агния Кузнецова. «Твой дом»). Повесть. IX—239.

Михаил Никитин. Книга о монгольском народе (Г. Кунгуров. «Золотая степь»). Рассказы о Монголии. III—259.

Михаил Никитин. Кавалер Золотой Звезды (Семен Бабаевский. «Кавалер Золотой Звезды»). Роман в двух книгах. IV—270.

Вл. Николаев. Век нынешний и век минувший (Н. Задонский. «Степняки»). X—248.

Павел Нилин. Очерки о шахтерах (И. Замдберг. «На угольном фронте»). И. Пиккулев. «Мастера угля». Петр Потапов. «Сибирская новь». М. Никитин. «Шаги великана». Очерки. I—272.

В. Перцов. Стихи Степана Щипачева (Степан Щипачев. «Стихотворения»). IV—286.

К. Поздняев. Товарищи с Западного фронта (Евгений Воробьев. «Товарищи с Западного фронта»). Очерки. III—262.

М. Прилежаева. Племя молодое! (И. Василенко. «Звездочка»). Повесть. IX—241.

М. Прилежаева. Повесть о пионере (Л. Кассиль и М. Поляновский. «Улица младшего сына»). XI—225.

Н. Разговоров. «Весна свободы» (Жан Гремийон. «Весна свободы»). Литературный сценарий. X—259.

Виктор Розанов. Письма героев («Письма расстрелянных французских коммунистов»). XI—238.

Д. Романенко. Певец «лесных людей» (Джанси Кимонко. «Зарево над лесами»). Повесть. Перевод и литературная обработка Юлии Шестаковой. VIII—264.

Вл. Россельс. Повесть о рядовом колхознике (Иван Рябокляч. «Золототысячник»). IV—282.

Л. Скорино. Великие перемены (А. Саксе. «В гору»). Роман. V—291.

Л. Скорино. На уборке урожая (П. Павленко. «Степное солнце»). Повесть. VIII—256.

Ярослав Смеляков. Дорога к счастью (А. Коваленко. «Семь холмов»). XII—238.

Вера Смирнова. «Необыкновенное лето» (Конст. Федин. «Необыкновенное лето»). Роман. V—286.

Ц. Солодарь. Песни советских поэтов («Песни советских поэтов»). Девять сборников: Василий Лебедев-Кумач, Михаил Исаковский, Алексей Сурков, Анатолий Софронов, Александр Жаров, Лев Ошанин, Сергей Алымов, Евгений Долматовский, Алексей Фатьянов. VII—254.

Ц. Солодарь. Большая драматургия для маленьких зрителей (Сергей Михалков. «Пьесы для детей»). *Ступительная статья Эм. Миндлина. XI—228.

Ан. Тарасенков. Поэма о Коммунистическом Манифесте (П. Антокольский. «Тысяча восемьсот сорок восьмой»). Поэма. I—253.

Ан. Тарасенков. Героика борьбы и труда (Владимир Попов. «Сталь и шлак»). Роман. II—251.

Полковник **М. Толченев.** Книга, разоблачающая поджигателей войны (Н. Шпанов. «Поджигатели»). XII—239.

Геннадий Фиш. Перечитывая старые журналы («Библиотека для чтения», XI, 1842 г. «Современник», 1839—1843 годы). VII—252.

Александр Чаковский. Дух времени (Альманах «Год XXXII»). VII—234.

Александр Чаковский. Страницы истории современности (Д. Заславский. «Фельетоны»). IX—237.

В. Шкловский. В мире находок (Вадим Охотников. «В мире исканий»). X—255.

Н. Шкляр. Герои и хищники (Андрей Калинин. «Камчатские друзья»). I—269.

Владимир Юрезанский. Забайкальская эпопея (Константин Седых. «Даурия». Роман). X—251.

История. Международные отношения.
Военная наука

Подполковник И. Агибалов. К истории первой танковой бригады (Я. Л. Лившиц. «Первая гвардейская танковая бригада в боях за Москву»). II—269.

Василий Ардаматский. Гангстеры эфира (М. Г. Мошенский. «Американское радио на службе монополистического капитала»). XI—246.

Проф. К. Базилевич. Великий русский флотоходец (Академик Е. В. Тарле. «Адмирал Ушаков на Средиземном море» (1798—1800 гг.). I—276.

Проф. К. Базилевич. Памятники искусства, разрушенные фашистами («Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР»). II—271.

Проф. К. Базилевич. Борьба России с обломками Золотой орды (А. А. Новосельский. «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века»). III—273.

Проф. К. Базилевич. Документы славных побед русской армии («Семилетняя война». Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1763 годах. С предисловием и под редакцией проф. Н. М. Коробкова. Центральный государственный военно-исторический архив СССР). VII—268.

Проф. К. Базилевич. Найденное сочинение А. В. Суворова (А. В. Суворов. «Полковое учреждение»). X—267.

Капитан 2 ранга А. Баковиков. Военные флоты иностранных государств. («Иностранные военные флоты. 1946—47»). III—278.

Капитан 2 ранга А. Баковиков. На морских дорогах войны (А. Кириллов. «Торпедный катер»). IV—297.

Капитан 2 ранга А. Баковиков. Слава русского флота. («Боевая летопись русского флота». Под редакцией Н. В. Новикова). IX—255.

Акад. Б. Греков. Удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке. (Б. А. Рыбаков. «Ремесло древней Руси»). III—270.

Полковник Н. Денисов. «Вторые глаза» человека. (С. А. Важанов. «Что такое радиолокация»). I—278.

Полковник Н. Денисов. Разбитая традиция низкопоклонства перед «чужими крыльями». («За честь отечественной науки и техники»). VII—274.

Е. Жуков, член-корреспондент Академии наук СССР. «Международная проблема» Вьетнама. («Правда о Вьет-Наме». Сборник статей. Перевод с французского). XI—240.

Проф. И. Звавич. Ватикан на службе Уолл-стрита. (М. М. Шейнман. «Ватикан между двумя мировыми войнами»). I—281.

Генерал-майор И. Зубков. Выдающийся русский полководец («Фельдмаршал Румянцев». Сборник документов и материалов). I—280.

Генерал-майор И. Зубков. Книга о разгроме Врангеля. (Полковник И. С. Коротков. «Разгром Врангеля»). II—267.

Проф. Л. Климович. Древний Хорезм. (С. П. Толстов. «Древний Хорезм». Опыт историко-археологического исследования). V—297.

Полковник П. Крайнов. Новый Китай. (Г. Форман. «В Новом Китае»). II—264.

Полковник П. Крайнов. Корея вчера и сегодня. (А. Гражданцев. «Корея». Перевод с английского З. А. Рыбниковой). III—276.

Полковник П. Крайнов. «Опровержения» и «откровения» генерала Макартура. («Two billion dollars were wasted») VIII—277.

Полковник П. Крайнов. Чему учит история Китая. (Г. В. Ефимов. «Очерки по новой и новейшей истории Китая»). X—265.

И. Лемин. «Тайна» рождения войны. (Джеймс Аллен. «Международные монополии и мир»). IV—295.

И. Лемин. Некоронованные короли Канады. (Уотт Хью Мак-Коллам. «Кто владеет Канадой»). IX—251.

Б. Леонтьев. Правдивая книга о «плане Маршалла». (Джеймс Аллен. «План Маршалла. План восстановления или военный план?») Перевод с английского Г. Дубской). VII—261.

Б. Леонтьев. Американская интервенция в Греции. («Правда о Греции. Голубая книга Временного демократического правительства Греции». Перевод с французского Л. Мавроидис. «Греческий народ непобедим!» Перевод с болгарского). XI—242.

В. Матвеев. «Фабрика снов» терпит крах. («Hollywood before trials», G. Kan). VIII—281.

Д. Мельников. Арсенал поджигателей войны. («Экономика Рура»). Перевод с французского В. И. Антюхина). VII—263.

Д. Мельников. Уроки истории советско-германских торговых отношений (J. Kuzinski G. Wittkowski. «Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren»). IX—252.

Д. Мельников, Л. Черная. Мемуары фашистского разбойника. (Я. Шахт. «Расчет с Гитлером»). X—263.

Генерал-майор В. Московский. Жизнь советского летчика. (Иван Кожедуб. «Служу Родине». Рассказы летчика). VII—266.

Контр-адмирал Н. Питерский. Из летописи боевых действий Советского Военно-Морского Флота. (Н. П. Мазунин. «Черноморский флот в Великой Отечественной войне». Б. Яглинг, Е. Силаев, М. Пронин. «Северный флот в Великой Отечественной войне». Г. Падалка. «Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне». А. Митин. «Тихоокеанский флот в Великой Отечественной войне»). VIII—271.

О. Савич. Де Голль без маски (Андрэ Вюрмсэр. «Де Голль и его сообщники»). Перевод с французского П. Рубина). III—274.

В. Селянин. Корабли военно-морского флота (З. Перля. «Боевые корабли»). II—266.

В. Селянин. Новатор военно-морского дела (А. Лурье. «С. О. Макаров»). XI—250.

Н. Сергеева. Голос трезвого американца (Джордж Марион. «Базы и империя. Карта американской экспансии»). I—283.

Акад. **Е. Тарле**. Уолл-стрит — хозяин США (Б. Вронский. «Борьба прогрессивных и реакционных сил в США»). X—260.

М. Тихомиров, член-корреспондент Академии наук СССР. Памятник русской культуры («Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472»). Под редакцией академика В. Д. Грекова и члена-корреспондента Академии наук СССР В. П. Адриановой-Перетц). V—299.

А. Трайнин, член-корреспондент Академии наук СССР. Царская тюрьма и ее узники (М. Н. Гернет, «История царской тюрьмы», том III, 1870—1900). IV—293.

И. Удальцов. Народы Чехословакии строят социализм (И. Н. Медведев. «Строительство народно-демократической Чехословакии»). II—262.

Михаил Циц. Неудачная книга об Албании (Герберт Луи. «Албания» (физико-географический обзор). Сокращенный перевод с немецкого Т. В. Власовой и А. Н. Грацианского. Вступительная статья А. Н. Грацианского). VII—279.

В. Чепраков. Ценные признания Эрика Джонстона (Erik Jonston. «How America can avoid Socialism?»). VII—259.

В. Чепраков. Разоблаченный миф об «американском образе жизни». («Труд и капитал в США. Сборник фактов». Перевод с английского). XI—244.

Алексей Югов. Рудознатцы истории. («История культуры древней Руси». Домонгольский период, Том I. Материальная культура. Под редакцией Н. Н. Воронина, М. М. Каргера и М. А. Тихановой). IV—291.

А. Якимов, кандидат исторических наук. От феодализма к народной демократии. (Н. Варгин. «Монгольская Народная Республика»). XI—248.

Право

С. Зайцев. Литература к выборам народных судов (К. П. Горшенин. «Советский народный суд». Д. С. Карев и Б. А. Галкин. «Демократические основы организации и деятельности советского суда». П. И. Кудрявцев. «Положение о выборах народных судов РСФСР (в вопросах и ответах)». Б. А. Лисовец и А. С. Соминский. «Народный суд на страже прав граждан»). I—290.

Б. Лисовец, кандидат юридических наук, **А. Соминский**. Роль защиты в советском уголовном процессе (И. Т. Голяков, М. С. Строгович, А. Н. Трайнин, М. А. Чельцов-Бебутов, М. Л. Шифман. «Защита по уголовным делам»). II—276.

М. Рагинский. Два международных процесса (С. Я. Розенблит. «Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе»). II—273.

М. Рагинский. Судебные речи А. Я. Вышинского (А. Я. Вышинский. «Судебные речи»). VIII—285.

А. Трайнин, член-корреспондент Академии наук СССР. Американский суд (Л. А. Лунц. «Суд в Соединенных Штатах Америки на службе монополистического капитала»). I—288.

А. Трайнин, член-корреспондент Академии наук СССР. Кризис буржуазного правосудия (Б. С. Утевский. «Уголовное право на службе англо-американской реакции»). М. Л. Шифмап. «Современный буржуазный суд»). II—275.

А. Трайнин, член-корреспондент Академии наук СССР. Содружество судебной практики и теории (М. М. Исаев. «Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР»). IX—259.

З. Шкундин, кандидат юридических наук. Новое слово в науке советского права (А. В. Венедиктов. «Государственная социалистическая собственность»). V—302.

Экономика

Е. Касимовский. Резервы советской промышленности (А. Аракелян. «Резервы предприятий на службу пятилетке»). I—285.

Е. Касимовский. Об источниках экономики (В. Бунимович. «Снижение себестоимости и повышение прибыльности социалистических предприятий»). III—279.

Е. Касимовский. Миллиард рублей — цена одного дня (А. М. Вирман. «Оборотные средства промышленного предприятия»). VIII—284.

К. Пажитнов, член-корреспондент Академии наук СССР. Книга о народном хозяйстве СССР (П. И. Лященко. «История народного хозяйства СССР». Том I. Докапиталистические формации). V—301.

В. Чепраков. Грубые ошибки в работе профессора К. Лукашева (Проф. К. И. Лукашев. «Империалистическая борьба за послевоенные рынки и источники сырья»). I—286.

В. Чепраков. Монополистический капитал — узурпатор экономической власти в США (Д. Линч. «Концентрация экономической мощи в США». Сокращенный перевод с английского Дж. Влэр, Х. Жауттон и Т. Роуз. «Экономическая концентрация и вторая мировая война». Перевод с английского). IV—299.

Ю. Шилин. Успехи советской торговли (М. М. Лифиц. «Советская торговля»). II—278.

Ю. Шилин. Обнищание рабочего класса США (Ю. Кучинский. «История условий труда в США с 1789 по 1947 год». Перевод с немецкого Н. К. Левита). IV—301.

Сельское хозяйство

Акад. **В. Бушинский**. Советское луговое хозяйство (А. М. Дмитриев. «Луговое хозяйство с основами луговедения»). VII—273.

Акад. **И. Варунян**. Теоретические основы советской агробиологии (Акад. Т. Д. Лысенко. «Агробиология»). I—295.

Акад. **И. Варунян**. Сочинения великого преобразователя природы (И. В. Мичурин. Сочинения. В четырех томах. Главный редактор академик Т. Д. Лысенко). II—281.

Акад. **И. Варунян**. Новые породы сельскохозяйственных животных (С. И. Штейман. «Как создано рекордное караваевское стадо»). IV—311.

Акад. **И. Варунян**. По мичуринскому пути (К. Е. Бахтадзе. «Биология, селекция и семеноводство чайного растения»). V—303.

Акад. **И. Варунцян**. Новая работа академика Т. Лысенко (Т. Д. Лысенко. «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства и задачи сельскохозяйственной науки»). VIII—293.

И. и Л. Крупениковы. Наследие В. В. Докучаева (В. В. Докучаев. Избранные сочинения в трех томах, т. I. В. В. Докучаев. Собрание сочинений. В. В. Докучаев. «Учение о зонах природы»). VII—276.

И. и Л. Крупениковы. Выдающиеся труды «главного агронома Советского Союза» (В. Р. Вильямс. Собрание сочинений. В 12 томах. Редакционная коллегия: член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Бушинский, академик Т. Д. Лысенко, член-корреспондент Академии наук БССР М. Г. Чижевский. Тома I, II, III). XI—258.

В. Сыгин. Лиственница (В. П. Тимофеев. «Лиственница в культуре». В. П. Тимофеев. «Выращивание лиственницы»). VIII—294.

Геннадий Фиш. Книга академика В. Вильямса (Академик В. Р. Вильямс. «Основы земледелия»). I—293.

Геннадий Фиш. «Второй хлеб» (С. М. Букасов и А. Я. Камераз. «Селекция картофеля»). V—311.

Геннадий Фиш. В содружестве с природой (И. И. Презент. «В содружестве с природой. И. В. Мичурин и его учение»). XI—255.

И. Хохлов. Книга о советском пчеловодстве (С. А. Розов, А. Ф. Губин, П. М. Комаров, Г. Ф. Таранов, В. А. Темнов. «Пчеловодство»). I—296.

Техника

П. Воскресенский. Слава русских ученых-металлургов (А. И. Беляев, В. А. Ванюков, В. В. Данилевский, В. М. Крейгер, А. Н. Крестовников, И. Н. Плаксин. «Русские ученые в цветной металлургии»). II—279.

П. Воскресенский. Мир металла (В. Юм-Розери. «Электроны и металлы». Перевод с английского). V—308.

П. Воскресенский. Чудесный металл (Ф. М. Перельман, А. Я. Зворыкин и Н. В. Гудима. «Кобальт»). XI—254.

В. Захарченко. Две книги студента авиационного института (Б. Ляпунов. «Ракета». Б. Ляпунов. «От ракеты до реактивного самолета»). II—283.

В. Захарченко. Путь кислорода (А. С. Федоров. «Огненный воздух»). IV—309.

А. Иглицкий. Советские шахтеры (А. Владимирова, П. Шелахин. «Уголь — Родине!»). VIII—291.

А. Иглицкий. Они считают время секундами (Б. Алексеев. «У прокатного стана» А. Судьин. «Путь к мастерству»). IX—262.

Акад. **Г. Кржижановский**. Величие русской науки («Люди русской науки». Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. С предисловием и вступительной статьей академика С. Вавилова. В двух томах). III—281.

Акад. **Г. Кржижановский**. Выдающиеся русские электротехники (М. А. Шателен.

«Русские электротехники второй половины XIX века»). VII—272.

И. Кузнецов. Вклад в дело пропаганды научных знаний («Научно-популярная библиотека»). IV—305.

Проф. **В. Кузнецов**. Вклад в технические науки (Е. П. Попов. «Теория и расчет гибких упругих деталей». Е. П. Попов. «Нелинейные задачи статики тонких стержней»). V—304.

Ю. Лахтин, кандидат технических наук. Наука о закалке стали («Журнал технической физики», том XVIII). VIII—288.

Б. Ляпунов. Новая книга на старый лад (А. Штернфельд. «Полет в мировое пространство»). X—269.

Мих. Матусовский. Слово командиров производства («Слово начальников цехов»). IV—307.

Б. Могилевский. Подвиг русских ученых. (Б. Степанов. «История великого закона»). XI—252.

А. Морозов. Русские изобретатели в телефонии. (Г. И. Головин, С. Л. Эпштейн. «Русские изобретатели в телефонии»). IX—261.

Генерал-майор **В. Московский**. Создатель первого в мире самолета. (Н. Черемных, И. Шпилов. «А. Ф. Можайский — создатель первого в мире самолета»). X—270.

И. Пешкин. Черты коммунизма. (В. Хрисанова. «По часовому графику»). V—305.

И. Пешкин. Мастера стахановской работы. (П. П. Романов, К. В. Шубников. «Стахановцы-машиностроители»). VIII—289.

Н. Слезкин, доктор физико-математических наук. Научное наследие Н. Е. Жуковского. (Н. Е. Жуковский. Избранные сочинения). I—292.

Инженер-подполковник **В. Шепель**. Труд талантливого советского физика. (Г. А. Гринберг. «Избранные вопросы математической теории электрических и магнитных явлений»). V—307.

А. Шмыков, кандидат технических наук. Справочник «Машиностроение». (Энциклопедический справочник «Машиностроение». Тома I—3, 10, 11, 12, 14). I—291.

Химия

Акад. **А. Арбузов**. Сочинения гениального русского химика. (Д. И. Менделеев. Сочинения в 24 томах. Тома I—VIII). VI—270.

В. Захарченко. Клеветническая книжка космополита. (С. Альтшулер. «Как был открыт Менделеевым периодический закон»). III—286.

Биология

Акад. **А. Опарин**. Путешествие в страну дремучих трав. (В. Брагин. «В стране дремучих трав»). VII—278.

А. Эберзин, доктор геолого-минералогических наук. Труд по истории палеонтологии. (Л. Ш. Давиташвили. «История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней»). VII—274.

А. Эберзин, доктор геолого-минералогических наук. Основоположник эволюционной палеонтологии. (В. О. Ковалевский. «Палеонтология лошадей»). X—273.

Математика

Проф. А. Юшкевич. Гениальный русский математик (Н. И. Лобачевский. Полное собрание сочинений в шести томах. Том IV. В. Ф. Каган. «Лобачевский». В. Ф. Каган. «Великий русский ученый Н. И. Лобачевский и его место в мировой науке»). III—283.

Проф. А. Юшкевич. Выдающийся математик Софья Ковалевская (С. В. Ковалевская. «Научные работы». Редакция и комментарии члена-корреспондента Академии наук СССР П. Я. Полубариновой-Кочиной). IV—304.

Метеорология

Н. Михайлов. Человек и стихия. (М. Ильин. «Человек и стихия»). VII—280.

География

Д. Арманд, кандидат географических наук. Путь географа (Э. М. Мурзаев. «Непроторенными путями»). X—278.

А. Иглицкий. Научный подвиг русского путешественника (Л. К. Чуковская. «Н. Н. Миклухо-Маклай»). Я. Я. Рогинский. «Н. Н. Миклухо-Маклай»). IV—314.

А. Иглицкий. Книга об отважном русском путешественнике (Ю. Давыдов. «В морях и странах»). VII—281.

Д. Лебедев. Русские открытия в Арктике (В. Ю. Визе. «Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII—XIX веков». Биографический словарь). III—289.

Сергей Марков. Русские имена на карте мира (Н. А. Бендер. «Имена русских людей на карте мира»). I—300.

Сергей Марков. Древние герои русского Севера (А. П. Окладников. «Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра»). III—291.

Сергей Марков. Книга об Алеутских островах (З. Н. Зубкова. «Алеутские острова». Физико-географический очерк). VIII—298.

Сергей Марков. Землепроходцы XVII века (Д. М. Лебедев. «География в России XVII века (допетровской эпохи)». Очерки по истории географических знаний). XI—282.

Эд. Мурзаев, доктор географических наук. Неутомимый познаватель родной земли (В. А. Обручев. «Мои путешествия по Сибири»). V—314.

Эд. Мурзаев, доктор географических наук. Русские путешественники в Антарктике («Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах». Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А. И. Андреева). XI—260.

Л. Никулин. Русские мореплаватели (Р. Фраерман и П. Зайкин. «Плавания В. М. Головнина»). II—287.

Евг. Симонов. К вершинам родной земли (А. М. Гусев. «Эльбрус». Д. М. Затумовский. «На ледниках и вершинах Средней Азии»). П. С. Ротогаев. «Побежденная Ушба»). 1—301.

Е. Е. Федоров, член-корреспондент Академии наук СССР. Труды выдающегося русского климатолога и географа (А. И. Воейков. «Избранные сочинения»). VIII—296.

Алексей Югов. Книга новых переосмыслений (К. В. Кудряшов. «Половецкая степь»). II—286.

Ботаника

П. Баранов, член-корреспондент Академии наук СССР. Выдающийся советский ботаник (В. Л. Комаров. «Избранные сочинения»). V—312.

Медицина

П. Дьяконов, доктор медицинских наук. Советский анатомический атлас (Акад. В. П. Воробьев и проф. Р. Д. Синельников. «Атлас анатомии человека»). 1—297.

П. Дьяконов, доктор медицинских наук. В плену низкопоклонства (В. Н. Усков. «Лимфатическая система человека» (Малый атлас). IV—312.

П. Дьяконов, доктор медицинских наук. Новые труды советских анатомов («Труды Военно-Морской Медицинской академии», Том XI. Сборник работ кафедры нормальной анатомии. «Труды Казанского государственного медицинского института». Сборник работ кафедры анатомии человека. «Труды Института экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР». «Тезисы докладов 1-й Украинской конференции анатомов, гистологов и эмбриологов, посвященной памяти академика В. П. Воробьева»). VIII—300.

Проф. И. Кочергин. Победа советской медицины (П. Ф. Здродовский. «Бруцеллез»). X—277.

Б. Могилевский. Рассказы о хирургах (Ф. Копылов. «Рассказы о хирургах»). IX—265.

М. Мультиановский, доктор медицинских наук. Библиотека практического врача («Библиотека практического врача». Д. П. Бровкин. «Экземия». З. Г. Василькова. «Основные гельминтозы человека». Э. М. Гельштейн. «Инфаркт миокарда». М. П. Демьянович. «Экзема». В. В. Ефремов. «Алиментарно-токсическая алейкия». И. В. Завадский. «Клиника, диагностика и лечение малярии». А. Д. Каплан. «Поражение электрическим током и молнией». Ф. А. Михайлов. «Ранняя диагностика туберкулеза». Н. М. Николаев. «Рак желудка». И. М. Порудоминский. «Гоноррея». В. Я. Шлапоберский. «Пенициллин в хирургии». Е. В. Шмидт. «Фантом ампутированных»). 1—299.

Ю. Фролов, заслуженный деятель науки. Гигиена умственного труда (К. Х. Кекчеев. «Гигиена умственного труда»). II—285.

Ю. Фролов, заслуженный деятель науки. Наследие академика И. Павлова (Ф. П. Майоров. «История учения об условных рефлексах» (Опыт работы Павловской школы по изучению высшего отдела головного мозга). III—288.

А. Цейтлин, заслуженный деятель науки, профессор. Советская рентгенология в борьбе с легочными заболеваниями (К. В. Помельцов. «Флюорография грудной клетки. Метод массового рентгенологического выявления легочного туберкулеза». Б. И. Брюм. «Бронхография». В. А. Цыбульский. «Трансназальная бронхография и ее значение в рентгенодиагностике неспецифических заболеваний лег-

ких». Авторефераты диссертаций на соискание ученой степени доктора медицинских наук). X—275.

Физкультура и спорт

Гроссмейстер С. Флор. Хороший шахматный учебник (И. Л. Майзелис и М. М. Юдович. «Учебник шахматной игры»). II—239.

Партийная жизнь

И. Рябов. Парткабинет в Новом Осколе (И. Помелов. «Парткабинет райкома ВКП(б)'). IX—257.

Книжные новинки

Ноябрь—декабрь 1948 года. I—303.

Январь 1949 года. II—291.

Февраль 1949 года. III—293.

Март 1949 года. IV—317.

Апрель 1949 года. V—316.

Май—июнь 1949 года. VII—284.

Июль 1949 года. VIII—302.

Август 1949 года. IX—267.

Октябрь—ноябрь 1949 года. XII—243.

Содержание журнала «Новый мир» за 1949 год. XII—247.

Главный редактор **Константин Симонов.**
 Редколлегия: **Борис Агапов, Валентин Катаев,**
Александр Кривицкий (зам. главного редактора),
Константин Федин, Михаил Шолохов.

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
 Вход с улицы Чехова, 1.

Сдано в набор 20/XI-49 г.
 А 14528. Объем 16 печ. л.

Подписано к печати 15/XII-49 г.
 Тираж 66.300. Заказ № 2160.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
 имени П. И. Скворцова-Степанова.

Цена 9 руб.